Российская академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Ежегодник 2013

Сценарии и тренды развития стран Востока

Москва
2014

Ответственные редакторы и составители выпуска:
А.В. Акимов
В.Я. Белокреницкий
Н.Ю. Ульченко

ISBN 978-5-89282-593-1

СОДЕРЖАНИЕ

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ

IV. АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА

I. ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ

*А. В. Акимов**

Экспертная оценка прогнозных сценариев развития стран Востока до 2050 г.

В этом разделе представлены экспертные оценки вероятности реализации прогнозных сценариев для основных стран и регионов Востока. Прогнозная методика, положенная в основу данной работы, состоит из двух составляющих.

Первая — разработка структуры будущего. Очевидно, что множество состояний, в которых может находиться страна или группа стран, чрезвычайно велико. Анализировать все возможности бессмысленно, так как в большом многообразии теряется значимое. Одним из возможных решений этой проблемы является разработка прогнозных сценариев, которые должны коротко и желательно образно представить основные возможные состояния, в которые может попасть прогнозируемый объект. Некоторой аналогией этому может служить кубик, который может упасть шестью гранями вверх. В отличие от кубика для социальной системы, в нашем случае страны или региона, нужно определить ограниченное число аналогов граней кубика — возможных сценариев.

В отличие от кубика, выпадение граней которого имеет равную вероятность в случае, если он сделан симметрично, вероятности сценариев различаются. Именно поэтому необходима вторая часть работы — экспертная оценка вероятности разных сценариев.

В данном исследовании две составляющие прогноза выполнены следующим образом. Первая часть — составление прогнозных сценариев — базируется на сценариях развития современных мировых цивилизаций, разработанных в монографии Акимова А.В., Яковлева А.И. «Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития», М., 2012. Сценарии для цивилизаций базируются на расчетах численности населения, его обеспеченности сельскохозяйственными землями, пресной водой, а также оценке потребностей в топливно-энергетических ресурсах. На обобщении тенденций, выявленных в результате прогнозных расчетов, были построены сценарии развития цивилизаций.

Представленные ниже сценарии являются конкретизацией этих сценариев и их уточнением на основе анализа проблем, анализируемых в публикациях специалистов, изучающих конкретные страны и регионы. При выборе стран и регионов учитывались два фактора: важность стран и регионов в мировой экономике и политике и наличие группы экспертов, которые могут дать групповую оценку вероятности сценариев. Последнее важно потому, что таким образом удается сгладить субъективизм, неизбежный при индивидуальной оценке даже очень квалифицированным экспертом.

При составлении сценариев, которые анализировали эксперты, использовались разные ключевые переменные, которые определяют наиболее актуальные вопросы развития этих стран. Например, для стран Восточной Азии важны темпы экономического развития, для Китая и Индии экологические проблемы, для Китая и Японии старение населения, для стран Ближнего и Среднего Востока внешнеполитическая ориентация. Построенные для анализа развития цивилизаций сценарии конкретизировались для более детального исследования перспектив развития стран Востока.

Период прогнозирования определен до 2050 г., но он достаточно условен. Целью опроса было установить долгосрочные тенденции, проблемы и возможные пути их решения.

Группы экспертов также формировались по разным схемам. Проблемой применения классических методов экспертного анализа, рассчитанных на статистическую обработку результатов опроса большого числа экспертов в страноведческих исследованиях, является малое число специалистов. Его, как правило, недостаточно для получения надежных статистически значимых оценок. Количество экспертов и их состав определяли сами страноведы. В большинстве случаев состав экспертов известен, но при опросе по Индии эксперты приняли решение провести анонимный опрос.

Участники опроса могли выбирать между двумя вариантами ответов. Первый — просто проставить вероятность реализации того или другого сценария. Второй — помимо оценки вероятности сценариев дать свой комментарий тех процессов, которые являются объектом прогноза. Это особенно важно, поскольку сами сценарии были сконструированы нестрановедами и представляют собой взгляд на проблемы конкретных стран и регионов с точки

* Акимов Александр Владимирович, доктор экономических наук, заведующий Отделом Института востоковедения РАН.

зрения глобальных трендов. Комментарии экспертов позволили исправить неточности постановки вопросов, выявили дополнительные варианты развития, а также конкретизировали проблемы стран и пути их решения.

Результаты опроса экспертов демонстрируют интересные особенности. В целом можно отметить, что оценки перспектив развития стран Восточной и Юго-Восточной Азии оптимистичны. Для Японии, КНР и Индонезии, по оценке экспертов, наибольшую вероятность имеют сценарии, описывающие успешное развитие этих стран. В Южной Азии экспертами признаны достаточно вероятными негативные сценарии развития для Пакистана и Афганистана, а также вероятность экологической катастрофы в Индии.

Что касается арабских стран, не являющихся экспортерами нефти, и Турции, то здесь мнения экспертов разделились почти поровну между разными вариантами развития, что указывает на объективную неопределенность перспектив развития этих стран.

Интересен еще один факт. Сценарии о путях развития исламских стран формулировались в период подъема исламских политических движений, связанных с «арабской весной». Краткосрочные тенденции, казалось, указывали на неизбежный рост значимости исламского фактора в перспективе. Тем не менее, эксперты невысоко оценили потенциал стратегий, основанных на идеологии исламских политических движений. Исключением является только Иран, где роль исламского государства, по мнению экспертов, будет высока. События 2013 г., крах исламского режима в Египте и демонстрации против правительства Эрдогана в Турции, проводящего политику исламизации страны, показали, что эксперты реалистично оценивают тенденции развития изучаемых стран и не склонны переоценивать важность текущих событий. Такие положительные черты экспертного сообщества виднее при коллективных оценках.

В целом экспертное сообщество востоковедов провело большую коллективную работу. Она показывает потенциал дальнейших исследований как долгосрочных тенденций развития, так и других задач, встающих перед востоковедами при исследовании экономических и политических проблем.

Представленный ниже прогноз развития Индии был опубликован в выпуске «Восточной аналитики» за 2012 г., а прогноз развития арабских стран в бюллетене «Оценки и идеи», т. 1, №4 за 2013 г., но мы повторно публикуем их вместе с другими прогнозами, поскольку в этом выпуске «Восточной аналитики» собраны все прогнозы.

*Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян, И. П. Лебедева, Ю. Д. Денисов **

Возможные сценарии развития Японии до 2050 года

Экспертам-японистам были предложены следующие сценарии развития Японии до 2050 г., сочетающиеся со сценариями, разработанными для других стран и регионов.

«Вместе с Западом». Этот сценарий представляет собой комбинацию сценариев «Торжество технологий» и «Торжество рантье», разработанных для западной цивилизации. «Торжество технологий» предполагает развитие биологии и прикладных биотехнологий, приводящее к общей практике увеличения продолжительности жизни и массовому активному долголетию в развитых странах. Одновременно происходит революционное развитие технологий, связанных с созданием искусственного интеллекта и манипуляторов (кибернетические организмы), которые делают возможным создание безлюдных технологий в добывающем и обрабатывающем производстве, в сфере услуг. Массовая дешевая рабочая сила практически не нужна. Сокращение численности населения не воспринимается как проблема, проблемой становятся «лишние люди».

Перспективы реализации такого сценария основываются на исследованиях биологов и биохимиков, в частности российского исследователя академика В.П. Скулачева, свидетельствующих не только о существовании биологических механизмов, позволяющих некоторым видам животных жить очень долго и активно, но и возможности биохимического воздействия на организм человека для блокирования биологического механизма старения («старость — это болезнь, ее нужно лечить»). Фактически Япония уже является экспериментальной площадкой для апробирования названной стратегии развития. Страна практически закрыта для миграции, и проблемы дефицита рабочей силы решает путем успешного развития робототехники. Новые технологии в энергетике снимут проблему дефицита топлива.

Согласно сценарию «Торжество рантье» из развитых в экономическом отношении стран со стареющей и дорогой рабочей силой, к числу которых относится и Япония, продолжится уход предприятий обрабатывающей промышленности, но они сохранят свои позиции научно-технического и финансового лидерства в мировой экономике. Это означает понижение угрозы дефицита рабочей силы, и проблема рабочей силы обретает лишь одно значение: привлечение высокообразованных и наиболее одаренных людей из других стран. Остальному миру развитые страны предоставляют свой финансовый и интеллектуальный капитал, получая за это доход (ренту). Незападные страны, не обладающие возможностями по развитию высоких технологий, импортируют их и копируют у себя, оплачивая получение этих и финансовых ресурсов у развитых стран.

Если ныне экономически развитые страны сохранят лидерство в сфере научных исследований и разработок, то перемещение мастерских мира на Восток не лишит их лидерства в силу технологического совершенства и новизны их продукции. По крайней мере, в настоящее время лидерству европейской цивилизации в целом и Японии в затратах на научные исследования и разработки никакая другая цивилизация не угрожает. Китай пока лишь на третьем месте с большим отставанием от лидеров (Запада и Японии).

«Закисание». Этот вариант возможен, исходя из очевидных демографических изменений: старение населения и ослабление творческого потенциала, лишенного подпитки мигрантами. Сохраняется высокий уровень развития экономики и технологий, высокие уровень и качество жизни, но все это происходит уже по инерции, страна и общество живут старыми достижениями.

Промышленный потенциал слабеет. Предприятия и финансовые учреждения перемещаются в другие страны. Главным принципом становится самоподдержание существующей ситуации.

«Реставрация Мейдзи-2». Открытие страны для иммиграции, что обеспечит поддержание лидерства на новой основе. Такое открытие может означать большие связи с Китаем. Региональное сотрудничество при близкой культуре может стать предпосылкой для роли второго плана в альянсе с Китаем.

«Младший партнер Китая». Вариант «Реставрации Мейдзи-2» или «Закисания», при котором Япония встраивается в первом случае в качестве более сильного и активного, во втором — более слабого партнера успешно развивающегося Китая.

* Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН.
Маркарьян Седа Багдасаровна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института востоковедения РАН.
Лебедева Ирина Петровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН.
Денисов Юрий Дмитриевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН.

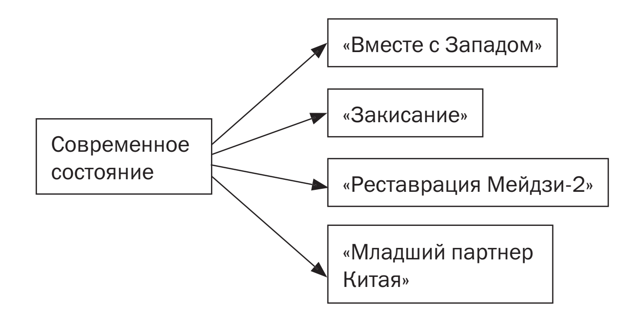


Рис. 1
Схема возможных переходов между сценариями развития Японии

Была произведена оценка вероятности этих сценариев. Ответы представлены в таблице 1.

Таблица 1
Оценка экспертами вероятности сценариев, %

	Вместе с Западом	Закисание	Реставрация Мейдзи-2	Младший партнер Китая
Э. В. Молодякова	92,5 (90–95)	2,5 (2–3)	3,5 (2–5)	1,5 (1–2)
С. Б. Маркарьян	92,5 (90–95)	2,5 (2–3)	3,5 (2–5)	1,5 (1–2)
И. П. Лебедева	80	10	5	5
Ю. Д. Денисов	99	0	0	0
Среднее значение	91	4	3	2

Ниже представлена аргументация, поясняющая вероятность реализации прогнозных сценариев.

Сценарий «Вместе с Западом»

Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян. Можно предположить, что Япония и в дальнейшем будет развиваться по этому сценарию, как это и происходит в настоящее время, только условия уже будут несколько другими, ибо Япония уже является одной из развитых стран.

Придерживаясь именно этой модели, она успешно вошла в клуб великих держав и уже сейчас успешно конкурирует в экономической и технологической сферах с Западом. У нее широкие активные научные и технологические связи с наиболее развитыми в этом отношении западными странами — Европы и США, и она, безусловно, будет их поддерживать, ибо именно эти страны обладают научно-техническим потенциалом и ресурсами для мозгового штурма, этого главного движителя прогресса.

Кроме того, в настоящее время Япония сама предпринимает серьезные усилия по расширению фундаментальных исследований, что в течение долгого времени было ограничителем для занятия лидерства в научно-техническом прогрессе в мировом масштабе. В частности большое внимание уделяется реформе образования в направлении воспитания творческих личностей на всех уровнях образовательного процесса.

Япония уже послужила образцом для осуществления модернизации и выхода на передовые позиции многим странам, в частности, азиатским, которые так же, как и Япония, не ставят своей целью радикальную смену социокультурных основ.

И не исключено, что сегодня, в условиях серьезных демографических сдвигов, она также сможет создать новую модель — модель стареющего общества с малым числом детей и показать выход из создавшегося демографического тупика другим странам, которые находятся в таком же положении, как Япония. Речь идет, прежде всего, о государствах Восточной Азии.

И. П. Лебедева. Высокий технологический уровень промышленности и других сфер экономики, мощный научно-технический потенциал и огромная финансовая мощь позволят стране остаться одним из лидеров мировой экономики, а с точки зрения качества жизни (в том числе таких его составляющих, как уровень развития здравоохранения, состояние окружающей среды, комфортность транспортной инфраструктуры, обеспечение условий для достойной старости и т. д.) она будет соответствовать высшим мировым стандартам и являться образцом для других государств.

Представляется также, что наряду с отмеченными в прогнозе основными направлениями научно-технического развития (создание искусственного интеллекта и манипуляторов, развитие биологии и биотехнологий) Япония будет концентрировать значительные усилия на разработке энергосберегающих техники и технологий. В результате широкого внедрения инновационных технологий в стране будет достигнуто оптимальное соотношение между спросом и предложением энергии, основанное на коренных преобразованиях как в сфере производства, так и в сфере потребления энергии.

Как отмечается в прогнозе, вынос за пределы национальной территории промышленных предприятий продолжится и зайдет, по-видимому, достаточно далеко. Но, на наш взгляд, по сравнению с другими развитыми странами Япония сохранит на собственной территории достаточно мощный промышленный комплекс, который будет обеспечивать собственную экономику и поставлять на внешние рынки те виды высокотехнологичной наукоемкой продукции, которые не в состоянии будут производить новые «мастерские мира».

Ю. Д. Денисов. Вряд ли стоит рассматривать данный сценарий как комбинацию сценариев «Торжество технологий» и «Торжество рантье». Эти сценарии лучше рассматривать по отдельности. Первый из них можно рассматривать как до некоторой степени приемлемый для Японии, но не к 2050 г.

Успешное развитие робототехники в Японии не стоит рассматривать как свидетельство ее уни-

кального прорыва в будущее и гарантию дальнейших прорывов. Роботизация заняла свою производственную нишу во всех индустриально развитых странах, и сегодня ее целью является не столько борьба с дефицитом рабочей силы, сколько повышение качества продукции и производительности труда. До 2050 г. существенно не изменится и лицо японской энергетики, новые технологии вряд ли снимут проблему дефицита топлива, т. к. они чрезвычайно дорогие.

Второй сценарий («Торжество рантье») основан на образе страны-рантье, живущей за счет предоставления аутсайдерам своей интеллектуальной собственности. Но ежегодные доходы Японии от торговли лицензиями (около 30 млрд. долл.) относительно ВВП составляют менее 1%. Без высокоразвитого материального производства страна не сможет существовать. Такое же положение и в других развитых странах.

Поэтому сценарий «Вместе с Западом» лучше наполнить другим содержанием, типа «Догоняя Запад» — тем более что Япония — действительно непревзойденный мастер реализации модели догоняющего развития.

Сценарий «Закисание»

Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарьян. Японцы — исключительно активная нация, они — приверженцы инновациям, интересуются всеми нововведениями, перенимают все, что считают целесообразным сделать для своей страны. Это — практичный, прагматичный народ, умеющий добиваться поставленных целей, мобилизоваться в сложных условиях. Они доказали это ускоренным развитием страны в течение последних полутора-двух веков. Об этом же свидетельствуют и их усилия по быстрому устранению трагических последствий природных и техногенных катастроф. Короче говоря, нельзя забывать японский человеческий фактор.

И.П. Лебедева. Сценарий **«Закисание»** представляется маловероятным, если только страну не постигнет серия природных или техногенных катастроф, которые могут подорвать жизнестойкость японской нации и посеять в обществе настроения отчаяния и уныния.

Ю.Д. Денисов. В Японии этот вариант невозможен в силу исключительного трудолюбия и национальной гордости японцев, они стремятся стать локомотивом развития Азии. Большое внимание уделяется развитию научного и технического творчества. Японцы понимают, что при отсутствии природных ресурсов только интеллект и труд могут обеспечить нации уверенность в будущем.

Сценарий «Реставрация Мэйдзи-2»

Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарьян. Действительно, демографические сдвиги в стране — сокращение общей численности населения и особенно работоспособного, увеличение когорты старших возрастов, т. е. старение нации — все это не может не вызвать некоторого притока иммигрантов. Но иммигранты вряд ли смогут в Японии «обеспечить поддержание лидерства на новой основе», как это написано в прогнозе. Во-первых, потому, что в стране еще имеются резервы рабочей силы в лице еще не работающих женщин и продолжающих работать пенсионеров. Кроме того, не менее важным резервом является необходимость повышения производительности труда как на основе совершенствования технологий, так и путем проведения организационных изменений, в частности ликвидации бюрократических барьеров. И во-вторых, потому, что японцы не допустят слишком большого числа иммигрантов, поскольку общество в этой стране на генетическом уровне не терпит «чужих». И в-третьих, потому что, по всей вероятности, Япония будет продолжать политику вывода трудоемких производств за рубеж, где есть много рабочих рук, а у себя сосредоточится на наукоемких и высокотехнологичных разработках. Этому сценарию можно предложить лишь не более 2–5%.

И.П. Лебедева. Сценарии **«Реставрация Мэйдзи-2»** и **«Младший партнер Китая»**, предполагающие значительное расширение связей с Китаем (вплоть до создания альянса или союза), представляются наименее вероятными (**по 5%**). Во-первых, вряд ли на протяжении всего прогнозного периода Китай сможет развиваться столь же успешно, как в последние два десятилетия (в силу несбалансированного характера самого экономического роста, неадекватности уровней развития отдельных сфер экономики, из-за наличия огромного груза нерешенных социальных проблем, вследствие вполне вероятных изменений в политической системе страны и т. д.). Во-вторых, осознавая опасность резкого усиления зависимости от Китая, Япония, скорее всего, будет стремиться к развитию экономических связей с другими странами азиатского региона (в том числе с Индией), тем более что у каждой из них есть свои конкурентные преимущества.

Ю.Д. Денисов. Япония не нуждается в «новой основе» для поддержания лидерства, она удержит его и в режиме догоняющего развития. Она теснейшим образом связана с США в экономике, а также в науке и технологиях. Благодаря активному научно-техническому сотрудничеству с Западом она постоянно находится на острие научно-технического прогресса. А для выдающихся зарубежных специалистов, которые могут поддерживать японское лидерство, она и так всегда открыта.

Сценарий «Младший партнер Китая»

Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарьян. Этот сценарий также вряд ли осуществим. Разве только на 1–2%. Во-первых, Китай в обозримом будущем не сможет подняться до такого уровня развития (учитывая резкую несбалансированность его экономики и наличие се-

рьезных социальных проблем), чтобы Япония могла стать его младшим партнером с ее мощным промышленным, финансовым и научно-техническим потенциалом. Во-вторых, нельзя не принимать во внимание социопсихологический фактор — исключительно негативное отношение китайцев к японцам.

Ю. Д. Денисов. Это совершенно нереальный сценарий, т. к. войны Японии с Китаем и уничтожение миллионов китайцев в среде мирного населения вызывают в Китае полное неприятие японцев как партнеров.

А. В. Виноградов, В. Ц. Головачев,
*А. И. Кобзев, А. В. Ломанов, Ю. В. Чудодеев**

Сценарии развития Китая до 2050 г.

Для анализа долгосрочных перспектив развития КНР были определены следующие сценарии.

«Экологическая катастрофа». Специалисты, анализирующие ситуацию в Китае, указывают именно на эту опасность, как наиболее серьезную для будущего развития этой страны. Основные факторы, предопределяющие эту опасность — очень большая численность населения, особенно сельского, даже после трех десятилетий успешной демографической политики, и ресурсоемкий характер экономического роста. Экономические потери Китая от нарушения экологического равновесия и загрязнения окружающей среды оценивают от 10% до 20% ВВП, причем около 2/3 потерь от нарушения экологического равновесия и 1/3 от загрязнения окружающей среды[1]. Таким образом, можно считать, что 2/3 потерь связаны с чрезмерной нагрузкой на среду в сельской местности из-за перенаселения, а остальные связаны с современным промышленным производством. В целом же загрязнение воздуха и водных ресурсов определяют остроту экологической проблемы.

Наиболее чревата кризисом ситуация с разрушением природной среды в перенаселенной сельской местности, поскольку экологический кризис в этом случае перерастает в социальный. Что касается загрязнения вод и воздуха, то аналогичная ситуация возникала в Японии, Германии и США на стадиях интенсивного промышленного роста. Для решения этих проблем имеются технологические решения, но они требуют больших экономических затрат и проведения государственной политики по внедрению экологически безопасных технологий.

«Быстрое старение населения и угасание по японскому варианту». Одним из важных факторов успеха китайских реформ и быстрого экономического роста в результате их проведения стала демографическая политика, направленная на сокращение рождаемости в стране. Ее несомненный успех имеет оборотную сторону — старение населения, то есть рост доли пожилых в населении страны. По имеющимся прогнозам, к 2050 г. около 30% населения Китая будет старше 60 лет[2]. В настоящее время в Японии — стране с наиболее старой структурой населения, сталкивающейся с большими проблемами пенсионного обеспечения граждан и необходимостью переносить промышленное производство в другие страны из-за дефицита молодой рабочей силы, доля лиц старше 60 лет составляет 23%. К 2050 г. этот показатель в США достигнет 27%, то есть население Китая будет более старым, чем население США.

Очевидно, что Китай может потерять свое конкурентное преимущество как страна, обладающая достаточно квалифицированной, но дешевой рабочей силой. Удержать позиции «мастерской мира» при стареющем населении, которое будет нуждаться в социальном обеспечении, что будет отрывать средства от экономического развития, будет затруднительно. Китай станет похож на современную Японию по своим достижениям и проблемам, но с гораздо более низким уровнем ВВП на душу населения.

«Борьба за лидерство в мире»

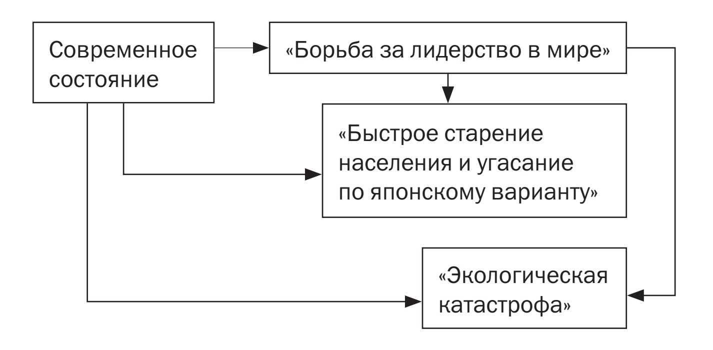
Как подчеркивали авторы доклада Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир»: «Китай имеет предпосылки в ближайшие двадцать лет оказывать на мир большее влияние, чем какая-либо другая страна. Если нынешние тенденции не изменятся, к 2025 г. экономика Китая станет второй по величине в мире, а сам он — ведущей военной силой»[3]. Ныне Китай уже стал второй экономикой мира и, по различного рода оценкам, может стать первой еще в первой половине XXI в. Важно отметить то, что экономика Китая будет лидировать не только по объемам, хотя и здесь ее отрыв от других впечатляет уже сейчас. Например, КНР находится на первом месте в мире по производству стали с гигантским отрывом от других государств — 568 млн. т в 2009 г., Япония — 88 млн. т, США — 58 млн. т, Россия — 60 млн. т[4]. Аналогичная ситуация в энергетике, других отраслях металлургии, машиностроении. С 2004 г. Китай является крупнейшим в мире экспортером продукции цифровых технологий, опережая и Японию, и ЕС, и США[5]. По абсолютному числу пользователей Интернета КНР находится на первом месте в мире (свыше 250 млн. чел.)[6].

* Виноградов Андрей Владимирович, доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН.
Головачев Валентин Цуньлиевич, кандидат исторических наук старший научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН.
Кобзев Артем Игоревич, доктор философских наук, заведующий Отделом Китая Института востоковедения.
Ломанов Александр Владимирович, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.
Чудодеев Юрий Владимирович, ведущий научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН.

КНР планирует долгосрочную стратегию развития. В ее разработке участвует Академия общественных наук, Академия наук, исследовательские центры Госсовета, Комитета по планированию развития Китая. При сопоставлении прогнозных оценок, сделанных ранее, и реальных результатов экономического развития оказывается, что прогнозные оценки были вполне реалистичны и весьма близки к тому, что осуществилось[7].

Безусловно, КНР предстоит преодолеть немало препятствий на пути к экономическому лидерству, включая технологические, социальные, экономические, экологические проблемы внутри страны, а также сложности утверждения в качестве крупнейшей мировой державы в системе международных экономических отношений. Тем не менее, есть свидетельства тому, что США уже готовы принять Китай в этой его новой роли. Экспертные и политические круги США обсуждают концепцию «G-2» (механизм неформальных договоренностей между США и КНР)[8], которая должна по сути дела заменить «G-7» и «G-8» (США, Канада, ФРГ, Великобритания, Франция, Италия, Япония и Россия).

Рис. 1.
Возможные сценарии развития китайской цивилизации



Виноградов А. В.

Выше выделены только некоторые факторы и тенденции, любой сценарий будет результатом их взаимодействия. Здесь перечислены только негативные сценарии, поэтому я тоже буду рассматривать негативные.

На мой взгляд, начавшийся перенос промышленного производства из Китая в ЮВА и др. регионы ослабит, во всяком случае, не будет усугублять экологическую проблему, но сокращение сельскохозяйственных земель будет обострять продовольственную проблему. — ***10% экология.***

Старение населения при отсутствии государственной системы всеобщего социального страхования — не проблема государства, старики будут делать посильную работу и находиться на содержании семей. Ни экономических, ни социальных потрясений из-за этого не будет. — ***10% старение населения.***

Встраивание во внешний мир политически — более серьезный вызов, у Китая нет ни отработанных внешнеполитических моделей, ни опыта активного политического взаимодействия с миром. — ***35%.***

Политическая нестабильность в центре и экономическая регионализация на фоне вышеперечисленного. Она позволит решить ряд проблем на уровне отдельных регионов — ***45%***.

Головачёв В. Ц.

Мой «прогноз»:

Сценарий 1–5% (крайне маловероятно)
Сценарий 2–5% (крайне маловероятно)
Сценарий 3–90%

Мой комментарий:

«Экологическая катастрофа»

Трудно представить себе некую экологическую катастрофу, способную реально погубить весь Китай, как огромную страну, и уж тем более — цивилизацию. Потоп или внезапное опускание материков (судьба Атлантиды) Китаю не грозят, либо относятся к категории совершенно непрогнозируемых сценариев. Катастрофы же вроде «глобального потепления» грозят не только Китаю и китайской цивилизации, но и всему миру с его глобальной цивилизацией. Что касается общих и зональных экологических проблем Китая, то они регулируемы на уровне тенденций, при помощи последовательной экологической политики. В последние десятилетия в Китае происходит относительно радикальный и эффективный разворот к решению экологических проблем, курс на которое подтвержден, например, в документах 18-го съезда КПК. В дальнейшем этот курс будет уточняться и упрочиваться. Поэтому негативный сценарий под названием «экологическая катастрофа» — нереален для Китая и должен учитываться только теоретически.

«Быстрое старение населения и угасание по японскому варианту»

Попытки оценить вероятность (прогнозировать) социального развития Китая «по японскому варианту» представляются в принципе некорректными. При относительно «быстром» старении в 130-миллионной Японии, очевидно, этот же процесс может иметь совсем иные темпы, масштабы и последствия в 1,5-миллиардном Китае. При этом опыт Японии, безусловно, внимательно изучается и учитывается в Китае при разработке долговременной политики социального макрорегулирования. Подобный «японский» сценарий развития китайской цивилизации нереален, либо крайне маловероятен, как и сценарий «экологической катастрофы».

«Борьба за лидерство в мире»

Борьба за мировое лидерство — не прогнозный сценарий, а давно идущий процесс, вероятность которого не подлежит сомнению и не требует процентных расчетов. Если же речь идет о вероятно-

сти достижении лидерства, то Китай уже сейчас является одним из признанных мировых лидеров во многих отношениях. При этом достижение формального или абсолютного мирового лидерства — заманчивая, но сомнительная цель, которая сопряжена с огромными, труднопредсказуемыми и контролируемыми внешними ожиданиями, обязательствами и обстоятельствами. Учитывая особое стратагемное мышление китайцев, легче предположить, что для них желаемым сценарием может быть осуществление мирового лидерства «из тени», при внешнем сохранении на вторых ролях.

Мировое лидерство Китая — не цель, а скорее исторический идеал (национальная идея), не требующий временных сроков, но способный идеологически мобилизовать китайское общество на реализацию планируемого курса, темпов и качества развития страны.

Заключение

Стабильное и динамичное внутреннее развитие, а также «возвращение» к мировому цивилизационному доминированию (не обязательно за счет формального лидерства) через качественную внутреннюю метаморфозу — вот, на мой взгляд, **наиболее вероятная стратегическая цель или сценарий развития китайской цивилизации в 21 веке**, которая на данный момент выглядит безальтернативной (если отбросить апокалиптические, гибельные сценарии), и потому не требует «гаданий на процентах» путем «вероятностных прогнозов». Ее достижение потребует, в частности, уклонения (на уровне регулируемых тенденций) от вышеперечисленных негативных сценариев, а также разработки позитивных тактических сценариев и «нормативных прогнозов». Очевидно, нынешнее китайское руководство хорошо понимает, что ключевым условием для реализации всех долговременных целей развития страны было и будет **сохранение устойчивого комплексного *экосоциального (экологического и социального) баланса*** как в самом Китае, так и по возможности за его пределами. Соответственно, главная внутренняя угроза для современного Китая — не социальное «угасание» и не всекитайская экокатастрофа, но обрушение *экосоциального баланса*, чреватое кризисом всей существующей государственной системы. Например, внезапный и резкий социальный взрыв с последующей цепной реакцией, толчком для которого может послужить даже локальное экологическое бедствие или отдельная «роковая» ошибка в политике современных властей Китая. Последние, безусловно, будут предпринимать все возможные усилия для предотвращения подобных угроз и кризисов, во имя достижения вышеназванных стратегических целей.

Кобзев А. И.

Оценка сценариев:

1–5–10% (7,5%), 2–5–10% (7,5%), 3–80–90% (85%).

Первые два сценария носят социоестественный характер и соответственно зависят от двух факторов: общественных отношений и взаимодействия человека с природной средой. С исторической точки зрения Китай обладает наибольшим в мире опытом решения подобных проблем. Общеизвестны его рекордные с древности достижения в сфере социальной регуляции и особенно в демографии: это единственная в истории человечества страна, способная в зависимости от тех или иных потребностей существенно как увеличивать, так и уменьшать численность своего населения. В условиях самого длительного иноземного завоевания — маньчжурами в эпоху Цин (1644–1911) китайцы в 6–8 раз превысили максимум своей численности в 50–60 млн. человек, до этого не преодолевавшийся тысячелетиями. И наоборот, в конце 20 — начале 21 в. они плановыми мерами остановили рост населения на экономически приемлемом уровне, чего, к примеру, не может добиться находящаяся в сходном положении Индия. С полномасштабными же экологическими проблемами они столкнулись еще в середине 1 тыс. до н.э. и за многие века научились их умело решать, первыми в мире начав применять для этого и экологические методы, в частности истребление одних насекомых с помощью других. Подобный багаж заключает в себе и гомеопатические, и терапевтические, и хирургические методы вроде смертной казни, что сомнительно с точки зрения западных стандартов гуманности, демократичности или политкорректности, но весьма эффективно на практике. Никакой экономический рост в такой огромной, разнообразной и сложной стране не был бы возможен без колоссального культурно-исторического потенциала, аналогом которого не располагает ни одна страна в современном мире. В целом помимо богатого исторического наследия, способного конвертироваться в актуальные результаты, Китай располагает таким важным для преодоления указанных угроз ресурсом, как высокая степень управляемости, социально-политической централизации и хозяйственно-экономической планируемости.

Третий сценарий обусловлен более сложной конфигурацией факторов, во многом зависимой не от самого Китая. И исторический опыт здесь не столь богат и полезен, поскольку основополагающая мироустроительная модель предполагала естественно-цивилизационную, а не завоевываемую политикой и экономикой покорность менее культурной периферии всего мира его центру — Срединному государству (Чжун-го). Позднее навязывавшиеся агрессивными соседями признания дипломатического равенства с ними не устраняли восприятия их как варваров. Попытка Мао Цзэдуна в середине 20 в. сделать Китай мировым лидером по западному образцу не была подкреплена экономически и обернулась провалом как вовне, так и внутри страны. Два раза в 20 в. отход от исконных ценностей в пользу западного капитализма

и советского коммунизма оборачивался для Китая катастрофой. Глобализация — проблема обоюдоострая и для него, и для остального мира. Принятое современным Китаем древнее самоназвание — Срединное государство говорит о центральности и независимости, но экономически он привязан к Западу (США и Евросоюзу), а идейно-политически и геостратегически — к Востоку, т.е. прежде всего России и странам постсоветского пространства. География и история требуют от КНР и РФ союзнических отношений, но если посчитать не только товарооборот, который у КНР с США чуть ли не на порядок больше, чем с РФ, а, например, количество учащихся в США китайских студентов, т.е. будущей элиты страны, то станет виден противоположный вектор сближения. Однако по этому направлению Китаю грозят самая жесткая экономическая конкуренция, военно-политические демарши в виде поддержки Тайваня, тибетских и синьцзянских сепаратистов, противодействие китайским интересам в Азии и Африке, спорах с Японией и т.д. Отсюда ясно, что судьбоносный выбор Китаем пока не сделан. Сделать его — важнейшая задача грядущего 10-летия для него и России.

Между Россией и Китаем много общего. Современные (республиканские) формы государственности там и тут насчитывают около ста лет. За это время иногда даже ставился вопрос об объединении двух стран, хотя, с другой стороны, дело доходило и до военных столкновений. Дважды в 20 в., после Октябрьской революции 1917 г. и образования КНР в 1949 г., самые дружественные отношения между нашими странами оборачивались вооруженными конфликтами. На общем пути Россия стартовала в 1917 г. — на 6 лет позже начала Синьхайской революции в Китае. Точно с таким же временным разрывом начался и новейший этап развития обеих стран: в КНР в 1978, в СССР в 1984 г. Наши государства пошли разными путями реформ: Россия — прежде всего политических, Китай — экономических, но сейчас произошла конвергенция, хотя в России больше политических достижений, а в Китае — экономических. Одна из главных общих черт обеих стран — наличие властной вертикали с одной доминирующей партией и огромными полномочиями лидера.

В настоящее время Китай стоит на пороге судьбоносных решений, обусловленных серьезными проблемами беспрецедентного роста и чреватых непредсказуемыми последствиями. Пришедшему к власти новому поколению руководителей предстоит решить целый комплекс сложнейших задач: от испорченной экологии, перегрева экономики, дисбаланса в доходах различных слоев населения и регионов страны, политических конфликтов в Синьцзяне, Тибете, на Тайване и спорных островах Южно-Китайского моря, до противоречий между официальной коммунистической идеологией и всепроникающими западными ценностями, а также традиционным конфуцианским мировоззрением и исконными даосско-буддийскими верованиями, завоевывающими всё большую популярность. Естественно, другой глобальный гигант — США — постарается использовать в своих геополитических и экономических интересах риски переходного этапа КНР, возможно, вовлекая своего главного конкурента в разного рода конфликты. В силу упомянутых исторических и геополитических обстоятельств, в частности, конфигурации управляющих миром сил после Второй мировой войны, распределения ролей в Совбезе ООН и т.п., РФ и КНР — безусловные лидеры Востока как нового геополитического центра силы, который может противостоять Западу. Причем достоинства той и другой страны дополняют друг друга. У КНР бесспорные экономические преимущества, а у РФ — военно-политические и дипломатические, прежде всего недостающий пока Китаю огромный опыт участия в решении глобальных проблем человечества.

Ломанов А.В.

Мой вариант оценки:

С1–10%
С2–15%
С3–75%

Хотелось бы подчеркнуть, что предложенные сценарии не являются полностью взаимоисключающими. Вполне возможно представить себе «грязный» и «старый» Китай, успешно продолжающий борьбу за глобальное лидерство. Набор альтернатив китайскому лидерству включает много других проблем, которых нет в этом списке. Губительная социально-политическая дестабилизация внутри страны может быть вызвана факторами, не имеющими прямой связи с экологией и демографией.

Несколько соображений по поводу сказанного в сценарной части:

Китайские власти сделали экологию государственным приоритетом. Поскольку китайское государство имеет больше возможностей для прямого директивного вмешательства в экономику (закрытие загрязняющих производств без долгих тяжб, запрет автомобилистам выезжать на улицы в определенные дни и т.д.), чем на Западе или в Японии, нет оснований полагать, что Китай справится с этим хуже. Научно-технические разработки в сфере экологии там идут весьма активно.

Китайские эксперты серьезно встревожены тем, что страна «постареет раньше, чем разбогатеет». Вместе с тем о сохранении позиции «мастерской мира» речь не идет в любом случае. Официально поставлена задача поменять модель роста. Дешевый труд и массовый экспорт созданного им ширпотреба больше не приоритет, зарплаты в Китае растут быстро. Предполагается, что расширение социального обеспечения будет не вредить, а помогать экономическому развитию (люди не будут копить на старость, смогут больше тратить сами, да и дети

будут меньше сберегать), что соответствует нынешнему курсу на расширение внутреннего спроса.

США более не готовы принять Китай в его новой роли, о чем свидетельствует негативное развитие двусторонних отношений в последние годы («поворот к Азии» с обещанием перебросить основные силы ВМФ США на Тихий океан, участие американцев в территориальных спорах на стороне оппонентов Китая, и так далее). От роли младшего подчиненного партнера Китай отказался, иного США не предложили. Так что концепция «G-2» теперь мало отличается от рассуждений о счастливом вхождении России в «общеевропейский дом».

Чудодеев Ю. В.

Успешное догоняющее развитие — 95%
Экологические проблемы — 5%
Старение населения — 0%

Несколько слов в обоснование предложенных оценок. Первое — китайское руководство, как свидетельствуют итоги 17-го и 18-го съездов КПК, видит и осознает эти проблемы и по-своему пытается их решать. Более того, они заявляют о готовности к конструктивному сотрудничеству с мировым сообществом в решении этих вопросов, хотя по-прежнему не подписывают Киотский протокол и т. д. Позиция КНР, конечно, будет соразмеряться с международными реалиями, реакциями и позициями. Но Китай все время твердит о своей автономности и определенной самодостаточности, несмотря на огромную зависимость от реализации своей продукции за рубежом. И в этом вопросе он будет действовать по-своему. Экологические проблемы — это своего рода плата за рост китайской экономики, который будет продолжаться ради достижения «умеренного благополучия» (сяокан), развития внутреннего рынка и пр. Для китайского руководства главное — не нарушить социально-политическую стабильность развития общества, реализовать идею социальной гармонии и продолжать курс на великое возрождение китайской нации. А проблем на этом пути немало: резко возросшая дифференциация общества, значительный разрыв в развитии между приморскими и сравнительно бедными внутренними (особенно западными и юго-западными) районами, несогласованное развитие города и деревни. Мы уже не говорим о дефиците природных ресурсов, экономических преступлениях и коррупции. А между тем Китай не может спуститься ниже ежегодного прироста в 5%, ниже производства зерна в 500 млн. т, ниже 120 млн. га пахотной земли («красная черта»)! — Китай к ней сегодня приблизился. А это уже проблема продовольственной безопасности. Китайцы решали и будут решать эти проблемы, но прежде всего с учетом своих национальных интересов.

Проблема старения. Да, существует. Но для Китая далеко не первая. Тем более что ее решение в руках государства. Достаточно разрешить рождение второго ребенка, тем более что это уже практикуется частично в западных районах и частично в деревне. К 2050 г. в КНР, безусловно, вырастет производительность труда и квалификация рабочей силы.

Наконец, о «борьбе за лидерство» Китая. Конечно, китайским лидерам будет импонировать лидирующие позиции их страны в мире, тем более что это согласуется с выдвинутом на съездах КПК курсом на «великое возрождение китайской нации». Но на какие-либо неформальные договоренности с США и замене «G-7» или «G-8» они вряд ли пойдут. Думается, по-прежнему будут называть себя — «самостоятельная развивающаяся нация». Потому что позиция лидера всегда вызывает зависть, косые взгляды, неприятие и отчуждение. А это китайцам ни к чему.

Ниже представлена сводная таблица ответов экспертов.

Таблица 1
Оценка экспертами вероятности сценариев, %

	«Экологическая катастрофа»	«Быстрое старение населения и угасание по японскому варианту»	«Борьба за лидерство в мире»	Политическая нестабильность в центре и экономическая регионализация
Виноградов А. В.	10	10	35	45
Головачев В. Ц.	5	5	90	0
Кобзев А. И.	7,5	7,5	85	0
Ломанов А. В.	10	15	75	0
Чудодеев Ю. В.	5	0	95	0
Среднее значение	7,5	7,5	76	9

Примечания

[1] Ушаков И. В. Экологический лабиринт. Социально-экономические аспекты природопользования в Китае. М.: ИД «Форум», 2008. С. 37.

[2] World Population Ageing 1950–2050. UN, NY, 2002.

[3] Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М. С. 13.

[4] Данные World Steel Association, сайт world steel.org В 2009 г. выпуск в КНР рос, а в других странах в условиях кризиса значительно уменьшился.

[5] Промышленная политика Китая: очередное достижение // Экономист, № 1, 2006. С. 50.

[6] Jens Damm. Chinas cape moving beyond the People's Republic // The Newsletter IIAS No 50, spring 2009. P. 28.

[7] См.: Наумов И. Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 70. Табл. 14.

[8] Bergsten C. F., Freeman C., Lardy N. R., Mitchell J. D. China's Rise. Washington D. C., 2008. P. 25–27.

*Д. В. Мосяков, Н. М. Хрящева**

Сценарии для Индонезии до 2050 г.

Для анализа перспектив долгосрочного развития Индонезии были определены следующие сценарии:

«Индонезия — лидер АСЕАН». Этот сценарий предполагает успешный экономический рост Индонезии на протяжении длительного периода, в результате которого страна становится мощнейшим экономическим игроком, технологическим и военным лидером региона. Другие государства АСЕАН принимают лидерство Индонезии в качестве защиты от притязаний КНР и других внерегиональных игроков. Таким образом Индонезия совмещает разные аспекты лидерства, становится независимой региональной силой, играющей самостоятельную роль в международных экономических и политических отношениях, балансируя между Западом, Китаем и Индией, которые представляют собой внешние для региона АСЕАН силы, борющиеся за влияние на Индонезию и АСЕАН.

«Вместе с Китаем». Индонезия эффективно встраивается в орбиту КНР, становящейся мировым экономическим лидером по масштабам экономики. Ориентация на КНР обеспечивает экономические связи с новым центром силы и обеспечивает внешнеполитическую безопасность. Индонезия поглощена внутренними проблемами развития, региональное лидерство в АСЕАН не является целью ее политики. Максимально дружественные отношения с КНР обеспечивают лучший внешний фон для социально-экономического развития.

«Исламское возрождение Индонезии». Успешное экономическое развитие страны сопровождается нарастанием значимости проблемы самоидентификации в культурном и религиозном плане для многочисленного населения и элиты. В этих условиях побеждают политические силы, ориентированные на исламский традиционализм. Индонезия позиционирует себя как исламское государство как во внутриполитических, так и внешнеполитических вопросах. Страна активно сотрудничает с другими исламскими государствами, соперничает за лидерство в исламском мире. Целостность АСЕАН, его региональная сплоченность не являются основными целями внешней политики Индонезии. Наряду с Малайзией, Турцией, Ираном, Саудовской Аравией, Кувейтом, ОАЭ, Бахрейном и Катаром она формирует неформальное содружество успешных исламских государств.

В оценке сценариев приняли участие Бойцов В.В., ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Другов А.Ю., Хрящева Н.М. Ответы представлены в табл. 1.

Таблица 1
Оценка экспертами вероятности сценариев, %

	«Индонезия — лидер АСЕАН»	«Вместе с Китаем»	«Исламское возрождение Индонезии»	Территориальный распад страны	Экономическое и политическое развитие, не изменяющее принципиально ее места в регионе ЮВА
Бойцов В. В.	20	10	30	10	30
Другов А. Ю.	50	20	30	0	0
Хрящева Н. М.	75	15	10	0	0
Среднее значение	49	15	23	3	10

Ниже представлена аргументация, поясняющая вероятность реализации прогнозных сценариев.

«Индонезия — лидер АСЕАН»

Самый вероятный сценарий. Такой вывод можно сделать, опираясь на следующие факторы.

1. Политическая стабильность и экономический рост

Еще десятилетие назад ряд аналитиков предвещали развитие сепаратистских тенденций и «балканизацию» Индонезии. В 2001 г. Индонезия предприняла усилия по определенной децентрализации управления и передачи больших полномочий местным властям. Всплеск сепаратистских тенденций явился реакцией на смену тридцатилетнего авторитарного управления, сменившегося демократическими преобразованиями. В настоящее время можно заявить о политической стабильности: в третий раз подряд прошли мирные и успешные выборы в законодательные и исполнительные органы, которые подтвердили лидерство президента Сусило Бамбанга Юдхойоно, получившего более 60% голосов от 176 млн. зарегистрированных избирателей[1].

* Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор. Руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН.
Хрящева Нелли Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономических исследований, ректор Института стран Востока.

Еще более весомым подтверждением политической стабильности являются результаты экономической политики президента и правительства. Индонезия — четвертая страна по численности населения в мире, 18-я «экономика мира», демонстрирующая быстрый экономический рост.

Как свидетельствуют представленные данные Мирового банка и Международного валютного фонда, по темпам роста ВВП Индонезия в Азии уступает лишь Китаю. Только за последние четыре года золотовалютные резервы страны выросли на 60%. Государственная задолженность снизилась с 83% ВВП в 2001 г. до менее 25% к концу 2011 г. и является самой низкой среди стран АСЕАН (за исключением Сингапура, не имеющего задолженности). По прогнозам МВФ, госдолг Индонезии в ближайшем будущем снизится до 20% ВВП (для сравнения: в США — 107%, Японии — 237%, Бразилии — 64%). В Мировом обзоре иностранных инвестиций ЮНКТАД за 2010 г. Индонезия вошла в десятку самых привлекательных областей для иностранных инвестиций[2].

2. Прогнозы экономического развития

За прошедшие пять десятилетий индонезийская экономика пережила существенную структурную перестройку: сельское хозяйство перестало доминировать, основой роста стали промышленность и сектор услуг.

В соответствии с законом №5 от 2004 г. в стране принят долгосрочный план развития — на 2005–2025 гг. В соответствии с планом, к 2025 г. доля людей, живущих за чертой бедности, должна снизиться и составлять не более 5% общей численности населения, а ВВП на душу населения составлять 14250–15500 ам. долларов. По амбициозному плану Индонезия войдет в десятку самых крупных экономик мира, а ее ВВП к 2025 г. достигнет 4–4,5 трилл. долларов. План предусматривает главные инвестиции в развитие инфраструктуры и повышение качества трудовых ресурсов[3].

О реальности последних показателей свидетельствуют данные Координационного комитета по иностранным инвестициям Индонезии, в которых ВВП Индонезии в 2013 г. достигнет 1 триллиона долл.[4]

3. Негативные факторы

Полностью 100%-ное осуществление первого сценария представляется затруднительным в связи с рядом существующих негативных факторов. Среди них — внутренние факторы. Прежде всего — это высокая степень неравенства в распределении доходов. Существует разница между средними статистическими показателями и реальной действительностью: 43000 самых богатых индонезийцев (только 0,02% индонезийского населения) владеют 25% ВВП Индонезии. Это указывает на огромную концентрацию богатства в пределах малочисленной элиты. Существуют оценки, что этот разрыв в распределении доходов будет лишь увеличиваться в обозримом будущем.

Другим фактором, имеющим важнейшее значение для экономики Индонезии, является неразвитость инфраструктуры. Индонезийское правительство считает этот сектор самым тревожным для экономического роста и поставило соответствующие задачи в прогнозных планах развития.

«Узким местом» экономики является и качество рабочей силы в стране. Стоимость рабочей силы в Индонезии является самой низкой среди не только стран АСЕАН, но и Китая и Индии. Лишь около 50% рабочих Индонезии имеют начальное образование. Поэтому неудивительно, что самой крупной статьей расходов государственного бюджета является образование. Индонезия, занимая 121-е место, входит в группу стран с «низким уровнем индекса человеческого развития» (индекс — 0,629)[5].

Все указанные факторы учитываются индонезийскими властями и пока не являются критическими для развития страны.

Среди внешних факторов — определенная инерционность модели развития АСЕАН, необходимость ее обновления в новых современных условиях обострения конкуренции сил влияния в регионе. Застойные явления в экономике Запада и снижение экономической активности Индонезии на этом направлении и пр. Нельзя исключить обострение ситуации в Южно-Китайском море и втягивание в конфликт Индонезии.

Транснациональная аудиторская компания PricewaterhouseCoopers (PwC) в новом от 2013 г. прогнозе экономического роста ведущих стран мира до 2050 года считает, что Индонезия станет восьмой экономикой мира с ВВП в 6346 млрд. долл. (по ППС 2011 г.) в 2050 г.[6]

4. Индонезия уже играет лидирующую роль в АСЕАН

Индонезия играет все более заметную роль в глобальных процессах. Она единственный представитель Юго-Восточной Азии в группе «20», становится заметным участником переговорного процесса по изменению глобальной финансовой системы.

Индонезия — активный участник АТЭС — Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и его председатель в 2013 году. Торговля страны с государствами АТЭС составляет около 78% от общего объема, инвестиции из стран АТЭС в Индонезию в 2011 г. составили 10,7 млрд. долл., а десять крупнейших инвесторов — представители стран группировки. Во время своего председательства в текущем году Индонезия инициирует вопросы развития инфраструктуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Свое председательство Индонезия намерена использовать для укрепления своих позиций на международном уровне, подготовив программу долгосрочного роста из шести страте-

гий: развитие инфраструктуры, малого и среднего бизнеса, туризма, «зеленных» технологий, управление сельским хозяйством и морскими ресурсами — «синей экономикой». Учитывая недавнее повышение в стране религиозного радикализма, шестым направлением стал контртеррористический профиль. «Текущая геополитическая ситуация представляет Индонезии проявить себя как регионального лидера»[7].

Особое значение для Индонезии имеет участие в АСЕАН. Индонезия — крупнейшая экономика в Юго-Восточной Азии, влиятельная региональная держава. Развитие событий по второму сценарию «Вместе с Китаем» не представляется перспективным. Индонезия — лидер стран АСЕАН и в этом качестве полное доминирование Китая для нее неприемлемо.

«Вместе с Китаем» (сценарий № 2)

Вероятность второго сценария намного ниже. Такой вывод можно сделать, учитывая следующие факторы.

1. Агрессивное наступление Китая на южных соседей на протяжении вековой истории. Еще с глубокой древности, с доктрины «универсальной монархии», в которой указывалось на всемирную власть китайского императора, Китай считает страны Юго-Восточной Азии зоной своего влияния. В прошлом остались захватнические войны и приращение китайской территории на южном и юго-западном направлении, период «картографической агрессии Китая», «борьба с империализмом» через повстанческие движения в странах ЮВА и попытки военного вторжения во Вьетнам. В значительной мере активизация прокитайских компартий в первой половине 1960-х гг. привела к консолидации стран ЮВА на антикитайской платформе и при поддержке со стороны США в 1967 г. была создана АСЕАН[8].

Стремление Китая военным путем захватить и осваивать Парасельские острова и о. Спартли вызвали решительный отпор со стороны Индонезии, Вьетнама, других стран ЮВА.

В 1970–1980-х гг. Китай отказывается от силовых акций, устанавливает дипломатические отношения со странами ЮВА, предлагает широкие программы экономического сотрудничества. В 1997 г. он добивается создания совместного Комитета по сотрудничеству со странами ЮВА.

Китай пересматривает свою политику: необходимо быть более активным при формировании региональной обстановки. Новый региональный курс содержит четыре инициативы: интенсивное участие в региональных организациях, учреждение «стратегических партнерств» и углубление двусторонних отношений, расширение региональных экономических связей и сокращение недоверия и беспокойства в сфере безопасности. Это позволило Китаю за 1998–2008 гг. стабилизировать отношения со всеми странами ЮВА[9].

На фоне антизападных настроений Китаю удалось продвинуть идею создания независимого от США и Запада восточноазиатского экономического пространства. Китай предложил на саммите АСЕАН плюс три создать зону свободной торговли из стран АСЕАН, Китая, Р. Кореи и Японии, т. е. на основе участия только стран Азии. Однако стало ясно, что на участие Японии и Кореи Китай согласился из тактических соображений и в 2001 г. форсировал подписание со странами АСЕАН отдельного соглашения о создании зоны свободной торговли — КАФТА. Для достижения доминирования в зоне ЮВА Китай резко увеличил торговые связи с почти постоянным торговым профицитом, разрешил инвестировать вовне капитал, используя государственные кредиты и пр.[10]

2. Доминирование китайского капитала в экономике Индонезии — постоянный источник роста антикитайских настроений. Китай значительно укрепляет экономические позиции в Индонезии, особенно в сфере малого и среднего бизнеса — что объясняется наличием значительной китайской диаспоры. Среди некоренных народов Индонезии наиболее многочисленными являются китайцы, проживающие практически во всех регионах страны, преимущественно в крупных городах: их численность, по различным оценкам, колеблется от 2,5 до 7 миллионов человек.

Состояния китайцев достигли максимума в течение золотых лет азиатского бума в 1980-х и 1990-х. В Индонезии к 1998 г. 3% китайского населения принадлежало более трех четвертей частного богатства страны.

Однако, по мере роста экономического влияния Китая возрастают и антикитайские настроения. В течение многих десятилетий спорадические вспышки насилия над китайцами, погромы — нередкое явление, особенно в периоды серьезных экономических трудностей в стране.

3. Новая геополитическая ситуация — обострение конкуренции за доминирование в регионе ЮВА между США и Китаем. В связи с усилением экономического влияния Китая в регионе и его попытками утвердить свое доминирование в Южно-Китайском море складывается новая геополитическая ситуация. США начинают играть более активную роль в регионе (поддержка регионального сотрудничества в рамках азиатско-тихоокеанских структур — в противовес китайской ориентации на чисто азиатские интеграционные процессы, поворот в сторону сотрудничества с Мьянмой, заявления администрации президента Обамы о более широкой геополитической стратегии в сторону «азиатского центра» и т. п. В условиях, когда Южно-Китайское море стало ареной напряженности и конфликта, меняется и политика стран АСЕАН — они взяли курс на многостороннее сотрудничество, привлекая в регион самых разных участников.

Во второй половине 2009–2010 гг. Китай по разным причинам ухудшает отношения почти со всеми

странами ЮВА, его имидж резко падает, отношения описываются как «горячая экономика, холодная политика». Особое раздражение этих стран вызывает нежелание Китая договариваться по проблеме на многосторонней основе или в соответствии с требованиями ООН. Это также стимулирует подходы стран ЮВА к США с целью создания в регионе определенного баланса стратегических сил.

В целом фактически в регионе ЮВА в настоящее время осуществляется скрытый антикитайкий курс, и Индонезия, как лидер АСЕАН, в первых рядах его осуществления. В новых геополитических условиях «возвращения» США в Азию возможности полного доминирования Китая ограничены.

«Исламское возрождение Индонезии» (сценарий № 3)

Также менее вероятным представляется развитие по сценарию №3. Индонезия является светским государством, конституция страны гарантирует свободу вероисповедания. При этом согласно законодательству, принятому в 1965 г., особый статус, предусматривающий поддержку и защиту государства, предоставлен основным религиям страны — исламу, протестантизму, католицизму, индуизму, буддизму и конфуцианству — с оговоркой о допустимости существования других вероисповеданий. В то же время с 1967 по 2000 год в стране действовал официальный запрет на публичное отправление конфуцианских служб — в этот период официальная индонезийская статистика оперировала данными о пяти религиях, а конфуцианство, наряду с другими конфессиями, фигурировало в переписях населения и других официальных статистических исследованиях в ряду «прочих верований».

Абсолютное большинство населения (более 88%) исповедуют ислам, распространившийся здесь в основном в XIII–XVI веках, что делает Индонезию крупнейшим мусульманским государством мира. Практически все индонезийские мусульмане являются суннитами, незначительное количество шиитов (около 1 миллиона человек) проживает в основном на Яве. Представители шиитского меньшинства, как правило, бесконфликтно сосуществуют с окружающими суннитами.

В конце XX века в Индонезии набирают силу растущее влияние ислама и процессы демократизации. Но исламизация страны (вместе с законом о шариате) всегда рассматривается в Индонезии как посягательство на единство страны и призыв к сепаратизму. Политические партии, сторонники исламизации страны, никогда не были в состоянии получить большинство голосов избирателей в политической истории Индонезии. Выборы 1999 г. продемонстрировали, что поддержка исламских партий составила менее 15%.

Примечания

[1] BKPM–Indonesia Investment Coordinating Board Official Website, 25.04.2013.

[2] Indonesia Investments, 25 April 2013.

[3] RPJPN INDONESIA 2005–2025, 2006.

[4] BKPM–Indonesia Investment Coordinating Board Official Website, 27.04.2013.

[5] Центр гуманитарных технологий. URL://gtmarket.ru/news/2013/03/14/5622

[6] http://gtmarket.ru, 2013-01-16

[7] Jakarta Glob, 12.05.2013.

[8] Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М., 2012. С. 10–47.

[9] Shambaugh, David. China Goes Global: The Partial Power. January 2013, Oxford University Press, USA. P. 99.

[10] Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М., 2012. С. 80–81.

*А. В. Акимов, Е. Ю. Ванина, Т. Л. Шаумян**

Отечественные индологи о перспективах развития Индии

Быстрое экономическое развитие Индии в последние годы вызывает повышенный интерес к будущему этой страны. Сложились две оценки перспектив Индии. Одна базируется на работах экономистов, которые указывают на огромный демографический потенциал Индии, ее успехи в образовании и здравоохранении, успешное развитие промышленности, включая высокотехнологичные отрасли. Сторонники этой оценки прогнозируют в ближайшие десятилетия выход страны на передовые позиции в мире по объему ВВП и большие успехи страны на пути догоняющего развития. Другая оценка в значительной степени опирается на исследования, рассматривающие природный потенциал страны, особенно возможности сельского хозяйства, и указывает на возможность катастрофического развития событий из-за экологических проблем. Обе позиции хорошо обоснованы авторами, которые ее разделяют, в поддержку каждой имеется много фактов, аргументов и работ авторитетных специалистов. Не представляется возможным отдать предпочтение той или иной точке зрения на основе анализа фактов, оценок и трендов, так как выбор будет носить субъективный характер.

Для того чтобы добиться определенности в столь важном для Индии и индологического сообщества вопросе, Центром индийских исследований совместно с Отделом экономических исследований Института востоковедения РАН был проведен опрос экспертов-индологов относительно перспектив развития Индии. Эта работа имела две цели. Во-первых, выработка сообществом экспертов-индологов обобщенной оценки по одному из важных вопросов развития индийской экономики и общества в целом. Во-вторых, определение возможностей использования групповой экспертной оценки для решения других проблем, по которым мнение экспертного сообщества расходится.

Экспертам был предложен следующий текст, ниже он представлен с небольшими сокращениями:

«В средне- и долгосрочной перспективе развития Индии выделяется альтернатива: Индия успешно следует путем догоняющего развития и вслед за Китаем выходит в число мировых экономических лидеров, или же демографические и экологические проблемы препятствуют этому, и Индия следует сценарию, который имеет схожие черты с ситуацией в Пакистане. Социально-экономическое развитие в этом случае будет сопровождаться кризисами, которые характерны для стран с замедленными темпами догоняющего развития».

Представляется, что после выявления коллективной оценки вероятности развития по обоим сценариям целесообразно провести исследование путей предотвращения кризисного сценария и обеспечения устойчивого догоняющего развития».

Ниже представлены сценарии, которые нужно оценить.

«Эколого-демографическая катастрофа»

Большое население, особенно в сельской местности, и ограниченные экономические ресурсы, недостаточные для реализации широкомасштабных программ модернизации экономики в целом и сельского хозяйства в частности, создают условия для экологического кризиса большого масштаба, поскольку уже многие десятилетия в Индии нарастает аграрное перенаселение, которое ведет к разрушению природной среды в деревне. По словам В.Г. Растянникова, «современная Индия переживает острейший кризис, несмотря на головокружительные успехи экономического роста за последние десятилетия. Червоточина этого кризиса под названием “давление населения на землю” (pressure of population on land) весьма болезненно ощущалась крестьянами Индии еще в 30-е годы XX века, к началу XXI века она разрослась в огромную раковую опухоль. Этот кризис имеет перманентный характер. Его причина — не конъюнктурно-рыночного происхождения, не некий особый феномен спада экономического цикла, это кризис самих фундаментальных основ земледельческого производства, исторически главной сферы экономической деятельности народов Индии. Первопричина этого кризиса — чрезмерно интенсивный, не сообразующийся с массой имеющихся природных ресурсов рост населения». Состояние современного сельского хозяйства Индии характеризует тот факт, что производство продовольственного зерна на душу населения в начале XXI века ниже, чем в конце XIX века.

Как пишет А.М. Горячева: «Уже сейчас страна отягчена таким количеством “избыточного”, бедного, неграмотного и больного населения

* Акимов Александр Владимирович, доктор экономических наук, заведующий Отделом экономических исследований Института востоковедения РАН.
Ванина Евгения Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН.
Шаумян Татьяна Львовна, доктор исторических наук, заведующая Центром индийских исследований Института востоковедения РАН.

(«биомассой», по выражению одного индийского социолога), что ее никак не удается включить в современный экономический процесс (inclusive growth). Руководство страны отдает себе отчет в том, что даже темпы экономического роста в 8–10% в год не могут решить проблему кардинально».

«Успешное догоняющее развитие и борьба за лидерство в мире»

Создатели аббревиатуры БРИК, обозначающей страны с большим потенциалом развития в XXI веке, из международной консалтинговой фирмы Goldman Sachs считают, что при успешном развитии к 2050 г. экономика Индии по своим масштабам может превысить экономику США.

Рост роли Индии в мире в ближайшие десятилетия уже не вызывает сомнений, эта перспектива широко обсуждается: «В следующие 15–20 лет индийские лидеры будут бороться за многополярную международную систему, в которой Нью-Дели стал бы одним из таких полюсов, а также политическим и культурным мостом между поднимающимся Китаем и Соединенными Штатами. Все более уверенное поведение Индии на международной арене, питаемое главным образом экономическим ростом и успешным демократическим развитием, подталкивает страну к партнерству со многими государствами. Однако это партнерство нацелено на максимизацию самостоятельности Индии, а не на союз с какой-либо страной или коалициями стран».

Экспертам было предложено указать по одному значению или диапазон значений, которые характеризуют вероятность развития по тому и другому сценарию. Сумма обоих вариантов должна составить 100%.

Для опроса была использована база данных, содержащая сведения об индологах, работающих в странах СНГ. Вопросы были разосланы 100 индологам. На вопрос ответили восемь человек. По договоренности с участниками опроса данные представлены анонимно. Состав экспертов характеризуется следующими данными. Среди участников четыре доктора наук, два кандидата наук, два опрошенных без степени. Трое историков, один географ, один политолог, два специалиста по международным отношениям, один антрополог, четверо работают в академических учреждениях, четверо в вузах, семеро из Москвы, один из Киева.

В табл. 1 представлены ответы экспертов. Для расчета интервальные ответы усреднялись. Последняя строка — средние арифметические значения. В ходе опроса тремя участниками был предложен третий сценарий. Текст в ячейках третьего столбца взят из ответов экспертов для характеристики того, что они имели в виду.

Таблица 1
Ответы экспертов на вопросы о будущем Индии

Экологическая катастрофа	Успешное догоняющее развитие	Стагнация, оба сценария реализуются одновременно
10	90	—
20–40 (30)	60–80 (70)	Сценарии могут реализовываться одновременно. Возможен экономический рост на фоне углубляющегося эколого-демографического кризиса
5	60	35 — стагнация
15–25 (20)	75–85 (80)	—
10	10–15 (12,5)	80 — Индия так и будет жить. Слишком уж давно в Индии все началось, чтобы вот так вдруг кончиться экологической катастрофой или резким развитием (тоже катастрофой)
100	—	—
60–70 (65)	30–40 (35)	—
10–15 (12,5)	85–95 (90)	—
31,6	**54,7**	**14,4**

После первого тура опроса экспертам была разослана табл. 1 и было предложено изменить ответ, если они сочтут это необходимым. Изменений внесено не было.

Таким образом, на первом месте, по вероятности, оказался сценарий успешного догоняющего развития. Его вероятность расценена максимальной с существенным отрывом от сценария экологической катастрофы. Третий сценарий, определенный самими экспертами, оказался на третьем месте.

Опрос показал интересные результаты. Прежде всего, необходимо отметить, что сообщество индологов сумело использовать экспертный опрос в виде инструмента исследования. Полученные результаты позволяют надеяться, что и в дальнейшем этот метод анализа найдет применение в индологии.

Что касается перспектив развития Индии, то участвующие в опросе индологи в целом оказались скорее оптимистами, чем пессимистами, в оценке перспектив этой страны, однако, очевидно, что эксперты указывают на большие трудности в реализации оптимистического варианта развития.

Представляется, что проделанное исследование носит самый предварительный характер. В дальнейшем желательно провести опрос с участием большего числа экспертов. При анализе прогнозов развития Индии данное исследование может стать ориентиром для более детального и конкретного определения проблем и стратегий развития.

*В. Я. Белокреницкий, С. Н. Каменев**

Сценарии для Афганистана и Пакистана до 2050 г.

Для определения перспектив развития этих двух тесно связанных между собой стран были сформулированы следующие сценарии.

«Помощь извне» основан на том, что при существующем состоянии экономической и политической систем этих стран решить задачу по мобилизации общества для модернизации всех сторон жизни, для решения экономических, экологических и социальных проблем не представляется возможным. Вместе с тем Запад, Китай, Индия и Россия заинтересованы в устранении постоянной угрозы нестабильности, исходящей из этого региона. Через каналы международных организаций и на двусторонней основе был создан механизм международной помощи, который стимулировал налаживание политических и общественных механизмов в Афганистане и Пакистане, которые смогли принять эту помощь и направить ее на решение задач экономического и социального развития.

«Модернизация через исламизацию». В результате политического переворота власть захватили исламские политические силы. Мировое сообщество устранилось от вмешательства в дела Афганистана и Пакистана, понимая, что внешние военные силы не смогут контролировать эти страны. В результате новый исламский режим обеспечил полноту политической власти, но столкнулся с необходимостью решать внутренние экономические проблемы. После непродолжительного периода неудачных традиционалистских экспериментов власти пришли к необходимости проведения модернизации. Основываясь на политической модели иранского типа, власти развернули модернизацию материальных условий жизни. Новая экономическая политика властей привлекла иностранные инвестиции первоначально исламских стран, но затем Китай, Индия и Запад также подключились к инвестированию в Афганистан и Пакистан. В результате быстрое экономическое развитие сосуществовало с политическим режимом, придерживающимся шариата.

«Вялотекущий кризис». Этот сценарий представляет собой вариант долгосрочного сохранения текущей ситуации. Афганистан и Пакистан понемногу развивают свою экономику, основываясь на внутренних ресурсах и иностранной помощи. Международное сообщество «откупается» от этих стран, их проблем, предоставляя экономическую помощь. Наиболее активные члены общества эмигрируют в другие страны, оставшиеся приспосабливаются к скудным условиям жизни. Нет прогресса, но нет и катастроф.

В. Я. Белокреницкий

Предлагаемая схема сценариев для Афганистана и Пакистана исчерпывает все наиболее вероятные варианты развития двух соседних государств, попадающих в одну категорию. Причем прогноз касается одного параметра — модернизации развития, не включает вариантов внешней экспансии, идеологической и военной.

С точки зрения такой несколько обуженной траектории развития представляются наиболее правдоподобными сценарии 1 и 3. Причем они не исключают, а дополняют друг друга. Сценарий «Помощь извне» акцентирует внимание на необходимости помощи с тем, чтобы удержать страны от углубления разного рода кризисов и наступления коллапса катастроф. Из сценария не совсем ясно, насколько успешно будут при этом выполнены задачи экономического и социального развития. Речь, видимо, идет о достаточно быстром росте и удовлетворительном темпе преобразования традиционных структур в современные.

На мой взгляд, помощь извне не приведет к устойчиво быстрому развитию и решению социально-экономических задач. Слишком велико давление демографической инерции, слишком глубоко распалась социальная ткань, маловероятно, что удастся изменить культуру племенных сообществ запада и северо-запада Пакистана, юга и востока Афганистана, существенно повысить уровень грамотности и образованности женщин, включить их в самодеятельное население. Это можно было бы сделать только при проведении ДИКТАТОРСКОЙ модернизации, жестко навязанной «сверху», крайне затратной с финансово-экономической и социально-гуманитарной точек зрения. Демократия не создаст условий для форсированной модернизации, а ее отсутствие будет углублять кризисные процессы, создавая почву для социального застоя и политического брожения.

Внешняя помощь, таким образом, может лишь задержать сползание в обрыв, может позволить экономикам двигаться по краю пропасти. Эта траектория совпадает, как я понимаю, с той, что описана в сценарии «Вялотекущий кризис». Международное сообщество «откупается» от этих стран, а эмигра-

* Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН. Каменев Сергей Наумович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Пакистана Института востоковедения РАН.

ция позволяет им получить дополнительные ресурсы для вялотекущего развития. Не надо забывать, что внешние поступления от работающих за границей для Пакистана ныне составляет сумму, сопоставимую с объемом экспорта его товаров. Это явление можно охарактеризовать как пример глобализации, превращения стран в поставщиков дешевой рабочей силы, в которой остро нуждаются в первую очередь капиталоизбыточные нефтедобывающие страны Аравии и Персидского залива.

В определенном смысле не противоречит двум этим сценариям и сценарий номер 2. Модернизация, точнее, развитие вялотекущего, замедленного типа, скорее всего, будет осуществляться в формах, которые присущи происламским в культурно-политическом отношении режимам, и проведении политики избирательной и совершенствующейся исламизации. Однако вероятность достижения при этом «быстрого экономического развития», по-моему, крайне мала. Исламизация сама по себе, по-видимому, неспособна (во всяком случае, в условиях Афганистана и Пакистана) изменить морально-этический климат, не искореняет пороков коррупции и непотизма, культуры родственных кланово-племенных и земляческих связей, негативистского, скептического отношения к государственным институтам и гражданскому обществу. При информационной открытости и свободе перемещения она углубляет двуличие и лицемерие представителей среднего класса, ориентированного на использование шансов для эмиграции и существования в двух мирах — внешнем, глобальном, и внутреннем.

В целом я бы объединил первый и третий сценарии, охарактеризовав их как вялотекущий кризис в условиях непрекращающейся помощи извне и глобализации экономик Афганистана и Пакистана с преимущественной ориентацией на более близко расположенные рынки стран Ближнего и Среднего Востока, Индии, Китая, Японии и всей Тихоокеанской Азии. Определенное значение будут сохранять и связи с Евро-Атлантическим сообществом, а также с Северной Евразией (Россией и Центральной Азией, или Евразией).

Этому сценарию я дал бы шанс равный 80–90%. Если рассматривать эти сценарии отдельно, то соотношение будет таким — сценарий 1–20–30%, сценарий 2–70–60 (60–70%). Сценарию успешной модернизации (обеспечивающей быстрый экономический рост) через исламизацию остаются 10–20%.

Но это, если оставаться в рамках заданных сценариев. Если же к ним добавить сценарий катаклизмов и катастроф в виде: (а) джихадизации, т. е. агрессивной, воинствующей исламизации с ее распространением на север, в Центральную Азию; (б) фрагментации стран и диффузии, частичного или полного паралича власти, хаотизации и анархии; (в) региональной войны с применением ядерного оружия (Пакистан — Индия) и происходящего где-то в середине прогнозного периода «брейка», прерывания постепенности, инерционности, то картина будет иной.

Сценариям 1 + 3 я бы дал 60–70%.
Сценарию 2–5–10%.
Сценарию 4 (новому) — 35–20% (20–35%).

С. Н. Каменев

1. «Помощь извне» — 40%
2. «Модернизация через исламизацию» — 0%
3. «Вялотекущий кризис» — 60%

Строго говоря, к Пакистану полностью неприменимы ни первый, ни третий варианты. Это означает либо черное, либо белое. А здесь имеет место быть «серое».

Пакистан опирается в своем политико-экономическом развитии одновременно на внутренние и внешние ресурсы и помощь. Помощь как экономическую, так и политическую. Это будет особенно актуально после окончательного вывода войск НАТО в 2014 г., когда страна выйдет на острие борьбы с терроризмом и экстремизмом афганских и пакистанских талибов.

Приход к власти в Пакистане после всеобщих выборов в мае 2013 г. Наваз Шарифа (Пакистанская мусульманская лига/Н/) обозначил его четкое намерение улучшить отношения с Индией (возможно даже решение Кашмирской проблемы), развитие (несмотря на существующие в стране антиамериканские настроения) и дальше отношений с США, однозначно с Китаем как одним из ведущих экономических, военных и политических партнеров Пакистана. Есть намерения продвигать отношения и с Россией, однако пока что Москва уделяет этой ядерной державе (в наличии 70–90 ядерных боеголовок) с населением почти в 200 млн. человек мало внимания.

Пакистанские талибы выразили слабую готовность начать вести с Наваз Шарифом переговоры о прекращении терактов на территории Пакистана, однако убийство в конце мая с. г. Валиур Рехмана (лидера пакистанских талибов) в ходе бомбежки американских дронов привело к их отказу от переговоров.

Основными сдерживающими факторами на пути развития экономики являются острый энергетический кризис (отсюда незначительный рост промышленности и сельского хозяйства), а также слабая собираемость налогов (результат — существенная нехватка бюджетных средств) ввиду массовых уклонений от налогообложения.

Базой для развития экономики являются иностранная помощь (США и международные финансовые организации — МВФ, Всемирный банк, АзБР), а также поступления от пакистанцев из-за рубежа (13 млрд. долл. в 2012/13 фин. г.). Последнее позволяет сохранять определенную социальную стабильность, несмотря на то что в Пакистане ниже черты бедности (доход меньше 1,25 долл. в день) проживают оценочно от 25 до 33% населения.

*Н. М. Мамедова**

Возможные сценарии развития Ирана до 2050 г.

Экспертам-иранистам было предложено два сценария развития Ирана (сценарии 1 и 2), экспертами переработаны предложенные сценарии и добавлен третий.

1. «Вестернизированный Иран» основан на тенденции постепенной эрозии идеологической и религиозной составляющей существующей политической и социальной системы. Экономическое благосостояние, материальная составляющая современного образа жизни приводит к необходимости вестернизации, что в конечном итоге кардинально меняет режим. Этот сценарий предполагает изменение существующего строя как исламского. Это изменение может произойти: а) в результате внутренних причин, в том числе выборов или референдума, или б) под влиянием внешних факторов (например, военного разрешения ядерной проблемы, активного вмешательства иностранных государств в политическую жизнь Ирана).

2. «Исламский Иран». Многолетнее существование религиозного исламского государства в Иране и «арабская весна» дали стимул для укрепления существующего режима. Вполне устойчивое экономическое развитие, несмотря на ужесточающееся по инициативе Запада санкционное давление, продемонстрировали, что можно поддерживать существующую политическую систему, а религиозный характер государства не препятствует социально-экономическому развитию. Мировой кризис, начавшийся в 2008 г., стал дополнительным аргументом для сохранения исламской государственности, при этом, по мнению экспертов, возврат к модели «исламского Ирана» периода Хомейни (до 1990-х) маловероятен.

3. Третий сценарий представляет собой «смешанный вариант» первых двух и может быть представлен как **«Модернизация в условиях исламской государственности»**. Некоторые эксперты считают более оптимальным название этого сценария — «Эволюция в условиях исламской государственности».

Иран дал *наглядный* пример того, как ускоренная модернизация сверху привела к смене шахского режима исламским и отказу от курса на вестернизацию. Однако опыт развития в рамках исламского правления также отчетливо продемонстрировал курс на модернизацию в русле современных мировых тенденций, на формирование рыночной модели, на снижение до минимума государственного сектора и вмешательства государства в экономику. Увеличение ассигнований на развитие инноваций, постепенное сближение демографической ситуации (к 2030–2050 гг.) с тенденциями развитых стран (снижение рождаемости, рост продолжительности жизни) делают эту тенденцию достаточно устойчивой. Происходит дальнейшая эволюция использования исламских принципов как в экономике, так и социально-политической жизни в зависимости от прагматических задач государства. Происходит постепенное реальное и конституционное изменение структуры государственной власти в сторону увеличения роли республиканских и уменьшения роли исламских органов, в том числе велаяте-факиха.

В опросе приняли участие 8 экспертов. Вероятность реализации различных сценариев (в %) оценена ими следующим образом (в алфавитном порядке).

Эксперты	1. сценарий — а) в % к б)	2 сценарий	3 сценарий
Дружиловский С. Б. (МГИМО)	10% (50:50)	20	70
Дунаева Е. В. (ИВ РАН)	5 (70:30)	20	75
Кожанов Н. А. (СанктПГУ)	10 (70:30)	10	80
Кулагина Л. М. (ИВ РАН)	10	20	70
Мамедова Н. М. (ИВ РАН)	5 (50:50)	25	70
Полищук А. И. (ЛГГУ)	20 (70:30)	20	60
Сажин А. И. (ИВ РАН)	5 (70:30)	10	85
Федорова И. Е. (ИВ РАН)	10	30	60
Итого в среднем	9,4	19,4	71,2

С большим отрывом прогнозируется вероятность развития страны по 3-му сценарию, достаточно высокой, около 20%, оценена вероятность сохранения во власти шиитского духовенства и влияния исламских принципов на правовую, экономическую и культурную жизнь Ирана. Смена режима наименее вероятна, большинство экспертов прогнозирует это изменение в результате внутренних факторов.

* Мамедова Нина Михайловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором Ирана Института востоковедения РАН.

Н.Ю. Ульченко, И.И. Иванова,
*Н.Г. Киреев, М.С. Мейер, Е.И. Уразова**

Возможные сценарии развития Турции до 2050 года

Экспертам-туркологам были предложены следующие сценарии развития Турции до 2050 г., сочетающиеся со сценариями, разработанными для других стран и регионов.

Сценарии для Турции до 2050 г.

«Европеизация» основана на тенденции развития экономической интеграции Турции и стран ЕС в систему тесного экономического сотрудничества и взаимодействия. Развитие промышленности и хозяйства в целом приводит к тому, что Турция становится мощной региональной экономической силой. Многолетние усилия по вступлению в ЕС приводят к тому, что Европа оказывается заинтересованной включить Турцию в ЕС на взаимно выгодных условиях.

«Турецкое возрождение». Раздраженная безуспешными многолетними попытками присоединиться к ЕС, и почувствовавшая себя новой экономической и политической региональной силой после ослабления Ирака и Сирии, Турция концентрирует усилия на установлении новых отношений с соседними странами, в которых она стремится к лидерству, пытаясь хотя бы частично восстановить свое влияние периода Османской империи.

«Исламское возрождение Турции». Многолетнее существование религиозного исламского государства в Иране и «арабская весна» стимулировали исламские движения действовать. Общественное мнение приняло изменение внутренней жизни страны, поскольку в новых условиях Турция в качестве исламского государства имеет лучшие позиции в борьбе за лидерство в исламском мире за пределами соседних стран. Турция выступает как государство, проведшее модернизацию материальной жизни общества, но сохранившее исламские ценности. Турция становится одним из технологических лидеров исламского мира, претендующим и на политическое лидерство.

Была произведена оценка вероятности этих сценариев. Ответы представлены в табл. 1.

Таблица 1
Оценка экспертами вероятности сценариев, %

	«Европеизация»	«Турецкое возрождение»	«Исламское возрождение»
Ульченко Н.Ю.	60	30	10
Иванова И.И.	50	40	10
Мейер М.С.	25	40	35
Уразова Е.И.	85	10	5
Среднее значение	55	30	15

Ниже представлена аргументация, поясняющая вероятность реализации прогнозных сценариев.

1. Сценарий «Европеизация»

Ульченко Н.Ю. Представление о сценарии 1 и сценарии 2 как альтернативных, по всей видимости, является результатом преувеличения уровня самостоятельности внешней политики Турции, а также игнорирования такого остающегося весьма важным фактора формирования турецкого внешнеполитического курса, как США. С этой точки зрения, видимо, более правильно было бы придерживаться традиционного подхода, в рамках которого отношения Турции и ЕС рассматриваются как часть общей системы отношений Турции с Западом, включая и отношения в рамках НАТО.

Окончание холодной войны действительно снизило актуальность довлевшей долгие десятилетия над турецкой внешней политикой парадигмы безопасности, а значит, стало возможным ослабление зависимости от традиционных партнеров (США и Западной Европы), с которыми, в первую очередь, связывала эффективная система обороны. Появилось больше свободы и вариантов для конструктивного развития отношений с другими странами,

* Ульченко Наталья Юрьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Сектором Турции Института востоковедения РАН.
Иванова Инесса Ильинична, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.
Киреев Николай Гаврилович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.
Уразова Елена Исмаиловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.
Мейер Михаил Серафимович, доктор исторических наук, президент ИСАА МГУ.

для того чтобы сделать внешнюю политику страны более амбициозной, активной и самостоятельной: пришло время отказаться от тактики неизменного согласия со старыми партнерами и развивать отношения с новыми. Следует отметить, что подобное расширение внешнеполитических целей весьма удачно компенсировало начавшийся процесс торможения в развитии отношений с ЕС.

С другой стороны, последующее обострение ситуации на Среднем Востоке вынуждают Турцию при принятии решений, имеющих принципиально важное значение для региона, скорее следовать в фарватере политики стран Запада, нежели формировать некую самостоятельную линию, хотя и делает это турецкое руководство менее безоговорочно, чем ранее. Например, в ситуации и с Ливией, и Сирией Турция, в значительной мере отказавшись от прежней риторики самостоятельных действий, присоединилась к Западу, а на следующем этапе начала требовать от него большей активности в защите своих интересов в отношениях с Сирией. Опять же после некоторого периода сомнений в сентябре 2011 г. Турция подписала меморандум о размещении на турецкой территории радара раннего предупреждения в рамках создаваемой США и НАТО системы противоракетной обороны.

Оптимистические ожидания, связанные с «арабской весной», сменяются осознанием реалий и пониманием опасности экономического и политического хаоса, в который погружаются страны региона. К тому же вторая волна глобального кризиса ставит под вопрос возможность поддержания устойчивого экономического роста в Турции, а политическая поляризация турецкого общества предопределяет его существование в условиях довольно высокой напряженности. Суммируя сказанное, можно предположить, что парадигма безопасности и связанное с ней укрепление отношений с Западом вновь актуализируются в турецкой внешней политике по мере ослабления факторов, которые еще некоторое время назад создали предпосылки для снижения внимания к ней. Но и при наличии угроз, проистекающих из характера развития международной ситуации, Турция, скорее всего, все же будет стремиться сохранить новый активный стиль внешней политики в регионе, в первую очередь для того, чтобы поднять свою стратегическую и тактическую значимость для стран Запада в реализации их региональных внешнеполитических задач. Как отмечал один из аналитиков, «администрация Обамы заинтересована в усилении своего сотрудничества с Турцией в рамках реализации внешнеполитической цели «управлять из-за спины», что одновременно совпадает со стремлением Эрдогана расширить влияние Турции в регионе, предпочтительно в сотрудничестве со своими союзниками». Одновременно сохранение активных отношений с США по-прежнему остаются для Турции инструментом продвижения в принципиально важных для нее отношениях с ЕС в дополнение к той внешнеполитической значимости, которую Турция обеспечивает себе и в региональных внешнеполитических планах стран Запада.

Итог: Турция будет стремиться к продолжению развития стратегически по-прежнему важных отношений с ЕС (и США), в которых новый региональный статус Турции — важный инструментальный фактор. Имея в виду принципиальную значимость первого «европейского» направления, его вероятность следует оценить в 60%. Второе направление как функцию первого оценим в 30%.

Иванова И. И. Анализируя возможные варианты будущего развития Турции, можно подчеркнуть, что у Турции никогда не было и нет четкого и абсолютного вектора односторонней направленности внешней политики. Даже в годы холодной войны, когда речь шла во многих СМИ об односторонней ориентации на США и Запад, возможно было проследить усилия турецкой дипломатии по выстраиванию как двусторонних отношений со странами Ближнего Востока, Балкан, так и определения места страны в регионе. Эти тенденции наиболее отчетливо проявляются с конца 90-х годов и в наши дни, когда возможности для маневра расширились за счет включения в орбиту турецких интересов республик Центральной Азии, Закавказья, поисков новых направлений в отношениях с Россией, участия в региональных организациях и т. д.

Рассматривая «европейское направление» Турции, можно утверждать, что турецкие руководители руководствовались и руководствуются стремлением войти в Европейский Союз не только в связи с усилением экономического правового потенциала страны, но и возможностью стать, благодаря этому, ключевым государством на границе Европы и Ближнего Востока. «Европейское направление» будет, несомненно, продолжено и ему можно отдать 50%.

Киреев Н. Г. Представляется, что содержание процесса европеизации на современном этапе целесообразно расширить за счет того, что Турция и ЕС пытаются ныне найти компромисс по вопросам цивилизационного взаимодействия. Это сейчас главное и принципиально новое в теме подлинной интеграции — в отличие от первых шагов т. н. «европеизации» Турции — сначала через НАТО, затем через экономическое сотрудничество.

На каких цивилизационных принципах будет (если будет) интеграция теперь (уже не только экономическая) — на сугубо европейских либо т. н. «мультикультурных», о которых идут дискуссии и в Европе (Германии) и в Турции?

Далее. Для Европы является важной проблема — Турция и при нынешней власти, при «исламском возрождении Турции», останется светским государством? Тогда интеграция возможна.

Уразова Е. И. После образования Турецкой Республики европеизация была объявлена одной из основных стратегических целей нового государства.

В послевоенный период этот процесс был форсирован, стал одним из факторов модернизации и экономического роста страны, позитивных перемен во внутренней политике. На протяжении последних 50-ти лет Турция является ассоциированным членом Евросоюза и за это время в него тесно интегрировалась. Она регулярно получала финансовую помощь от ЕС, участвовала в его политических и экономических структурах, пользовалась льготными кредитами ЕБРР, а в 1995 г. вошла в таможенный союз ЕС. В последнее время с целью преодоления отставания от ЕС активно проводилась гармонизация турецких правовых, экономических и прочих государственных институтов и структур с общеевропейскими стандартами и нормами. Во внешнеэкономических связях Турции преобладает торговля со странами ЕС, из которых также в страну поступает большая часть прямых иностранных инвестиций, а с ними — передовых технологий. В европейские страны с 1960-х гг. устремился основной поток турецких мигрантов. Многие европейские компании и банки являются основными акционерами и деловыми партнерами турецкого бизнеса. В свою очередь Турции принадлежит важная роль в качестве проводника политических и экономических интересов ЕС в Ближневосточном регионе. После включения Турции в число стран-кандидатов на вступление в полные члены ЕС, она с 2005 г. ведет официальные переговоры о конкретных сроках и условиях этого процесса. Его затягивание в силу ряда причин по существу не меняет курса Турции на продолжение европеизации. Принятие ее в полные члены ЕС — вопрос времени, тем более учитывая взаимную заинтересованность сторон и позитивные результаты уже пройденного пути интеграции страны в Евросоюз.

2. Сценарий «Турецкое возрождение»

Ульченко Н.Ю. См. выше.

Иванова И.И. Что касается вопроса «турецкого возрождения», то сформулированное в опроснике утверждение о «раздражении Турции безуспешными попытками присоединиться к ЕС» практически устарело. Несмотря на ряд ошибок, допущенных в ходе «арабской весны», роль и место Турции на Ближнем Востоке будут неуклонно возрастать. Безусловно, неоосманизм есть, был и будет присутствовать во внешнеполитических доктринах, но Турция будет его маскировать, дабы не получить неодобрение арабских стран. Турция будет стремиться стать моделью для стран Ближнего Востока. В качестве серьезной заявки на новую идеологическую составляющую во внешней политике воспринимается участие Турции в инициативе ООН «Альянс цивилизаций», который, по мнению турецкой правящей элиты, является одним из способов доказать свою значимость в качестве моста между Востоком и Западом, между исламской и христианской культурами. Этому направлению можно отдать 40%.

Уразова Е.И. Этот процесс имеет место, но не противоречит европеизации, благодаря которой во многом стало возможным успешное развитие Турции, ее превращение в ведущую региональную силу, влияние которой уже теперь простирается не только на соседние мусульманские страны, но и на постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа (в рамках политики объединения так называемого тюркского мира) и будет расти далее.

3. Сценарий «Исламское возрождение Турции»

Ульченко Н.Ю. Вероятность реализации данного сценария невелика (10%) как противоречащего общей прагматичной концепции образа действий правящей партии и может повыситься лишь в случае появления каких-либо новых неблагоприятных внутренних или внешних факторов, когда в попытках удержать власть режим может отказаться от свойственной ему умеренности и пойти по пути радикализации, что одновременно станет проявлением его общего кризиса.

Иванова И.И. Что касается «исламского возрождения Турции», оно происходит, но на уровне обычаев традиций. Однако, на наш взгляд, практически невозможно превратить страну в «шариатский Иран».

Исламское окружение Турции также пытается вовлечь страну в свои «большие проекты». Так президент Ирана М. Ахмадинежат в конце 2006 г. заявил, что Турции и Ирану следовало бы взять за основу двустороннего диалога исламские ценности, и призвал правящую ПСР к укреплению роли Турции в исламском мире. Впрочем, иранские призывы, как правило, не имеют успеха у турецкой общественности, считающей режим соседней страны слишком фундаменталистским. Между тем сама Турция явно заинтересована в том, чтобы быть «флагманом» исламского мира. Об этом свидетельствует и продвижение в 2004 г. турка Э. Ихсаноглу на пост генерального секретаря ОИК (ныне ОИС), и постоянные призывы к созданию единого экономического пространства исламских стран.

Подытоживая вышесказанное, можно говорить не просто о связи, а даже о неотделимости всех трех упомянутых направлений (неоосманизма, европеизации и исламизма) друг от друга. Иными словами, основные идеологии Турецкой республики в последние два-три десятилетия все более переплетаются и синтезируются. Зачастую трудно сказать, где начинается кемализм и начинается османизм или исламизм.

Вместе с тем сделать реальный прогноз до 2050 г. практически невозможно. Здесь прежде всего надо ответить на многие вопросы, а именно: что будет с ЕС и сохранится ли эта организация, неясно и будущее Ирана, трудно точно ответить на вопросы о будущем развитии Ближнего Востока. Словом, су-

ществует множество проблем, которые также будут влиять на формирование турецких внешнеполитических приоритетов.

Уразова Е.И. Этот сценарий имеет очень мало шансов на реализацию. Турецкая Республика создавалась как секулярное государство и уже не одно поколение турецких граждан выросло в светской среде, а принадлежность значительной части населения к мусульманской религии и ее ценностям проявляется преимущественно на культурно-бытовом уровне. Важной особенностью возрождаемого в последние годы в Турции политического ислама является его традиционно толерантный характер, несовместимый с крайностями исламского фундаментализма и с экстемизмом. Эта особенность, присущая ныне правящей в Турции Партии справедливости и развития, не является препятствием ни для продолжения курса на европеизацию страны, ни для расширения политических, экономических, деловых связей (как на двусторонней основе, так и в рамках региональных объединений — ОЭС и ОИК) со всеми мусульманскими странами. В целом же, как представляется, Турция к середине XXI в. будет сохранять одновременно принадлежность и к европейской цивилизации, и к мусульманскому миру, служить своего рода мостом сближения между ними.

*А. О. Филоник**

Сценарии развития арабских стран до 2050 г.

В рамках коллективной работы Института востоковедения РАН над прогнозом по государствам Востока до 2050 г. предпринята попытка проследить возможные пути эволюции двух типов арабских государств, представленных нефтеэкспортерами и нефтеимпортерами. Для этого они поделены на крупные группы, относительно каждой из которых намечены контуры своих вариантов развития. Сценарии разработаны в Отделе экономических исследований ИВ РАН А. В. Акимовым.

В составлении прогноза принимали участие Б. Г. Сейранян, Г. И. Смирнова, А. И. Яковлев, В. А. Исаев, В. В. Орлов, Л. Р. Руденко, А. Б. Подцероб.

Арабские страны-нефтеэкспортеры

«Энергетика навсегда». Согласно этому сценарию арабские страны-нефтеэкспортеры после выработки месторождений нефти и газа развивают солнечную энергетику. Обилие дешевой энергии позволяет сохраниться тем отраслям тяжелой промышленности, которые работают на местном или привозном сырье и дешевой энергии (черная и цветная металлургия, химическая промышленность). Возможным представляется и ускоренное создание национальной атомной или гелиоэнергетики. Такого рода планы обсуждались в Саудовской Аравии и ОАЭ.

Предложенный вариант развития (при активном использовании зарубежных инвестиций и существенном росте ненефтяных отраслей национального хозяйства) позволит сохранить основы существующей социальной политики, хотя неизбежным видится понижение уровня социального обеспечения со стороны государства.

«Возвращение в пустыню» — альтернативный вариант развития после истощения нефтяных и газовых месторождений. Недостаточная эффективность солнечной энергетики и потенциальная опасность атомных станций резко сокращают возможности для развития национального хозяйства. Учитывая существенное падение доходов государства, а также трудности в создании конкурентоспособных отраслей ненефтяной промышленности, в создании привлекательных финансовых рынков и рекреационных зон в районах Персидского залива и Красного моря, меняются базовые основы социально-экономического строя. Происходит процесс упрощения структуры экономики, самыми опасными в котором представляются острый кризис водных ресурсов и продовольствия. Из этих стран уходят большие массы иностранных работников. В социально-политической жизни вероятна натурализации уклада жизни в соответствии с канонами исламского и племенного жизнеустроения. В системе мирового хозяйства регион превращается в малозначимую окраину.

Арабские страны-нефтеимпортеры

«Средиземноморская интеграция» основана на тенденции развития экономической интеграции арабских стран Средиземноморья и стран ЕС в систему тесного экономического сотрудничества и взаимодействия. Развитие солнечной энергетики в больших масштабах и транспортировка электроэнергии по подводным кабелям по дну Средиземного моря превращает страны Северной Африки в крупных экспортеров энергоресурсов на новой, ненефтегазовой, основе. Потенциальные возможности этой группы стран по использованию солнечной энергии оцениваются в четыре раза больше возможностей всех европейских стран.

Страны ЕЭС заинтересованы в экономическом развитии стран Средиземноморья для предотвращения иммиграции из этих стран в Европу. Удорожание рабочей силы в Китае делает целесообразным перенесение трудоинтенсивных производств в другие регионы, включая страны Средиземноморья.

«Арабская улица». В условиях неизбежного сокращения природных ресурсов и возрастающих противоречий между уровнем экономического и политического развития во всех арабских странах возникает социально-политический конфликт. Его движущей силой становится молодежь, уже сейчас численно преобладающая в арабском обществе. Безработица, социальная несправедливость наряду с завышенными социальными ожиданиями приводят к маргинализации значительных масс населения. Их возможная структуризация и институциализация под национальными и (или) религиозными лозунгами приводят к политической нестабильности и препятствуют достижению цели устойчивого экономического развития.

В случае длительного существования этого сценария страны региона становятся очагом нестабильности, для локализации которого другие страны, включая арабские страны-нефтеэкспортеры, европейские страны, США готовы оказывать гуманитарную помощь и помощь развитию. Регион становится похожим на Палестинские арабские территории, живущие за счет внешней финансовой помощи, или на Пакистан и Бангладеш, то есть значительно откатывается назад в своем экономическом развитии.

*Филоник Александр Оскарович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

«Исламское возрождение». Пережив период «арабской весны», государства региона обрели твердую власть в лице исламских партий и лидеров. Именно они взяли на себя организацию и проведение экономической модернизации. В ее осуществлении активное участие приняли Турция, Иран, Малайзия и Индонезия как технологические лидеры исламского мира. Финансовую поддержку оказали арабские страны-нефтеэкспортеры. Убедившись в политической стабильности режимов, инвестировать в регион стали Китай, Индия, страны Запада, Япония и Корея. Модернизация прошла по иранскому варианту — экономическая модернизация при авторитарном политическом режиме и традиционалистской культурно-религиозной среде.

В опросе приняли участие восемь сотрудников Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН. В их числе три доктора наук и пять кандидатов наук, четверо историков и четверо экономистов.

Результаты прогноза представлены в табл. 1. Опрос проведен таким образом, чтобы в таблице, помимо оценок вероятности сценариев, по возможности присутствовали комментарии экспертов, участвовавших в этой работе.

Таблица 1

Ответы экспертов на вопросы о будущем арабских стран, являющихся крупными нефтеэкспортерами (Числа — вероятность реализации сценария в %)

«Энергетика навсегда»	«Возвращение в пустыню»	Комментарии
75	25	«Энергетика навсегда» наиболее вероятна до 2050 г., но следует ожидать появления и внедрения новых, революционных технологических решений проблем промышленности и транспорта, позволяющих кардинально сократить значение углеводородных источников энергии и сырья. «Возвращение в пустыню» может ускорить научно-технический прогресс, сокращение спроса на энергоресурсы, а скорость всемирного распространения инноваций показал пример мобильников
90	10	Запасов нефти и газа в монархиях Персидского залива хватит на 100 лет и более. Это обстоятельство должно позитивно сказаться на общей ситуации в них. Зона Залива имеет много шансов еще долго отличаться в лучшую сторону от того, что сложилось в Ливии и Ираке по следам иностранного вмешательства, и от Алжира, в котором велики политические риски. В монархиях уже довольно давно проявляется активность, связанная с заимствованием и копированием или даже с участием в разработке альтернативных энергетических и экологических технологий, и продолжается процесс диверсификация экономики, наращивания инфраструктуры под проекты будущего. Спрос на традиционные виды топлива сохранится, несмотря на неизбежные инновации в области энергосбережения во внешнем мире. Но и на таком фоне вполне возможны внутренние социальные потрясения с конфессиональным или политическим оттенком, которые могут иметь негативный эффект
50	50	
10–30 (20)	70–90 (80)	Применительно к нефтедобывающим монархиям «откат в средневековье» после выработки природных ресурсов представляется практически неизбежным. В этом состоянии они прожили 1300 лет с момента провозглашения миссии Мухаммада. Нефтяное процветание не имеет глубоких оснований ни в структуре ментальности, ни в специфических мотивациях к труду у коренного населения аравийских монархий. Даже Саудовская Аравия, сохраняя значение религиозного центра мусульман всего мира, после выработки месторождений будет вынуждена обратиться к опыту многих столетий аравийской жизни. По поводу роли гелиоэнергетики в развитии нефтеэкспортеров, как представляется, вряд ли можно сделать утешительные заключения. Хотя нельзя исключить в обозримом будущем технологическую революцию и заметное удешевление и повышение эффективности солнечных батарей
90	10	
70	30	Вряд ли возможно сохранение в прежнем виде социально-экономических систем нефтеэкспортирующих стран под влиянием внешнего фактора и под воздействием внутренних обстоятельств. Развитие альтернативной (солнечной) электроэнергетики действительно может стать важным направлением в экономике арабских нефтеэкспортеров. Об этом свидетельствует нынешняя активность в подготовке к реализации проектов в области солнечных и атомных электростанций для компенсации дефицита генерирующих мощностей, для работы промышленных предприятий и опреснения морской воды
100	0	В том виде, в каком сценарий «Энергетика навсегда» описан, он неверен, т. к. до 2050 г. крупные нефтеэкспортеры не смогут исчерпать запасы нефти и газа. В Кувейте разведанные запасы нефти могут эксплуатироваться 180 лет при нынешних темпах добычи, в Саудовской Аравии — более чем 100 лет, в ОАЭ — 70–80 лет, в Катаре — 120 лет. Под вопросом только Бахрейн, но он «продержится» на поставках и переработке саудовской нефти. А солнечную энергетику развивать будут, но чтобы сохранить нефть и газ для экспорта и развития нефтехимии, черной и цветной металлургии. То же — и для атомной энергетики, особенно учитывая опыт Ирана
90	10	В течение ближайших 50 лет нефть в КСА, Кувейте, ОАЭ, Омане, а также в Ираке не закончится. В промышленно развитых государствах вследствие поиска альтернативных источников энергии может иметь место некоторое падение цен на углеводороды. Но это может быть компенсировано монархиями путем сокращения производства нефти во внутренних целях за счет расширения иных источников энергии
73	**27**	Итого

Таблица 2

Ответы экспертов на вопросы о будущем арабских стран, не являющихся крупными нефтеэкспортерами (Числа — вероятность сценария в %)

«Средиземноморская интеграция»	«Арабская улица»	«Исламское возрождение»	Комментарии
45	45	10	Сценарий «Средиземноморская интеграция» был более вероятен до «арабской весны». Ныне все внутренние проблемы региона настолько обострились, что Европа не захочет вступать с арабами в тесную кооперацию. Лишь после обретения ими относительной устойчивости Европа скажет «добро». Вариант «Арабская улица» вполне вероятен на 75%, но на период 3–5 лет. Если будет стабильность, то к 2050 г. этот сценарий может составить уже 50%. Едва ли страны Северной Африки встанут на путь воспроизводства отсталости. Опыт показывает, что перерыв в процессе развития неравнозначен полному забвению лозунгов социально-экономического и политического развития. Но «Арабская улица» может реализоваться только под исламскими лозунгами. «Исламское возрождение» — вовсе не синоним политической стабильности, иное дело — «Исламский режим», авторитарный по определению. Даже в КСА существующий режим имеет все больше элементов светского демократического государства. Процесс глобализации ведет к унификации, поэтому для всего арабского мира шансы на «исламское возрождение», то есть на модернизацию с исламской идеологией, вовсе не бесспорны. Вопрос в том, что понимать под этим понятием
10	45	45	В силу неоднородности и нестабильности эта часть арабского мира будет находиться в подвижном состоянии из-за борьбы созидательных и разрушительных тенденций, с замедлениями и ускорениями продолжая вектор предшествующих десятилетий. Серьезная интеграция маловероятна по тем же причинам, что сдерживали процесс в предшествующий период. Арабские страны и сейчас в разной степени неустойчивы, и ситуация будет обостряться с разницей лишь в темпах и интенсивности. Исламское возрождение — трудный процесс и возможен лишь при подавлении светского компонента в ряде из них
25	25	50	
20–40 (30)	40–60 (50)	0–20 (20)	В отношении Северной Африки ситуация не кажется столь безнадежной — экономика в ней основывается не на полурабском труде чуждых мигрантов, а на труде собственного населения, решающего проблемы именно своего проживания, а не содержания родственников за рубежом. Сценарий с «просвещенными исламистами» во главе этих стран едва ли реалистичен на фоне действий гг. Мурси, Марзуки и им подобных в госуправлении и разрешении острых проблем региона
25–35 (30)	15–25 (20)	45–55 (50)	Возможно, модернизация в соответствии со сценарием «Исламское возрождение» в некоторых арабских странах пойдет по турецкому варианту
30	40	30	Сценарий «Арабская улица» сопрягается с неизбежным сокращением природных ресурсов. В нем не учитываются обнаруженные в последнее время огромные природные резервуары пресной воды под Сахарой. Наибольшие запасы находятся в Северной Африке. Российскими усилиями найдена мощная подземная река в Мавритании. Группа при Бостонском университете обнаружила гигантскую подземную линзу в Дарфуре. Объединение региональных усилий позволило бы рационально использовать ресурс для решения продовольственной проблемы, экспорта продуктов, развития пищевой промышленности и частичного повышения занятости. Учитывая же интерес Запада к энергоресурсам, следующим объектом демократизации может стать Алжир. В сценарии «Исламское возрождение» спорен тезис о том, что после «арабской весны» государства региона обретут твердую власть в лице исламских партий. В странах со светскими режимами этот вопрос пока не вполне ясен. План «Большой Ближний Восток» как политический проект преследует цель подчинения региона Вашингтону, свержения неугодных режимов, ослабления политического ислама, недопущения «исламского ренессанса», полной деидеологизации исламских государств. Все это будет способствовать обострению противоречий в регионе, в т. ч. и за счет столкновения интересов великих держав
0	55	45	«Средиземноморская интеграция» как явление в полном смысле этого слова не состоится, скорее, возникнет постепенное наращивание экономического сотрудничества. Говорить о том, что Ливия и Алжир будут экспортировать электроэнергию в ЕС на основе солнечной энергетики, невозможно, учитывая их запасы нефти и газа. У АРЕ и Туниса нет и не будет денег на развитие такой энергетики. Квалифицированной рабочей силы у них не хватает даже сейчас, поэтому для переноса производств в страны Северной Африки нужны огромные инвестиции в ее обучение. К тому же энергетика — трудосберегающая отрасль экономики и с ее помощью иммиграцию не остановить
60	25	15	Европейская интеграция государств Леванта и Магриба имеет выраженные перспективы, хотя и неровные. Развитие по пути уличных беспорядков также возможно, но с меньшей вероятностью. Значение же исламского возрождения не будет особенно ощутимым, если к власти придут умеренные силы. Другое дело, если победят радикалы, способные поднять массы и превратить контролируемые территории в террористические базы
29	**38**	**33**	**Итого**

* Итоговые цифры незначительно округлены.

Прослеживается явное различие в оценке перспектив экономистами (выше вероятность «Энергетики навсегда») и неэкономистами (выше вероятность «Назад в пустыню»). В целом выявлено преобладание первого сценария — примерно 3/4 голосов экспертов против 1/4 для второго варианта.

Для арабских стран, не являющихся экспортерами нефти, выявлена более сложная картина. Во-первых, есть разночтения среди экспертов относительно толкования содержания сценариев, сроков их реализации. Уязвимой стороной является само толкование вариантов развития в исходных сценариях. Во-вторых, мнения экспертов сильно разошлись в оценке вероятности сценариев. Можно сказать, что в целом опрошенные оценивают все три сценария как равновероятные, что указывает на большую степень неопределенности будущего этой группы стран.

Результаты опроса не следует рассматривать как безусловно отражающие реально возможные варианты развития нефтеэкспортирующей части арабского мира в силу существенных различий экономического, политического и социокультурного характера нефтепроизводителей. Единственным сближающим их обстоятельством оказывается мировой рынок нефти, который побуждает формировать более-менее сходные позиции в соответствии с динамикой мировых процессов потребления энергоресурсов и складывающейся конъюнктурой мировых цен.

В остальном их пути могут существенным образом расходиться, тем более когда речь идет о направленности процессов внутренней эволюции в условиях усложнения геополитической и геоэкономической ситуации, нарастания активности глобализационных процессов, турбулентности на Ближнем Востоке и в Северной Африке на фоне роста противоречий между развитым и развивающимся миром и между самими мировыми игроками. Другими словами, речь может идти о непрогнозируемом возникновении случайностей, появлении неожиданных обстоятельств и факторов, способных существенно откорректировать вектор развития рассматриваемых государств и даже в очередной раз изменить парадигму их развития.

По характеру экономических и социальных параметров нефтеэкспортеры Персидского залива предстают более стабильными, хотя эту стабильность следует считать достаточно условной в свете событий «арабской весны» и некоторых известных факторов внутреннего свойства, способных резко вмешаться в относительно стабильный процесс роста и обострить ситуацию в Аравии до крайности. Тем не менее, положительные перспективы здесь просматриваются более четко, чем в других арабских нефтеэкспортерах. По крайней мере, Ливия, Ирак и в меньшей степени Алжир не могут быть сопоставимы с монархиями Залива по показателям благополучия и продолжают оставаться в ряду государств региона, переживающих сложный период исторического развития с неясными перспективами.

В целом весь нефтедобывающий ареал сталкивается в той или иной степени с вполне ощутимыми вызовами и угрозами. Это происходит с той лишь разницей, что в одних они уже жестко проявились или пока обнаруживают склонность проявиться с большой интенсивностью, а в других маскируются мощными и грамотно управляемыми и распределяемыми доходами от нефти, развитой инфраструктурой и комфортностью проживания для коренного населения и частично для пришлого, а также большой встроенностью в систему мировой хозяйственной активности при покровительстве Запада. Эти обстоятельства создают для них своего рода подушку безопасности, которая, тем не менее, не должна рассматриваться как бессрочно действующий компонент национальной безопасности и жизнеобеспечения населения.

Другое дело, когда речь идет о взвешивании наиболее общих возможностей и вариантов развития, что позволяет выявить некий генеральный тренд, согласно которому нефтеэкспортеры будут аккумулировать потенциал роста и реализовывать достоинства своего места в системе международного разделения труда.

Анализ приведенных в опросе данных показывает, что даже с учетом крайних показателей перевес мнений складывается в пользу сценария «Энергетика навсегда» в пропорции 66:34. Если крайние показатели отбросить, то разница сократится до соотношения 46:34, т. е. разрыв существенно уменьшится, а тенденция заметно сгладится (хотя и не уравновесится полностью), что указывает на определенную неуверенность экспертов в определении главной тенденции. При этом обнаруживается, что разброс показателей по первому сценарию составляет заметную величину и при общем мнении о преобладании возможности изменения именно в рассматриваемом направлении составляет 80 п.п. Характерно, что при общем согласии опрашиваемых с меньшей вероятностью развития по сценарию «Пустыня» разрыв между максимальным и минимальным значениями показателя составляет также 80 п.п., т. е. вариант несвободен от неопределенности.

В ходе опроса было выявлено явное различие в оценках экономистов (выше вероятность варианта «Энергетика») и неэкономистов (выше вероятность варианта «Пустыня»). Подобный факт может как-то свидетельствовать о том, что от профессиональной ориентации зависит и восприятие действительности, что одно это уже вносит разнообразие в представления о судьбах неэфтеэкспортеров. Но масштаб воздействия этого факта на результат необходимо проверять на большем количестве респондентов.

В группе аналитиков при совпадающем видении общей тенденции все же, как кажется, мало четкого представления о конкретике процессов, составляющие которых трактуются по-разному и, соответственно, по важности распределяются по разным же весо-

вым категориям и степени влияния на характер эволюции внутри региона в рассматриваемый период.

Но можно предположить, что при сохранении в арабских энергоэкспортерах нынешнего курса (даже с некоторыми отклонениями от сложившейся результирующей в развитии и динамике) его продление на ближайшую перспективу может считаться как весьма вероятное.

В рамках такого концепта можно предполагать, что государству не удастся далеко уйти, даже со временем, от управления значимыми сегментами экономических и социальных процессов. Подобного можно ожидать в силу, например, привычного и устойчивого восприятия в обществе идеи властного хозяйствования, с одной стороны, и интуитивно неохотного отношения арабского капитала к приватизации крупных и тем более особо крупных объектов производственного назначения — с другой. К тому же в условиях нынешнего незавершенного кризиса, особенно в его болезненной, начальной фазе, именно государство в странах Залива в конце нулевых годов мобилизовало силы, чтобы решительно купировать финансовые неурядицы в зародыше. Это обстоятельство будет учитываться в массовом сознании и на перспективу как действенное средство преодоления макроэкономических проблем, решения социальных задач и как инструмент оптимизации национальных систем регулирования, распределения и инвестиционного планирования.

Видимо, недаром в монархиях силами государства последовательно создается взаимосвязанная внутрирегиональная инфраструктура, которая явочным порядком и в растущей мере становится системообразующим элементом современных производительных сил Залива и расширяет горизонты их развития, недостижимые при концентрации одних только частных усилий.

Если ранее именно материальному производству принадлежал исключительный приоритет в формировании базовых кластеров в экономике, то теперь эта функция все более отходит к экономической и социальной инфраструктуре. В условиях Залива она становится главным звеном, связывающим внутренние рынки региона и повышающим интерес к региону как к собственно финансово-индустриальному анклаву, так и к его транзитной функции со стороны иностранных инвесторов, товаропроизводителей и международных поставщиков продукции и услуг. Другими словами, аравийские правительства хотят полностью монополизировать свой регион, стать в нем неоспоримо главными экономически (дополнительно к финансовой состоятельности). Это нужно, чтобы самим посылать импульсы во внешний мир и минимизировать сильное давление со стороны влиятельных иностранных партнеров за счет диверсификации своих внешнеэкономических и внешнеполитических связей, расширения контактов с другими контрагентами и превращения своего ареала в серьезную хозяйствующую величину, имеющую твердые позиции.

Размах строительства убеждает в том, что государство едва ли сможет отказаться от свойственной ему в настоящем роли и, скорее всего, продлит ее на будущее. Ведь управление разрастающимися активами требует мобилизации именно властных полномочий при недостаточной предпринимательской инициативе национальных капиталов.

Не исключено, что дополнительным важным фактором на этом пути станет сохраняющаяся в значительной степени убежденность восточного общества во всесилии государства, способного на переломе эпох мобилизовать ресурсы, подтянуть резервы и на основе методов госрегулирования и господдержки выстроить альтернативу структурным реформам и мерам макроэкономической стабилизации, которые, будучи реализованы в некоторых странах Арабского Востока по лекалам наднациональных структур и мировых корпораций, в итоге оказались разрушительными. А это предметно показало потенциальным их последователям сущность подражательной модернизации, поскольку транснациональные субъекты хозяйственной деятельности в конечном итоге заинтересованы только в ресурсах, в том числе и особо, в аравийских энергоресурсах, и уже только в связи с этим в сохранении политического статус-кво в этом регионе.

Не исключено, что на таком фоне нынешний патримониализм и султанизм (особенно при разрастании неуправляемых процессов в общественно-политической жизни) легитимируется в некоей измененной или новой авторитарной ипостаси с правами жесткого контроля и распределения общественного продукта в условиях обострения экологических проблем, сжатия жизненного пространства под влиянием таких императивов, как, например, сокращение продовольственных и водных ресурсов, повышение роли демографического фактора, наличие угроз разной этиологии со стороны конкурирующих центров силы. Или состоится в форме «просвещенного», или «целесообразного», или какого-то иного авторитаризма, который будет в той или иной степени склонен сообразовываться с потребностями общества, изыскивая более адаптивные модели и инструменты управления, располагающие хотя бы к дозированному национальному диалогу, компромиссам и согласию ради сохранения социального мира и поступательности движения в русле модернизации экономических структур, более соответствующей по своему содержанию национальным интересам.

Но на отдаленное будущее, отстоящее на почти сорокалетний период, прямая экстраполяция нынешней динамики и реалий была бы ошибочна. Этому, как минимум, есть три причины. Весьма высокая зависимость от внешнего фактора, что было доказано на примере Ливии, Ирака и Сирии, когда просто обвинения власти со стороны Запада в ав-

торитаризме привели к устрашающим последствиям для населения. И отсутствие гарантий, что такие действия не будут практиковаться и в будущем по отношению к неугодным режимам. Кроме того, формационные подвижки в мире в виде наступления нового технологического уклада, способного изменить коренные представления о современном капитализме и продемонстрировать иные ракурсы глобального жизнеобеспечения, могут так расставить акценты в геополитике и геоэкономике, что они коренным образом преобразуют пространство и все взаимодействия в глобальном измерении и приведут к непредсказуемым подвижкам в системе самого мироустройства, в котором всем государствам придется искать новые места, в том числе и благополучным арабским.

* * *

Нечто близкое по смыслу можно будет наблюдать и в капиталодефицитных странах Арабского Востока со скидкой на их отставание по многим показателям от более благополучных соседей по региону. Индикативное плановое прошлое времен социалистической ориентации (а по существу, усеченного в ряде компонентов капитализма) и существенные элементы госраспределения в экономической и социальной сферах и здесь создают вполне определенные предпосылки для сохранения за государством функции организатора и участника процессов развития и важного работодателя.

Эти же обстоятельства, так или иначе, но будут оказывать влияние и на скорость, и на масштабы экономических и социальных процессов в ненефтяной части арабского мира в предстоящие десятилетия. Разница, естественно, будет определяться не только по этим показателям, но также и характером и темпами мобилизации внутренних и внешних источников накопления и объемами материально-технического и финансового обеспечения процессов развития.

Арабские импортеры нефти дифференцированы во многих отношениях. Однообразие не может быть достигнуто в силу индивидуализированных путей эволюции, а процесс их сближения едва ли будет иметь перспективу в качестве средства выравнивания показателей их роста посредством наращивания его величин и заметного расширения модернизирующихся сегментов. Скорее всего, движение к техническому и социальному прогрессу будет протекать путем естественного аккумулирования их признаков без существенных скачков вверх, но с определенной тенденцией к сбоям на существенных направлениях. В связи с этим, арабские государства среднего и ниже среднего уровня развития продолжат движение по несходящимся маршрутам, но с применением тех же методик.

В целом же арабский мир в этой своей части, так или иначе, движется в русле глобальных процессов, повторяя на своем уровне некие особенности мировой динамики, которая определяет вектор эволюции глобального сообщества. Это обстоятельство — одно из немногих, которые могут как-то подтвердить, что на будущее арабские «середняки» удержатся в русле мировых тенденций и станут с той или иной последовательностью придерживаться политических, социальных и культурных стандартов в стремлении преодолеть переходность своего состояния и добиться адаптации к современности.

В свете сказанного имеются основания утверждать, что в целом позиция рассматриваемой группы стран по многим вопросам современности выглядит реактивной, а склонность к паллиативным решениям даже сложных проблем сохранится еще не на одно десятилетие. Тем самым арабы как бы гарантируют для себя сохранение самобытности и привычной социокультурной ориентации, которые лежат в основе общественного сознания и сдерживают наступление последствий прозападной ориентации и модернизации.

Охранительная функция традиций отомрет в арабском мире нескоро и будет протекать болезненно в предстоящий период. Их политическая и экономическая значимость проявляется сейчас (и должна сохраниться на обозримое будущее) в аморфности хозяйственного организма, в перекосах макроэкономической стабилизации и структурных реформ, в склонности к этатизму, в весьма интенсивных и освященных временем корпоративных связях внутри групп хозяйствующих субъектов, в неформальных отношениях в бизнесе, в теневых структурах племенного происхождения, активно участвующих в подковерном распределении не только экономического, но и политического ресурса.

Эти моменты позволяют говорить о мере готовности арабских стран к восприятию современного многомерного экономического и политического порядка с большой осторожностью, поскольку налет пережиточности и архаичности трудно стереть путем отдельных манипуляций. Для этого требуются настойчивые и системные меры, к которым ни власть любого генеза, ни просвещенная арабская интеллигенция, ни тем более госбюрократия с ее многочисленными изъянами, ни даже народ в общем и по большому счету не готовы.

Неготовность воспринять западные стандарты мешает интеграции арабов даже в соседние промышленно развитые кластеры Европы, не говоря уже о более широком круге. Правда, часть стран является членами ВТО, расширяет связи с МВФ и МБ. Но это процесс немагистральный, имеющий очаговый характер и понимаемый скорее как попытка таким путем компенсировать внутриарабскую несостоятельность в вопросах собственной интеграции.

Тем не менее, более чем сорокалетний период прогноза и общее ускорение общественно-политических и социально-экономических подвижек

в мире позволяет предполагать, что новое все же будет проникать в ткань арабского бытия. Оно будет побуждать носителей арабской культуры глубже задумываться о дальнейших путях развития в качественно новых и быстро мутирующих условиях, обгоняющих массовое сознание. Ведь уже есть свидетельства того, что арабский мир все-таки воспринимает рынок в его западном понимании и даже в какой-то мере, пока скорее умозрительно, клонится к либеральной идее. За предстоящий период этот процесс может получать дополнительные импульсы, хотя сторонники его едва ли будут в состоянии к этому моменту переубедить противников в том, что переход к рынку в западном исполнении автоматически улучшит ситуацию в экономике и в социальной сфере. В условиях ограниченных ресурсов и при отсутствии у арабского капитала серьезных навыков в масштабной производственной деятельности и в участии в крупных проектах развития добиться нового качества на этом направлении в короткой перспективе не удастся и весь процесс не будет эффективным настолько, чтобы реализовать преимущества западной системы на арабской почве.

Вероятно, арабская социально-экономическая практика будет и в дальнейшем эволюционировать преимущественно по своим законам, т. е. небыстро, с опаской и избирательно. Но в то же время следует иметь в виду такой момент, как общее ускорение процессов развития и универсализации методов и способов хозяйственной деятельности с наполнением их совершенно новыми механизмами, орудиями и моделями. Это заставит арабский мир шевелиться и, возможно, даже действовать на опережение в каких-то случаях, но и тогда, скорее всего, не придется говорить о том, что он сойдет с привычной траектории и обе его части — нефтеэкспортирующая и нефтеимпортирующая — придут к выравниванию потенциалов роста. Последняя не добилась даже устойчивого развития, и понятие догоняющего развития, которое не имеет конечной цели, едва ли обретет позитивный смысл на арабских территориях к концу прогноза, поскольку сама по себе задача невыполнима по причине условий соревнования. В связи с этим арабские страны едва ли могут рассчитывать в ближайшие десятилетия на то, чтобы настолько нарастить и улучшить свой потенциал, чтобы вступить в полной готовности в новую фазу роста, где технологические новшества будут играть несопоставимо более серьезную роль, чем на текущем этапе. Скорее, речь будет идти о том, чтобы не ухудшить показатели и в пропорциональном отношении удержаться на уровне нынешних условий воспроизводства.

По поводу прогноза для нефтеимпортеров можно сказать, что здесь возникает весьма сложная картина. Имеются разночтения среди экспертов по поводу толкования содержания сценариев. Уязвимой стороной является само толкование вариантов развития в исходных сценариях. Кроме того, мнения экспертов заметно разошлись в оценках вероятности сценариев. В целом участники опроса оценивают все три сценария как почти равновероятные, что указывает на неопределенность будущего рассматриваемой группы стран.

Тем не менее, даже полученные данные позволяют все же сделать прикидочный вывод о том, что вероятность сценария «Интеграция» всеми признается меньшей, чем сценарии «Улица» и «Ислам», и даже в чем-то чуждой нынешнему положению вещей в арабском мире. Вместе с тем варианты «Улицы» и «Ислама» практически могут быть признаны как конкурирующие между собой в общем-то с незначительным превышением показателя в пользу «Улицы». Видимо, в этом случае в оценке побудительных мотивов небольшой перевес образовался за счет интуитивных представлений об эмоциональной неустойчивости арабов. И эта черта придает дополнительный накал и «вес» событиям, которые, как правило, связаны именно с выражением стихийного протеста. Его носители выплескивают свою энергию на улицу, и события протекают гораздо ярче и объемнее, чем невидная работа по политической мобилизации и привлечению сторонников амбициозных политических течений, способных на значительно более организованные и эффективные действия с быстрым результатом.

Несмотря на определенную логику высказанных экспертами мыслей об отдаленном будущем арабского мира, все же остаются основания полагать, что даже самые смелые предположения могут быть превзойдены жизнью как в сюжетном плане, так и с точки зрения скорости наступления тех или иных реалий, приход которых очень часто остается следствием действия процессов и сил, далеко не всегда поддающихся учету и даже осмыслению.

II. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ

*А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина**

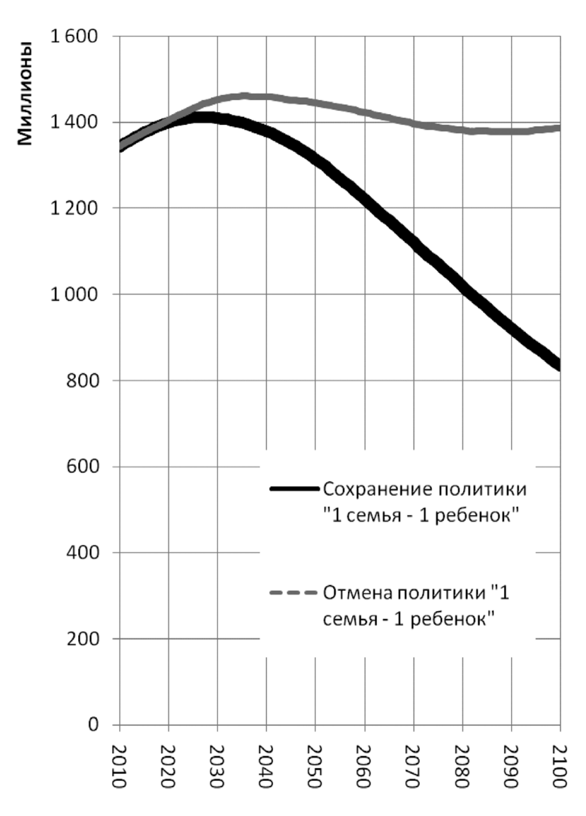
Математическое моделирование и сценарное прогнозирование демографического будущего КНР

Математическое моделирование демографического будущего КНР показывает, что китайскому руководству нужно как можно скорее отказываться от политики «Одна семья — один ребенок».

На первый взгляд сценарий сохранения этой политики может показаться не лишенным некоторой привлекательности — в рамках данного сценария население КНР достигнет максимума в 1 млрд. 412 млн. человек к 2027 году, а затем начнется его очень заметное сокращение — в результате к 2050 году оно уменьшится до 1 млрд. 300 тыс. чел., а к 2100 году — до 830–840 млн. (см. рис. 1). Может быть, такой сценарий не так уж и плох для откровенно перенаселенной страны?[1]

Тем не менее, более внимательный прогнозный анализ показывает, что подобный сценарий сопряжен с очень серьезными рисками.

Рис. 1
Два сценария прогнозной динамики общей численности населения КНР



Начнем с того, что при сохранении политики «1 семья — 1 ребенок» особенно быстро будет сокращаться численность трудоспособного населения (15–60 лет).

При любом сценарии развития численность трудоспособного населения КНР достигнет своего максимума уже очень скоро — в 2015 году, а затем начнется ее все более быстрое сокращение, которое продлится вплоть до конца 20-х годов. И поделать здесь уже ничего нельзя, ведь все те китайцы, которые будут входить в трудовую жизнь в 20-е годы, уже родились, и численность их (в результате проведения политики «1 семья — 1 ребенок») значительно меньше численности их родителей (а восполнить уверенно прогнозируемую убыль численности трудоспособного населения на 60 млн. чел. — т. е. численность населения достаточно крупной страны — за счет внешней трудовой миграции сколько-нибудь реалистичным не представляется).

Рис. 2
Два сценария динамики численности трудоспособного населения КНР

* Коротаев Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Факультета глобальных процессов МГУ.
Зинькина Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ.

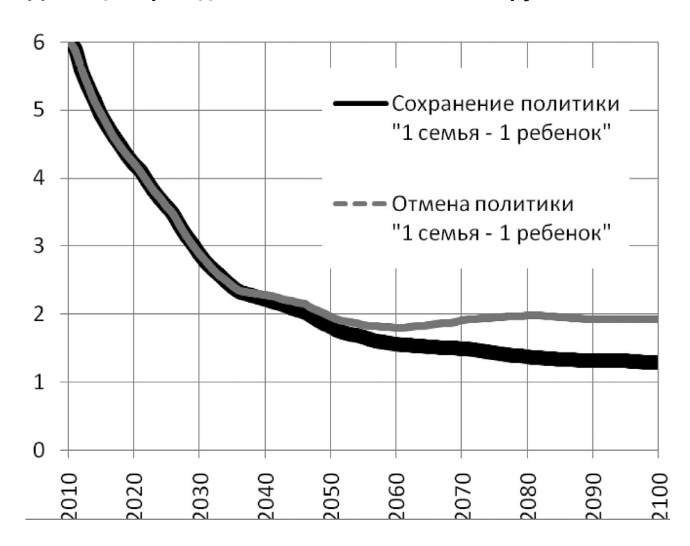
Возможный отказ от политики «1 семья — 1 ребенок» в 2015 году начнет здесь сказываться только в 2030-е годы. Сначала он приведет к некоторому замедлению темпов убыли трудоспособного населения Китая, а затем, к 2060 году, и к его стабилизации на уровне 750 млн. При сохранении политики «1 семья — 1 ребенок» убыль численности трудоспособного населения продолжится и после этого, и к 2100 году она достигнет уровня порядка 400 млн. человек.

Подобное обвальное сокращение численности трудоспособного населения будет иметь целый ряд серьезных отрицательных последствий, включая катастрофический рост пенсионной нагрузки.

Ниже приводятся два сценарных прогноза пенсионной нагрузки (т. е. того, сколько лиц трудоспособных возрастов будет приходиться на одного пенсионера). Один соответствует сценарию отмены политики «Одна семья — один ребенок» в 2015 году (именно в этом году предполагается в очередной раз принять решение — сохранить эту политику на следующий пятилетний срок или отказаться от нее), другой — сценарию сохранения этой политики в последующие годы.

Рис. 3

Два сценария динамики пенсионной нагрузки в КНР



Примечание: график показывает, сколько лиц трудоспособных возрастов будет приходиться на одного пенсионера в КНР в случае отмены политики «1 семья — 1 ребенок» в 2015 году и в случае ее сохранения.

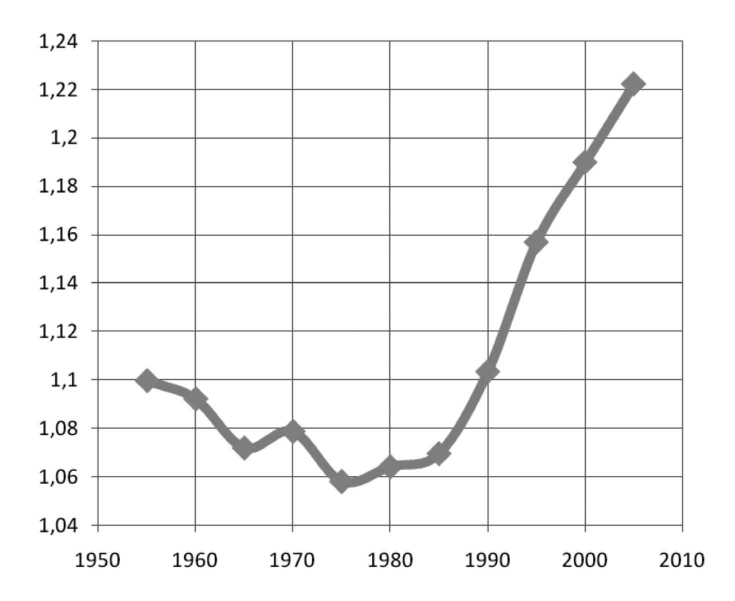
Как мы видим, пенсионную систему Китая в ближайшие десятилетия ждут самые серьезные испытания в любом случае. Систематически проводившаяся с 1978 года политика «1 семья — 1 ребенок» привела к тому, что на смену выходящим на пенсию многочисленным когортам родителей будут приходить все более и более малочисленные когорты их детей и внуков. И изменить что-то на ближайшую перспективу здесь уже нельзя, ведь, как уже упоминалось, все те китайцы, которые войдут в трудовую жизнь через 15 лет, уже родились. Поэтому при любом сценарии до середины 2030-х годов пенсионная нагрузка в КНР будет стремительно нарастать. За 2010–2030 гг. число лиц трудоспособных возрастов, приходящихся на одного пенсионера, сократится в два раза — с шести до трех. А если политика «Одна семья — один ребенок» отменена не будет, то к концу этого века на одного пенсионера будет приходиться лишь примерно один работник. Это, конечно, будет означать полный крах пенсионной системы, а значит, и полномасштабный коллапс всей социальной системы.

Отмена этой политики в 2015 году начнет давать отдачу отнюдь не скоро, ведь те дополнительные человеческие жизни, которые эта отмена даст, начнут входить в трудовую жизнь лишь в 2030-е. Однако делать это надо обязательно, так как в этом случае у китайской социальной системы все-таки остаются заметные шансы на выживание — к концу века при этом сценарии на одного пенсионера будет приходиться уже не один, а два работника, что уже дает определенные шансы свести концы с концами в пенсионной (и шире — социальной) системе.

Однако особую угрозу дестабилизации несет созданный политикой «Одна семья — один ребенок» дисбаланс полов. Собственно говоря, на приведенных выше возрастных пирамидах нарастающий дисбаланс полов в Китае при сохранении политики «1 семья — 1 ребенок» виден невооруженным взглядом. Дисбаланс полов был характерен и для традиционного Китая (число мужчин там заметно превышало число женщин), что было связано с известной традиционной китайской практикой «женского инфантицида» (убийства новорожденных девочек)[2]. В результате, скажем, на 1955 год на 100 девочек в возрасте до 5 лет приходилось 110 мальчиков. После прихода к власти в Китае коммунисты повели достаточно решительную борьбу с этой практикой, и к моменту введения политики «Одна семья — один ребенок» соотношение между малолетними мальчиками и девочками (1,06) было близко к норме (напомним, что в любом случае на 100 девочек рождается примерно 105 мальчиков). После введения политики «Одна семья — один ребенок» дисбаланс полов снова стал расти. Особенно быстро он стал расти с распространением в КНР современных медицинских технологий, прежде всего УЗИ, что позволило определять пол младенца достаточно быстро после его зачатия, а значит, и делать «избирательные аборты». Китайцы всегда ценили мальчиков заметно выше девочек. Поэтому, скажем, на риск санкций за рождение второго ребенка очень многие китайские семьи были готовы, если твердо знали, что мать беременна именно мальчиком, а не девочкой (особенно если первым ребенком в семье оказалась девочка). А вот если выяснилось, что пол у зачатого ребенка женский, да к тому же первый ребенок оказался мальчиком… Тут уже вероятность того, что семья предпочтет аборт достаточно жестким санкциям, заметно вырастала. В ре-

зультате дисбаланс полов стал стремительно расти, и уже в 2005 году на 100 девочек до 5 лет было зафиксировано 122 мальчика (см. рис. 4).

Рис. 4
Динамика числа мальчиков в возрасте до 5 лет, приходящихся на 1 девочку того же возраста в КНР



Источник данных: UN Population Division 2014.

В результате все большее число китайских мужчин окажется неспособным найти себе брачного партнера. Результаты моделирования численности «безнадежных холостяков» (т. е. размера превышения числом мужчин в возрасте 20–39 лет числа женщин аналогичного возраста) по разным сценариям дают следующие результаты (см. рис. 5).

Рис. 5
Прогноз динамики численности «безнадежных холостяков» возраста 20–39 лет в КНР

Как мы видим, в долгосрочной перспективе только как можно более быстрый отказ от политики «1 семья — 1 ребенок» может привести к ликвидации острого дисбаланса полов.

Однако в кратко- и среднесрочной перспективе ситуация выглядит угрожающе при любом из сценариев развития. Стремительный рост численности молодых людей, не имеющих никаких шансов получить себе постоянного брачного партнера, будет неизбежно продолжаться в КНР вплоть до середины 2020-х годов. Затем этот рост несколько замедлится в связи с меньшей численностью того поколения китайцев, которое будет входить во взрослую жизнь в конце 2020-х. Однако отказ от политики «1 семья — 1 ребенок» начнет давать здесь свои плоды только с середины 2030-х.

К 2025 же году численность «безнадежных холостяков» удвоится и достигнет астрономической цифры в 30 млн. человек. И снова поделать здесь ничего уже нельзя, так как 30 млн. потенциальных невест 20–30-летних китайцев 2020-х годов уже не были рождены, подвергшись избирательным абортам (ввезти же в Китай 30 млн. невест из заграницы тоже не представляется сколько-нибудь реалистичным).

Отметим, что в традиционном Китае (так же, как мы помним, характеризовавшимся выраженным дисбалансом полов) «безнадежные холостяки» (которые даже имели выразительное особое название — *guanggun* «голые ветки») были важным источником социально-политической дестабилизации: «Последние исследования китайской юридической истории показывают, что та же экономическая нужда, что стояла за женским инфантицидом, вела и к широко распространившейся торговле женщинами и девушками… Исследования, построенные на анализе материалов конкретных уголовных дел [цинской эпохи], показывают, что покупка и продажа женщин были столь распространены, что связанные с ними преступления были, по всей видимости, предметом около 10% всех дел, рассматривавшихся местными судами… Другим связанным с этим социальным феноменом было появление многочисленного неженатого криминализированного мужского населения, ряды которого увеличивались как в результате бедности (ибо все больше мужчин не могло собрать достаточно средств, чтобы создать собственные семьи), так и в результате дисбаланса полов [т. е. значительного превышения числом мужчин числа женщин], вызванного систематическим убийством новорожденных девочек, женским инфантицидом. Исследования последних лет показывают, что этот симптом надвигающегося социального кризиса привел наряду с прочим к существенным изменениям цинского законодательства по вопросу о сексуальных преступлениях… Возможно, еще более показательно здесь очень большое число законодательных актов, прямо связанных с проблемой ‘голых веток’, т. е. неженатых мужчин (*guanggun*), и формировавшихся из них бандитских формирований (*guntu, feitu*), совершенно очевидно представлявших собой в глазах цинских властей огромную социальную проблему»[3].

Отметим также, что «голые ветки» современного Китая будут в тенденции концентрироваться в крупных городах, что будет дополнительно усиливать риск социально-политической дестабилизации. Таким образом, китайским властям надо быть готовым к некоторому риску социально-политической дестабилизации в связи с данным обстоятельством и постараться предпринять некоторые превентивные меры, которые могли бы данный риск смягчить (возможно, включая и поощрение деятельности брачных агентств, помогающих китайским мужчинам найти брачных партнеров за границей). Вместе с тем, очевидно, что для долгосрочного фундаментального решения данной серьезной проблемы китайскому руководству необходимо как можно скорее отказываться от политики «Одна семья — один ребенок».

Методика расчета применительно к КНР

Прогнозы численности и половозрастной структуры для Китая строились по следующему алгоритму. В основу пирамиды была положена половозрастная структура населения Китая, рассчитанная Отделом народонаселения ООН на 2010 г. Прогнозируемая динамика половозрастных коэффициентов смертности вычислялась следующим образом: из вычисленных ООН половозрастных коэффициентов смертности мужчин и женщин, соответствующих определенным значениям ожидаемой продолжительности жизни мужского и женского населения в Восточной Азии, были выбраны коэффициенты, соответствующие значениям мужской и женской ОПЖ, заложенным в среднем прогнозе Бюро народонаселения ООН до 2100 г. на соответствующие годы с 5-летним интервалом. Интервалы между значениями заполнялись методом линейной интерполяции.

Прогнозируемая динамика рождаемости рассчитывалась для двух возможных сценариев демографического развития Китая — в случае отмены политики «1 семья — 1 ребенок» в 2015 г. и в случае сохранения этой политики. В сценарий сохранения политики «1 семья — 1 ребенок» было заложено сохранение на неизменном уровне текущих половозрастных коэффициентов рождаемости и соотношения числа рождающихся мальчиков и девочек. В сценарий отмены политики «1 семья — 1 ребенок» в 2015 г. было заложено плавное повышение суммарного коэффициента рождаемости до уровня естественного замещения населения (2,1 ребенка на женщину) к 2025 г. и сохранение его на этом уровне до 2100 г. Было также заложено пропорциональное повышение половозрастных коэффициентов рождаемости между 2015 г. и 2025 г., а также выход соотношения числа рождающихся мальчиков и девочек с текущего уровня 1,21, или 121 мальчик на 100 девочек (искаженного в результате выборочных абортов), на естественный уровень 1,05 (т. е. 105 мальчиков на 100 девочек).

Приложение[4]

Общая демографическая модель страны

За основу взята стандартная методика построения демографического прогноза[5]. Расчет ведется по годам. На первом шаге, при помощи уравнения (1), вычисляется количество умерших по одногодичным коэффициентам смертности и миграционный приток. Соответственно расчету модифицируется возрастная структура. На втором шаге, уравнения (2) и (3), вычисляется количество новорожденных. Исходя из текущей возрастной структуры, вычисляется количество женщин для каждой пятилетней группы. С помощью возрастных коэффициентов рождаемости по каждой группе вычисляется количество младенцев и суммируется. При этом считается, что на 105 мальчиков рождается 100 девочек. Далее возрастная структура сдвигается «вниз» на год, и количество новорожденных записывается в самое начало. Счетчик времени увеличивается на один год, и далее расчет повторяется (шаг первый и затем шаг второй).

Подготовка входных данных. Для рождаемости входные данные рассчитывались на основе возрастных (по пятилетним группам) коэффициентов рождаемости. Для смертности (HMD 2014) и миграции производилась полностью аналогичная процедура.

В качестве начальных данных берется половозрастная структура согласно последней переписи. Для реальных расчетов в качестве демографического показателя была использована половозрастная смертность на 1000 человек. Уравнения, по которым производится расчет, имеют следующий вид:

$$u_{\mathrm{M,F}}(\tau,t) = -u_{\mathrm{M,F}}(\tau-1,t)\,d_{\mathrm{M,F}}(\tau,t) + m_{\mathrm{M,F}}(\tau,t), \quad (1)$$

$$u_{\mathrm{F}}(0,t) = \frac{100}{205}\sum_{\substack{\nu=15\\ \nu:5}}^{49} b(\nu,t)\sum_{\eta=0}^{4} u_{\mathrm{F}}(\nu+\eta,t-1), \quad (2)$$

$$u_{\mathrm{M}}(0,t) = \frac{105}{205}\sum_{\substack{\nu=15\\ \nu:5}}^{49} b(\nu,t)\sum_{\eta=0}^{4} u_{\mathrm{F}}(\nu+\eta,t-1), \quad (3)$$

где

t — переменная времени (здесь это год),

τ — нижняя планка возраста когорты,

$u_{\mathrm{M,F}}(\tau,t)$ — количество лиц (здесь и далее нижними индексами обозначены **M** — мужчины, **F** — женщины) возраста от до года в момент времени t,

$b(\tau,t)$ — возрастной коэффициент рождаемости женщин возраста от τ до $\tau+1$ (т. е. по пятилетним группам) в момент времени t,

$d_{\mathrm{M,F}}(\tau,t)$ — возрастной коэффициент смертности возраста от τ до $\tau+1$ в момент времени t,

$m_{\mathrm{M,F}}(\tau,t)$ — количество мигрантов (прибывших в страну), данная величина (в общем случае) может быть отрицательна: в случае оттока населения из страны.

Уравнение (1) описывает сдвиг возрастной структуры на один год (за счет смертности и миграции), уравнения (2) и (3) описывают «источник» (т. е. количество новорожденных).

Рис. 6

Динамика половозрастной структуры населения Китая при сохранении политики «1 семья — 1 ребенок»

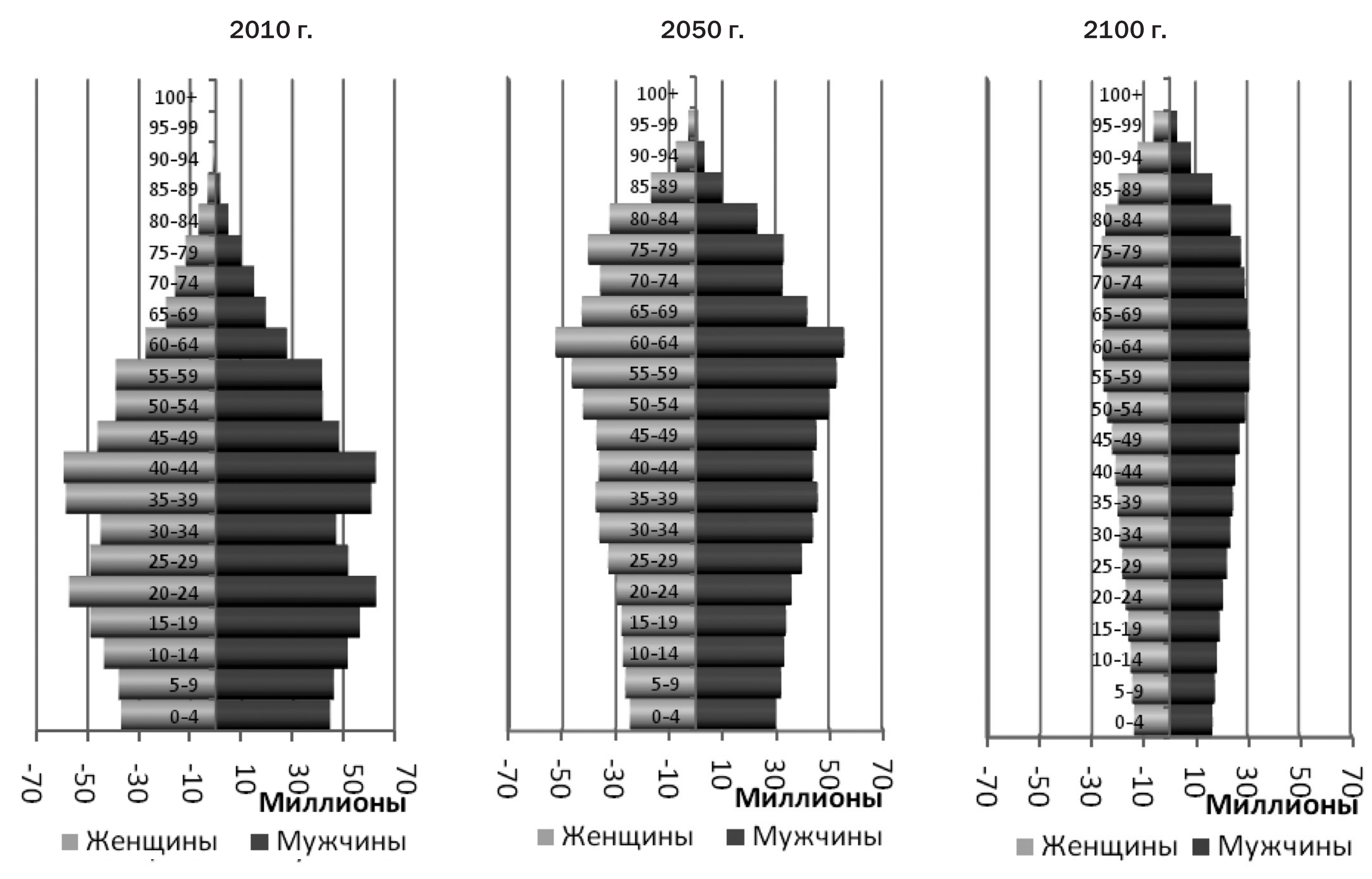
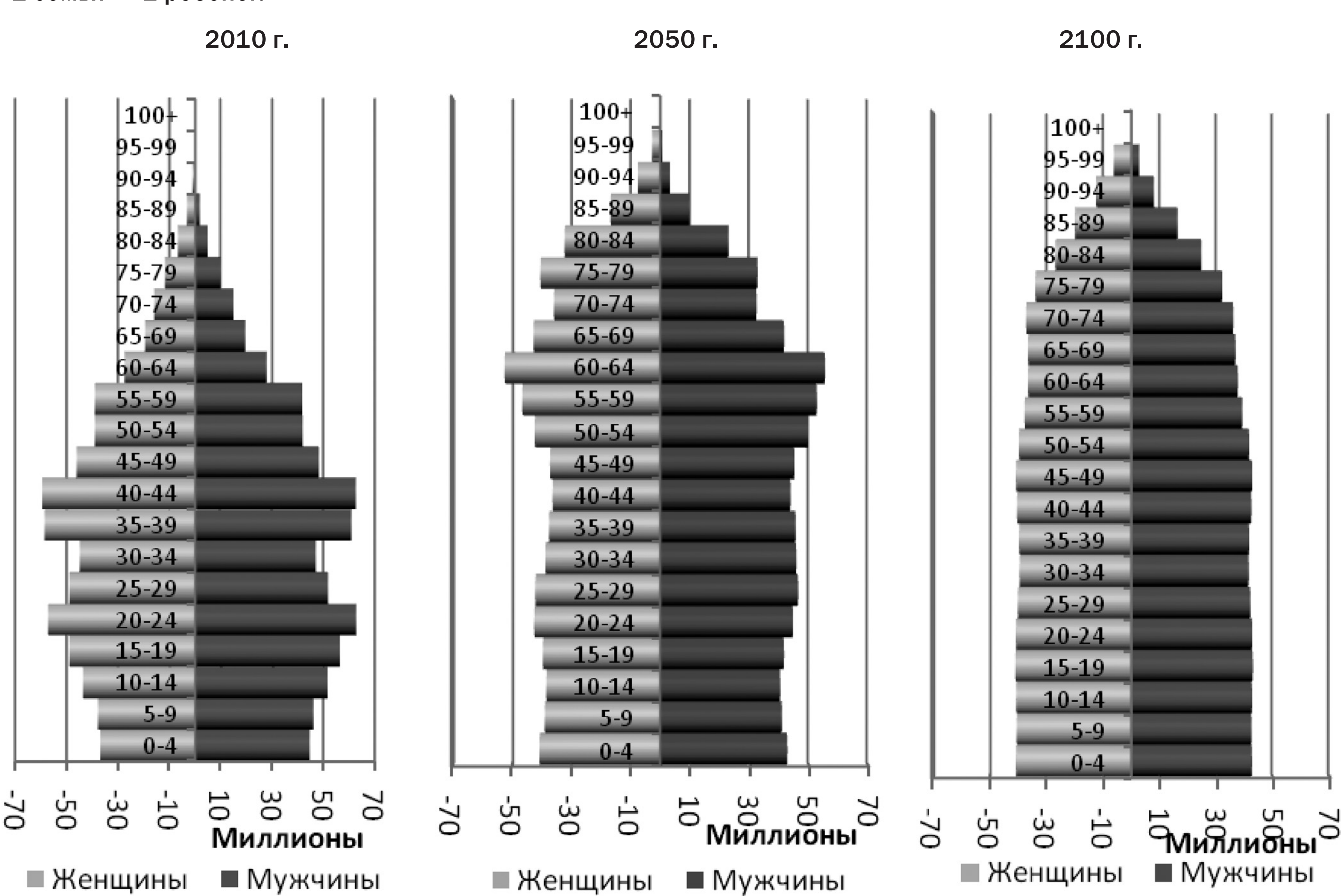


Рис. 7

Динамика половозрастной структуры населения Китая при сценарии отказа в 2015 году от политики «1 семья — 1 ребенок»



Примечания

[1] Акимов А.В. Глобальные продовольственная, энергетическая и демографическая проблемы и их влияние на долгосрочную стратегию России. Диссертация на соискание уч. степени д.э.н. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. URL: http://economy-lib.com/globalnye-prodovolstvennaya-energeticheskaya-i-demograficheskaya-problemy-i-ih-vliyanie-na-dolgosrochnuyu-strategiyu-ross#ixzz2NKBdjkQx; Ушаков И.В. Социально-экономические аспекты природопользования в КНР. Автореферат диссертации на соискание уч. степени к.э.н. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2010; Ушаков И.В. Экологический лабиринт. Социально-экономические аспекты природопользования в Китае. М.: Форум, 2013.

[2] Фэй Сяотун. Китайская деревня глазами этнографа. М.: Наука, 1989. С. 5, 32; Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Божевольнов Ю.В. Математическое моделирование и прогнозирование демографического будущего России: пять сценариев. Сценарий и перспектива развития России/Ред. В. А. Садовничий, А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. М.: Ленанд/URSS, 2011. С. 103–105; Fei Hsiao-t'ung. Peasant Life in China. New York, NY: Dutton, 1939. P. 22, 33–34; Ho 1959. P. 58–62, 274–275; Lee J., Campbell C., Guofu Tan. Infanticide and Family Planning in Late Imperial China: The Price and Population History of Rural Liaoning, 1774–1873. Chinese History in Economic Perspective/Ed. by T.G. Rawski and L.M. Li. Berkeley, CA: University of California Press, 1992. P. 145–176.

[3] Huang P.C. C. Development or Involution in Eighteenth-Century Britain and China? The Journal of Asian Studies 61. 2002. P. 528–529; Hudson V.M., Den Boer A. A Surplus of Men, A Deficit of Peace: Security and Sex Ratios in Asia's Largest States. International Security 26/4. 2002. P. 5–38.

[4] Приложение подготовлено совместно с Ю.В. Божевольновым.

[5] См., например: Андреев Е.М., Вишневский А.Г. Демографические перспективы России до 2050 г. Население России 2006/Ред. А. Г. Вишневский. М.: ГУ ВШЭ, 2008; Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Божевольнов Ю.В. Математическое моделирование и прогнозирование демографического будущего России: пять сценариев. печ. Сценарий и перспектива развития России/Ред. В. А. Садовничий, А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. М.: Ленанд/URSS, 2011; Коротаев А.В., Божевольнов Ю.В. Сценарии демографического будущего России. печ. Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития/Отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков. М.: Либроком/URSS, 2012.

*А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина**

Математическое моделирование и сценарное прогнозирование демографического будущего Индии

Начнем эту статью с анализа «верхнего» прогноза ООН (см. рис. 1).

Рис. 1

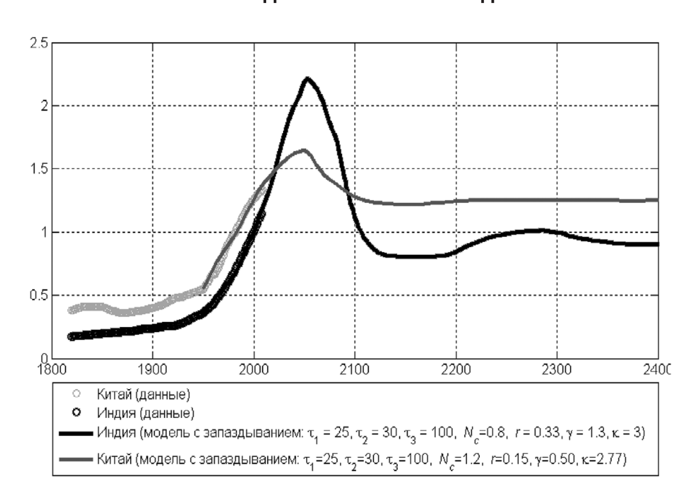
Два сценария ООН для прогнозной динамики общей численности населения Индии

Источник данных: UN Population Division 2014.

Нетрудно видеть, что верхний сценарий ООН по сути своей катастрофичен. Действительно, он предполагает, что уже в этом веке население и так уже перенаселенной Индии более чем удвоится, и уже к 2050 году его численность вплотную приблизится к двум миллиардам человек. Такой сценарий, конечно же, представляется крайне рискованным для и так уже перенаселенной страны, где и так уже многие местности испытывают острую нехватку воды и иных жизненно важных ресурсов[1], где и так уже существуют колоссальный уровень аграрного перенаселения и сотни миллионов жителей, живущих ниже международно признанного уровня крайней бедности (т. е. менее чем на доллар на человека в день[2]. По сути дела, именно этот сценарий имели в виду А. А. Акаев и В. А. Садовничий в своем сценарном прогнозе по Индии, сделанном ими при помощи математической модели демографической динамики с учетом экологических ограничений (см. рис. 2).

Рис. 2

Прогнозные сценарии динамики численности населения Китая и Индии, сделанные на основе математической модели Акаева — Садовничего



Источник: Акаев А. А., Садовничий В. А. 2012. Математическое моделирование глобальной, региональной и национальной динамики с учетом воздействия циклических колебаний. Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития/Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Либроком/URSS, 2010. С. 37.

А. А. Акаев и В. А. Садовничий комментируют данные своих расчетов следующим образом:

«Как видно из рисунка, благодаря введению жесткого механизма контроля рождаемости в Китае демографическая динамика представляет собой плавную траекторию роста с апериодическим возвратом на стационарный уровень. А вот Индия, если там не будут предприняты аналогичные меры, может столкнуться с масштабным экологическим кризисом, вследствие которого численность населения может начать резко убывать и впоследствии стабилизируется с большими издержками в затухающем колебательном режиме»[3].

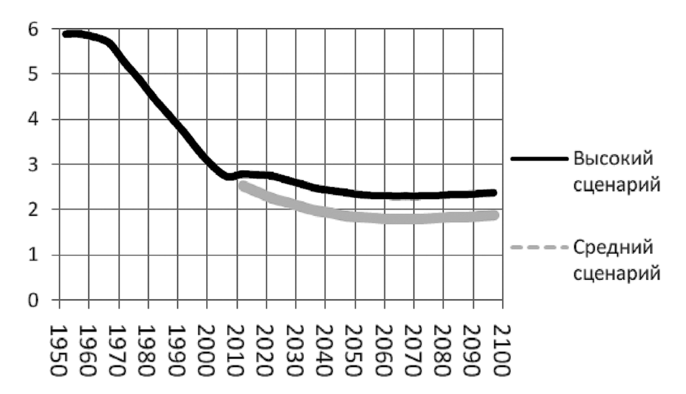
Отметим, что применительно к Индии речь здесь идет о резком убывании в результате экологического кризиса численности населения на сотни миллионов человек— т. е. потенциально о самой масштабной гуманитарной катастрофе за всю историю человечества.

Насколько обоснован данный сценарный прогноз Акаева — Садовничего — ООН ? Верхний прогноз ООН предполагает следующую динамику суммарного коэффициента рождаемости в Индии (рис. 3).

---

* Коротаев Андрей Витальевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Факультета глобальных процессов МГУ.
Зинькина Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ.

Рис. 3
Динамика суммарного коэффициента рождаемости (детей на женщину) в Индии, 1952–2012 гг., с высоким и средним прогнозом до 2097 г.

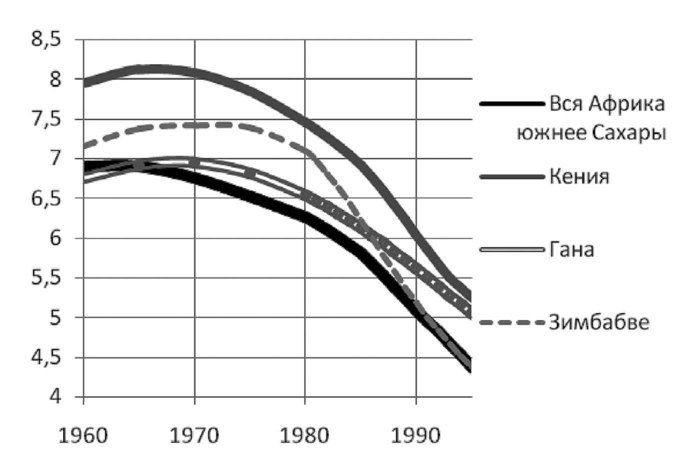


Источник данных: UN Population Division 2014.

Как мы видим, «высокий» (а по сути своей катастрофический) прогнозный сценарий исходит из того, что темпы снижения рождаемости в Индии в ближайшие годы значительно замедлятся. Приходится отметить, что ничего абсолютно нереального в таком прогнозном сценарии, к сожалению, нет. Такое развитие событий наблюдалось, например, в целом ряде стран Тропической Африки.

Мировое сообщество испытывало острое беспокойство демографическим взрывом в Тропической Африке в 1970-е — начале 1990-х гг.[4] Примечательно, что именно в это время рождаемость в большинстве стран Африки южнее Сахары стала сокращаться, и при этом все более быстрыми темпами (см. рис. 4).

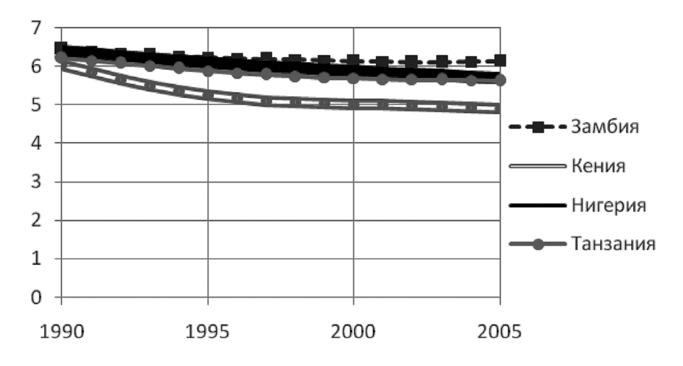
Рис. 4
Динамика суммарного коэффициента рождаемости в странах Африки южнее Сахары, 1960–1995 гг.



Источник данных: UN Population Division 2012.

К началу 2000-х гг. сигнал о том, что рождаемость в Тропической Африке все более быстрыми темпами снижается, до мирового сообщества наконец прошел. Эксперты ООН прогнозировали стабилизацию численности населения Африки южнее Сахары на относительно безопасных уровнях[5]. И мировое сообщество более или менее успокоилось[6]. Но, как теперь выясняется, рано. Дело в том, что как раз в конце 1990-х — начале 2000-х в очень многих стран Тропической Африки темпы снижения рождаемости упали до уровней, близких к нулевым, а кое-где рождаемость даже стала расти — и происходило это к тому же на крайне высоких уровнях (см. рис. 5).

Рис. 5
Динамика суммарного коэффициента рождаемости в некоторых странах Тропической Африки, 1990–2005 гг.



Источник данных: UN Population Division 2014.

С учетом этого обстоятельства в настоящее время и экспертам ООН (ср. UN Population Division 2001 г. и 2014 г.) пришлось пересмотреть свои прогнозы десятилетней давности по очень многим странам Тропической Африки в сторону увеличения прогнозных значений их численности до таких величин, которые говорят о совершенно реальных рисках крупномасштабных социально-гуманитарных катастроф в этих странах, если, конечно, правительства этих стран в сотрудничестве с мировым сообществом не предпримут в самое ближайшее время самых решительных шагов по их предотвращению[7].

Таким образом, несмотря на все достигнутые за последнее время Индией успехи в снижении рождаемости, индийской администрации сегодня самое главное не самоуспокаиваться, а удесятерить усилия в этом направлении.

На этом фоне «средний» сценарий ООН, исходящий из сохранения характерной для Индии последних лет плавной модели снижения рождаемости, выглядит едва ли не оптимальным. В рамках этого сценария предполагается, что уже к 2030-м гг. суммарный коэффициент рождаемости в Индии выйдет на уровень простого замещения поколений (чуть более 2 детей на женщину), а затем и заметно опустится (но все-таки не слишком сильно) ниже этого уровня. Это представляется вполне оправданным — для более быстрой стабилизации численности населения Индии и преодоления колоссальной демографической инерции, накопленной на первой фазе демографического перехода. Однако в рамках среднего прогноза ООН суммарный коэффициент рождаемости в Индии не должен опуститься ниже

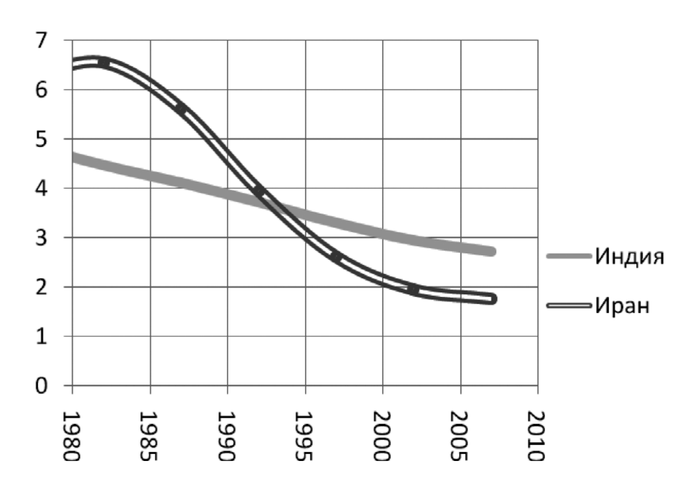
уровня 1,8 детей, а со второй половины 2070-х гг. предполагается начало его движения в сторону возвращения к уровню простого замещения поколений. Это тоже представляется вполне оправданным, так как дальнейшее снижение рождаемости могло бы привести к опасному росту структурно-демографических диспропорций, к чрезмерному старению населения.

Вместе с тем данный сценарий все-таки трудно признать оптимальным, так как он предполагает, что население Индии к 2050 году должно увеличиться примерно на полмиллиарда человек, а и это представляется все-таки очень рискованным для и так уже перенаселенной страны.

Поэтому, на наш взгляд, индийскому руководству имеет смысл подумать об ускорении темпов снижения рождаемости в Индии (за счет как радикального увеличения охвата населения образованием — и при этом не только начальным, но и средним, так и за счет целенаправленного и максимально широкого внедрения современных технологий планирования семьи) и выходе на уровень 1,75–1,8 детей на женщину не к середине этого века, а в ближайшие десять лет. А то, что это совершенно возможно (при наличии, естественно, необходимой политической воли), показывает, скажем, пример Ирана (см. рис. 6).

Рис. 6

Динамика суммарного коэффициента рождаемости (детей на женщину) в Индии и Иране, 1980–2007 гг.



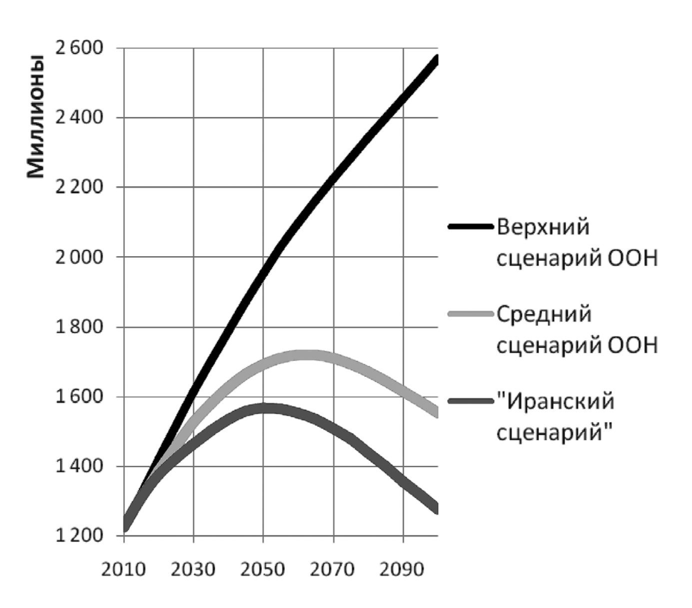
Источник данных: UN Population Division 2014.

Как мы видим, еще в начале 1980-х гг. рождаемость в Иране была значительно выше, чем в Индии. Однако затем всего за 10 лет, во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. она снизилась более чем вдвое — с 5,6 до 2,6 детей на женщину. За те же десять лет (в конце 1990-х — первой половине 2000-х) в Иране рождаемость снизилась с уровня, крайне близкого к теперешнему индийскому, до уровня, который мы склонны рассматривать для Индии в качестве целевого (1,75–1,8). Непонятно, почему и Индия не смогла бы добиться (повторим, при наличии политической воли) такого (и, как мы видим, крайне желательного для нее) снижения в ближайшие 10 лет. Абсолютно ничего нереального в таком снижении, как мы видим, нет.

Произведем расчет демографического развития Индии по «иранскому сценарию». В рамках этого сценария предполагается, что в ближайшие десять лет рождаемость в Индии сократится до уровня в 1,75–1,8 детей на женщину, а затем останется на этом уровне до конца века (см. рис. 7).

Рис. 7

Три сценария прогнозной динамики общей численности населения Индии



Как мы видим, при условии приложения достаточно эффективных целенаправленных усилий по сокращению рождаемости (за счет как радикального увеличения охвата населения образованием — и при этом не только начальным, но и средним[8], так и за счет целенаправленного и максимально широкого внедрения современных технологий планирования семьи) Индия имеет неплохие шансы избежать крупномасштабных гуманитарных катастроф.

Рис. 8

Динамика половозрастной структуры населения Индии в рамках среднего прогноза ООН

2010 г. 2050 г. 2100 г.

100+ 95-99 90-94 85-89 80-84 75-79 70-74 65-69 60-64 55-59 50-54 45-49 40-44 35-39 30-34 25-29 20-24 15-19 10-14 5-9 0-4

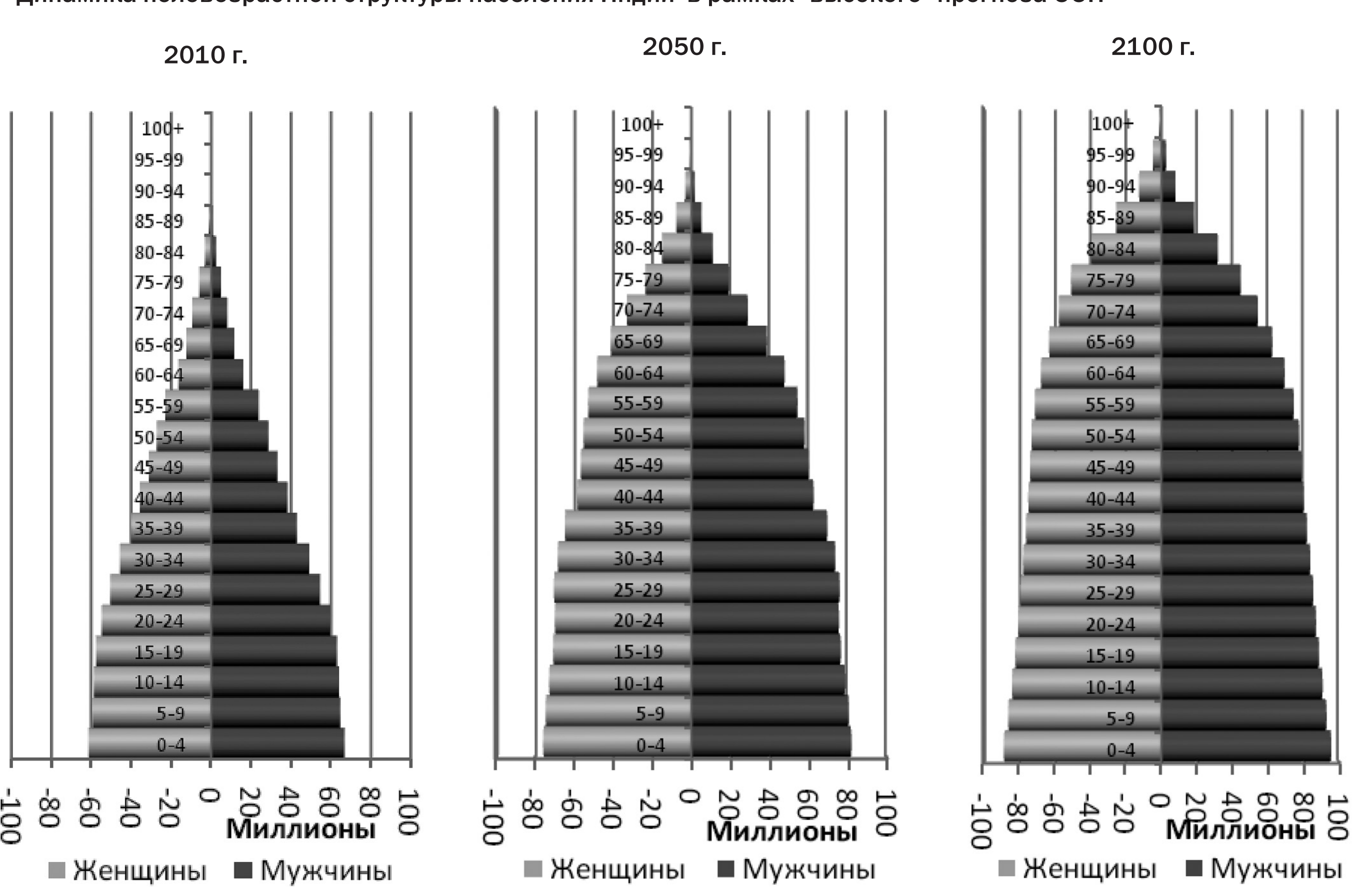
-100 -80 -60 -40 -20 0 20 40 60 80 100

Миллионы

Женщины Мужчины

Рис. 9

Динамика половозрастной структуры населения Индии в рамках «высокого» прогноза ООН



Примечания

[1] См., например: Акимов А. В. Глобальные продовольственная, энергетическая и демографическая проблемы и их влияние на долгосрочную стратегию России. Диссертация на соискание уч. степени д.э.н. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. URL: http://economy-lib.com/globalnye-prodovolstvennaya-energeticheskaya-i-demograficheskaya-problemy-i-ih-vliyanie-na-dolgosrochnuyu-strategiyu-ross#ixzz2NKBdjkQx; Растянников В. Г. Аграрная Индия: парадоксы экономического роста. Вторая половина XX в. — начало XXI в. М.: ИВ РАН, 2010.

[2] Растянников В. Г. Аграрная Индия: парадоксы экономического роста. Вторая половина XX в. — начало XXI в. М.: ИВ РАН, 2010.

[3] Акаев А. А., Садовничий В. А. Математическое моделирование глобальной, региональной и национальной динамики с учетом воздействия циклических колебаний. Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития/Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Либроком/URSS, 2010; см. также: Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН? 2012; Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. On the dynamics of the world demographic transition and financial-economic crises forecasts. The European Physical Journal 205, 2012. P. 355–373.

[4] См., например: Ehrlich P. R. The Population Bomb. New York, NY: Ballantine, 1968; Ehrlich P. R., Ehrlich A. H. The Population Explosion. New York, NY: Simon & Schuster, 1990.

[5] См., например: UN Population Division. World Population Prospects. The 2000 Revision. New York, NY: United Nations, 2001. P. 27–30.

[6] UN Population Division. World Population Projections to 2150. New York, NY: United Nations. especially Fig. 1.9, 1998; Cohen J. Population and planet: the twentieth century and the twenty-first. Harvard Magazine 102/2:38–40, 1999a; Cohen J. Population in the twentieth and twenty-first centuries. Useful Knowledge: The American Philosophical Society Millennium Program/Ed. by A. G. Bearn. Philadelphia, PN: American Philosophical Society, 1999b; Cohen J. The future of population.What the Future Holds: Insights from Social Science/Ed. by R. N. Cooper, R. Layard. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. P. 46–47.

[7] Подробнее об этом см.: Халтурина Д. А., Коротаев А. В. Демографическое давление и политические потрясения в современной Тропической Африке. Восток, № 6, 2006. С. 52–70; Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. О снижении рождаемости как условии социально-экономической стабильности в наименее развитых странах. Мировая динамика. Закономерности, тенденции, перспективы. Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: Либроком/URSS, 2013. С. 243–263; Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. Как оптимизировать рождаемость и предотвратить гуманитарные катастрофы в странах Тропической Африки. Азия и Африка сегодня, № 4, 2013а. С. 28–35; Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. Социально-экономическое развитие и прогноз структурно-демографических рисков стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда).Восток, № 1, 2013б. С. 105–118.

[8] Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. О снижении рождаемости как условии социально-экономической стабильности в наименее развитых странах. Мировая динамика. Закономерности, тенденции, перспективы. Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: Либроком/URSS, 2013. С. 243–263.

*В. Я. Белокреницкий**

Демографические параметры и перспективы исламского мира и исламской цивилизации

Не вдаваясь в теоретические вопросы, связанные с определением цивилизации и цивилизационным подходом к изучению истории и современности, допустим в качестве рабочей гипотезы, что цивилизация объединяет страны (нации — государства), которые отличает определенное единство культуры, политики и права. В таком случае к исламской цивилизации нужно отнести страны с господствующей мусульманской культурой (исламизированными традициями, обычаями, массовым мировоззрением и менталитетом), существенным местом ислама в качестве официальной религии и идеологии и укорененностью исламских законов (*шариата*) в правовой практике, касающейся семьи, брака, наследства, уголовных и имущественных дел (личного права).

Исламский мир при этом понятие более широкое. Его можно трактовать как сообщество государств, входящих в единую всемирную организацию. Она ныне называется Организация исламского сотрудничества (ОИС, до 2010 г. — Организация Исламской конференции). В ОИС со штаб-квартирой в Джидде (Саудовская Аравия) входит 57 стран. В некоторых из них мусульмане составляют лишь более или менее значительное меньшинство (в латиноамериканских Суринаме и Гайане их доля равна 10–15% жителей). Ряд государств, крупнейшей из которых является Россия, имеют статус наблюдателей в ОИС. Однако такие государства, как Индия и Китай, где абсолютная численность приверженцев ислама весьма велика (в Индии — 180 млн. чел., в Китае минимально 25–30 млн. чел.), не имеют формальных связей с ОИС и, таким образом, не входят в исламский мир, хотя и поддерживают с ним, как правило, тесные, дружественные отношения. Это, впрочем, не исключает противоречий и конфликтов (наиболее яркий пример — отношения Индии с Пакистаном).

Третье понятие, которое мы будем использовать, — мусульманское население планеты. Оно включает всех мусульман, проживающих как в границах исламского мира и исламской цивилизации, так и за их пределами.

Дебаты вокруг быстрого роста мусульманского населения, получившего название «исламской демографической бомбы», относятся к числу наиболее острых и актуальных для мирового общественного мнения.

Напомним, что на протяжении ряда десятилетий второй половины прошлого столетия наибольшее внимание в мире привлекала проблема «демографического взрыва», быстрого роста населения менее развитых, бедных регионов, появился устрашающий образ «популяционной бомбы»[1]. Всеобщее внимание к экспоненциальному демографическому росту привлекла Всемирная конференция по народонаселению, состоявшаяся в 1974 г. в Бухаресте. Значительную роль сыграли знаменитые доклады Римского клуба, в основе которых лежало убеждение (рабочая гипотеза) об исчерпаемости природных ресурсов и лимитах, пределах экономического роста[2].

В основном лишь с конца 1970-х — начала 80-х гг. (после исламской революции в Иране, выпадов радикального исламизма в Египте, Ираке и Сирии, исламизации в Пакистане и антисоветского джихада в Афганистане) в мире формируется осознание иного феномена, также связанного с демографическими процессами — стремительного увеличения абсолютной и относительной численности мусульман.

Нужно отметить, что внимание к демографической стороне мировой политики на протяжении долгого времени было спорадическим и в целом незначительным. Это во многом объяснялось преобладанием социально- классового идеологического подхода в тогдашнем, как мы бы сегодня сказали, «дискурсе» по мирополитическим проблемам. Соответственно мало внимания уделялось цивилизационным аспектам международных отношений и такой их стороне, как демографические параметры и потенциалы. Да и в целом демография занимала скромное место при обсуждении международно-политических процессов, будучи причислена к разряду экономических и социальных дисциплин. Такое положение было характерно как для зарубежной, так и отечественной науки.

На количество приверженцев той или иной религии и связанной с ней цивилизации (в основе цивилизаций не обязательно лежат традиционные религии; история, главным образом совсем недавняя, знает цивилизации светского, идеологического типа) стали обращать внимание в основном лишь после окончания глобальной холодной войны, в существенной степени под влиянием концепции «столкновения цивилизаций» С. П. Хантингтона и ее широкого обсуждения. При этом главное внимание привлек к себе тезис американского политолога о «кровавой бахроме» современной исламской цивилизации[3]. Несколько позже эта концепция обрела в его сочинениях и отчетливые демографические параметры в виде динамики не только самих разме-

* Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института востоковедения РАН.

ров цивилизационных комплексов, но и их геополитической (державной и имперской) мощи[4]. Другой демографический аспект международно-политической проблематики связан с миграциями населения, и при их рассмотрении на рубеже двух столетий и тысячелетий на первый план также вышел исламский феномен — переселение мусульман с юга Евразийского материка на север, из Африки — в Европу.

Вслед за мировой литературой ситуация постепенно изменилась и в отечественной. Возросшее значение в изучении демографических проблем стало уделяться ее воздействию на мировую политику, получил определенное освещение рост мусульманского населения в мире, России и регионе вокруг нее[5].

Особое значение демографический и этнодемографический факторы приобрели на фоне текущих событий на Ближнем и Среднем Востоке («арабской весны» и ее последствий), войны в Сирии, хронической нестабильности в Ираке, эрозии власти в Афганистане, кровавых конфликтов в Африке и т. п. Большое внимание при этом привлекла проблема различных течений в исламе, прежде всего суннизма и шиизма, которая тоже имеет серьёзную демографическую подоплеку.

В последнее время на первый план в обсуждении связанных с исламом демографических тем вышел новый аспект. Речь идет о феномене быстрого сокращения рождаемости в странах исламского мира и исламской цивилизации. Разумеется, совершенно новым сделанный на этом акцент не является. То, что темпы роста населения в мусульманских странах в последние десятилетия снижаются примерно в той же пропорции, что и в немусульманских, неизменно отмечалось в авторитетных публикациях Отделения ООН по народонаселению, пересматривающего раз в два года основные демографические тренды в мире[6]. Однако это обстоятельство не отменяло другое — темпы роста мусульманского населения оставались при этом существенно выше, чем немусульманского, и расчеты на перспективу демонстрировали значительный рост удельного веса мирового мусульманства.

В задачу данной статьи входит как рассмотрение основных демографических параметров современного мира ислама, а также перспектив будущих изменений этих показателей, так и обсуждение аргументов в пользу универсальности процессов естественного движения населения независимо от его разных цивилизационных характеристик, в частности принадлежности к ареалу исламской цивилизации.

Факторы демографического роста в мусульманской среде

Современный демографический рост охватывает период после окончания Второй мировой войны. Его можно разделить на три этапа — бурного увеличения населения в мире вообще и особенно в слаборазвитом, развивающемся ареале (конец 1940-х — начало 1970-х гг.); замедления темпов роста в развитых регионах и сокращения ежегодного прироста в развивающихся (1970–1980-е гг.); дальнейшего падения темпов роста в развитых странах и снижения скорости увеличения численности в большинстве менее развитых ареалов (1990–2010-е гг.).

Страны с мусульманским большинством, и среди них такие, которые могут быть отнесены к исламской цивилизации, демонстрировали на первом этапе быстрые темпы прироста народонаселения, однако этот факт не привлекал к себе внимания на фоне послевоенного «бэби-бума» в США, менее выраженного, но сходного процесса в европейских государствах, а также стабильных темпов увеличения численности населения в СССР. Кроме того, мусульманские страны не выделялись из общего ряда развивающихся государств, которые после мировой войны отличались высокой демографической динамикой.

Демографический взрыв объяснялся, как хорошо известно, двумя факторами — крутым снижением смертности под влиянием прогресса в медицине и здравоохранении (введением препаратов пенициллиновой группы, использованием порошка ДДТ, эффективного в борьбе с малярией, применением вакцин против тяжелых инфекционных заболеваний и т. п.) и сохранением на прежнем, традиционно высоком уровне рождаемости. При этом наблюдалось постепенное уменьшение младенческой и детской смертности.

Образовавшиеся ножницы между рождаемостью и смертностью привели к увеличению людской популяции прежде всего в наименее экономически развитых регионах, к которым принадлежали все без исключения исламские страны. Рост мирового народонаселения достиг максимума в 1965–1970 гг. (110,9% за пятилетие, в среднем в год на 2,1%), после чего началось его плавное падение. Вместе с тем абсолютный годовой прирост населения мира продолжал расти, увеличившись с 60 млн. в первой половине 1960-х гг. до почти 90 млн. человек во второй половине 1980-х[7].

Рекомендации Бухарестской конференции 1974 г., которая выше упоминалась, были достаточно жесткими и неоднозначно воспринимались в разных частях мира. Однако меры по планированию семьи одобрялись на первом послевоенном этапе практически всеми государствами, в том числе такими демографическими гигантами, как Китай и Индия, а также многими мусульманскими — в частности, Турцией, Ираном и Пакистаном.

Волна исламизации, поднявшаяся в конце 1970-х гг., внесла коррективы в эти тенденции. Режим имама Хомейни в Иране проводил в 1980-х гг., во время драматической и кровопролитной войны с Ираком, наталистскую политику. В результате рождаемость там достигла исключительно высокого уровня, среднегодовые темпы прироста населения в 1987/88 г. оценивались в 3.9%[8]. Власти соседнего с Ираном исламского Пакистана, по существу, от-

казались от мер по ограничению рождаемости. Похожим образом поступили многие другие режимы в мусульманских странах.

На третьем, текущем, этапе послевоенной демографической эволюции (с рубежа 1980–1990-х гг.) поощрение рождаемости в исламском и неисламском ареале менее развитого мира, как правило, прекратилось на государственном уровне. Более того, в Иране, с благословения имама Хомейни, власти перешли к политике ее ограничения. Главную роль в наталистском курсе стали играть традиционалистские круги. В мусульманских странах это прежде всего представители сословия богословов и священнослужителей (*улемы* и *муллы*). Они проявляли заинтересованность в сохранении традиционного сознания масс, неизменности семейно-бытовых установлений, прежде всего обычаев раннего и всеобщего замужества, в том числе выхода замуж вдов, обычаев большой патриархальной семьи, малой грамотности и узкого кругозора женщин. Такие факторы можно отнести к числу специфических для исламской цивилизации, но при этом далеко не универсальных. В том же Иране правящее сословие шиитских богословов, столкнувшись с проблемой ограниченности ресурсов, в целом поддержало антинаталистские меры, такие как производство и продажа контрацептивов, повышение грамотности и образованности женщин и т. п.

Специфические свойства исламской цивилизации нередко трудно отделить от общих для менее развитых регионов черт хозяйства и уклада жизни — неграмотности, особенно низкой среди женщин, преобладания в составе населения сельских жителей, глубокой бедности и нищеты численно превалирующих слоев и классов как деревенского, так и сельско-городского общества. Такие условия существовали в Китае и Индии, большинстве стран Юго-Восточной Азии и Тропической Африки.

Вместе с тем исламские страны неизменно оказывались среди лидеров демографического роста. При этом нужно подчеркнуть, что каких-то особых исламских моделей регулирования рождаемости и отношения к репродуктивному поведению, по общему мнению, нет[9]. Более того, мусульманские богословы и духовные отцы исламского возрождения неоднократно, еще с 1930-х гг., заявляли об отсутствии каких-либо ограничений на применение любых мер защиты от нежелательной беременности.

Базовая причина ускоренного роста состоит, очевидно, в специфическом характере исламского (исламизированного) микрообщества с его гендерной иерархией, подчиненным положением женщины в семье. Зависимое положение женщин отличает, без сомнения, и иные в культурно-цивилизационном отношении традиционные общества. Известно к тому же, что предписания Корана способствовали закреплению за женщинами определенных прав в плане наследования, ислам возлагал на мужчин моральные обязательства в отношении женщин. Вместе с тем, в отличие от христианства, индуизма и буддизма, ислам санкционировал полигамию, облегчал для мужчин процедуру развода и закреплял за отцом преимущественное право на воспитание детей после развода.

Вследствие достаточно неизменной культурной среды, охватывающей в первую очередь низшие, наиболее массовые слои населения, в мусульманских странах воспроизводится в целом стереотип многодетности. Сохраняется и фаталистическое отношение к жизни, сказываются отсутствие в традиционной мусульманской культуре концентрации на ценности индивидуального существования, распространенность представлений о включенности частной жизни в коллективную, единую для общины верующих[10].

Существенное значение имеет и обычай обязательного вступления в брак и поощрения многодетности. На воспроизводстве населения в низших слоях отражается порочный круг нищеты, малого образования дочерей, которые с раннего возраста помогают матерям в уходе за младшими братьями и сестрами. Средний класс во многих мусульманских странах еще строже, чем низший, соблюдает обычаи женского затворничества. Известное значение при этом имеют опасения мужчин за свои привилегии в социальном и экономическом положении. В условиях хронической нехватки рабочих мест, особенно в госаппарате и на конторских должностях в частном секторе, мужчины опасаются конкуренции женщин.

Более высокой рождаемости в мусульманских странах способствует и наличие анклавов горской и полукочевой экономики и соответствующего ей племенного, трайбалистского общества. С ним неразрывно связана патрилинейная система родства и патрилокальная модель большой, ненуклеарной семьи. Патрилокальность означает переход жены в дом мужа. Подчиненное положение невестки смягчается при этом распространенной среди мусульман эндогамией (т. е. разрешенностью близкородственных, кузенных браков). Эндогамия, кстати, отличает мусульманскую систему семейно-родственных отношений в таких регионах, как Южная Азия, от распространенной среди индуистов кастовой экзогамии.

Во всех слоях мусульманского общества, особенно тех стран, которые служат основой, ядром исламской цивилизации, широко распространено представление о предпочтительности рождения детей мужского пола, высоко ценится наличие сыновей. Эндогамия в то же время «спасает» и дочерей, ибо они нужны для продолжения своего рода. Статус женщины в семье повышается по мере взросления сыновей и зависит нередко от их количества. Многодетность, особенно наличие сыновей, увеличивает престиж матери семейства. Отсюда не столь распространенная практика ограничения рождаемости как традиционными, так и современными способами. Бедные семьи, впрочем, страдают и от недостаточной доступности, а также дороговизны современных средств контрацепции.

К этому надо добавить ориентированность на всемерное расширение исламской культурно-религиозной среды. Помимо прозелитизма, она проявляется в обычае мусульман брать в жены немусульманок по происхождению с обязательным принятием ими ислама, как условия выхода замуж, и воспитание детей от таких браков в мусульманской вере.

В увеличении численности последователей Пророка Мухаммада с самого начала присутствовал и сильный политический компонент. Немусульмане, как известно, облагались исламскими правителями специальным налогом-данью (*джизией*), их переход в ислам экономическими и политическими мерами поощрялся властями.

Ускоренный рост мусульман по сравнению с расово-этнически и социально-культурно близким ему немусульманским населением можно проиллюстрировать многими примерами. Весьма наглядно он выявляется, если взять данные о колониальной Индии и сравнить их с современным положением в Южной Азии и проекцией на будущее. Доля мусульман среди населения контролируемой англичанами Индии, по-видимому, не превышала 20% в период проведения первых переписей в 1870–1880-х гг. К началу XX века она перевалила за рубеж в одну пятую, а по переписи 1941 г. достигла 25%. К кануну нынешнего столетия суммарное мусульманское население Индии, Пакистана и Бангладеш (более 400 млн. чел.) составляло уже 31%, в начале 2010-х гг. было, по-видимому, равно 36% (560 млн. чел.), а к 2050 г., при сохранении текущих тенденций, приблизится к 45%[11].

Демографическое расширение исламской цивилизации

Возвращаясь к определениям, данным в начале статьи, и поставленным там задачам, остановимся на перспективах увеличения численности жителей в странах, которые можно отнести к исламской цивилизации. Ее допустимо представить состоящей из нескольких групп — арабских государств, Турции, Ирана, Афганистана и Пакистана, центральноазиатских стран, Бангладеш, Малайзии и Индонезии, двух стран юга Европы[12]. По долгосрочному прогнозу, выполненному А. В. Акимовым, население исламской цивилизации возрастет с 1,1 млрд. человек в 2005 г. до 2,2 млрд. в 2100 г., иными словами, за текущее столетие увеличится примерно вдвое. При этом наиболее быстро оно увеличится в арабском ареале, с 309 до 738 млн. (почти в полтора раза, на 240%), и в Афганистане и Пакистане — со 188 до 394 млн. (на 210%). Рост в ареале Южной и Юго-Восточной Азии (Бангладеш, Малайзии, Индонезии) составит 175% (с 390 до 682 млн.). На 162 и 165% вырастет население в Турции и Иране — с 73 до 118 млн. и с 70 до 115 млн. соответственно. В Центральной Азии, по этим расчетам, население увеличится с 58 до 93 млн., на 160%. Минусовым будет рост на юге Европы, в Албании и Республике Босния и Герцеговина.

Нужно учитывать, что такой довольно умеренный демографический рост объясняется в основном двумя вполне логичными допущениями автора — снижением скорости прибавления числа людей во второй половине века, соответствующим режиму естественной убыли населения в мировом масштабе, и учетом жесткого дефицита природных ресурсов (земли и воды), заставляющих предположить уменьшение роста населения по сравнению со средним сценарием демографического перехода (средним между минимальным и максимальным его вариантами) в таких странах, как Афганистан, Пакистан и Бангладеш[13].

Несколько иные результаты дают прогнозные экстраполяции, сделанные на базе более общепринятых оценок и расчетов демографов ООН и Бюро цензов США. Расчеты последней службы наиболее вероятного сценария демографического роста на период с 2010 по 2050 г. по группировкам стран, сопоставимым с вышеприведенной, приведены в табл. 1.

Таблица 1
Население основных государств исламской цивилизации, *млн. чел.*

	2010 г.	2030 г.	2050 г.
Арабские страны Восточной Африки и Азии	188	273	352
Арабские страны Северной Африки	89	110	122
Турция	75	90	97
Иран	75	90	98
Центральная Азия (вкл. Азербайджан)	70	84	90
Афганистан и Пакистан	214	317	409
Бангладеш, Малайзия и Индонезия	425	510	557

Источник: World Population Growth Rate 1950–2050, Annual World Population Change//www.census.gov/ftp/pub/ipc/www/worldgr.gif

При определенных различиях в двух вариантах оценок роста населения за век и его первую половину можно утверждать, что демографический потенциал исламской цивилизации (как, впрочем, и всего человечества) должен расти более быстро в первые десятилетия XXI столетия. Так, население арабских государств (берутся страны с явным преобладанием арабов) между 2010 и 2050 гг. увеличится на 171%, Афганистана и Пакистана — на 191%, Бангладеш, Малайзии и Индонезии — на 131%, Турции и Ирана — на 129%, Центральной Азии — на 128%. Во второй половине столетия максимальные темпы роста не превысят 122%. Постепенное снижение темпов заметно и при сопоставлении данных об увеличении числа жителей между 2010 и 2030 гг. и между 2030 и 2050 гг. Легко убедиться, что в первом двадцатилетии темпы примерно вдвое выше, чем во втором (см. табл. 1).

Следуя этой логике, можно предположить, что наиболее быстро население стран с мусульманским

большинством будет возрастать в текущее десятилетие. Пользующиеся авторитетом оценки численности мусульманского населения дает ныне исследовательский центр «Пью» Принстонского университета США. За основу сделанных центром расчетов на 2010 г. и прогнозных оценок на 2020 г. взяты данные ООН, скорректированные большой группой независимых демографов и социологов. В табл. 2 представлены оценки численности жителей в наиболее крупных государствах исламской цивилизации, составляющих ее географическое и геополитическое ядро.

Таблица 2
Население ряда крупнейших исламских государств, в млн. чел.

	2010 г.	2020 г.	2030 г.
Египет	80	93	105
Саудовская Аравия	25	31	36
Сирия	31	40	48
Ирак	31	40	48
Турция	75	83	89
Иран	75	83	90
Афганистан	29	40	51
Пакистан	178	218	256
Итого	524	628	723

Источник: Muslim Population by Country/http://chartsbin.com/view/557

Как видно из таблицы, темпы роста населения между 2010 и 2020 гг. оцениваются более высоко (120%), чем между 2020 и 2030 гг. (115%). Особенно заметно вырастет население в двух проблемных странах исламского цивилизационного ядра — Афганистане и Пакистане. Причем для Пакистана использованы цифры, скорее всего, серьезно занижающие реальные. Так, по опубликованным в средствах массовой информации этой страны данным о переписи домовладений, проводившейся в конце 2011 г., пакистанское население превысило 190 млн. чел.[14] Сравнение этой оценки с данными переписи населения 1998 г. дает среднегодовой прирост в 3%, что почти вдвое превышает оценки этого показателя, распространенные в пакистанских и международных публикациях. Нельзя не обратить внимание и на приведенные в таблице цифры по Египту и Сирии, где складывалась, судя уже только по ним, тяжелая демографическая ситуация, послужившая, видимо, подоплёкой социального брожения и политического кризиса, охватившего эти страны с начала 2010-х гг.

«Конвергенция цивилизаций» и перспективы роста исламского мира

Вместе с тем, как отмечено выше, в недавнее время были опубликованы серьезные исследования, основной тезис которых состоит в том, что в странах с преобладающим мусульманским населением наблюдается мало замеченный крутой спад рождаемости. Это приближает исламские государства к демографическому переходу (низкой рождаемости и низкой смертности). При этом многие авторы, в частности французы Ю. Курбаж и Э. Тодд, полагают, что такого рода сдвиги есть доказательство того, что ислам как религия, догматы которой содержатся главным образом в Коране, не имеет отношения к демографическому рывку исламской цивилизации, наблюдавшемуся в XX веке. Кроме того, имеет место, по их мнению, «конвергенция» исламской и христианской цивилизации, или, точнее, все большее совпадение протекающих в их рамках демографических процессов. Оно состоит в акценте на продолжение рода человеческого и в то же время в терпимом отношении к средствам защиты от нежелательных рождений[15].

В книге французов и сборнике статей под редакцией Х. Грота и А. Суза-Пола содержатся убедительные свидетельства резкого снижения рождаемости в странах с мусульманским большинством в период между 1975–1980 и 2005–2010 гг. Так, суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной условного поколения, имеющего на протяжении жизни возрастные коэффициенты рождаемости того года, для которого производится оценка показателя) в мусульманском регионе упал с 6.8 до 3.5, т.е. почти вдвое[16]. Если в мире в целом, по данным Отделения ООН по народонаселению, общий коэффициент рождаемости (рождения за год, поделенные на число людей) снизился за 30 последних лет на 33%, в менее развитых странах — на 34%, то в мусульманском регионе — на 41%. Более того, в 22 странах с мусульманским большинством рождаемость сократилась вполовину, на 50%, а в десяти из них, в том числе в Иране, на 60%[17].

Авторы этих подсчетов (Н. Эберштадт и А. Шах), опираясь на статистические данные ООН и Бюро цензов США, демонстрируют, что такое крутое снижение рождаемости не имеет прецедентов. Отвергая возможные обвинения в выборе периода наблюдения, они расширяют его до всего послевоенного времени и демонстрируют исключительно быструю реакцию именно мусульманских обществ на меняющуюся в пользу сокращения рождаемости обстановку[18].

Почти все исследователи феномена сокращения рождаемости в мусульманских и других ареалах отмечают зависимость рождаемости от грамотности населения, особенно женской грамотности. Курбаж и Тодд указывают на закономерность, в соответствии с которой снижение рождаемости происходит после достижения порога грамотности в 50% населением в возрастной когорте от 20 до 24 лет. Иными словами, условия, когда грамотность охватывает половину взрослого молодого населения, особенно женского, служат толчком для начала перехода к пониженной рождаемости. Варьирующаяся от страны к стране закономерность такого рода демонстрируется ими на примере мусульманских и немусульманских стран, начавших путь к демографическому переходу в XX веке. При этом всё же выявляется разница между

странами исламского и неисламского мира. Для множества всех менее развитых государств корреляция показателей грамотности мужчин и женщин с рождаемостью заметно выше, 0.84 и 0.80%, чем для мусульманских стран — соответственно 0.61 и 0.55%[19].

Несмотря на обвальный характер перемен, связанных с рождаемостью в мусульманских странах (она была в начале периода наблюдения очень высокой), демографические темпы роста оставались и на рубеже веков у них выше, чем в других ареалах. Эта закономерность наблюдается и в отношении мусульманского населения в целом. По данным ООН, относящимся к 1990–2000 и 2000–2010 гг., число мусульман в самом крупном по размеру мусульманского населения Азиатско-Тихоокеанском регионе (куда условно специалисты из центра «Пью» включают все неарабские страны Азии, вплоть до Ирана и Турции) увеличивалось среднегодовыми темпами, равными 2.8 и 1.8%, в то время как численность немусульман возрастала ежегодно на 1.3 и 0.9%. Предполагается, что в ближайшие два десятилетия разрыв сохранится, немного сократившись, — в 2010–2020-х гг. численность мусульман будет возрастать на 1.4%, а в 2020–2030-х гг. — на 1.1%, в то время как темпы роста немусульман в первый из прогнозных периодов упадут до 0.8%, а во второй — до 0.5%[20]. Что касается мусульманского населения мира, которое состоит из жителей АТР (доля которого равняется примерно 60%), регионов Ближнего Востока и Северной Африки (20%), субсахарской Африки (16%), Европы (ок. 3%) и Америки (менее 0.5%), то оно возрастало, по оценкам, на 2.3% между 1990–2000 гг. и на 2.1% между 2000–2010 гг. Среднегодовые темпы прироста в будущем упадут до 1.7% в период 2010–2020 гг. и до 1.4% в 2020–2030 гг. Они останутся несколько выше скорости прироста жителей планеты — немусульман, но сблизятся с ними — в 2010–2020 гг. Немусульманское население, по расчетам, будет возрастать в среднем в год на 0.9%, а в 2020–2030 гг. — на 0.6%[21].

Хотя рождаемость среди мусульман уменьшилась, среди стран лидеров по этому показателю на 2010–2015 гг. находятся в основном исламские государства — Афганистан, Пакистан, Кыргызстан, Малайзия, Туркменистан[22]. При этом мусульманские страны отличаются существенно различными темпами снижения рождаемости и роста населения. Характерно, что растущая дифференциация по этим показателям наблюдается между такими, например, парами государств, как Иран и Турция, с одной стороны (низкие темпы), Афганистан и Пакистан — с другой (высокие). Из арабских государств следует выделить растущий наиболее быстро Йемен, а из африканских, по той же характеристике, — Мали, Нигер, наполовину мусульманскую Нигерию, Судан, Сомали.

Несмотря на снижение темпов естественного движения населения в арабском ареале Ближнего Востока и Северной Африки, специалисты из принстонского «Пью» прогнозируют существенное, на 36,5%, увеличение численности арабского населения к 2030 г. по сравнению с 2010 г. В абсолютных цифрах ожидается рост почти на 120 млн., с 322 до 440 млн.чел., при этом в странах Ближнего Востока население возрастет со 127 до 187 млн. чел., а в Северной Африке — со 195 до 253 млн. чел.[23]

Таким образом, несмотря на «конвергенцию цивилизаций», демографический рост исламского мира при сохранении нынешних тенденций продолжится. И это неудивительно, ввиду того, что рождаемость — лишь один из факторов, непосредственно воздействующих на демографические темпы роста. Важнейшее значение (если не принимать в расчет достаточно однородный в нынешнюю эпоху показатель смертности) имеет так называемый «популяционный момент», т.е. инерция воспроизводства из-за наличия большой массы людей детородных возрастов. Наблюдавшийся в 1940–1970-х гг. демографический бум в мусульманском ареале еще долго будет сказываться на величине прироста населения в нем.

Хорошо иллюстрируют динамику этого процесса подсчеты, выполненные в рамках достаточно новой научной отрасли — религиозной демографии. Ведущие специалисты в этой области американцы Т.Д. Джонсон и Б.Д. Грим произвели подсчеты числа приверженцев религиозных и нерелигиозных убеждений на протяжении 100 лет, с 1910 по 2010 г. Из представленных в табл. 3 данных о пропорциях населения, относимого к разным вероисповедным течениям (деноминациям), следует, что число мусульман в минувшее столетие росло наиболее быстрыми темпами, в среднем почти на 2% в год, уступая темпам роста лишь неверующих, начинавших рассматриваемый период почти с нуля. К 1970 г. доля агностиков и атеистов в мире достигла максимума (почти 20%), а затем стала неуклонно сокращаться. В первое десятилетие нынешнего века она увеличивалась меньше чем на 0,3%. Вместе с тем за период в 100 лет достаточно быстро возрастал удельный вес христиан всех деноминаций (1.32%), индуистов (1.46%), буддистов (1.28%) и анимистов в субсахарской Африке (1.38%).

Таблица 3
Удельный вес представителей различных верований и убеждений

Годы	1 1910	1 1950	1 1970	2 2000	2 2010
Неверующие	0 0.2	6 0.7	1 19.2	1 12.9	1 11.8
Агностики	0 0.2	5 5.1	1 14.7	1 10.7	9.8
Атеисты	0 0.0	1 0.6	4.5	2.2	2.0
Верующие	9 99.8	9 93.3	8 80.8	8 87.1	8 88.2
Христиане	3 34.8	3 4.2	3 33.2	3 32.4	3 32.8
Мусульмане	1 12.6	1 13.6	1 15.6	2 21.1	2 22.5
Индуисты	1 12.7	1 12.6	1 12.5	1 13.5	1 13.8

Буддисты	7.9	7.0	6.4	7.3	7.2
Прочие (иудеи, сикхи, джайны, приверженцы китайских народных верований, анимисты субсахарской Африки и др.)	3 31.8	2 25.9	1 13.1	1 12.8	1 12.0

Источник: Johnson T. M., Grim B. J. The World's Religions in Figures. An Introduction to International Religious Demography. Chichester: John Wiley and Sons, 2013. P. 26.

Среди верующего населения наиболее заметно за сто лет, истекших с начала XX до начала XXI в., вырос удельный вес мусульман. В 1910 г. они составляли менее шестой части мирового населения, а к 2010 г. ислам исповедовал почти каждый четвертый житель планеты. Вместе с тем распространенные одно время представления, что ислам обгонит христианство по числу приверженцев уже к 2030 г., и уж, во всяком случае, к 2050 г.[24], не нашли подтверждения при более точном подсчете численности мусульман специалистами в области религиозной демографии и оценок на будущее с учетом тенденций последнего десятилетия. Темпы роста мусульман в 2000–2010 гг., по данным Джонсона и Грима, составляли в среднем в год 1.86%, а христиан — 1.31%. При сохранении нынешних тенденций христианство останется самой массовой религией и в середине XXI столетия (35,8%), а доля мусульман увеличится лишь до 27,5%, т. е. не дотянет и до трети мирового народонаселения[25].

Вместе с тем не исключено, что оценки вышеназванных религиозных демографов, изначально концентрировавших свое внимание на христианском мире, несколько занижают масштабы и потенциал демографического ареала исламской цивилизации. По мнению Г. Пинса из «Академии свободного мира», мусульмане уже в 2005 г. составляли 24% мирового населения, а к 2050 г. их доля должна возрасти до 33%[26]. Более высоко оценивают размеры и перспективы роста мусульман некоторые исламские центры[27].

Касаясь перспектив, нельзя не учитывать влияние политического фактора, который может изменить сложившиеся за последние десятилетия тренды. Так, руководство Ирана недавно выразило обеспокоенность низкими темпами роста своего населения. Сначала занимавший до выборов 2013 г. пост президента Исламской Республики М. Ахмадинежад, а затем и ее духовный лидер аятолла А. Хаменеи признали необходимым пересмотр демографической политики, отказ от курса на сокращение рождаемости и переход к противоположным, наталистским мерам. В октябре 2013 г. Хаменеи призвал иранцев иметь четырех-пятерых детей, заявив, что население в 150 млн. человек — это минимум, который Иран должен иметь. Министерство здравоохранения Ирана подтвердило отказ от практики контроля за рождаемостью[28]. Многие комментаторы выражают сомнение в достижимости поставленных целей (ныне, по разным оценкам, население равно 78–80 млн. чел.), но какой-то эффект разворот в демографической политике, по-видимому, окажет. Отметим, что стремление директивно управлять вопросами, касающимися семьи и общества, характерно для исламской цивилизационной модели, хотя и не только для нее[29].

Заметное стимулирующее воздействие на демографический рост оказывают в некоторых мусульманских странах политические соображения, связанные не с конфессиональным, а этническим фактором. В условиях электоральной демократии и федерализма в Пакистане, например, определенные политические силы прямо заинтересованы в увеличении численности поддерживающего их вследствие этнической и территориальной принадлежности населения. Похожими причинами вызван повышенный темп роста численности малайцев в Малайзии с ее традиционно крупной китайской общиной. В Индонезии отмеченное в последнее время замедление темпов снижения рождаемости тоже связано с политическими и социально-политическими факторами[30].

Статистическими методами удалось установить, что рождаемость обнаруживает наиболее тесную корреляцию с тремя показателями, один из которых, грамотность вообще и грамотность женщин, уже обсуждался. Два других параметра — это доля городского населения и индикаторы уровня жизни. Чем ниже они, тем выше в среднем рождаемость. Таким образом, перспективы демографического роста исламского мира зависят, безусловно, и от базовых социально-экономических причин[31].

Заключение

Завершая краткий обзор одной из весьма актуальных и значимых тем с точки зрения не только собственно демографии, но и мировой политики, нужно еще раз подчеркнуть, что ислам как религия не имеет явно выраженных специфических черт, способствующих чрезмерно быстрому росту населения. Более того, исламские канонические представления не препятствуют практике ограничения рождаемости, имея постулаты терпимого отношения к нежелательной беременности и вынужденным абортам. Вместе с тем исламская цивилизация, как олицетворение единого в своей основе общины-общества-государства, изначально ориентировалась на расширение ареала политического и социального господства. С возможностью использования радикальными силами этого историко-политического феномена, по-видимому, и связана обеспокоенность части мирового общественного мнения перспективами увеличения исламского «клина» в населении планеты. Представляется, однако, что страхи по поводу «исламской демографической бомбы» сильно преувеличены. И не только потому, что взрывной характер роста мусульманского населения, наблюдав-

шийся во второй половине XX века, сменился к его концу затуханием, но и по той причине, что общие религиозные корни не обеспечивают единства исламского мира. Он остается разделенным и по религиозно-сектантскому, и по этническому, и по национально-государственному основанию. Апеллируя к массовым слоям населения, элиты исламских государств склоняются к внешнеполитическим ориентациям, жестко разделяющим нередко близкие в цивилизационном отношении страны.

Что касается фундаменталистского радикализма, то он, несомненно, еще будет играть немалую роль в структурировании мирополитических реалий, но по мере «старения» мусульманского населения, неизбежного и при достаточно высоком демографическом росте, его социальная опора будет постепенно размываться.

Исламский демографический фактор вместе с тем имеет и будет сохранять немалое политическое значение на региональном и локальном уровнях. Линии религиозного и религиозно-сектантского водоразделов пролегают нередко внутри стран и в ареале соседних государств. С этой точки зрения демографическая проблематика остается одной из самых востребованных, необходимых для понимания текущих социально-политических и социально-экономических процессов, оценки среднесрочных и долгосрочных перспектив эволюции государственно-политических систем, структуры и содержания международных отношений.

Примечания

[1] Ehrlich P. R. Population Bomb. N. Y.: Ballantine Books, 1968.

[2] Meadows D. H., Meadows D. L. et.al. The Limits of Growth. L.: Universe Books, 1972.

[3] Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, vol. 72, n. 3, Summer, 1993. P. 22–49; If Not Civilizations, What? Samuel Huntington Responds To His Critics // Foreign Affairs, Nov.-Dec. 1993.

[4] Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y.: Simon and Shuster, 1996. P. 84–86, 109–120.

[5] См., напр., статьи на эту тему в кн.: Исламский фактор в истории и современности/Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, И. В. Зайцев, Н. Ю. Ульченко. М., 2011; Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии/Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульченко. М., 2012.

[6] Population Newsletter. World Fertility Report 2003. N. Y. Dec., 2003, n. 76. P. 7; United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects, the 2012 Revision. Available at: http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/p2k0data.asp Accessed 08.11.2013. United Nations Population Division. Department of Economic and Social Affairs. World Population Prospects. The 2010 Revision. PDF.

[7] World Population Prospects, the 2010 Revision. Available at: http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/p2k0data.asp Accessed 29.03.2012.

[8] Иран. Справочник/Отв. ред. С. М. Алиев. М.: Наука, 1993. С. 13.

[9] Karim M. Islamic Teachings on Reproductive Health and Fertility Transition in Muslim-majority Countries //Aga Khan University/mehtab.karim@aku.edu

[10] Хорошее представление о значении понятия «встроенности» индивидуальной судьбы (души, нафс) в общую канву жизни и картину мира дает книга: Латыпова Л. Н. Экзистенциальная философия ислама (Пролегомены). Казань: Казанский университет, 2011. С. 81–138.

[11] Белокреницкий В. Я. Рост населения в исламском мире // Историческая психология и социология истории, 2010, n. 1. С. 91.

[12] Акимов А. В., Яковлев А. И. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 64.

[13] Там же. С. 43–44.

[14] Khan A. S. Population shoots up by 47 percent since 1998. The News, March 29, 2012. Available at: http://www.the news.com.pk Accessed 11.12.2012; Pakistan: Where the population bomb is exploding by Wendell Cox07/02/2012//http://www.neewgeography Accessed 11.12.2012

[15] Как отмечают они, «Пророк Мухаммад принимал обычай азл (coitus interruptus) и, трактуя это расширительно, ислам терпимо относится ко всем остальным формам контрацепции». Courbage Y., Todd E. A Convergence of Civilizations. The Transformation of Muslim Societies. N. Y.: Columbia University Press, 2011, p. 21. Ислам проявляет терпимость и к абортам до определенного срока беременности. Karim M. Islamic Teachings on Reproductive Health and Fertility Transition in Muslim-majority Countries // Aga Khan University/mehtab.karim@aku.edu

[16] Courbage Y., Todd E. A Convergence of Civilizations. P. 9.

[17] Population Dynamics in Muslim Countries. Ed. H. Groth, A. Souza-Pola. Berlin: Springer, 2012. P. 34.

[18] Ibid. P. 37.

[19] Courbage Y., Todd E. A Convergence of Civilizations. P. 17–18.

[20] The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010–2030. Pew Research Center, Jan.2011. PDF. P. 71. Available at: www.perforum.org

[21] Ibid., Executive Summary. P. 1–2.

[22] Ibid. P. 80.

[23] Ibid. P. 92.

[24] См. такие расчеты: Muslim Population Statistics. Institute of Islamic Information and Education. Available at: http://www.iiie.net.node/55 Accessed 06.10.2009

[25] Johnson T. M., Grim B. J. The World's Religions in Figures. P. 14.

[26] Pince G. World Population Prospects. The «Islamic Bomb». Free World Academy. PDF. Available at: freeworldacademy.com/globalleader/population.html

[27] Muslim Population Worldwide. Available at: http://www.islamicpopulation.com Accessed 17.01.2002.

[28] Iran Is Reversing Its Population Policy by Farzaneh Roudi// http://issui.com/ecspwwc/docs/iran-reversing-its-population-polocy? … Accessed 14.12.2013.

[29] Противоречивую картину являет собой Турция. Глава правящей происламской Партии справедливости и развития премьер Р. Т. Эрдоган выражает сходное с тревогой иранских лидеров беспокойство низкими темпами роста населения и активно призывает турецких женщин иметь не менее трех детей. Его призывы вызывают протесты либерально настроенных кругов. Правительство вынуждено считаться с этими настроениями, но не оставляет планов осуществить меры по стимулированию многодетности// Erdogan Alarmed by Declining Turkish Birth Rate. Ankara, 4 April, 2013 Available at: http://www.al-monitor.com Accessed 4.02.2014.

[30] Population Dynamics in Muslim Countries. P. 12.

[31] Сошлемся в связи с этим на точку зрения А. В. Акимова, который обосновывает свой метод прогнозирования численности населения по методике смены режимов демографического развития с учетом фактора социально-экономического прогресса. См.: Акимов А. В. Долгосрочный прогноз численности народонаселения и перспективы цивилизационного взаимодействия // Восток (Oriens), 2009, n. 4. С. 95.

*А. В. Акимов**

Демографический прогноз ООН, трудовая иммиграция и возможности ее регулирования в странах СНГ

Прогнозы и оценки ООН международных миграций

Обновленная в 2012 г. версия демографического прогноза ООН содержит прогноз миграций до 2050 г., по которому Россия оказывается в списке стран, куда постоянно будет направляться поток иммигрантов (см. табл. 1).

Таблица 1

Страны с максимальной среднегодовой иммиграцией в 2010–2050 гг. по прогнозу ООН 2012 г.

Страна	Среднегодовое число иммигрантов, тыс. чел.
США	1000,00
Канада	205,00
Великобритания	172,50
Австралия	150,00
Италия	131,25
Россия	127,50
Франция	106,25
Испания	102,50

Источник: Составлено по World Population Prospects. The 2012 Revision. Key Findings and Advanced Tables. UN, NY, 2013. ESA/P/WP.227. P. 7.

Таким образом, расчет перспектив роста населения в России и соседних странах приводит к выводу, что в течение ряда ближайших десятилетий в Россию будет стремиться значительное число иммигрантов. Это объективный процесс, но необходимо его правильно регулировать.

В 2013 г. был подготовлен доклад Генерального секретаря ООН «Международная миграция и развитие»[1]. Это комплексное исследование последствий миграций и их влияния на экономическую и социальную сферы. Такое исследование проводилось семью годами ранее, так что к 2013 г. выявлены актуальные тренды развития.

В докладе подчеркивается, что в настоящее время международные миграции затрагивают практически все страны мира, и ни одно общество не может рассматривать свое будущее без учета последствий миграций. Вместе с тем подчеркивается, что для легальной миграции существует слишком мало каналов, и поток тех, кто хочет переехать в другую страну, направляется по многим каналам, лишь часть из которых является легальными. Это лишает многих иммигрантов правовой защиты, и в результате они оказываются в руках тех, кто их эксплуатирует и получает нелегальные доходы от иммигрантов и их работы в стране пребывания. В этой группе коррумпированные чиновники, регулирующие миграционные потоки в принимающих странах, бизнесмены в этих странах, использующие нелегальную рабочую силу, а также международные торговцы людьми и вербовщики, а также национальные полулегальные и даже преступные группы, организующие эмиграцию из стран исхода. Таким образом, сфера международных миграций в ряде случаев становится сферой крупного преступного бизнеса.

В то же время только официальные переводы трудовых мигрантов в развивающиеся страны в 2013 г. выросли до 401 млрд. долл. США[2]. Эта величина косвенно отражает вклад иммигрантов в экономику принимающих стран.

Важной особенностью современной международной трудовой миграции является тот факт, что многие страны выступают во взаимоотношениях с одними партнерами как принимающие рабочую силу, а в отношениях с другими как страны исхода трудовых мигрантов. Это в определенной степени способствует сближению позиций в области политики регулирования миграций.

Сложились международные механизмы и форумы для обсуждения и решения проблем международной миграции. Создан Глобальный форум по вопросам международной миграции и развития, привлекающий ежегодно более 150 государств для обсуждения проблем международной миграции, и Группа по проблемам глобальной миграции, объединяющая 15 учреждений системы ООН и Международную организацию по миграциям для координации их действий в сфере миграции.

Вместе с тем в докладе Генерального секретаря ООН подчеркивается, что «нет никакого единственного метода, который поможет нам решить проблемы и использовать возможности, связанные с миграцией. Нам нужны практические решения, дающие ощутимые результаты»[3].

Масштабы и распространенность международных миграций в мире столь значительны, что говорить об универсальных методах решения проблем миграций не приходится. В настоящее время в мире

* Акимов Александр Владимирович, доктор экономических наук, заведующий Отделом экономических исследований Института востоковедения РАН.

насчитывается около 232 млн. международных мигрантов, то есть лиц, живущих за пределами своей страны рождения или гражданства. Из них 59% живут в странах, относящихся к категории развитых. Женщины составляют 48% международных мигрантов[4]. В 2013 г. международные мигранты составляли почти 11% от общей численности населения развитых регионов, притом что в 2000 г. их доля не превышала 9%. В развивающихся регионах доля мигрантов в населении составила в 2013 г. менее 2%[5].

В докладе Генерального секретаря ООН подчеркивается, что общераспространенное мнение о том, что одно рабочее место, занятое иммигрантом, означает уменьшение на одно рабочее место для коренных работников, неверно. Исследование, проведенное для 14 принимающих стран ОЭСР и 74 стран происхождения иммигрантов за период 1980–2005 гг., показало, что иммиграция увеличивает масштабы занятости один к одному за счет повышения общего объема производства и повышения общего спроса на товары и услуги. В США в 2000–2007 гг. на иммигрантов пришлось 32% прироста ВВП[6].

Трудовая иммиграция в Россию

Россия находится в русле общемировых миграционных трендов. Уже сейчас на территории РФ живут и работают более 10 млн. иностранных граждан, преимущественно из стран СНГ. Из них 42% прибыли с целями, не связанными с трудовой деятельностью, и лишь 17% законно работают на основании разрешения на работу или патента[7]. Ежегодно в Россию въезжает около 14 млн. иностранных граждан. Около 80% из стран СНГ. При этом около половины выходцев из стран СНГ въезжают впервые[8], так что можно говорить о существенной доле повторных поездок. Данные государственной информационной системы миграционного учета указывают, что около 20% находящихся в стране иностранцев превысили срок законного пребывания в России. Они скорее всего работают нелегально, не платя налогов[9]. В целом трудовые мигранты составляют около 7% всех занятых в российской экономике[10]. В ряде отраслей, таких как строительство, коммунально-бытовая сфера, розничная торговля, доля иммигрантов в численности персонала намного выше, и одномоментное ужесточение иммиграционного законодательства может оказать резко отрицательное воздействие на развитие этих отраслей[11].

Кроме того, попытка отгородиться от стран Центральной Азии и Закавказья может оказаться губительной для долгосрочных отношений России со странами СНГ. Эти государства либо станут зонами активного экономического влияния других крупных государств и экономических группировок, либо скатятся в категорию failedstates и будут опасными соседями и источниками терроризма.

Вопросы иммиграции из стран Центральной Азии приобрели в последнее время в России политический характер. Существующие позиции по этому вопросу можно свести к трем группам. Первая группа настаивает на том, что иммиграция представляет собой зло, которое необходимо запретить. Сторонники этой позиции считают, что растущее количество иммигрантов на территории России представляет собой опасность для сохранения идентичности России, ее национального сознания и перспектив развития[12].

Вторая группа придерживается позиций прав человека, невозможности прекращения миграций как по экономическим, так и по политическим мотивам. Эта группа указывает, что иммиграция характерна для большинства развитых стран, и необходимо сосредоточить усилия на совершенствовании механизма приема мигрантов. Эта группа подчеркивает, что права мигрантов необходимо защищать[13].

Третья группа сосредотачивает внимание на отработке механизмов контроля иммиграции. Сторонники этой точки зрения считают необходимой трудовую иммиграцию в Россию из стран Ближнего зарубежья. Главное, как считают сторонники этой позиции, отработать имеющиеся механизмы регулирования трудовой миграции и усовершенствовать их[14].

Что касается первой группы мнений, то при возможности их обосновать политическими, культурными, этническими соображениями экономические данные, приведенные выше, показывают, что отказаться от иммиграции без существенных экономических потерь невозможно. Семь процентов занятых можно заместить только колоссальными инвестициями, направленными на повышение производительности труда, либо придется смириться со значительным экономическим спадом. Представление о том, что в российской глубинке есть много желающих занять рабочие места, которые ныне занимают иммигранты, не соответствует действительности. Иммигрантов много в строительстве, торговле и сфере обслуживания в большинстве крупных городов России. Более того, представляется более перспективным вариант, когда живущие сейчас в сельской местности и малых городах россияне станут опорой в развитии современного сельского хозяйства в стране.

Вторая точка зрения, взывающая к правам человека как основе взаимоотношений с иммигрантами, не учитывает остроты реальных проблем взаимоотношений иммигрантов и местного населения. Естественно, необходимо воспитывать толерантность, но как всякий процесс, связанный с влиянием на общественное мнение, отношение к иммигрантам подвержено сильным изменениям, в настоящее время не в лучшую сторону, так что нужны другие механизмы регулирования миграционных процессов.

В третьей группе мнений есть разные позиции. Одна из них состоит в том, что необходимо ужесточить контроль над миграционными процессами и наладить депортацию нелегальных иммигрантов. Эта позиция близка первой группе и не отрицается второй. Представляется, что упование на полицейские меры не обосновано. Как показывает практика Саудовской Аравии, где значимость трудовой иммиграции для хозяйства очень велика, а доля иммигрантов в населении значительна, эти меры не особо эффективны даже в условиях страны, которая имеет жесткую структуру власти, не обременяет себя многими обязательствами, связанными с правами человека, и обладает достаточными средствами для содержания мощного полицейского аппарата. По словам саудийского публициста и журналиста Абдуллы Рахмана Аль-Рашида (Abdul Rahman Al-Rashed), служба безопасности страны не справляется с контролем границ и выявлением нелегальных иммигрантов. Их депортация представляется сложным делом. Депортация сопровождается уличным насилием, в которое вовлечены как силы безопасности, так и группы, которые Абдулла Рахман Аль-Рашид сравнивает с преступными бандами (gang)[15].

Нужно отметить, что в рекомендациях рабочих групп «Гражданской двадцатки» «Группе двадцати», выработанных в результате обсуждения в Москве в июне 2013 г., указывается: «Мы считаем одной из приоритетных задач обеспечение успешной интеграции мигрантов в принимающих странах, без ущемления их социальных и трудовых прав, а также прав местного населения. Изучение мигрантами местного языка, знание которого является ключевым условием, позволяющим мигрантам интегрироваться в общество принимающей страны, предоставляет их детям равные возможности для участия на рынке труда в будущем»[16].

Таким образом, на уровне выработки рекомендаций правительствам находят отражения разные точки зрения на регулирование миграций, рассмотренные в этом разделе. Как указывается в докладе Генерального секретаря ООН, упомянутом выше, «хотя люди имеют право покидать свою страну и возвращаться в нее, государства имеют суверенное право регулировать въезд и пребывание иностранцев на своей территории»[17], то есть подчеркивается необходимость учета интересов всех сторон, участвующих в миграционном процессе.

Лизинг персонала как инструмент регулирования трудовой миграции в СНГ

Представляется целесообразным обсудить меры, которые снимают часть проблем, беспокоящих общественность в России и одновременно улучшающих положение иммигрантов. Такой мерой может стать лизинг персонала. Эта форма найма уже не первый год применяется в бизнесе, но в России пока распространена в основном для поиска высококвалифицированного и временного персонала. Такая форма позволяет одновременно повысить эффективность существующих механизмов контроля миграционных процессов, защитить права иммигрантов и в то же время повысить экономическую эффективность трудовой миграции, заложить механизмы повышения квалификации рабочей силы в СНГ, перевести качество рабочей силы на более высокий уровень.

При лизинге персонала работник нанимается на фирму, которая собирает сведения о наличии работы в других фирмах. Именно эта фирма-посредник заключает договоры о выполнении работ с другими фирмами, но она посылает выполнять их нанятых ею работников. Работники наняты одной фирмой, но работают на другие, находясь как бы в командировке от фирмы-посредника в фирмах-работодателях.

Опыт зарубежных стран, в которых лизинг персонала имеет многолетнюю историю, показывает, что этим видом бизнеса могут заниматься как малые фирмы, так и крупные, способные направлять на работу по этой схеме десятки тысяч человек. Например, основанная в США более 60 лет назад компания Manpower является одной из крупнейших в мире в этом секторе. Только на территории Германии эта фирма имеет 150 представительств и располагает пулом работников свыше 25 тыс. человек[18]. Таким образом, бизнес по лизингу персонала может быть международным и разным по размеру в зависимости от поставленных целей и имеющихся возможностей.

Возможные преимущества такого варианта при иммиграции в Россию из Центральной Азии и других стран СНГ состоят в том, что вместо неорганизованного рынка рабочей силы создаются несколько крупных игроков, которые берут на себя ответственность за иммигранта. Задачи фирм по лизингу персонала в СНГ могут быть сведены к следующему:

— искать и готовить персонал в государствах Центральной Азии и других экспортерах рабочей силы;
— собирать информацию о рабочих местах в России и других странах-импортерах;
— оформлять документы иммигрантов и трудовые договоры с работодателями;
— иметь недвижимость в России для размещения иммигрантов;
— обеспечивать социальную и правовую защиту иммигрантов в России.

В правовом и экономическом плане формы фирм, занимающихся лизингом персонала, могут быть разными. Это могут быть полугосударственные крупные фирмы или кооперативы тех посредников, которые уже сейчас решают вопросы приема и размещения иммигрантов из Центральной Азии в России. Необходимо создать несколько фирм, чтобы госструктуры в России могли устраивать конкурсы между ними, согласно законодательству о госзакупках.

Нужно перекрыть черные каналы движения рабочей силы, чтобы стоимость услуг фирм, предоставляющих персонал по лизингу, была не очень высокой и конкурентной по сравнению с черным рынком. Для рынка в России и властей преимущество лизинга персонала состоит в том, что мигранты организованны, ясно, к кому обращаться для поиска работников и решения правовых вопросов, есть сведения о квалификации персонала, социальные вопросы иммигрантов решает фирма, обеспечивающая лизинг. Для иммигрантов преимущества состоят в том, что они имеют гарантии работы, приезжают по легальным каналам, имеют социальные гарантии. По сути дела, фирмы должны заменить тех нелегальных посредников, которые сейчас организуют миграционные потоки.

Поскольку развитие такой формы, как лизинг персонала, может быть организовано как проект, целесообразно использовать некоторые стандартные инструменты, применяемые в проектном анализе, для оценки этого проекта. К такому инструменту относится SWOT-анализ, который предусматривает выделение сильных (strong), слабых (weak) сторон проекта, возможностей (opportunities) и угроз (threats). Первоначальный SWOT-анализ проекта по лизингу персонала может выглядеть следующим образом:

Сильные стороны:

— возможность удовлетворить острую потребность вывести трудовую миграцию на более высокий экономический уровень, увеличить ее экономическую эффективность, поднять квалификацию иммигрантов, предоставлять иммигрантам более высокооплачиваемые рабочие места, требующие высокой квалификации;
— возможность удовлетворить запрос со стороны общественности в принимающих странах и странах выезда упорядочить этот процесс;
— есть опыт применения лизинга персонала в других странах.

Слабые стороны:

— уже налажены связи и отношения между принимающими странами и странами-донорами на уровне человеческих связей, социальных сетей, и их придется ломать;
— требуются согласованные действия на международном уровне между странами-донорами и принимающими странами;
— несовершенна правовая база отношений.

Возможности:

— значительное увеличение экономической и социальной эффективности трудовой миграции в СНГ;
— создание крупных эффективных международных фирм в СНГ в строительстве, сервисе и предоставлении услуг высококвалифицированного персонала.

Угрозы:

— неясно, какова может быть экономическая эффективность лизинга персонала как бизнеса, каковы будут внутренние издержки фирм в этой сфере;
— бюрократические препоны в принимающей и направляющих мигрантов странах;
— конкуренция с существующими формами экономической миграции.

Вероятно, на первом этапе нужно оформить фирмы на двусторонней основе: российско-таджикскую, российско-узбекскую, российско-киргизскую и т.д. Они будут иметь возможность работать в стране эмиграции и в России для решения всего комплекса вопросов миграции. Действия по организации лизинга персонала в странах СНГ могут быть сведены к следующему:

1. Формулировка задач и организационных форм для лизинга персонала.
2. Социологические опросы и фокус группы для выявления мнения трудовых мигрантов об их проблемах.
3. Подготовка бизнес-плана фирмы по лизингу персонала.
4. Политическое решение вопроса о лизинге персонала в стране выбытия и стране прибытия.
5. Создание фирмы.
6. Начало деятельности фирмы по лизингу персонала.

Обсуждение предложения по организации лизинга персонала в СНГ на семинаре ЮНФПА «Население и развитие» 01 октября 2013 г. со слушателями из стран СНГ показало следующее:

1. Все участники семинара положительно ответили на вопрос анкеты, нужно или не нужно рассматривать вопрос о развитии лизинга персонала в СНГ.
2. При совместном обсуждении проблем этого проекта на первом месте в результате мозгового штурма и голосования оказались следующие проблемы:
   — правовые вопросы;
   — финансирование;
   — социальная помощь иммигрантам.

Таким образом, необходимо вырабатывать разные формы регулирования международных трудовых миграций населения, включая лизинг персонала, поскольку миграции в ближайшие десятилетия будут расширяться и нарастать. Если не будут выработаны эффективные механизмы их регулирования, в стихийных формах международные миграции могут стать дестабилизирующим процессом в социально-политической сфере в странах иммиграции, включая Россию.

Примечания

[1] Международная миграция и развитие. Доклад Генерального секретаря ООН, A/68/190. 25 июля 2013.

[2] Международная миграция и развитие. Доклад Генерального секретаря ООН, A/68/190. 25 июля 2013. П. 2 текста доклада.

[3] Там же. П. 14 текста доклада.

[4] Там же. П. 21 текста доклада.

[5] Там же. П. 22 текста доклада.

[6] Там же. П. 48 текста доклада.

[7] См. статью Егоровой Е., первого заместителя руководителя Федеральной миграционной службы РФ, «Нелегальная миграция в России» http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003#top

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] В целом представление о том, что трудовые иммигранты и русскоязычные репатрианты являются неквалифицированными людьми, которые не имеют перспектив успешно вписаться в российское общество, не совсем верно. Есть истории успеха, среди которых одна из самых ярких — судьба судьи Конституционного суда Российской Федерации, члена-корреспондента Российской академии наук М.И. Клеандрова. Он родился в 1946 г. в Ташкенте, в 1970 г. окончил юридический факультет Таджикского государственного университета по специальности «Правоведение». В 1989 г. переехал в Тюмень, преподавал там в университете, в 1993–1995 гг. представлял РФ в Экономическом суде СНГ, затем был председателем Арбитражного суда Тюменской области, а в 2003 г. был избран судьей Конституционного суда РФ. См.: Клеандров М. Современные проблемы судебной реформы в Российской Федерации. СПб.: СПбГУП, 2011 (Избранные лекции университета. Вып. 132).

[12] Эта позиция наиболее характерна для националистически мыслящей части общества. Она представлена в их высказываниях в электронных СМИ.

[13] Примером этой позиции является мнение директора Института миграционной политики Ольги Гулиной. См. http://www.tass-press.ru/data/Files/File/15.pdf

[14] См. статью Егоровой Е., первого заместителя руководителя Федеральной миграционной службы РФ, «Нелегальная миграция в России» http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003#top

[15] Abdul Rahman Al-RashedOpinion: Saudi Arabia Must Regain Control of ImmigrationAsharq Al-Awsat. 11 Nov, 2013 http://www.aawsat.net/2013/11/article55321998

[16] Рекомендации рабочих групп «Гражданской двадцатки» «Группе двадцати». М. С. 162.

[17] Международная миграция и развитие. Доклад Генерального секретаря ООН, A/68/190. 25 июля 2013. П. 69 текста доклада.

[18] Сумленый С. Работа в долг // Эксперт, №7, 2013. С. 40.

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ

*Н. Ю. Ульченко**

В поисках методологии современных экономических востоковедных исследований

Настоящая работа никоим образом не претендует на полновесное историографическое исследование, так как совершенно невозможно уместить аналитический обзор богатого наследия советской востоковедной экономической школы и весьма многочисленные и разнообразные накопления постсоветского периода в рамки одной статьи. Поэтому автор вынужденно и неизбежно использует выборочный подход, а работы, которые будут рассмотрены ниже, отобраны лишь в силу того, что они представляются более или менее репрезентативными примерами определенных исследовательских направлений. Сама статья представляет собой одну из немногочисленных предпринятых в последнее время и потому *начальных* попыток разобраться в вопросах методологии экономических востоковедных исследований. Дело в том, что после отмены «методологического диктата» советского периода выбор методологии, будучи оставленным на выбор исследователя, казалось бы, утратил былое значение, освободив пространство для использования и сосуществования в науке множества подходов. Но теперь, спустя определенное время, наступил момент для осмысления и систематизации полученных результатов и попытки оценить возможности и перспективы отдельных исследовательских направлений или их совместного применения.

В советский период важным методологическим императивом при исследовании экономической эволюции стран Востока являлась трактовавшаяся определенным образом теория формаций К. Маркса. Она основывается на выявленной и описанной им способности экономики к поэтапному движению и трансформации. Важнейший тезис марксистской политической экономии заключается в том, что производительные силы (или технологический базис) общества предопределяют его экономические, социальные и политические отношения (надстройку или институты): «…в каждую историческую эпоху преобладающий способ экономического производства и обмена и необходимо обусловливаемое им строение общества образуют основание, на котором зиждется политическая история этой эпохи и история ее интеллектуального развития, основание, исходя из которого она только и может быть объяснена…»[1]. Главный фактор трансформации, перехода к иной экономической модели — несоответствие производственных отношений и надстройки развивающимся производительным силам. На этом положении основывалось представление о всеобщих (непреложных) законах истории, задающих направление движения общества, равно как и убежденность в том, что более развитые страны демонстрирует менее развитым картину их будущего. Е. Т. Гайдар, размышляя о феномене популярности учения Маркса среди современников, писал: «Совокупность базовых тезисов марксизма, его претензия на обладание знанием законов истории вместе с преобразовательной нацеленностью историко-философской доктрины придают учению мессианский характер»[2]. И действительно, предлагаемая марксизмом цельная концепция мироустройства, сообщаемое им ощущение познания законов его развития и прорисовка четкой картины будущего придают учению черты светской религии, наделяя его, по образному выражению Е. Т. Гайдара, «завораживающим обаянием»[3].

К концу жизни К. Маркс стал более скептически относиться к непреложному характеру законов истории. Понимание нелинейности общественного развития, необходимости учета иных факторов, помимо экономических, которые оказывают влияние на формы общественной жизни, заставило вносить модификации в теорию общественных формаций. Дальнейшее научное развитие марксизма означало признание того, что часть исходных установок не соответствует долгосрочным трендам развития цивилизации, и предполагало пересмотр первоначальных идей.

Но принять все эти доводы во внимание значило решиться на существенную трансформацию исходной доктрины, ее усложнение, что ставило под вопрос статус «светской религии», который обязывал, избегая сложности и многозначности, давать простые ответы на сложные вопросы. «Марксизм же как «светская религия», — писал Е. Т. Гайдар, —

* Ульченко Наталья Юрьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

требовал сохранения неколебимости догматов, минимизации исключений, выпячивания «железных законов»[4]. К. Маркс оказался в ловушке. Сложилась парадоксальная ситуация: марксизм стал заложником интеллектуальной мощи работ своего основоположника, его политического успеха», — резюмировал Е.Т. Гайдар[5]. Под политическим успехом имеется в виду то, что доктрина Маркса благодаря своей внутренней непротиворечивости и простоте овладела массами, вокруг нее сформировались массовые партии, мировоззрения, судьбы множества людей. В итоге при сравнительно меньшем внимании общественной мысли к позднейшем коррективам Маркса, широкое распространение получили различные формы вульгаризации (дальнейшего упрощения) марксизма.

С одной стороны, вульгаризации подверглось само понятие производительных сил. С точки зрения Маркса первой производительной силой человечества являются не средства производства, а рабочий, трудящийся, работник, обладающий общими и профессиональными знаниями. Но в начале XX в. благодаря Г.В. Плеханову получил широкое распространение взгляд на орудия труда как определяющий момент производительных сил. С другой стороны, широкое распространение получила и упрощенная трактовка производственных отношений. К. Маркс, раскрывая их содержание, стремился показать качественное отличие производственных отношений как от технико-экономических, так и юридических отношений (отношений собственности). Если производственные отношения охватывают лишь отношения между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, то отношения собственности — более широкий круг отношений, включающий в том числе и те, которые не связаны непосредственно с экономическими отношениями. Но вместе с тем отношения собственности по Марксу раскрываются через систему производственных отношений, лишаясь статуса «независимого отношения, особой категории». Тем не менее, в 1930–1960-е гг. возобладало представление, сложившееся под влиянием «Краткого курс ВКП (б)» И.В. Сталина, о том, что собственность является основой производственных отношений или исходным и основным отношением экономической системы.

Что касается теории общественных формаций, то, согласно тому же краткому курсу истории, она трактовалась на основе пресловутой «пятичленки», по которой мир развивается, переходя последовательно от одной формации к другой, более высокой.

Выделение в марксизме как основного отношения собственности на средства производства и упрощенное толкование идеи последовательной смены формаций стало предпосылкой его сведения к экономическому детерминизму и «узкоклассовому подходу».

Следует подчеркнуть, что позже, к 1970–1980-м годам, сложилось более глубокое понимание марксизма: диалектика производительных сил и производственных отношений нашла отражение в так называемом законе соответствия производственных отношений характеру производительных сил, который предполагает не только зависимость производственных отношений от производительных сил, но и активное обратное воздействие производственных отношений на производительные силы, хотя сама формулировка закона сохраняет указание на доминирующую сторону в системе двустороннего взаимодействия.

Тем не менее, постулат о главенстве отношений собственности в системе производственных отношений, а значит, и при определении типа (формации) развития оказал существенное влияние и на методику экономических востоковедных исследований. Так, авторы работы «Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс» (ответственные редакторы и руководители авторского коллектива В.Л. Шейнис и А.Я. Эльянов, М., 1983 г.), разрабатывая проблему принципов и поиска критерия классификации развивающихся стран, писали: «На самом общем уровне в развивающемся мире можно выделить два класса стратегий, поскольку движение здесь осуществляется по двум путям социально-экономического развития: к социализму и капитализму. Соответственно направления формационного развития, закладываемые в стратегию, и теоретические основания, на которые она опирается, принципиально различны у двух групп развивающихся стран разной социальной ориентации. В первом случае это марксистско-ленинская концепция некапиталистического пути развития освободившихся стран, либо теории так называемых национальных социализмов… Во втором — различные варианты буржуазных экономических и социологических теорий роста и модернизации…»[6].

Поэтому вполне логично, что один из основных предложенных к использованию методологических подходов к исследованию социально-экономической структуры в развивающихся странах предлагал исходить из соотношения государственного и частного секторов[7] (государственной и частной собственности). Но при этом важная особенность данного подхода заключалась во внимании к развитию государственного сектора (системы государственной собственности. — *Н. У.*) не только в развивающихся странах социалистической ориентации, но и капиталистической в силу следующих двух обстоятельств. Первое заключалось в том, что экономические и социальные проблемы, которые стояли перед странами социалистической ориентации, особенно в начале их пути, были во многом сходны с проблемами, которые приходилось решать странам, вовлеченным в русло капиталистического развития. Поэтому государственный капитализм, который «функционально выражается как во всеобъемлющем регулировании экономики, так и в непосредственном предпринимательстве государства,

методологически возможно трактовать … как доминирующую хозяйственную систему в освободившемся мире»[8]. Второе было связано с устойчивым убеждением в том, что при «очевидной общности стоящих перед этим миром (миром освободившихся стран. — *Н. У.*) первоочередных задач подъема государственный капитализм не имеет и объективно не может иметь в XX в. исключительно капиталистическую направленность, как это происходило на заре капитализма. И в этом заключается главная отличительная черта генезиса развивающихся государств в сравнении с раннебуржуазным Западом, когда капитализм «был еще нормальным, единственно возможным при данных условиях способом производства»[9]. Таким образом, допускалась возможность корректировки курса развития с последующим более широким использованием модели социалистической ориентации на базе госкапитализма. Подобная убежденность подкреплялась памятью о том, что в целях облегчения задач социалистического строительства в Советской России В. И. Ленин допускал на начальном этапе целесообразность использования госкапитализма именно как господствующей хозяйственной системы. Отсюда рождались надежды на то, что социально-классовая заданность феномена госкапитализма в развивающемся мире может оказаться различной, предопределяя общественно-экономическую направленность каждого конкретного общества и его типологию[10]. Поэтому развитие государственного предпринимательства в развивающихся странах не только подробно отслеживалось исследователями нашей страны, но и активно поощрялось, в том числе через непосредственное участие СССР в его росте и укреплении. «Расширению предпринимательской деятельности государства в развивающихся странах в сфере промышленности в немалой степени способствовали обострение борьбы двух социально-экономических систем, формирование социалистического содружества и усиление его экономической и научно-технической мощи. С середины 50-х годов социалистические страны приступили к оказанию экономического и научно-технического содействия развивающимся странам в целях укрепления их политического суверенитета и достижения экономической независимости. Поскольку практически вся помощь социалистических стран направлялась государственным организациям, она содействовала становлению и быстрому развитию государственного сектора в производственной сфере», — читаем у Г. К. Широкова[11].

Внимание к проблемам становления национальной промышленности и в условиях активного госпредпринимательства позволило достаточно подробно изучить теорию и практику импортзамещающего развития в освободившихся странах, которая как раз и предусматривала наряду с протекционистскими мерами повышение роли государства в мобилизации и использовании ресурсов с целью создания предпосылок для расширенного воспроизводства на крупных предприятиях ключевых отраслей промышленности. Наиболее популярным импортзамещение было в период 1950–1960-х и уже меньше — 1970-х годов, когда развивающиеся страны стремились быстро решить задачу «доиндустриализации» — создания базовых отраслей промышленности. В отечественном востоковедении модель замещения импорта в противоположность колониальной, с ее нацеленностью на структурно ограниченный (монокультурный) экспорт, была признана наиболее эффективным средством стимулирования промышленного строительства, уменьшения зависимости от колебаний мирового рынка и повышения самообеспеченности народного хозяйства важнейшими видами промышленных изделий[12].

Вместе с тем политическая ангажированность марксистской теории формации, заключающаяся в том, что она «раскрывает не столько механизм поступательного движения рыночной экономики, сколько механизм ее ликвидации» и перехода от рынка («капитализма») к иной экономической модели («коммунизму»)[13], равно как и присущая ей трактовка историзма привела к появлению в отечественной науке концепций, впоследствии признанных «некорректными», например, концепции экономического дуализма. В русле формационного подхода «модернизация любой экономики отождествлялась с промышленным развитием на базе машинных технологий, экономящих живой труд, а значит — с увеличением капиталоемкости производства, ростом индивидуальной производительности труда. «…Модернизация экономик развивающихся стран виделась многим теоретикам и политикам как их прямая погоня за промышленно развитыми странами в усилиях создать у себя индустриальный сектор», — писал отечественный востоковед Ю. Г. Александров[14]. Но поскольку развивающиеся страны отличало изобилие трудовых ресурсов, сберегающие труд капиталоемкие машинные технологии рассматривались как антагонистичные местным социальным условиям: их внедрение делало трудовые ресурсы этих государств абсолютно избыточными. Таким образом, «дуализм» понимался как несовместимость в этих странах «современного» сектора экономики и оставшегося за его границами огромного массива «туземного» хозяйства. Отсюда следовал вывод «о глубоком и неразрешимом противоречии для самого капитализма как общественной системы в развивающихся странах»[15]. Происхождение теоретической парадигмы «экономического дуализма» Ю. Г. Александров связывает с убежденностью в неспособности капитализма завершить индустриальную модернизацию экономики развивающихся стран и, как логическое следствие, — с необходимостью постоянно усиливать вмешательство государства во все стороны жизни общества с перспективой выбора социалистически ориентированного пути развития[16]. Он справедли-

во рассматривает появление и широкое признание в отечественной науке того времени концепции «экономического дуализма» как убедительное доказательство привлекательности в научной среде идеи бесперспективности капитализма в «третьем мире».

«Жизнь однако опровергла сугубо пессимистические в отношении капитализма и многообещающие для идеологов социалистической ориентации развивающихся стран выводы концепции «экономического дуализма», — пишет далее Ю. Г. Александров. «Развивающиеся страны одна за другой отказывались от импортзамещающей индустриализации, с которой до того полностью отождествлялась модернизация их экономик, и открывались навстречу глобальному миру с его новыми постиндустриальными технологиями, формами организации экономической жизни и бурным прогрессом международного разделения труда… Ведущую роль на первой стадии модернизации сыграло при этом соединение изобильной местной рабочей силы с трудоемкими и вместе с тем высокопроизводительными технологиями, привнесенными туда транснациональными корпорациями или заимствованными у них», — пишет далее автор. Его же основной «антимарксистский вывод» состоит в следующем: «В целом те изменения, которые внесли развивающиеся страны в стратегию модернизации, в свою очередь, побудили мировое научное сообщество пересмотреть идеологию «догоняющей» модернизации как убежденность в том, будто у тех есть лишь один путь развития — ровно след в след за передовыми индустриальными государствами. Ее сменило представление о разнообразии …возможных вариантов ускорения их развития в условиях глобализации мировой экономики»[17].

С конца 1960-х гг. концепция импортзамещающей индустриализации и понимание государства как главного стимулятора развития стала подвергаться пересмотру. На Западе резко критиковалось чрезмерное государственное вмешательство в хозяйственные процессы, пренебрежение законами рынка, некомпетентность управления экономикой, просчеты в планировании, коррумпированность госаппарата, гипертрофированный протекционизм. Высказывалось мнение, что в ряде развивающихся стран государство уже заложило предпосылки капиталистического развития, создало инфраструктуру и обеспечило первоначальный толчок, поэтому теперь часть функций государства должен был принять на себя частный капитал. «Классовый смысл предлагавшейся западными теоретиками переориентации заключался в том, чтобы устранить препятствия для развития частнохозяйственных сил, расширить возможности роста капиталистических укладов», — комментировали начавшийся процесс переосмысления авторы книги «Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс»[18]. Г.К. Широков связал пересмотр парадигмы развития в развивающихся странах с подъемом в 1970-е гг. волны неоконсерватизма на Западе, обусловленной как снижением эффективности его экономики, так и ростом транснационализации производства и интернационализации капитала. «Развивающимся странам либерализация оказалась фактически навязанной извне… В обстановке транснационализации, интернационализации и либерализации страны, глубоко втянутые в международное разделение труда, вынуждены были либо принять новые правила игры, либо быть вытолкнутыми из мирового хозяйства», — резюмировал он[19]. Но так или иначе, потеря концепцией импортзамещения актуальности, которая сопровождалась снижением роли государственного сектора на фоне все более масштабной его приватизации и общей экономической либерализации в странах Востока, и последовавшее крушение социализма существенно снизили востребованность экономических востоковедных исследований, концентрировавшихся на проблеме государственного регулирования, в первую очередь госпредпринимательства.

Тем не менее, если заслуга Маркса в области исследования механизмов экономического развития — «историзм, обнаружение способности развитой экономики к этапному движению в виде трансформаций»[20], то заслуга экономических востоковедных исследований того времени — применение этого метода для изучения трансформации развивающихся стран со всеми ее достижениями и заблуждениями.

Следует отметить и предпринимавшиеся в отечественном востоковедении советского периода попытки выхода за границы экономического детерминизма, утверждавшегося марксистско-ленинской доктриной. Так, в той же работе «Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс» читаем: «Цепочка, по которой исходящие из экономики импульсы направляются к иным сферам общественной жизни, в развивающихся странах проходится во многом иначе, чем в сложившемся буржуазном обществе. Наталкиваясь на устоявшиеся культурные стереотипы, клише массового сознания и т. п., эти импульсы, достигая тех или иных социальных структур, слабеют, искажаются и вызывают совсем не те результаты, которые можно было бы ожидать, опираясь на исторический опыт других народов. В ряду факторов, воздействующих на различные стороны общественного развития, экономические — в особенности взятые на коротких исторических отрезках — нередко оказываются здесь не самыми сильными. При таких условиях весь ход общественного (в том числе экономического) развития может определяться подчас весьма удаленными от производства социальными явлениями». Весьма смелый для того времени вывод его авторы примирили с марксистской доктриной посредством следующей оговорки: «Отмечая детерминирующую роль экономических факторов и экономических интересов в общеисторическом развитии, классики

марксизма вместе с тем неоднократно подчеркивали, что их определяющая роль в историческом процессе сказывается лишь в конечном счете»[21].

Усиление либеральных тенденций в экономическом развитии стран Востока действительно можно считать проекцией на их социально-экономическую практику западного монетаризма с его настойчивым стремлением к замене государственного вмешательства в экономические процессы свободным рыночным механизмом. Тогда изменившийся характер развития экономики стран Востока, возможно, было бы правомерно попытаться исследовать, используя неоклассические подходы. Дополнительную привлекательность им на фоне разочарования в политэкономии марксизма-ленинизма способна была придать подчеркнутая «аполитичность» неоклассической экономической теории со свойственной ей концентрацией на изучении собственно механизма функционирования рыночного хозяйства.

На практике речь может идти об использовании для востоковедных экономических исследований методов современной экономической теории, представляющей собой развитие идей неоклассической школы. Понимание сути этих методов следует из определения предмета исследования. В соответствии с одним из них речь идет о науке, которая изучает то, как силы спроса и предложения влияют на распределение ограниченных ресурсов; она подразделяется на микроэкономику, которая изучает поведение фирм, потребителей и роль правительства, и макроэкономику, которая анализирует результаты функционирования национальной экономики в целом. Традиционными для макроэкономики являются такие вопросы, как формы и направления воздействия государства на экономическое развитие, модель экономического роста, кризис и факторы его преодоления. Поэтому в макроэкономике исследуются факторы, определяющие динамику национального дохода (темпы экономического роста), уровень безработицы и инфляции, состояние государственного бюджета и платежного баланса страны, финансовый сектор и специфику его взаимодействия с реальным.

Возможность и достаточность использования методов современной экономической теории для исследования хода развития стран Востока неоднократно и в разное время дискутировались и подвергались сомнению в отечественной и зарубежной востоковедной литературе. Еще в 1980 г. советские экономисты-востоковеды писали в связи с проблемой разработки *рациональных* (курсив Н. У.) стратегий роста для отдельных стран Востока: «…увлечение построением стратегий роста … недостаточно учитывает… особенности современного состояния развивающихся стран. В большинстве таких «стратегий» опускается вопрос о движущих силах, способных их осуществить, или же в качестве такой силы представляется государство… Однако увеличение свободы принятия целенаправленных экономических решений… нейтрализуется усилением зависимости государства от доминирующих экономических групп, все шире вовлекаемых в сферу государственного регулирования. Область фактически возможных стратегий роста оказывается поэтому несравненно уже… *Критерием оптимальной экономической стратегии служат в этих условиях не функции экономической рациональности*… (курсив Н. У.), а прозаические классовые и групповые интересы»[22].

Тем не менее, постепенное расширение сферы деятельности рыночных отношений, частичное преодоление многоукладного характера экономики[23] существенно расширило возможности применения понятийного аппарата современной экономической теории к изучению развития стран Востока.

Так или иначе, использование методов современного экономического анализа способствовало появлению в отечественной науке целого ряда новых интересных и информативных работ по проблемам современного экономического развития стран Востока.

Один из примеров подобного рода работ отечественных востоковедов — книга Л. Ф. Пахомовой «Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). Автор анализирует общие принципы экономической политики и деятельность институтов, ответственных за ее реализацию, механизмы преодоления финансового кризиса 1998 г., особенности подходов к решению задачи информатизации общества и создания инновационной экономики, подготовки высококвалифицированных научно-технических кадров. По итогам исследования Л. Ф. Пахомова формулирует присущие четырем странам общие закономерности развития. Так, от политики импортзамещения, страны, каждая по-своему, переходили к ориентации на экспорт, что обеспечило упрочение их позиций на мировом рынке. Финансовый кризис 1997–1998 гг. обнаружил сильную зависимость этих стран от состояния экономики ведущих индустриальных стран мира и необходимость корректировки внешнеэкономической стратегии. Ее основные направления заключаются в усилении и ускорении интеграционных процессов в рамках АСЕАН, их распространении на сферу производственной и транспортной инфраструктуры, внедрения инноваций и привлечения иностранного капитала, в развитии внешних связей стран — членов Ассоциации, привлечении в состав ассоциации новых стран-членов.

В 2009 г. авторский коллектив, представляющий Институт востоковедения РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, выпустил в свет работу «Экономики Японии», предназначенную для студентов-экономистов, изучающих соответствующий курс (отв. редакторы И. П. Лебедева, И. Л. Тимонина). Как отмечалось во введении к учебному пособию, его структура

«позволяет наиболее полно раскрыть основные механизмы функционирования японской экономики на макро- и микроуровне»[24], то есть авторы преимущественно используют стандартные методологические подходы современной экономической теории.

Несмотря на то что в такого рода работах довольно подробно рассматривается ход экономического развития в той или иной стране Востока, их, скорее, отличает концентрация на вопросе: «Как происходило экономическое развитие?» и в меньшей мере — «Почему оно характеризовалось теми или иными особенностями?». Что касается «процветающих» экономик Юго-Восточной Азии, то, констатировав факт их успешного экономического развития, рассматриваемый методологический подход не позволяет исчерпывающе ответить на логично возникающий вопрос: «Почему одними из самых успешных среди развивающихся стран оказались именно эти страны?». Касательно Японии, по всей видимости, такого рода вопросом, остающимся без ответа в случае строгого ограничения анализа чисто экономическими аспектами, является вопрос, почему этой стране, которая уже давно относится к Первому миру (постиндустриальному. — *Н. У.*) по многим формальным показателям, не удалось окончательно переступить порог индустриального общества или иначе — почему при всех достигнутых успехах они постоянно вынуждены возвращаться к решению вопросов, более характерных для индустриальной стадии. «Более 20 лет они (Япония и Сингапур. — *Н. У.*) стоят на этом пороге (пороге постиндустриализма. — *Н. У.*), успешно применяя и по-своему усовершенствуя достижения постиндустриальных стран Запада, но сделать решающий шаг так и не могут», — пишет В. А. Красильщиков[25].

Авторы работы «Экономика Японии» также отмечают противоречие между высокими по международным стандартам формальными характеристиками уровня научно-технического потенциала страны и очевидными проблемами в его развитии: «Практически ни одна из базовых инноваций, определяющих современный жизненный уклад, не была разработана в Японии»[26]. «…Научно-технический потенциал Японии сегодня вполне способен обеспечивать высокие социально-экономические параметры жизни японского общества. Однако, чтобы подобное положение сохранялось и в будущем, … необходимо значительно усилить творческое начало в научной деятельности. Сознательный отказ от развития уникальных направлений, связанный с риском потерпеть неудачу, особенно если они не обещали выхода на массовое производство, формировал в исследователях и разработчиках прагматический тип мышления, ориентированный на непрерывные доработки и улучшения изделий и процессов. Эти приемы инновационного развития теперь освоены многими азиатскими странами, успешно конкурирующими с Японией», — заключают они[27].

Справедливости ради следует отметить, что, не ограничившись формальной констатацией сложностей в сфере научно-технического развития страны, авторы затронули проблему дефицита творческого начала, как препятствующего уверенной идентификации Японии в качестве постиндустриальной страны. Более определенно по поводу такого рода препятствий высказался В. А. Красильщиков, отметив, что Японии мешают, в частности, социокультурные традиции, включая недопустимость «возмущения спокойствия», беспрекословное подчинение старшим и начальникам, боязнь перечить авторитетам и т. п.[28] Для нас же наиболее важным аспектом в этом процессе поиска первопричин является понимание того факта, что анализ глубинных причин, препятствующих постиндустриальной трансформации Японии, очевидно, требует выхода за рамки строго экономического анализа.

Итак, можно согласиться с ограниченностью исследовательских возможностей методов неоклассической школы как анализирующих только существующую, уже сложившуюся рыночную экономику, игнорируя исторический и национальный контекст.

О границах возможного использования двух описанных выше методов исследования — марксистского и неоклассического — применительно к странам Востока — замечательно высказались авторы работы «Капитализм на Востоке», вышедшей в свет в 1995 г.: «…из лабиринтов споров о развитии азиатских (и не только азиатских) обществ, как колониальных, так и доколониальных, есть два выхода — один сложный, но истинный и два простых, но ложных. Простые, но ложные — это либо возвращение к простой, но теоретически несостоятельной и противоречащей фактам пятичленке, либо принятие нейтральных по отношению к теории эмпирических подходов (узкоэкономического, технологического, хронологического, количественных методов анализа). Однако эти «нейтральные» подходы объективно, независимо от воли их сторонников, в скрытой форме и кружным путем ведут к безжизненным теоретическим схемам. Истинный — творческая разработка теории… Но какой теории?»[29].

Очевидно, речь идет об использовании более широких подходов, которые изучали бы экономическое развитие стран Востока (и не только Востока) в контексте их экономической, а лучше — социально-экономической истории. Эту мысль авторы книги более определенно высказывают и в заключение: «В качестве современной «социальной дисциплины» советское востоковедение возникло как комплекс исследований развития капитализма на Востоке и его отношений с докапиталистическим укладом… Хотелось бы также, чтобы последняя книга советских востоковедов о *капитализме* (курсив авт.) и Востоке стала первой книгой в комплексе исследований «*Восток* и капитализм» — именно в такой последовательности, а не наоборот. Но для того, чтобы успешно двигаться по этому пути, необходима ме-

тодологическая революция — создание такой теории, которая не будет изучать некапиталистические и неевропейские общества на капиталистический и европейский лад, … а создаст новый, более общий понятийный аппарат для изучения социальных явлений. Без этого нам не выйти за рамки просвещенческой парадигмы марксизма и либерализма…»[30].

Следует отметить, что осознание ограниченности познавательных возможностей классической теории, прежде всего, применительно к изучению общих закономерностей развития началось еще на рубеже XIX — XX вв., что нашло свое проявление в «бунте против формализма»[31], то есть стремлении отразить в экономической теории не только формальные модели и логические схемы, но и живую реальную жизнь, специфические условия применения моделей. В итоге сложились предпосылки для развития институциональной, а в последующем — неоинституциональной экономической теории.

«Старый» институционализм возник в конце XIX в. и оформился как течение в 1920–1930-х гг. Автор понятия «институционализм» Уилтон Гамильтон определял институт как «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаев народа»[32].

В 1960–1970-е гг. в центре внимания исследователей оказались уже не обычаи, а социальные институты. В итоге произошло уточнение самого понятия института, который отныне понимался как «правила игры» в обществе или «созданные человеком» ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми, а также система мер, обеспечивающая их выполнение. Если раньше институты воспринимались как экзогенный (внешний) по отношению к экономике фактор, то впоследствии они стали анализироваться как часть единой структуры, в рамках и посредством которой выстраиваются отношения между людьми. Одновременно понятие было детализировано посредством выделения категории неформальных институтов — общественных условностей и этических кодексов поведения людей (обычаи, неписаные нормы) и категории формальных институтов — законов, писаных правил, созданных и поддерживаемых специально на то уполномоченными людьми (государственными чиновниками).

«…С точки зрения неоклассической теории, рынок — это единственный институт, который имеет серьезное значение, а потому от действия остальных институтов в экономическом анализе можно абстрагироваться. Для институциональной экономики, наоборот, характерно убеждение в том, что прочие институты также имеют большое значение, и пренебрежение ими препятствует правильному пониманию экономического поведения и функционирования хозяйства. Таким образом, основное различие между неоклассической и институциональной теориями заключается в охвате изучаемых институтов: неоклассическая теория ограничивается изучением единственного института — рынка, тогда как институциональная экономика, помимо рынка изучает также и другие институты», — подчеркивал российский экономист А. С. Скоробогатов[33].

Новая трактовка «института» стала толчком для формирования нового институционализма (неоинституционализма). Определяя сущность различий между ранним (классическим) и современным институционализмом, российские экономисты Л. Евстигнеева и Р. Евстигнеев писали: «Кредо классического институционализма состояло в признании индивида во всей его исторической реальности основным элементом экономической системы. Современный институционализм «вводит в игру» и структурный субъект-институт. Предпосылкой такой существенной перемены послужило разграничение культурных факторов формирования институтов с тяготением к традиции, обычаю и правовых, социально-политических факторов, предполагающих обратное активное воздействие государства и связанных с ним институтов на индивида»[34].

Заметим попутно, что, таким образом, в концепцию неоинституциональных подходов органично вписывается и марксистская традиция анализа экономической истории как прогрессивной эволюции производственных отношений, обусловленной развитием производительных сил. Один из представителей неоинституциоализма Д. Норт писал: «Марксистская схема анализа дает наиболее сильное средство исследователям именно потому, что она включает те элементы, которые отсутствуют в неоклассической теории: институты, права собственности, идеологию»[35].

Следует отметить, что правомерность применения институциональных подходов для понимания особенностей развития национальных экономик, в том числе стран Востока, в настоящее время находит все более широкое признание среди отечественных специалистов. Так, например, И. Розмаинский убежден в исследовательских преимуществах разных школ современной гетеродоксии (совокупности концепций, отвергающих принцип оптимизации и равновесия, в первую очередь, относящихся к старому институционализму. — *Н. У.*), которые трактуют природу мира и человека реалистично: «хозяйствующие субъекты, сталкиваясь со сложным миром, характеризующимся необратимостью прошлого и неопределенностью будущего, допускают ошибки и принимают неверные решения, и, естественно, вследствие этого сам мир проще не становится. Представляется, что как раз гетеродоксальные концепции могут быть наилучшим образом приспособлены для исследования различных типов неравновесий и кризисов, происходящих в настоящее время как в развитых, так и в развивающихся странах, а также в странах с переходной экономикой»[36].

Целесообразность и необходимость учета институционального подхода при изучении неевро-

пейских стран подчеркивал Е.Т. Гайдар: «Начало современного экономического роста в Европе, вызовы догоняющего развития ставят перед элитами неевропейских стран сложную задачу: имитировать институты, у которых в неевропейских странах не было исторической традиции, формировавшейся в Европе на протяжении более двух тысячелетий. В этом сущность характерных для большинства стран догоняющей индустриализации проблем: слабости отечественного предпринимательского класса, недостаточных гарантий собственности, отсутствия стимулов к долгосрочным вложениям, коррупции в государственном аппарате, стремления перераспределять административную ренту. Все это способно на десятилетия парализовать экономическое развитие»[37].

Институциональные факторы во все возрастающей мере принимаются во внимание и отечественными востоковедами. Так у В.А. Мельянцева читаем: «Причины дифференциации успехов и неуспехов среди менее развитых стран… все еще недостаточно исследованы в литературе… Но коренятся, скорее всего, в институциональных, культурно-исторических и даже географических детерминантах. Речь идет, в частности, об отсутствии развитых форм государственности в доколониальный период, более низком уровне трудовой этики, и вообще невысоком месте упорного и креативного труда в сложившейся иерархии ценностей, специфике колониализма, в т.ч. преобладании разрушительных сил над созидательными»[38].

Российский экономист-востоковед Е.А. Брагина также подчеркивает «роль институций» для исследователей проблем экономической отсталости, связанный с осознанием того, что если в ныне передовых экономиках на ранних этапах становления государство поддерживало рыночные механизмы, сглаживало их колебания и даже провалы, то в ходе имитационного развития в развивающихся странах нет такой однозначности: заимствуемые демократические институты, новые формы социальных и политических отношений в обществе наталкиваются на открытое и скрытое сопротивление неформальных институтов[39].

Следует отметить, что понимание особых механизмов развития экономики в странах Востока имело место и в советский период, что нашло отражение в попытках разработки теории азиатского способа производства (АСП), впрочем, в основном не состоявшейся, так как «слишком много аналогий возникало при сравнении с советской действительностью»[40]. Тем не менее, в «последней книге советских востоковедов о капитализме на Востоке», содержащей многие теоретические разработки, которые «просто не могли появиться в коммунистическое время в советской печати»[41], предлагается весьма исчерпывающее и при этом явно перекликающееся с институциональными подходами определение «азиатского способа производства»: «АСП есть такой строй, при котором реализация общества как субъекта по отношению к природе лишает возможности зафиксировать его в качестве субъекта по отношению к себе. Общество АСП — это общество одномерной, «природной», локальной субъектности… Поскольку субъект социально не фиксируется, а выносится за рамки общества, и отчуждение воли (личности), десубъектизация, носит здесь коллективный и «поголовный» (тотальный) характер, общество исчерпывается своими системными, формационными характеристиками»[42]. Вот почему призыв отечественного востоковеда А.М. Петрова использовать АСП для того, чтобы «объяснить присутствием какой-то части его субстанции, те … странности, которые ныне происходят в восточных обществах, и не только происходят, но, судя по всему, не собираются исчезать, мешая развиваться даже НИСам Азии…»[43], звучит вполне актуально.

Но пока использование институционального подхода в отечественном востоковедении более фигурирует как императив, нежели как сложившаяся практика.

Вместе с тем целесообразность его применения для исследования специфики экономического развития развивающихся стран не предполагает абсолютизации ценности институционального подхода и не отменяет значимости исследовательских результатов, полученных на основе применения альтернативных методов. Тем более что институциональной теории присущи свои ограничения. Так, Е. Островская справедливо отмечает, что традиционный институционализм вызывает возражения, так как усматривает причину экономических изменений в воздействиях внешних факторов и сил, тем самым отрицая наличие у экономики собственного локомотива движения. «Здесь мы сталкиваемся, — пишет она, — со своеобразным «центризмом»: главным фактором экономической динамики видятся институты»[44]. Поэтому можно согласиться с точкой зрения Е. Островской, которая, принимая во внимание достоинства и изъяны наиболее широко распространенных в экономической науке теоретических подходов, с одной стороны, признает невозможность использования какой-либо из названных парадигм и теорий в их целостности, а с другой — необходимость применения тех постулатов каждой из теорий, без которых невозможно построение базовой теории экономического развития, в качестве фундаментальных принципов анализа. Для этого Е. Островская предлагает объединение этих постулатов под одной научной «крышей», в рамках «синтетического» концепта, допускающего их сосуществование[45].

Таким образом, дальнейшее развитие отечественной школы экономических востоковедных исследований предполагает, во-первых, бережное обобщение и переосмысление богатого наследия советской эпохи, имея в виду отделение идеологических наслоений от попыток действительно глубокого,

зачастую опережавшего свое время постижения закономерностей и особенностей экономической эволюции стран Востока, которое основывалось на профессиональном знании соответствующих реалий и обработке значительных пластов редкого на тот период фактологического и статистического материала. Во-вторых, исходя из признания современной наукой существенных цивилизационных различий в понимании целей и путей развития странами Запада, мусульманского Востока, Южной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, изучение влияния национальной (цивилизационной) специфики на особенности экономической эволюции Востока в рамках институциональной теории может стать одним из эффективных методов интерпретации научных результатов, полученных экономистами-востоковедами в результате применения методов современного экономического анализа.

Примечания

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 367.

[2] Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005. С. 56.

[3] Там же. С. 57.

[4] Там же. С. 64.

[5] Там же.

[6] Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983. С. 248.

[7] Там же. С. 89.

[8] Экономика Индии. Общая характеристика (отв. редактор Г. К. Широков). М., 1980. С. 71.

[9] Там же. С. 68.

[10] Там же. С. 71.

[11] Широков Г. К. Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1987. С. 31–32.

[12] Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. С. 260.

[13] Островская Е. П. Анализ эволюции развитых стран: методология исследования // Мировая экономика и международные отношения, 2012, №4. С. 29.

[14] Александров Ю. Г. В погоне за ускоряющимся временем // Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., 2011. С. 354–355.

[15] Там же. С. 356.

[16] Там же. С. 361.

[17] Там же. С. 364.

[18] Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. С. 268.

[19] Широков Г. К. Парадоксы эволюции капитализма. М., 1998. С. 204.

[20] Островская Е. П. Анализ эволюции развитых стран… С. 26.

[21] Развивающиеся страны… С. 298.

[22] Экономика Индии: общая характеристика. М., 1980. С. 226.

[23] Например, известный отечественный турколог П. П. Моисеев, рассуждая о степени зрелости капитализма в Турции в начале 1980-х годов, использовал оценки «руководящих деятелей компартии Турции», которые писали: «Хотя до сих пор полностью не изжиты остатки докапиталистической формации, далеко не преодолена экономическая отсталость и все еще широко распространено простое товарное производство, у нас существует капитализм среднего уровня развития, появились национальные монополии, которые в партнерстве с транснациональными корпорациями увеличили свою роль в экономике и государстве». — Цит. по: «Капитализм на Востоке во второй половине XX в.», М., 1995. С. 460.

[24] Экономика Японии. Учебное пособие. М., 2008. С. 4.

[25] Красильщиков В. А. Догоняющее развитие: умозрительные конструкции и реалии/Мировая экономика и международные отношения, 2012, №3. С. 113.

[26] Экономика Японии… С. 162.

[27] Там же. С. 167.

[28] Красильщиков В. А. Догоняющее развитие… С. 113.

[29] Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995. С. 39.

[30] Там же. С. 598–599.

[31] Термин, принадлежащий американскому экономисту Б. Селигмену, который он использовал для характеристики старого институционализма.

[32] Цит. по: Нуреев Р. М. Эволюция институциональной теории и ее структура/Институциональная экономика (Под общей редакцией А. Олейника). М., 2005. С. 31.

[33] Скоробогатов С. А. Институциональная экономика. Курс лекций. СПб., 2006. С. 12.

[34] Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теорий/Вопросы экономики, 1998, №8. С. 97.

[35] Цит по: Гайдар Е. Долгое время… С. 78.

[36] Розмаинский И. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX — начала XXI века. С. 98.

[37] Гайдар Е. Т. Долгое время… С. 113.

[38] Мельянцев В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009. С. 65.

[39] Брагина Е. А. Притяжение недостижимого/Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., 2011. С. 398–399.

[40] См.: Петров А. М. Азиатский способ производства в XXI веке/ Экономика развивающихся стран. Сборник статей памяти В. А. Яшкина. М., 2004. С. 257.

[41] Капитализм на Востоке во второй половине XX в. С. 599.

[42] Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995. С. 84–85.

[43] Петров А. М. Азиатский способ производства и XXI век. С. 258.

[44] Островская Е. Анализ эволюции развитых стран: методология исследования…. С. 29.

[45] Там же. С. 30–31.

*Э.В. Молодякова**

Проблема пересмотра конституции в контексте изменений в японском обществе

Проблема пересмотра японской конституции, которая вступила в силу 3 мая 1947 г. и действует без единой поправки по настоящее время, что делает ее уникальной по этому параметру, в той или иной степени всегда существовала в обществе. Отношение к конституции в определенном смысле служит барометром настроений в обществе. Существует четыре типа такого отношения: защита конституции в первозданном виде (*гокэн),* реформа конституции путем внесения поправок *(кайкэн*), реформа через толкования имеющегося текста (*кайсяку кайкэн*), дополнение конституции новыми поправками (*сокэн*)[1].

Однако с начала нулевых годов XXI в. дискуссии о характере пересмотра Основного закона становятся все более напряженными и сопровождаются конкретными действиями, которые способствуют переведению их в практическую плоскость. По некоторым параметрам конституция уже не в полной мере соответствует современным реалиям. Кроме того, появилась необходимость внести в этот документ новые положения, например так называемые «новые права человека»: «право на благоприятную экологическую среду», «право на информацию», «право на приватность». Такая потребность напрямую связана с серьезными переменами во внутриполитической ситуации и настроениях в японском обществе, а также с глобальными и региональными изменениями в мире.

Предваряя рассмотрение заявленной темы, следует заметить, что исключительность японской Конституции состоит и в том, что ее проект был подготовлен в администрации Штаба оккупационных войск под командованием генерала Д. Макартура на основе его кратких письменных рекомендаций, включая положение об отказе от войны как суверенного права нации. Именно это положение с самого начала приобрело всемирную известность. В ходе дискуссии американская сторона настояла на том, чтобы тезис «отказ от войны» был внесен в конституцию отдельной девятой статьей, а не просто декларировался в преамбуле как один из общих принципов. Таким образом, эта самая известная статья японской конституции стала законодательным новшеством мирового значения.

Долгое время все историки сходились во мнении, что фактическая история происхождения этого мирного положения, как говорится, покрыта мраком. Однако, как показал историк В.Э. Молодяков, «имеющиеся в нашем распоряжении документы и достоверно известные факты позволяют назвать наиболее вероятного автора если не самой статьи, то положенного в ее основу принципа “отказа от войны”. Кандидатура самая что ни есть неожиданная — Сиратори Тосио, дипломат и политический аналитик, известный в предвоенные и военные годы как один из главных пропагандистов японской экспансии»[2]. Он был включен в список «военных преступников класса А» и предан суду Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Известно посланное из тюрьмы письмо Сиратори бывшему в то время министром иностранных дел Ёсида Сигэру, которое он передал в штаб Макартура. В этом письме хронологически впервые делается попытка сформулировать принцип «отказа от войны на вечные времена» применительно к конституции[3].

График исполнения задания по созданию конституции был предельно жестким: 3 февраля 1946 г. даны указания, 10 февраля проект готов, 12 числа утвержден генералом, 13 февраля передан представителям японского правительства.

Разрабатывая проект конституции, оккупационные власти не пытались принудительно имплантировать в Японию западные стереотипы общественного устройства. По свидетельству ставшего в то время уже премьер-министром С. Ёсида, они выслушивали предложения и замечания японских экспертов и официальных лиц и во многих случаях принимали их предложения. Безусловно, наибольшие споры вызвали положения об отказе от войны и новом статусе императора. В результате длительного и сложного процесса согласований проект конституции 22 февраля был одобрен императором и 6 марта официально обнародован[4].

Безусловно, обществу проект конституции был представлен как созданный самостоятельно японским правительством. В июне 1946 г. он был одобрен Тайным советом и передан на рассмотрение парламентом, а 7 октября утвержден парламентом. Внесенные при обсуждении поправки имели уточняющий и редакционный характер. По утверждению премьера С. Ёсида, принятая конституция не меняет национальную структуру Японии. Она является результатом волеизъявления народа, который хочет жить по демократическим принципам[5]. Действительно, хотя проект конституции и был под-

* Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН.

готовлен оккупационными властями, в нем учтены национальные ценности и особенности японцев, их уникальная политическая гибкость при толковании той или иной статьи.

В Основном законе был четко закреплен принцип пацифизма, выраженный в отказе «от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров»[6]. Это эпохальная по своему значению характерная особенность документа. Император признается «символом государства и единства народа», а суверенитет принадлежит народу. Все это не вызывало чувство отторжения у населения, которое исторически существовало в ареале конфуцианской культуры.

Конституция 1947 г. соответствовала ситуации в стране, которая после сокрушительного поражения во Второй мировой войне стала на путь укоренения демократии. Не стоит забывать о том, что понятие «демократия» для западных и азиатских стран не равнозначно. В частности, в Японии сложилась своя специфическая модель, на которую огромное влияние оказали социокультурные особенности народа, этико-правовая специфика, традиции политической культуры. Япония, как и другие азиатские страны, заимствовала западные политические структуры, но их содержание под влиянием конкретной политической практики претерпело весьма серьезные изменения. При этом не произошло утраты традиций и национальной идентичности, потому что политическая элита страны проявила максимум практицизма и реально оценила сложившуюся ситуацию.

Развитие японского общества в первое послевоенное десятилетие привело к тому, что в политической структуре на одном полюсе сосредоточились все консервативные силы в лице Либерально-демократической партии (ЛДП, созданной в 1955 г.), на другом — все социал-демократические силы в лице Социалистической партии Японии (СПЯ, ныне СДПЯ). ЛДП и СПЯ придерживались разных взглядов и были приверженцами разных ценностей, что соответствовало тогдашнему делению общества на два лагеря — консервативный и прогрессивный. В глазах избирателей ЛДП символизировала консерватизм и традиционализм, СПЯ — все новое, современное, прогрессивное.

При единоличном правлении либерал-демократов Япония знала длительные периоды социального мира и стабильности. Общество при этом выглядело в целом плюралистическим, поскольку в нем свободно действовали различные политические партии и объединения. Вместе с тем динамику политического прогресса обеспечивали не оппозиционные партии, а сама ЛДП благодаря фракционности своей структуры. Борьба и соперничество фракций за реальную политическую власть гарантировали гибкость и адаптивность проводимого курса при сохранении его принципиальной преемственности.

Политический вес правящей партии и всей оппозиции долгое время соответствовал их роли в обществе, в котором ЛДП представляла общенациональные интересы, а оппозиционные партии — интересы отдельных групп населения. При сохранении формата «системы 1955 г.» происходило постепенное изменение соотношения сил не только между основными партиями (ЛДП, СПЯ), но и между ними и вновь появившимися. Японская политическая система превращалась в многопартийную. Надо иметь в виду, что, голосуя за оппозиционные партии, японские избиратели (в основном так называемые новые городские слои) выступали не против консервативной идеологии, а против конкретной политики либерал-демократов в тот или иной период.

Постепенно усложняется картина политических сил, появляются и исчезают партии различного толка, происходит их объединение и размежевание. Население, в целом обладающее довольно высоким жизненным уровнем, разделяет консервативную идеологию, привержено демократическим принципам и доверяет правящей партии больше, чем другим, связывая с ней успехи страны и стабильность в обществе.

К началу 1970-х годов Япония становится одной из ведущих индустриальных демократий и полноправным членом западного сообщества. На протяжении следующего десятилетия страна демонстрировала удивительные адаптационные возможности своей экономики[7]. К середине 1980-х годов Япония вошла в период оживления и подъема, самый длительный в послевоенный период. Экономический рост сопровождался повышением жизненного уровня населения, отсутствием социальных конфликтов, устойчивостью политической системы. Стабильность стала ключевым понятием японского общества. Именно в это время правящая Либерально-демократическая партия активно включается в кампанию за пересмотр Основного закона.

До этого главными инициаторами борьбы против «навязанной» оккупационными властями, «унижающей» национальную гордость японцев конституции выступали в основном крайне правые консерваторы. Теперь же в специальных документах ЛДП были намечены основные направления ревизии некоторых статей Основного закона, а именно: повышение роли императора путем наделения его прерогативами государственной власти; полный пересмотр 9-й статьи; расширение полномочий кабинета министров, включая передачу ему особых полномочий на случай «чрезвычайных обстоятельств» и некоторые другие[8]. Речь шла о внесении поправок в конституцию или о пересмотре толкований той или иной статьи. Одновременно началась кампания за внесение поправок в другие законодательные акты, например права на коллективную самооборону, положений, разрешающих воинский призыв при «чрезвычайных обстоятельствах», что готовило почву для пересмотра уже статей самой конституции.

Внутри правящей партии не было единства мнений относительно того, как и до какого предела проводить пересмотр Основного закона. Многие либерал-демократы опасались потери голосов избирателей, поскольку это было весьма непопулярное мероприятие среди населения, у которого были очень сильны антивоенные настроения. В сознании большинства японцев пересмотр конституции, особенно 9-й статьи, ассоциировался с возрождением милитаризма. В связи с такими настроениями в обществе Накасонэ Ясухиро писал: «Что касается пересмотра конституции, то не стоит ограничиваться его однократным проведением. Целесообразно проводить такие пересмотры неоднократно, “ступенеобразно”, в соответствии с мнением народа и государственной необходимостью»[9]. Являясь программной целью ЛДП, проблема пересмотра конституции оставалась на уровне изучения и дискуссий. Долгое время в стране сторонников пересмотра конституции было намного меньше, чем ее защитников. На обсуждение этой проблемы на долгие годы в обществе фактически было наложено табу.

Тем временем заметно менялась ситуация в стране и мире. Во второй половине 1980-х годов небывалая внешнеэкономическая экспансия позволяла японским компаниям на деньги, полученные от экспортных операций, буквально скупать по всему миру, но в первую очередь в США, фирмы (например, Бриджстоун), недвижимость (Рокфеллер-центр или Коламбия пикчерз), произведения искусств (в частности, картину Ван-Гога «Подсолнухи»), ценные бумаги. Стремительный рост курса иены в совокупности с многократным увеличением стоимости активов в одночасье сделал японцев как бы вдвое богаче. На протяжении десятилетий Япония накопила огромное количество государственного и частного богатства. Она создала и распространила благосостояние практически на все общество. С каждым годом население все больше становилось довольным постоянно растущим жизненным уровнем, о чем свидетельствует тот факт, что свыше 90% японцев относят себя к среднему классу. Одновременно, несмотря на ограниченные возможности, которыми Япония располагала из-за конституции 1947 г., намечается некоторое повышение японского фактора в международных делах. Война в Персидском заливе 1990–1991 гг. оказала серьезное влияние на изменение внешней политики Японии, прежде всего в отношении обороны и безопасности, а также затронула и внутриполитические проблемы. В частности, настоятельно встал вопрос о необходимости приведения 9-й статьи конституции в соответствие с потребностью участия во внешнеполитических акциях по наказанию агрессора.

Стоит обратить внимание на то, что осуществляющее совещательную функцию Управление по законодательству Кабинета[10] подтверждало положение о том, что статья 9-я не позволяет Японии совместно с другими странами участвовать в действиях по коллективной самообороне за рубежом. Аналитики полагают, что интерпретация этой статьи Управлением сыграла ключевую роль в том, что Япония не участвовала в войне в заливе, несмотря на огромное давление на нее, чтобы страна сделала больше, чем простое выделение средств.

Япония не располагает законодательной базой для прямого и непосредственного участия армии в миротворческих операциях сил ООН, поэтому правительство осенью 1990 г. внесло в парламент законопроект «О содействии мирным усилиям ООН», который позволял бы направлять японских военных за границу. Однако соотношение сил на внутриполитической арене вынудило правящую партию отозвать его.

Учитывая сильнейшее антивоенное настроение нации, правительство сосредоточилось на оказании финансовой поддержки странам Персидского залива и многонациональным вооруженным силам антииракской коалиции.

Несмотря на это, мировое сообщество достаточно негативно отнеслось к позиции Японии, обвинив ее в том, что она снова решила «отсидеться», «откупиться» от решения общих проблем. Без преувеличения можно сказать, что война в Персидском заливе стала определенным переломным моментом в послевоенной истории Японии, заставив политическую элиту более активно и более кардинально переосмыслить политическую роль страны на международной арене, повысить ее значимость в решении общих проблем. Уже осуждение в 2004 г. Ирака как агрессора в той или иной степени было единодушным в стране, но относительно форм и методов участия в конкретных действиях мнения были полярными. Возможно, опять же под давлением законодательного управления, японские военнослужащие участвовали только в оказании гуманитарной помощи и восстановлении страны, а не в коллективной самообороне.

Уроки войны в Персидском заливе и мировая реакция на позицию Японии переломили общественное мнение в стране по вопросу об участии в миротворческих операциях ООН. Более того, постепенно размывается табу на обсуждение проблемы пересмотра конституции в политических кругах и в обществе в целом. В 1990-е годы было предложено несколько масштабных проектов пересмотра конституции, а также контрпроектов ее защитников. Например, выражающая в наибольшей степени мнение консервативного мейнстрима влиятельная газета «Ёмиури» опубликовала проект пересмотра конституции в виде отдельного приложения к своему номеру от 3 ноября 1994 г.

На протяжении 1990-х годов меняется отношение основной массы населения к проблеме пересмотра Основного закона. «К концу десятилетия более 70% в принципе одобряли обсуждение данного вопроса, вне зависимости от оценок предлагавшихся поправок, т. е. сама дискуссия об этом размо-

розилась, к чему призывал Накасонэ»[11]. Согласно опросу общественного мнения газеты «Ёмиури» в конце сентября — начале октября 2001 г., за пересмотр конституции выступили 65% опрошенных (в 1996 г. — 57%), против пересмотра — 20% (в 1996 г. — 42%)[12].

Начало XXI в. ознаменовалось окончательным выводом проблемы пересмотра конституции на парламентский уровень. В 2000 г. в обеих палатах парламента создаются Комитеты по изучению конституции. В 2003 г. организуется четыре подкомитета, которые изучают соответствие каждой статьи современным реалиям. Политическим партиям было предложено в пятилетний срок подготовить свои проекты. Предполагалось, что основные поправки коснутся проблем войны и мира, системы власти и прав человека. Перенесение обсуждения в стены парламента имело большое значение, поскольку в соответствии с 96-й статьей конституции 1947 г. поправки в нее могут быть внесены по инициативе 2/3 общего числа членов обеих палат парламента, при последующем одобрении на всенародном референдуме. Эта статья предназначалась для того, чтобы не допустить радикального пересмотра Конституции. Ведь согласно фундаментальному принципу современной конституционной политики, конституция является важным механизмом, который не дает возможности правительству нарушать демократические принципы и навязывать людям автократическое правление.

Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что в нулевые годы XXI в. большинство политических партий в той или иной степени высказались за пересмотр Основного закона. По приведенным исследователем А. В. Говоровым данным, по итогам опроса депутатов палаты представителей (апрель 2004 г.) за пересмотр выступили 96% их числа от ЛДП, 83% — от Комэйто, 77% — от ДПЯ. Фракции коммунистов и социал-демократов в полном составе, за исключением одного социал-демократа, высказались против[13]. Такие показатели, безусловно, свидетельствовали о поддержке идеи пересмотра конституции населением, которое особенно после событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке серьезно обеспокоилось проблемой собственной безопасности, а также степенью участия страны в международном сотрудничестве по поддержанию мира.

Об изменении в настроениях общества в отношении проблемы пересмотра конституции свидетельствует и активизация во второй половине 1990-х годов внесения поправок в национальное законодательство в сфере обороны. Совсем недавно это казалось немыслимым, а теперь создавало благоприятные условия для дальнейшего развития процесса изменения конституции. Речь шла о пересмотре фундаментальных принципов оборонной политики, которые были зафиксированы в «Основных направлениях национальной обороны» и в конституции. Признавалось необходимым обновление стратегических установок в условиях возникающих новых вызовов и угроз для безопасности Японии. В середине 1990-х годов были внесены поправки в «Основные направления», суть которых сводилась к пересмотру и расширению функций сил самообороны; признанию их участия в международной деятельности по обеспечению мира и поддержанию миротворческой деятельности ООН. Однако не было включено положение о «коллективной самообороне», которое позволяло бы Японии участвовать в системе коллективной безопасности. В настоящее время именно это положение — предмет острой дискуссии.

Следующим шагом явилось принятие в 1997 г. «Руководящих принципов двустороннего сотрудничества в области обороны», которые концептуально меняли характер военных обязательств Японии и США. В соответствии с этим документом их обязательства переориентировались с задачи отпора прямой агрессии против Японии на совместное обеспечение стабильности в АТР. В случае чрезвычайных ситуаций Япония брала на себя обязательства по материально-техническому обеспечению и оказанию тыловой поддержки ВС США. Для реализации «Руководящих принципов» были внесены весьма существенные изменения в существующее законодательство. В 2003 г. было принято так называемое «чрезвычайное законодательство», которое подводило базу под деятельность сил самообороны во время чрезвычайных ситуаций. В 2004 г. оно было дополнено новым пакетом законов, регулирующих порядок действия властей и населения в случае вооруженного нападения или прогнозируемой угрозы военного нападения. По заявлению правительства, новое законодательство не изменит политики в области безопасности, основанной на принципе исключительной самообороны[14].

Практически единодушное одобрение выше обозначенных законопроектов обеими палатами парламента убедительно свидетельствовало об изменении в обществе настроений в отношении вопросов оборонной политики и вооруженных сил. Военная тема, как и конституционный вопрос, долгое время считалась как бы запретной. Теперь же не только политические круги, но и население не только не чурается этих тем, но и проявляет заинтересованность в укреплении обороноспособности страны перед лицом новых угроз и вызовов национальной безопасности. Тем более что события 11 сентября 2001 г., показавшие уязвимость США, поколебали убежденность в том, что они в состоянии полностью гарантировать безопасность Японии, и страна должна искать пути самостоятельно обеспечить свою безопасность. Принятые законы, с одной стороны, повышают степень взаимодействия Японии и США в ситуациях угрозы безопасности Японии, но, с другой стороны, таят опасность ее вовлечения в военные действия. А это уже противоречит кон-

ституции. Следует отметить, что все конкретные шаги правительства по выполнению своих международных обязательств с использованием сил самообороны дают повод говорить о нарушении конституции, что, естественно, стимулирует продолжение процесса ее пересмотра. При этом речь идет уже не об изменении толкования отдельных статей, а именно об их изменении.

Именно Абэ Синдзо во время первого срока премьерства в 2006–2007 гг. впервые вывел на уровень государственной политики давно существующую проблему пересмотра конституции. Он отметил, что среди первоочередных задач своего будущего правительства видит пересмотр конституции наряду с принятием проекта поправок к базовому закону об образовании[15]. Такая взаимосвязь понятна, поскольку С. Абэ уделял большое внимание формированию нового общественного сознания, воспитанию молодежи в духе патриотизма, что готовило бы почву для пересмотра конституции. То, что С. Абэ озаботился проблемой образования, не случайно, поскольку образование всегда было важнейшим компонентом реформирования страны. В данном случае предпринималась попытка законодательно установить «любовь к стране и родине».

С. Абэ декларировал, что Основной закон, принятый 60 лет назад на фоне шока от поражения во Второй мировой войне, уже не соответствует реальности и сковывает развитие Японии. Одной из устаревших он признавал именно 9-ю статью. Эту статью предлагалось пересмотреть с точки зрения обеспечения обороны Японии, с учетом будущего вклада страны в поддержание международной безопасности[16]. Опросы общественного мнения показывали, что граждане в целом поддерживают частичный пересмотр конституции, но большинство все же пока было за то, чтобы оставить 9-ю статью без изменений[17].

Традиционно по взглядам С. Абэ считается националистом и «ястребом». По оценке BBC, он «намного более правый, чем большинство его предшественников»[18]. Действительно, ему свойственна некоторая националистическая риторика. Но важна не риторика, а то, что он стремится увеличить роль Японии в обеспечении собственной и глобальной безопасности. Именно при нем в конце 2006 г. были приняты Новые основные направления национальной обороны, которые продолжают пересмотр военной доктрины. Новая программа национальной обороны способствует приведению вооруженных сил страны в соответствие с новыми реалиями эпохи глобализации. Она предусматривает формирование компактных и эффективных сил, способных выполнять широкий круг обязанностей и справляться с угрозами системного и внесистемного характера, как на границах Японии, так и за рубежом[19]. В январе 2007 г. Управление национальной обороны было официально преобразовано в министерство, а его директор приобрел статус министра.

В мае 2007 г. парламентом был принят закон, регламентирующий процедуру референдума по пересмотру конституции 1947 г. Согласно этому закону в референдуме могут принять участие все граждане Японии старше 18 лет, и решение будет принято простым большинством. Закон о референдуме по поправкам в конституцию требует, чтобы он был проведен в жесткий срок: в течение 60 дней или не позднее 180 дней после одобрения той или иной поправки парламентом. Очевидно, что даже 180 дней — это не большой срок, чтобы все население, отличающееся разнообразием взглядов, смогло реально оценить такую серьезную вещь, как поправки к конституции. Закон не предусматривает какой-либо минимальной явки избирателей. Таким образом, для принятия поправок необходимо простое большинство голосов тех, кто проголосовал на референдуме. По мнению аналитиков, несмотря на то, что на последние всеобщие выборы пришло лишь 60% избирателей, поправки в конституцию могут быть приняты при поддержке чуть более 30% электората[20].

18 мая 2010 г. Закон о народном референдуме был введен в действие. Таким образом, впервые в послевоенной Японии была создана юридическая основа для пересмотра конституции. «Принятие закона о народном референдуме, — пишет газета «Иомиури», — открывает возможность внесения предложения на рассмотрение парламента конституции в новой редакции. В истории послевоенного конституционного правления это событие следовало бы назвать эпохальным»[21].

В настоящее время в обществе расширяются возможности политического выбора на консервативном поле. Происходят перемены, которые позволяют говорить о возможности создания «третьего полюса» политических сил. В первую очередь речь идет о созданной в сентябре 2012 г. региональной Партии возрождения Японии (ПВЯ, *Ниппон исин-но кай*). Ее основателем является мэр г. Осака 43-летний популярный и амбициозный политик Хасимото Тору. Харизматик и реформатор — для одних, демагог и популист — для других, Хасимото не без оснований чувствует себя «хозяином» в одной из ключевых префектур страны и намерен повести за собой весь район Кансай. Соратником Хасимото и сопредседателем партии стал политик национального масштаба, бывший губернатор Токио престарелый Исихара Синтаро. Он считается «правым» даже в консервативной ЛДП. Успешная региональная партия — редкий феномен в японской политике, поскольку большинство местных лидеров пользуется поддержкой крупных общенациональных партий в ходе местных выборов. В последнее время Хасимото — не единственный политик местного масштаба, который бросает вызов центральной власти и традиционным властным структурам.

Большинство политических сил «третьего полюса» в условиях дипломатического кризиса между

Японией и Китаем вокруг островов Сэнкаку призывают пересмотреть пацифистскую конституцию и обеспечить Японии право на участие в коллективной самообороне. Жесткая популистская риторика некоторых политических партий может привлекать, особенно в кризисные периоды, часть избирателей. Но эти силы не имеют общего политического направления, конкретных планов действия и лишь призывают к слому централизованной системы управления.

Досрочные выборы в ключевую нижнюю палату парламента 16 декабря 2012 г. закончились тотальной победой консерваторов в целом. ЛДП, получив 294 мандата из 480, почти в два с половиной раза улучшила свои показатели 2009 г. Ее постоянный партнер по коалиции — партия Новая Комэйто получила 31 мандат. Имея 325 мест, коалиция ЛДП и Новой Комэйто получила более двух третей мандатов в 480-местной нижней палате, необходимых для преодоления вето верхней палаты, которую контролирует оппозиция. Вторым по значимости победителем следует считать Партию возрождения Японии. Она получила 54 мандата.

Возвращение во власть Либерально-демократической партии и ставшего ее лицом Синдзо Абэ вызвало неоднозначную реакцию не только в Японии, но и за рубежом. Сразу же зазвучали голоса о том, что приход «ястребов» несет угрозу сопредельным странам. Высокопоставленный представитель МИД РК выразил озабоченность сдвигом японского руководства вправо и тем, что такая политика «может нанести серьезный ущерб геополитическому и торговому климату в Северо-Восточной Азии». Китайский аналитик полагает, что Япония возбудит новые подозрения у своих соседей, если нынешний политический поворот вправо не прекратится вовремя[22].

Абэ припоминают его национализм и склонность снисходительно относиться и даже отрицать преступления Японии во время Второй мировой войны. В частности, его замечание о том, что понятие «агрессия» не имеет четкой дефиниции с точки зрения академической или интернациональной и зависит от того, с каких позиций к ней подходят в контексте отношений между странами, вызвало бурю возмущения соседних государств. Они обвинили Японию в том, что она фактически разрушила так называемое извинение бывшего премьер-министра Мураяма Томиити 1995 г., в котором он извинился перед азиатскими странами за японское «колониальное правление и агрессию», которые принесли «огромный ущерб и страдания» их народам. Подобные замечания премьер-министра Абэ Синдзо, по мнению аналитиков, подрывают веру в то, что Япония встраивается в мировое сообщество. Американские эксперты также озабочены тем, что комментарии и замечания премьер-министра Абэ и его кабинета по спорным вопросам истории «могут увести региональные отношения по пути, противоречащему интересам США»[23].

На самом же деле приход Абэ на пост премьер-министра означает проведение осторожной консервативной политики, которой привержена старая гвардия либерал-демократов: передачу процесса принятия решений обратно в руки бюрократов (демократы пытались нарушить эту давнюю традицию); более тесное сотрудничество с крупным бизнесом; публичное обращение к национальным и традиционным ценностям. Солидный консерватизм не обладающего харизмой премьера должен создавать впечатление стабильности и надежности.

Успех правящей коалиции на выборах в палату советников 21 июля 2013 г., где она имеет 135 мест из 242, позволяет ей полностью контролировать парламент. Поражение подававшей большие надежды Партии возрождения Японии (8 мандатов) наводит на размышления о том, насколько состоятельны и имеют ли под собой серьезную почву все чаще звучащие в обществе утверждения или опасения по поводу «поднимающего голову национализма». По мнению профессора Джеффри У. Хорнунга из Азиатско-Тихоокеанского центра исследований проблем безопасности в Гонолулу, «сегодня стало модой говорить о том, что в Японии наблюдается рост национализма». Существует множество «примеров» на этот счет: высказывания ура-патриотов, политиков-популистов, вроде мэра Осака Хасимото Тору, председателя ЛДП (в то время. — *Э. М.*) Абэ Синдзо или губернатора Токио (в то время. — *Э. М.*) Исихара Синтаро, или посещение политиками святилища Ясукуни, имеющего неоднозначную репутацию. Однако подобные деяния не являются доказательством широкого распространения националистических настроений[24].

Действительно, на улицах Токио можно видеть черные машины с громкоговорителями, транслирующими военные марши, но их немного, и еще меньше их сторонников. Нет и массовых антикитайских или антикорейских демонстраций японцев, в то время как антияпонские выступления наблюдаются в Китае и Республике Корея. Безусловно, в стране есть ярые националисты, чьи откровенные высказывания вызывают гнев народов сопредельных стран, но нельзя это преподносить как национализм всех японцев. Нельзя также оправдывать попытки националистов переписывать историю, но недопустимо представлять поведение меньшинства как настроение большинства населения. Вполне очевидно то, что в японском обществе наблюдается все больше беспокойства по поводу новых угроз безопасности страны. Это связано с тем, что за последние два десятилетия ситуация с безопасностью в Северо-Восточной Азии серьезно изменилась. Более всего прочего Японию беспокоит рост Китая. Как видно из ежегодных опросов общественного мнения, до 1989 г. более 68% японцев испытывали симпатию к Китаю; около 66% считали двусторонние отношения благоприятными. В 2012 г. симпатии к Китаю сократились до 18% (количество

тех, кто симпатии не испытывает, выросло с 26,4% в 1988 г. до 80,6%). Количество тех, кто считает отношения благоприятными, сократилось до 4,85% (неблагоприятными отношения считают 92,8%)[25]. Периодическое обострение территориальных споров Японии с сопредельными странами также влияет на атмосферу в обществе, способствует росту негативного отношения японцев к этим странам, вызывает пессимизм в их двусторонних отношениях.

Растущая обеспокоенность по поводу ситуации с безопасностью Японии имеет большое значение, поскольку в результате стали возможны серьезные изменения в политике безопасности, которые, как уже говорилось, были немыслимы еще два десятка лет назад. В частности, это касается вопросов о смягчении запрета на участие Японии в коллективной самообороне и стандартов использования сил самообороны. Именно решение этих проблем напрямую сопряжено с проблемой пересмотра конституции.

Вновь заняв пост премьер-министра в декабре 2012 г., Абэ Синдзо и возглавляемая им Либерально-демократическая партия активизировали призывы к изменению сначала 96-й статьи конституции, с тем чтобы поправки к конституции могли инициироваться путем получения простого большинства на голосовании в обеих палатах парламента. Эта статья, которая затрудняет изменение конституции, накануне выборов летом 2013 г. стала наиболее важной в политических дискуссиях, и в целом проблема пересмотра Основного закона явилась центральным пунктом в предвыборной кампании.

Либерально-демократическая партия предложила свой проект пересмотра конституции, в котором предусматриваются поправки и добавления к целому ряду статей[26]. Приведем наиболее важные из них. К статье 1-й главы I «Император» предлагается добавить признание императора главой государства. В настоящее время он «является символом государства и единства народа». В японской конституции нет понятия «глава государства». Соответствующими полномочиями наделен премьер-министр. После статьи 2-й об императорском троне предполагается ввести статью о национальном флаге и гимне, обязать людей уважать их, конституционно закрепить существующую практику летосчисления по девизам годов правления императоров (например, Сёва, Хэйсэй).

Безусловно, эпицентром предлагаемых поправок в конституцию является статья 9-я главы II «Отказ от войны». Поскольку Япония уже имеет крупные, хорошо оснащенные сухопутные, морские и военно-воздушные силы самообороны, поправки касаются не столько собственно вооруженных сил, сколько их использования. ЛДП собирается, сохранив некоторые формулировки о международном мире, полностью переписать статью, начав с изменения названия на «Национальную самооборону». Силы самообороны станут национальными силами самообороны под командованием премьер-министра и их можно будет использовать для выполнения различных задач, включая международное миротворчество. Дополнения к этой главе предполагают создание правил защиты национальной безопасности и учреждение военных судов. От людей и нации будет требоваться сотрудничество в защите собственной территории и ресурсов.

Предлагается также внести ряд поправок в различные статьи главы III «Права и обязанности народа». Например, вводится напоминание о том, что права сочетаются с ответственностью, что осуществление прав не должно вступать в противоречие с «общественным благом и общественным порядком». В эту главу предлагается добавить три статьи, которые касаются так называемых новых прав человека. Первая касается сотрудничества государства и народа в защите окружающей среды. Во второй требуется защита государством японцев за рубежом в случае возникновения чрезвычайных ситуаций. Третья предусматривает защиту государством прав жертв преступлений и их семей.

Поправки касаются и изменений в главе IV «Парламент» и главе V «Кабинет» о совершенствовании работы законодательной и исполнительной властей. Например, уточняется, что избирательные округа должны определяться в первую очередь на основе населения, но могут также учитываться и другие факторы (муниципальные границы и пр.). Это связано с давней проблемой, когда в некоторых избирательных округах места в парламенте представляют гораздо меньшее число избирателей, чем в других.

Глава IX «Поправки» состоит из уже упоминавшейся статьи 96-й. ЛДП, как уже говорилось, предлагает пересмотр этой статьи и добавление совершенно новой главы, которая предоставит правительству чрезвычайные полномочия в случае чрезвычайной ситуации общенационального масштаба (нападение внешнего врага, внутренние беспорядки, стихийные бедствия и «другие случаи, предусмотренные законом»). Если премьер-министр, действуя с согласия кабинета, объявляет чрезвычайное положение, правительство может осуществлять определенные полномочия, которые обычно являются прерогативой парламента, включая введение правил, имеющих силу закона, и осуществление необходимых финансовых расходов. Также правительство может отдавать приказы местным властям и людям на соответствующей территории. Одобрение парламента требуется для сохранения чрезвычайного положения по истечении установленного периода[27]. В этом в принципе и состоит суть поправок к конституции либерал-демократов.

В настоящее время правительство Абэ предполагает начать полномасштабные дебаты по изменению традиционной интерпретации положений конституции, которые касаются права на коллективную самооборону. В совместном заявлении по ито-

гам встречи министров иностранных дел и обороны Японии и США отмечено, что японская сторона «пересматривает юридические основы своей безопасности, включая осуществление права на коллективную самооборону[28]. Согласно опросу общественного мнения, проведенного агентством Киодо, против обладания Японией права на коллективную самооборону выступает 53,7% респондентов, а за — 37,1%[29].

Правительство Абэ хочет использовать признание права Японии на коллективную самооборону как средство изменения самой статьи 9-й, и это фактически шаг к полному отказу от нее. Если будет достигнута эта цель, то силы самообороны станут «обычными вооруженными силами», и, несмотря на определенные юридические ограничения их действий, решения политиков могут безгранично расширять масштаб их операций. В подобной ситуации увеличатся трения Японии с сопредельными странами и усилится гонка вооружения в регионе. Выступавший против изменения правительственной интерпретации статьи 9-й бывший премьер-министр Коидзуми Дзюнитиро отмечал, что ее непродуманное изменение ослабит доверие общества к конституции. Он также настаивал на том, что правительству не дозволено расширять подобную интерпретацию, а если оно желает более широкой интерпретации, то необходимо начать дебаты по конституционным поправкам[30].

Несмотря на громкие предвыборные заявления об изменении статьи 96-й с целью снизить порог голосования для принятия поправок в конституцию, похоже, премьер Абэ начинает проводить стратегию конституционных изменений через новую интерпретацию, по крайней мере, по проблеме обороны. В принципе уже хорошо известен основной тезис такой интерпретации — «статья 9-я позволяет Японии участвовать в коллективных усилиях по обеспечению безопасности», поэтому вместо обоснованного правового анализа требуется лишь предлог, с которым согласятся избиратели. И такой предлог, похоже, найден. Новый директор Законодательного управления Кабинета бывший дипломат Комацу Итиро, который поддерживает такую интерпретацию девятой статьи и права на коллективную самооборону, заявил, что, как полагает большинство специалистов по международному праву, это право на коллективное обеспечение безопасности проистекает из Устава ООН[31]. Вероятно, это поможет подготовить условия для такой интерпретации статьи 9-й, которая не только позволит Японии участвовать в действиях по коллективной самообороне, но даже представит это как обязанность в соответствии с международным правом.

Однако провести это в жизнь достаточно непросто. Согласно проведенному в двадцатых числах декабря 2013 г. телефонному опросу по проблеме коллективной самообороны или помощи союзнику, который подвергся нападению, 53,1% респондентов высказались против изменения, за которое выступает премьер Абэ, и лишь 37% поддержали его[32].

Выступая 26 сентября 2013 г. на 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Абэ Синдзо уже продемонстрировал такой подход. Он заявил, что Япония вновь «поднимает флаг активного вклада в дело мира», что она будет «еще более активно участвовать в коллективных мерах безопасности ООН, включая операции по поддержанию мира»[33]. Свою позицию премьер обозначил как «активный пацифизм». Известно, что Япония на протяжении десятилетий придерживалась твердого пацифизма. Не используется ли в данном случае термин «пацифизм» как средство завоевать общественную поддержку попыткам правительства позволить Японии осуществлять право на коллективную самооборону, изменив интерпретацию конституции по данному вопросу.

Действия правительства свидетельствуют о том, что в области национальной безопасности наметился поворотный пункт. Предполагаемое изменение официальной позиции правительства по данной проблеме будет представлять собой радикальное отступление от базового принципа в политике безопасности послевоенной Японии и отход от пацифистской позиции. «Этот фундаментальный принцип не может быть изменен лишь пересмотром интерпретации конституции правительством, — пишет газета “Асахи”. — Должна быть соблюдена жесткая процедура пересмотра конституции»[34].

По какому пути пойдет правительство Абэ точно сказать трудно, но совершенно ясно, что запущен механизм пересмотра конституции, на основе которого правительство намерено предложить новую позицию по этому вопросу и начать необходимые законодательные действия для изменения политики.

Примечания

[1] Hook G.D., McCormak G. Japan’s Contested Constitution. Documents and Analysis. L.-N. Y., 2001. P. 2.

[2] Молодяков В.Э. Страсти по девятой статье: борьба консерваторов за пересмотр «мирной» конституции Японии//Япония эпохи Коидзуми. Оценки и перспективы. М., 2007. С. 219.

[3] Подробнее см.: Молодяков В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949): дипломат, политик, мыслитель. М., 2006. С. 405–414.

[4] Подробнее см.: Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. М., 2007. С. 245–252.

[5] Иноки Масамити. Хёдэн Сигэру Ёсида (Критическая биография Сигэру Ёсида). Токио, 1981. Т. 3. С. 191.

[6] Конституции Японии. http://ilk-ilk.narod.ru/japanabout/konstitutciya.httm

[7] См.: Япония: смена модели экономического роста. М., 1990.

[8] См. подробнее: Цветова И.А. Проблема пересмотра конституции в политической жизни современной Японии //Япония. Ежегодник 1984. М., 1985. С. 118–130.

[9] Накасонэ Я. Политика и жизнь. Мои мемуары. М., 1994. С. 330.

[10] Один из наиболее влиятельных правительственных органов контролирует разработку большей части законопроектов,

принимаемых в парламенте, и консультирует правительство по юридическим вопросам, включая толкование конституции. По оценке профессора Колина П. А. Джонса это управление вместе с бюджетным бюро Минфина считается вершиной национальной бюрократии.

[11] Молодяков В. Э. Страсти по девятой статье… С. 234.

[12] Ёмиури симбун. 03.11.2001.

[13] Говоров А. В. Пересмотр конституции 1947 г.: от дискуссии к принятию нового Основного закона Японии // Япония. Ежегодник 2004–2005. М., 2005. С. 23.

[14] Подробнее см.: Добоинская О. А. Расширение законодательной базы оборонной политики Японии // Япония. Ежегодник 2004–2005. М., 2005. С. 37.

[15] Асахи симбун. 21.09.2006.

[16] ИТАР-ТАСС. 02.11.2006.

[17] ИТАР-ТАСС. 14.05.2007.

[18] Daily Yomiuri. 07.10.2006.

[19] Пересмотр «мирной» конституции Японии. http://znat.ru/page, 2, 145-japan/html

[20] The Japan Times. 28.06.2013.

[21] Ёмиури симбун. 26.05.2010.

[22] http://campaing.ru20.constantcontact.com/render?IIr=61ka8eab8cv=0…

[23] The Japan Times.15.05.2013.

[24] http://mail.yandex.ru/neo[2]/#message/2350000001128000642

[25] Там же.

[26] Mainichi Shimbun. 28.04.2012.

[27] The Japan Times. 02.07.2013.

[28] Mainichi Shimbun. 07.10.2003.

[29] Киодо цусин. 26.01.2014.

[30] Асахи симбун.17.07.2013.

[31] The Japan Times. 20.11.2013.

[32] Киодо цусин. 23.12.2013.

[33] The Asahi Shimbun. 28.09.2013.

[34] Асахи симбун. 17.09.2013.

*Д. В. Стрельцов**

Экономическая политика японского правительства С. Абэ

Приход к власти кабинета Абэ в декабре 2012 г. поставил в центр политической повестки дня вопросы экономики. Многие японцы отдали тогда свой голос за Либерально-демократическую партию главным образом в надежде на то, что смена власти позволит коренным образом изменить тяжелую экономическую ситуацию. На фоне длительной рецессии, перспектив выхода из которой не просматривалось, в массах укоренилось чувство пессимизма, граничащее с ощущением того, что страна подписала капитуляцию после длительной и изнурительной войны. Подобное ощущение подпитывали и объективные показатели, свидетельствующие о нарастании процесса утери страной лидерских позиций в мировой экономике, которыми она гордилась с конца 1960-х гг. и которые она начала терять в 1990-е гг.

Действительно, перейдя на постиндустриальную стадию экономического развития, Япония в течение более двух десятилетий оказалась неспособной выйти из стагнации. Цифры экономической статистики свидетельствуют о существенном ослаблении Японией своих позиций в мире. Например, доля страны в мировом ВВП в номинальном исчислении, составлявшая в 1992 г. 15,2%, упала в 2011 г. до 8,4%. В абсолютных цифрах объем ВВП страны не только не вырос за двадцать лет, но и вовсе сократился — с 490 трлн. иен в 1992 г. до 470 трлн. иен в 2011 г.[1] Страна так и не смогла преодолеть хроническую депрессию и выйти на удовлетворительные цифры роста. Экономика продолжает страдать от дефляционной спирали.

В трудном положении оказалась Япония в начале второго десятилетия XXI века и в связи с непростым состоянием государственных финансов. Совокупный государственный долг составил почти двукратный объем ВВП страны. Бомбу замедленного действия представляет несбалансированность государственного бюджета, налоговые доходы которого составили в 2011 фин. г. чуть более 40% расходной его части. Заметно снизилась за два десятилетия и международная конкурентоспособность страны. Если вплоть до начала 1990-х гг. Япония занимала по этому показателю уверенное первое место, то к 2011 г. она опустилась до десятого. Страна, известная профицитом своего внешнеторгового баланса, столкнулась в 2011 г. с внешнеторговым дефицитом.

Макроэкономическое положение Японии продолжало осложняться и в связи с обострением социальных проблем, связанных с постарением населения, снижением рождаемости, нехваткой рабочей силы, а также увеличением доли непостоянных работников в общей структуре найма. Повышение доли старших возрастов в демографической структуре общества сопровождается усилением иждивенческой нагрузки на работающее поколение. Остро стоит вопрос о создании дееспособной национальной системы пенсионного обеспечения — принципы поколенческой солидарности уже не дают пенсионерам гарантий достойного существования.

Ситуация усугублялась тем, что в начале второго десятилетия XXI века страна столкнулась с двумя жестокими кризисами. Во-первых, это природно-техногенная катастрофа 11 марта 2011 г., преодоление последствий которой легло тяжелым дополнительным бременем на государственный бюджет. Фукусимская трагедия поставила Японию перед необходимостью коренного пересмотра всей энергетической политики.

Во-вторых, это обострение международной ситуации в Восточной Азии. В связи с активной реализацией КНДР ракетно-ядерной программы многие японцы впервые за несколько десятилетий испытали ощущение прямой военной угрозы. Свой вклад в ужесточение внешнеполитической среды вносят и территориальные споры со странами-соседями. Ощущение острого кризиса поставило на повестку дня вопрос о коренном пересмотре всей политики страны в сфере национальной безопасности.

Переживаемые страной трудности дали толчок к развертыванию в стране нового дискурса по вопросу о путях выхода из кризиса. Среди интеллектуальной элиты заметно усилились алармистские настроения. В оборот даже вошел тезис о «третьем поражении» Японии, выдвинутый японским публицистом Таити Сакайя (первым поражением считается кризис позднетокугавского периода, вторым — поражение Японии во Второй мировой войне)[2].

В создавшихся условиях политическая сфера, по сути, оказалась перед необходимостью взять на себя функции кризисного управления. Между тем итоги политического развития Японии за прошедшие двадцать с лишним лет не давали оснований для большого оптимизма с точки зрения управленческой эффективности политической власти в стране. Политический мир по-прежнему находился в состоянии трансформации. В этой связи многие возлагали надежды на то, что после возвращения к власти ЛДП С. Абэ сможет найти верную стратегию «национального спасения». Этим ожиданиям соответствовал сам японский премьер, который выдвинул лозунг «возвращения Японии» (*Нихон-о торимодосу*) — восстановления утерянных страной в 1990–2000-е гг. позиций.

* Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Знакомьтесь: «абэномика»

После победы на выборах 2012 г. кабинет Абэ провозгласил широкий спектр мер по стимулированию национальной экономики, которые в обобщенном виде стали именоваться «абэномикой» — по аналогии с «рейганомикой»[3]. В интерпретации правительства «абэномика» имеет три составляющих, или «три стрелы». Во-первых, это монетарная политика, под которой подразумевается продолжение политики «количественного ослабления» (политики «дешевых денег»), в рамках которой обеспечивается дополнительный приток денежной массы в экономику. Предполагается, что Япония сможет покончить с дефляцией, девальвировать иену и придать импульс развитию экспортных отраслей промышленности. Провозглашена цель перейти к контролируемой инфляции — не более 2% в год.

Во-вторых, это пакет мер налогово-финансового стимулирования японской экономики, включая сокращение корпоративных налогов, расширение прямых государственных инвестиций. В числе практических мер, уже реализованных кабинетом, — принятие в январе 2013 г. дополнительного бюджета в 13,1 трлн. иен. С. Абэ предложил инвестировать в течение десяти лет около 200 трлн. иен в виде государственных заказов на различные проекты инфраструктурного развития, рассчитывая, что эти деньги вытянут всю экономику. По словам Акира Амари, министра по делам экономического возрождения, правительство обеспечит финансирование проектов, которые позволят «уменьшить ущерб от природных катастроф, предотвращать катастрофы и защищать жизни людей»[4]. Речь идет не только о строительстве новых объектов инфраструктуры, но и о ремонте и восстановлении старых, изношенных объектов, включая мосты, тоннели, дороги, электростанции и т.д. Актуальность этой задачи особенно наглядно проявилась после того, как в тоннеле Сагаго, построенном в благополучные годы, из-за несвоевременной замены крепежных болтов обрушились несколько панелей крыши, которые погребли под собою проезжавшие по тоннелю автомобили.

В-третьих, это политика «экономического роста», которая заключается в точечном стимулировании перспективных отраслей экономики. Подразумевается продолжение структурных реформ Коидзуми, при энергичной активизации роли государства в этом процессе. «Третья стрела» «абэномики», как ожидается, создаст мощный мультипликативный эффект, который позволит вытянуть из кризиса всю экономику страны.

Политика экономического роста включает в себя целый набор «хирургических» инструментов целевого стимулирования деловой активности в стране. Важной его частью являются меры, направленные на оживление промышленного производства. С этой целью, в частности, предполагается проводить активную политику дерегулирования. Например, летом 2013 г. правительство выдвинуло на рассмотрение парламента проект дерегулирования электроэнергетической сферы.

Кроме того, правительство намеревается продолжить курс на участие страны в зонах свободной торговли и иных преференциальных соглашениях, предусматривающих коренную либерализацию внешнеэкономических связей. Кабинет Абэ решительно взял курс на присоединение к переговорам о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП): 23 июля 2013 г. Япония стада полноправным участником инициативы. После вступления в ТТП страну ждет радикальное сокращение импортных тарифов на все виды продукции, в том числе сельскохозяйственной (правда, было сделано заявление, что по пяти видам сельхозпродукции, включая рис и пшеницу, правительство будет отстаивать особые права Японии на введение повышенных пошлин). Новый премьер, таким образом, дал понять, что не собирается продолжать жесткую протекционистскую политику в отношении национального рынка сельхозпродукции, которой придерживались все его предшественники. Примечательно, что курс правительства на либерализацию рынков получает поддержку не только среди жителей крупных городов, но и в сельской местности, что на состоявшихся 21 июля 2013 г. выборах в верхнюю палату парламента победу одержали практически все кандидаты ЛДП в аграрных префектурах.

Важным компонентом стратегии является развитие человеческого капитала. Этот компонент «абэномики» включает меры по более активному использованию потенциала женской рабочей силы: развитие системы детских дошкольных учреждений, внедрение гибких графиков работы, т.е. меры, реализация которых позволит женщинам с детьми выходить на работу в удобные для себя часы и т.д.[5] Много внимания предполагается уделить развитию высшего образования, в частности адаптации японской системы образования к мировым стандартам, ее модификации в соответствии с глобальными тенденциями. Например, правительство намеревается предоставить дополнительные возможности японским студентам изучать английский язык за рубежом. Много внимания уделяется также привлечению иностранной рабочей силы.

Еще одна составляющая политики экономического роста — это создание новых рынков. Здесь планируются вещи, призванные обернуть слабость Японии в ее силу. Один из примеров подобного подхода — развитие сферы услуг для пожилых возрастов населения, а также продвижение на мировые рынки достижений геронтологической медицины, в которой Япония занимает передовые позиции в мире.

Из перечисленных выше рецептов «абэномики» наибольшую сложность, пожалуй, будет представлять все то, что относится к «третьей стреле»,

а именно — «политике экономического роста», которая затрагивает корпоративный сектор практически всех отраслей экономики. Уже сейчас ясно, что предложенный пакет мер потребует гораздо бо́льших усилий как со стороны государства, так и частных компаний, а период, необходимый для его воплощения в жизнь, будет гораздо более длительным, чем это кажется на первый взгляд.

В развитие ранее обозначенных планов по воплощению «абэномики» в жизнь правительство опубликовало в июне 2013 г. экономическую программу, в которой были зафиксированы конкретные количественные ориентиры на ближне- и среднесрочную перспективу. Правительством была поставлена задача обеспечить реальный уровень роста ВВП на уровне 2% в год в течение последующих десяти лет. Было предложено увеличить в течение 10 лет подушевой валовой национальный доход на 1,5 млн. иен в год, т. е. на 40% по сравнению с его нынешним уровнем[6]. В числе конкретных мер по достижению поставленных целей было предложено добиться увеличения в течение трех лет корпоративных инвестиций до уровня 70 трлн. иен в год, расширить к 2017 фин. г. число мест в детских дошкольных учреждениях до 400 тыс., обеспечить к 2020 г. наращивание экспорта продукции сельского, лесного хозяйства и рыболовного промысла до 1 трлн. иен[7].

Программа «абэномики» вызвала широкий общественный резонанс, породив надежду на то, что Япония наконец найдет верный путь выхода экономики из кризиса. Эффекту ожиданий способствовали и позитивные экономические показатели: рост ВВП в первом квартале 2013 г. составил около 3,8% годовых, фондовый рынок за первые полгода после возвращения ЛДП к власти вырос на 40%. В страну увеличился приток зарубежных инвестиций, а иена, высокий курс которой тормозил развитие экспортных отраслей, заметно понизилась по отношению к доллару США. В этих условиях многие избиратели, поверив в курс нового премьера, отдали на выборах в палату советников 21 июля 2013 г. свой голос за ЛДП, упрочив ее позиции в парламенте.

Проблема несбалансированности государственных финансов

Пока еще неясно, каким образом власти собираются достичь поставленных целей. Один из главных вопросов, ответ на который «абэномика» не может дать ответа, — каким образом власти собираются решить проблему несбалансированности государственных финансов.

Следует отметить, что эта проблема составляла один из наиболее сложных и болезненных вопросов на политической повестке дня Японии в 1990–2010-е гг. На протяжении двух десятилетий, с момента вступления японской экономики в период стагнации и сопровождающей ее вялотекущей дефляции, расходы госбюджета постоянно росли, а доходы падали. Дефляция приводила к снижению налоговых поступлений как в виде корпоративных налогов, так и в виде подоходного налога. Например, если в 1992 г. доходная база бюджета составляла около 60 трлн. иен, то в 2012 фин. г. — уже чуть более 42 трлн. Между тем расходы бюджета выросли до уровня более 90 трлн. иен.

В этих условиях государство было вынуждено прибегать к все более массовому выпуску долговых обязательств, объем неизменно возрастал. Показательным в этом плане является структура государственного бюджета 2012 фин. г.: из более 90,3 трлн. иен доходов государственного бюджета налоговые поступления составили в нем 42,3 трлн. иен, или 46,8% его части, тогда как новые государственные долговые обязательства были равны 44,2 трлн. иен, или 49% бюджета[8]. Иными словами, выпуск новых долговых обязательств по своему объему превышал общий объем налоговых сборов, став главным источником бюджетных доходов. С позиций корпоративного финансового менеджмента подобный баланс неизбежно означал бы банкротство.

Поскольку темпы роста расходов на обслуживание госдолга по темпам роста превосходят темпы экономического роста, в Японии даже при стабильных доходах госбюджета происходит стремительное повышение доли госдолга по отношению к ВВП. Совокупный государственный долг Японии, с учетом обязательств центрального правительства и муниципальных органов власти, составил в 2013 фин. г. астрономическую сумму в 1 квдрл. иен, превысив тем самым 200% ВВП страны. Среди развитых капиталистических стран это является наихудшим показателем.

Безусловно, следует признать, что государственные долговые обязательства Японии, в отличие, например, от Греции и других европейских стран, столкнувшихся в конце 2000-х гг. с жесточайшим финансовым кризисом, находятся в подавляющей своей массе в руках японских резидентов и сконцентрированы на рынке долгосрочных облигаций с относительно низкими ставками, в результате чего немедленной угрозы государственного дефолта не возникает. Однако совокупный объем государственного долга таков, что выплаты по процентам составляли в 2013 фин. г. астрономическую сумму — более чем 22 трлн. иен, или почти четвертую часть расходной части бюджета[9].

Еще в начале 2000-х гг., когда проблема государственного долга перешла в категорию угрожающих национальной экономической безопасности, правительством были проведены подсчеты дальнейшего развития ситуации. Вывод заключался в том, что для блокирования процесса лавинообразного увеличения государственного долга государство должно существенно сократить бюджетные расходы и попытаться свести первичный баланс к положительному сальдо, равному хотя бы 1,75% ВВП[10]. При правительстве Дз. Коидзуми была поставлена

задача добиться первичного баланса государственных финансов (т. е. бездефицитного баланса бюджета без учета расходов на обслуживание госдолга) к 2011 фин. г. Однако отсутствие позитивной динамики в темпах экономического роста, которые замерли почти на нулевой отметке, естественным образом опровергли все первоначальные планы. Ситуацию усугубил начавшийся в мире в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис, больно ударивший по японской экономике, для которой внешние источники роста по-прежнему сохраняли главное значение. Свою лепту внесла и природно-техногенная катастрофа 11 марта 2011 г., которая поставила правительство перед необходимостью ассигновать огромные средства на нужды восстановления пострадавших районов. При кабинете Нода задача достижения первичного баланса государственных финансов была перенесена теперь уже на 2020 фин. г., притом что к 2015 фин. г. дефицит первичного баланса должен сократиться наполовину. Эту же цель провозгласил и второй кабинет Абэ.

Однако наибольшее бюджетное бремя представляют ассигнования на социальные нужды, доля которых неизменно растет на фоне обострения демографической проблемы. В 2013 г. расходы на социальные нужды превысили 30% в общем объеме расходной части государственного бюджета. Дело в том, что различные элементы системы социального обеспечения, действующие на страховых принципах, продолжают находиться в серьезной зависимости от государственного финансирования. От бюджетных поступлений, например, зависит не только базовая система пенсионного обеспечения (с 2009 г. финансируемая государством на 50%), но и системы медицинского обслуживания лиц старше 75 лет, патронажного ухода, страхования по безработице, социального страхования работников мелких и средних предприятий, детских пособий и проч.

Между тем возможности для увеличения налоговой базы в целях стабилизации доходной части бюджета у правительства Японии крайне ограничены. Корпоративные налоги, дающие почти четверть доходной части бюджета (8,8 трлн. иен в 2012 фин. г.), отличают ставки существенно более высокие, чем в других азиатских странах (около 30%). В этой связи на повестку дня выходит вопрос не повышения этих налогов, а, наоборот, их снижения с целью повышения международной конкурентоспособности японской продукции. Однако снижение налогов создаст дополнительное напряжение на государственный бюджет.

Некоторые резервы, безусловно, кроются в повышении ставок налогов на физических лиц — подоходного (13,5 трлн. иен в 2012 фин. г.) и потребительского (10,4 трлн. иен)11. Однако повышение налогов является крайне болезненной темой, затрагивая коренные интересы подавляющей массы японских избирателей. Уместно вспомнить, что повышение ставки потребительского налога в 1989 и 1997 гг. приводило к отставке кабинета министров. В результате правительство Японии фактически оказывалось перед дилеммой: повышение налогов, даже во имя спасения национальной системы социального обеспечения, может вызвать недовольство избирателей и иметь для действующей власти неприятные политические последствия, тогда как отказ от жестких фискальных мер чреват финансовым крахом систем социального обеспечения. Ясно, однако, что увеличение налогового бремени возможно лишь до определенных пределов, особенно в Японии, где еще с 1950-х гг. в обществе господствует убеждение в необходимости сохранения низкого уровня ставок на налоги на физических лиц.

В подходе к решению проблемы создания целевого источника финансовых средств для решения задач социальной политики в Японии возобладала точка зрения, в соответствии с которой таким источником должен стать потребительский налог. Главная причина заключается в том, что подоходный и корпоративный налоги в условиях длительной стагнации и низких темпов экономического роста становятся все менее надежным источником налоговых поступлений. Кроме того, как отмечал проф. ун-та Хитоцубаси Э. Тадзика, у подоходного налога есть существенный системный недостаток, который заключается в том, что гражданин платит его в основном в тот период своей жизни, когда он, с одной стороны, имеет наибольшие доходы, но с другой — когда у него иные, помимо выплаты пенсионных взносов, бюджетные приоритеты — расходы на образование детей, выплата ипотеки и проч. Между тем потребность в социальном обеспечении наиболее всего проявляется в конце жизни[12]. С этой точки зрения потребительский налог имеет ряд важных преимуществ.

Прежде всего, его размер существенно не меняется в зависимости от экономической конъюнктуры в стране. Внесение этого налога производится достаточно равномерно в течение всей жизни отдельного человека. Использование средств, получаемых за счет потребительского налога, таким образом, позволяет ослабить конфликтность проблемы распределения между работающим и неработающим поколениями бремени финансовой нагрузки в отношении системы социального обеспечения. Важно и то, что потребительский налог распределяется относительно пропорционально среди всего населения страны, что повышает степень его легитимности в глазах общественности. Наконец, ставка налога в Японии составляет 5%, что существенно ниже, чем в большинстве западных стран (около 25% в Скандинавских странах, 16–20% в Испании, Италии и Великобритании). Именно поэтому повышение потребительского налога представляется наиболее социально справедливой формой ужесточения налогового бремени.

Однако проблема с потребительским налогом заключается в том, что он в большей степени ложится

на низкооплачиваемые слои населения, для которых доля повседневных потребительских расходов (на питание, одежду и проч.) оказывается гораздо более высокой, чем для лиц с высокими доходами. Поэтому предполагается, что этот налог должен носить регрессивный характер: для низкооплачиваемых слоев должны быть предусмотрены механизмы смягчения налоговой нагрузки, например специальные налоговые вычеты, система компенсаций и проч.

Перспектива повышения потребительского налога вызывает неоднозначную реакцию в японском обществе. Большинство японцев — по проведенному газетой «Йомиури» в конце января 2012 г. опросу общественного мнения, 61% — считали повышение потребительского налога в целях поддержания системы социального обеспечения «необходимым»[13]. Вместе с тем граждане Японии в массе своей склонны полагать, что в плохом состоянии государственных финансов виновато само правительство, поэтому первым шагом на пути к финансовому оздоровлению публичного сектора должно стать сокращение госаппарата, уменьшение зарплаты госслужащих и т. д.[14]

Правительства Либерально-демократической партии на протяжении 2000-х гг., вплоть до ухода ЛДП в оппозицию, фактически откладывали решение данной проблемы, понимая, что повышение налога будет иметь для партии неприятные политические последствия. Учитывая негативное отношение общественного мнения к немедленному повышению налоговых ставок, с обещанием не увеличивать их до окончания предстоящего срока полномочий нижней палаты, выступила в своих предвыборных манифестах на выборах 2009 г. и Демократическая партия Японии. Однако к концу 2000-х гг. стало ясно, что дальнейшее бездействие может повлечь за собой далеко идущие последствия, включая снижение международных рейтингов страны и даже ее дефолт. После отставки кабинета Хатояма в июне 2010 г. ДПЯ декларировала свое намерение провести в ближайшем будущем радикальную реформу налоговой системы, включая повышение потребительского налога. Новый глава кабинета Н. Кан заявил накануне выборов в палату советников, что в числе прочих мер по изменению налоговой системы собирается рассмотреть вопрос о повышении ставки потребительского налога до 10%. В своем программном выступлении он обозначил те сферы, куда предполагается направить дополнительные бюджетные доходы от повышения потребительского налога. Речь шла об агрессивном инвестировании их в социально ориентированные отрасли экономики: индустрию медицинского обслуживания, патронажные услуги для лежачих больных и лиц старших возрастов[15].

Однако фукусимская трагедия более чем на год отвлекла внимание от этой животрепещущей темы. В дальнейшем вопрос о повышении потребительского налога был увязан с социальной политикой государства в рамках так называемой «интегрированной реформы налогообложения и системы социального обеспечения», которая стала одной из центральных в повестке дня кабинета Нода, пришедшего к власти в августе 2011 г. Проект правительства был опубликован 6 января 2012 г.

Особенность предложенного правительством подхода к проведению реформы заключалась в том, что меры по стабилизации финансовых источников для социальных нужд должны быть тесно увязаны с политикой кардинального оздоровления государственных финансов. В соответствии с этим проектом, ставки потребительского налога должны быть повышены до 8% в апреле 2014 г. и до 10% в октябре 2015 г. Полученные от введения новых ставок дополнительные средства (около 13,5 трлн. иен в год)[16] предлагалось использовать целевым образом для нужд социальной политики, и прежде всего для финансирования базовых пенсий в рамках «национальной пенсионной системы». В то же время в законопроекте ДПЯ было предусмотрено право правительства приостановить повышение налоговых ставок в случае благоприятного экономического положения в стране на момент их введения.

Правительственный законопроект предусматривал и иные меры ужесточения налоговой нагрузки. Так, проектом предполагалось увеличить с января 2015 г. максимальные ставки подоходного налога для лиц с высокими доходами (свыше 50 млн. иен в год) с 40 до 45%, повысить с января 2015 г. налог на доход от продажи ценных бумаг и получения дивидендов с нынешних 10% до 20%, несколько увеличить налог на наследство и сократить налоговые льготы при их выплате. Многие предлагавшиеся законопроектом меры имели рекомендательный характер, например предпринять шаги, направленные на облегчение положения лиц с невысокими доходами в сферах налогообложения, здравоохранения и патронажного ухода, продумать юридические основания для того, чтобы обеспечить доступ для непостоянных работников предприятий к корпоративным пенсионным схемам и т. д. Предусматривалось также несколько снизить размер максимальной пенсии для лиц с высокими доходами, расширить государственные дотации для лиц с низкими доходами, обеспечить большее равенство возможностей доступа к общественной системе социального обеспечения вне зависимости от материального благосостояния и т. д.[17] Одновременно правительством была поставлена задача добиться к 2015 г. сокращения первичного дефицита государственных финансов наполовину и обеспечить первичный баланс государственного бюджета к 2020 г.

В конце февраля 2012 г. кабинетом Нода были обнародованы предложения, касающиеся пенсионной реформы. Демократами было предложено объединить, унифицировать три действующие в стране пенсионные схемы в рамках единой пенсионной систе-

мы. Предполагалось, что бюджетные средства от потребительского налога будут использованы для дотирования только базовой пенсии, которая должна будет составить не менее 70 тыс. иен в месяц.

В противоположность этому предложения ЛДП и партии Комэйто в деле проведения реформы предполагали незначительную модификацию ныне действующих пенсионных систем в направлении их адаптации к ужесточающимся условиям финансирования, связанным с постарением населения. Коренного изменения действующей системы независимых пенсионных схем проектами оппозиции не предусматривалось.

Несмотря на различия в позициях, Демократической партии Японии (ДПЯ) удалось достичь договоренности со своими политическими соперниками по вопросу о путях проведения налоговой реформы. В июне 2012 г. между ДПЯ, ЛДП и Комэйто, представлявших собой три крупнейшие парламентские фракции, было достигнуто пакетное соглашение о поддержке законопроекта, и в августе того же года он был принят обеими палатами парламента.

Следует отметить, что предложенный правительством ДПЯ проект интегрированной реформы определял лишь ее общее направление, детализацию же ее содержания, включая конкретные вопросы схем работы новых систем социального обеспечения, надлежало выработать отдельно в рамках специального консультативного органа — «Народного совета по реформе системы социального обеспечения». В течение года с момента принятия законопроекта этот орган, включающий в себя в основном представителей экспертного сообщества, должен провести обсуждение вопроса о дальнейших путях реформы и представить свои рекомендации.

В стране разгорелась оживленная дискуссия. Многие критики нового закона указывали на его чрезмерную абстрактность и декларативность, а также на неточности в расчетах, которые на практике не позволят в полной мере реализовать заложенный в закон потенциал. Профессор университета Тюо М. Катагири, например, указывал на то, что предложенного увеличения налоговых ставок до 10% окажется явно недостаточно для того, чтобы сократить к 2015 г. наполовину дефицит первичного баланса, поэтому эти ставки следует поднять хотя бы до уровня 15–17%. По его мнению, дополнительных пояснений требуют многие положения закона — почему повысить ставку налога до 10% нужно именно в октябре 2015 г., кого именно считать «низкооплачиваемыми» в рамках категории бенефициаров налоговых льгот, как следует обеспечить конфиденциальность личной информации при введении индивидуальных номеров социального страхования, почему увеличение ставок подоходного налога и налога на наследство касается главным образом лиц с доходом свыше 50 млн. иен, которых в Японии насчитывается лишь 0,1% населения и т. д.[18]

В целом возможность сочетать на практике в рамках единого курса цели устойчивого экономического роста, укрепления государственных финансов и строительства жизнеспособной системы социального обеспечения вызывает большие сомнения. Повышение потребительского налога выглядит естественным как средство решения проблем социального обеспечения. Но позволит ли интегрированная реформа добиться укрепления финансовой системы и создаст ли она стимул для экономического роста? По логике вещей, увеличение налоговой нагрузки на население, наоборот, станет фактором сокращения внутреннего спроса, что неизбежно отразится на темпах экономического развития. В любом случае ясно, что решение столь разноплановых и противоречивых задач потребует в будущем нестандартных решений.

Вопрос о повышении потребительского налога с новой силой встал перед правительством С. Абэ, которому в данном вопросе приходится учитывать риски, связанные с неизбежным при повышении налоговых ставок ослаблением потребительского спроса. Многие опасаются, что высокий потребительский налог может ударить по перспективам развития экономики, затормозить конъюнктуру и ударить по перспективам экономического роста, т. е. свести на нет все усилия по реализации «абэномики».

Дискуссии по налоговой реформе активно продолжались на протяжении всей первой половины 2013 г. В нарушение ранее сделанных заявлений, правительство так и не озвучило своих планов на этот счет до лета 2013 г. Не обозначила своей позиции по вопросу о повышении потребительского налога в своей предвыборной программе на выборах в палату советников и правящая ЛДП. Лишь на совещании министров финансов Большой двадцатки в Москве в июле 2013 г. министр финансов Японии Таро Асо заявил о том, что увеличение налогов будет реализовано в соответствии с намеченными планами[19]. Однако обнародованные вскоре данные поквартальной экономической статистики, свидетельствующие о замедлении темпов экономического роста[20], дали дополнительные аргументы скептикам, выступающим за более умеренные темпы налоговой реформы. Например, ведущий экономист Исследовательского института Дайити сэймэй Т. Нагахама, отметив, что повышение ставок налога сразу на 3% приведет к дополнительной нагрузке на население в размере 8 трлн. иен, пришел к выводу о том, что реализация реформы в неизменном виде «слишком больно ударит» по японской экономике[21]. На этом фоне советник кабинета министров И. Хонда предложил отложить повышение налога либо увеличивать его постепенно, повышая каждый год на 1%[22].

Риски и социальные издержки «абэномики»

Между тем провозглашенная кабинетом Абэ политика несет в себе серьезные макроэкономические

риски. Так, у многих вызывает сомнение способность финансовых властей проводить политику «контролируемой инфляции», не допуская ее лавинообразного роста. Главный риск заключается в том, что, если Банк Японии не совладает с темпами инфляции, это приведет к неизбежному увеличению ставок рефинансирования, что, в свою очередь, многократно увеличит расходы правительства на обслуживание государственного долга.

Кроме того, девальвация иены и, соответственно, удорожание импорта, например энергоносителей, привели к тому, что Япония впервые за несколько десятилетий столкнулась с проблемой дефицита внешнеторгового баланса, составившего в апреле 2013 г. рекордную сумму в 880 млрд. иен[23]. Дорогой импорт ударяет как по карману потребителей, так и по интересам корпоративного сектора, особенно малых и средних предприятий, имеющих гораздо меньше ресурсов адаптивности, чем крупные корпорации. Согласно заявлению председателя Торгово-промышленной палаты Японии, в результате стремительной девальвации иены около 80% малых и средних предприятий «будут стоять перед сложными вызовами»[24].

Имеются и достаточно острые проблемы, связанные с неконкурентоспособностью отдельных отраслей экономики. И речь здесь идет не только о сельском хозяйстве, хотя это, вероятно, наиболее яркий пример в этом отношении. Исключительно закрытой и потому неконкурентоспособной является сфера медицинских услуг. Например, правительство так и не решилось допустить так называемое «смешанное обслуживание населения», при котором пациент при посещении врача имеет право одновременно использовать страховые некоммерческие и чисто коммерческие услуги.

При этом «групповые интересы» (vested interests) имеют влиятельное политическое лобби в лице «депутатов-специалистов» (членов клановых группировок), которые традиционно не допускают радикальных решений, ломающих сложившийся статус-кво. Именно их сопротивление не позволяет политическому руководству проявлять политическую волю и принимать в общенациональных интересах болезненные решения, ущемляющие партикуляристские интересы отдельных корпораций. Большие сомнения вызывает и способность правительства создать гибкий и высокоадаптивный рынок труда в будущем, с учетом недостатка рабочей силы внутри страны и нежелания правительства открывать страну для иммиграции. Таким образом, на данный момент пока неясно, сможет ли Абэ набраться политического мужества и преодолеть политические ограничения, которые тормозили процесс принятия решений в Японии.

Острейшую проблему для нового кабинета ЛДП представляет выработка эффективного курса в сфере социальной политики. На фоне обострения демографической проблемы доля ассигнований на социальные нужды неизменно растет, составив в 2013 г. более 30% в общем объеме расходной части государственного бюджета. Дело в том, что различные элементы системы социального обеспечения, действующие на страховых принципах, продолжают находиться в серьезной зависимости от государственного финансирования. От бюджетных поступлений, например, зависит не только базовая система пенсионного обеспечения (с 2009 г. финансируемая государством на 50%), но и системы медицинского обслуживания лиц старше 75 лет, патронажного ухода, страхования по безработице, социального страхования работников мелких и средних предприятий, детских пособий и проч.

Судя по заявлениям С. Абэ, пришедшее к власти правительство ЛДП намеревается решать стоящие в ней проблемы с упором на ценности рыночного фундаментализма. В своем программном выступлении в парламенте 28 февраля 2013 г. японский премьер заявил о том, что «реформы в сфере дерегулирования не оставят никаких священных коров» и что он намерен «одно за другим устранять любые препятствия деятельности предприятий»[25]. Обращает на себя внимание тот факт, что тезис о необходимости взаимопомощи и о государственной защите социально уязвимых слоев общества увязывается новым руководством с традиционным подходом, основанным на «самопомощи» и «опоре на собственные силы». Глава правительства обозначил «самопомощь» в качестве важного приоритета социальной политики и лишь после этого заявил о необходимости государственной помощи слабым.

Между тем провозглашенная кабинетом Абэ ставка на использование принципов рыночного фундаментализма создает существенную проблему с точки зрения социальной политики. Постепенный отход от протекционизма и от «политики конвоирования» создает ситуацию, когда корпоративные социальные гарантии становятся все менее дееспособными. В этих условиях процесс углубления социальных контрастов и дальнейшего размывания «среднего класса», похоже, будет продолжаться и в будущем.

Нужно учитывать и то, что инфляция и рост цен неизбежно ударят как раз по «среднему классу». Очевидно, что, несмотря на все увещевания властей, корпорации не станут увеличивать заработную плату пропорционально темпам инфляции, перекладывая все тяготы реструктуризации на своих работников. Опыт 1990–2000-х гг. показал, что реструктуризация корпоративного сектора происходила главным образом за счет оптимизации найма — увеличения доли непостоянных работников, доля которых в общей структуре найма составила более 30%.

Существуют большие сомнения, что политика экономического стимулирования, проводимая государством, приведет к улучшению положения наемных работников. Как отмечала газета «Майнити», «еще предстоит выяснить, приведет ли пакет стиму-

лирующих мер к росту заработной платы и увеличению числа рабочих мест»[26].

Опасения вызывает и увеличивающийся разрыв в положении постоянных и непостоянных работников. При этом особое значение будет иметь тот факт, что от мер борьбы с дефляцией пострадают не только временные работники, но и постоянные, поскольку, как показывает практика, корпорации склонны решать проблемы финансового менеджмента за счет наемных работников, например путем замораживания заработной платы. На фоне инфляции это неизбежно приведет к ухудшению их материального положения.

Еще одним негативным моментом с точки зрения социальной стабильности является неизбежный рост цен на импортную продукцию, связанный со снижением курса иены. Поскольку зависимость Японии от импорта базовых потребительских продуктов достаточно велика, «абэномика» уже привела к удорожанию таких предметов повседневного спроса, как бензин, туалетная бумага, растительное масло и т. д.

Не отвечают потребностям времени и попытки добиться стимулирующего эффекта с помощью инвестиций на «общественные работы». Японская экономика уже миновала период экстенсивного развития, и таких инфраструктурных проектов, которые бы оправдывали себя с позиций экономической эффективности, практически не осталось. К тому же строительный сектор, который когда-то был основным реципиентом этих инвестиций, после «структурных реформ» Коидзуми существенно сократился и не имеет возможностей освоить эти средства в полном объеме.

Обоснованные сомнения в расчетах правительства высказываются и в отношении политики целевого стимулирования отдельных отраслей. Подобную политику, в частности в отношении «зеленой энергетики», сферы социального благосостояния и проч., уже проводили правительства ДПЯ, но к существенному макроэкономическому эффекту она не привела. По сути, правительство взяло на вооружение старый рецепт, заимствованный из 1960-х гг., когда экономический рост в Японии носил экстенсивный характер и был ориентирован на экономическое освоение отсталых районов. О том, что массированные государственные инвестиции не могут считаться панацеей, свидетельствует тот же опыт пребывания ДПЯ у власти — последние два года «общественные работы» росли, а экономика продолжала топтаться на месте.

Таким образом, «абэномика» продолжает оставаться достаточно рискованным инструментарием экономического регулирования, использование которого требует огромной осторожности и высокой компетенции.

* * *

В течение всего 2013 г. кабинет Абэ активно проводил в жизнь политику «количественного смягчения» и финансовой экспансии — накачивания экономики бюджетными деньгами. И первые две «стрелы», похоже, начали давать реальный положительный эффект.

Так, в декабре 2013 г. слово «дефляция» впервые за четыре с лишним года исчезло из ежемесячных правительственных отчетов о состоянии национальной экономики. Дефляция практически исчезла главным образом в связи с удорожанием импорта, происшедшего на фоне роста зависимости от внешних поставок энергоресурсов после Фукусимы, однако полностью игнорировать и усилия правительства было бы несправедливо. Несколько улучшились и бюджетно-финансовые показатели: первичный баланс государственных финансов (соотношение доходов и расходов государственного бюджета без учета заимствований) в 2013 фин. г. был сведен к дефициту в объеме 18 трлн. иен, что на 5,2 трлн. иен меньше показателя 2012 фин. г.[27] В экономике наметилось оживление, выросли инвестиции в оборудование, умеренно усилился потребительский спрос. Индекс Никкэй после долгого перерыва преодолел отметку в 16 тыс. иен за акцию, а курс иены понизился до уровня более 100 иен за доллар.

Можно ли оценить итоги первого года «абэномики» как положительные? Безусловно, делать однозначные выводы пока рано: в экономической конъюнктуре начала 2014 г. пока еще сильны субъективные факторы, а именно — продолжение эффекта ожиданий, а также (если речь идет о потребительском спросе) эффект так называемого «спроса в последнюю минуту», когда потребители спешат делать покупки, используя благоприятный момент перед повышением потребительского налога в апреле 2014 г.

Наиболее противоречивые оценки вызывает вопрос о возможности дальнейшего стимулирования экономики преимущественно с помощью инструментария монетарной и инвестиционной политики. Главный вопрос заключается в том, сохранит ли внутренний потребительский спрос достаточно энергетики, чтобы вытягивать всю японскую экономику? Правительство рассчитывает, что потребительская активность населения будет стимулироваться инфляционными ожиданиями и после повышения потребительского налога. Однако скептики указывают, что потребительское потребление в Японии отличается крайней сдержанностью и большой склонностью к накоплениям. К тому же большинство корпораций, несмотря на все призывы правительства, так и не решились повысить зарплату, отложив этот вопрос до «весеннего наступления» 2014 г.

Головной болью правительства остается проблема несбалансированности государственных финансов. Несмотря на некоторое улучшение, ситуация в целом остается крайне тяжелой, главным образом из-за проводимого властями курса финансовой экспансии. Например, в бюджете на 2014 фин. г. расходы правительства превысят рекордную отметку в 100 трлн. иен. Траты вырастут практически

по всем направлениям, включая социальную сферу (более 30 трлн. иен), аграрный сектор, национальную оборону, образование, строительство и т.д. Накануне нового года был принят дополнительный бюджет на 2013 фин. г. на астрономическую сумму в 5,5 трлн. иен, подавляющая часть которого пойдет на «общественные работы». Как и в старые добрые времена монопольного правления ЛДП, Токио в преддверии принятия нового бюджета наводнили лоббисты из всех регионов Японии. Чтобы заткнуть бюджетную дыру, правительство пошло по проверенному пути массированного выпуска новых долговых обязательств, общая доля которых в доходной части бюджета 2014 фин. г. составит рекордные 40%.

На этом фоне многие задаются вопросом, насколько оправданно повышение потребительского налога с морально-этической точки зрения? Имеет ли власть моральное право налоги на граждан, хотя вся его экономическая политика направлена на безудержные траты, значительная часть которых прямо ассоциируется с подрывом финансовой дисциплины? Подсчитано, что практически все новые доходы от введения новой налоговой ставки (около 7,5 трлн. иен) будут съедены выплатой процентов по нарастающим как снежный ком долгам, которые особенно выросли в последние несколько лет.

Наконец, крайне сложно пока обстоит дело с «третьей стрелой», а именно — со структурной реформой экономики, где никаких реальных успехов у кабинета Абэ пока не проглядывается. Главный вопрос здесь — удастся ли правительству покончить с чрезмерной зарегулированностью экономики, затрудняющей доступ на рынки «новичков», особенно в сферах найма, образования, сельского хозяйства, системах медицинского обслуживания и сестринского ухода? Рискнет ли Абэ покуситься на «укорененные интересы», т.е. преимущественные права тех субъектов хозяйственной деятельности, которые фактически монополизировали свое положение в отдельных отраслях экономики? В этой связи ключевое значение приобретает то, в каком направлении пойдет «новая стратегия роста», которую надлежит определить правительству летом 2014 г.

Примечания

[1] Сакайя Таити. «Исин»суру какуго (Осознание новой «реставрации»). Токио, 2013. С. 43–44.

[2] Сакайя Таити. «Исин» суру какуго (Осознание новой «реставрации»). Токио, 2013. С.32.

[3] См.: Хонда Ицуро. «Абэномиккусу-но» синдзицу (Правда об «абэномике»). Токио, 2013. С.44.

[4] http://www.japanpolicyforum.jp/en/archive/no13/000430.html#kiji
Дата доступа: 9.09.2013.

[5] Асахи симбун. 11.06.2013.

[6] Асахи симбун. 11.06.2013.

[7] Асахи симбун. 22.06.2013.

[8] Сайт министерства финансов Японии http://www.mof.go.jp/budget/budger_workflow/budget/fy2012/seifuan24/yosan001.pdf
Дата доступа: 9.09.2013.

[9] Майнити симбун. 30.01.2013.

[10] Нихон кэйдзай. 23.07.2004.

[11] http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/400/131225.html
Дата доступа: 9.09.2013.

[12] http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/400/131225.html
Дата доступа: 9.09.2013.

[13] Йомиури симбун. 29.01.2012.

[14] Во многом реагируя на указанные общественные настроения, правительство Нода провело в январе 2012 г. закон, урезающий заработную плату госслужащих на 8%.

[15] Йомиури симбун. 20.06.2010.

[16] The Japan Times. 1.03.2012.

[17] Асахи симбун. 7.01.2012.

[18] Йомиури симбун. 23.01.2012.

[19] Йомиури симбун. 23.07.2013.

[20] Например, во втором квартале 2013 г. экономический рост составил 2,6% годовых — существенно меньше, чем в первом квартале с его 3,8% годовых. — Йомиури симбун 13.08.2013.

[21] http://www3.nhk.or.jp/news/web_tokushu/2013_0812.html
Дата доступа: 9.09.2013.

[22] http://www3.nhk.or.jp/news/html/20130818/k10013850331000.html
Дата доступа: 18.08.2013.

[23] The Japan Times. 25.05.2013.

[24] The Japan Times. 25.05.2013.

[25] The Japan Times. 2.03.2013.

[26] Майнити симбун. 28.06.2013.

[27] Майнити симбун. 26.12.2013.

И. Л. Тимонина *

Уровень социально-экономического развития Японии в международных сравнениях и новый вектор экономической стратегии

Более двух десятилетий японская экономика испытает серьезные потрясения. Экономический подъем 2002–2007 гг. не обеспечил экономике страны выхода на траекторию устойчивого долгосрочного роста. В настоящее время перед правительством Японии, которое в конце 2012 г. возглавил новый премьер-министр С. Абэ, стоит целый ряд насущных проблем, среди которых преодоление дефляции и сокращение огромного государственного долга, наследия потерянного десятилетия 1990-х годов.

Вместе с тем качественные изменения, происходящие в глобальной экономике, структурные и системные проблемы самой японской экономики и общества — все это требует стратегических подходов и решений, поиска источников стабильного роста, выработки новой экономической стратегии, реализация которой позволила бы Японии ответить на внутренние и внешние вызовы XXI века и сохранить достойное место в быстроменяющемся мире.

Каковы реальные позиции Японии в современной глобальной экономике? С какими вызовами ей приходится сталкиваться в поисках своего места в новой экономической реальности? Каков уровень социально-экономического развития страны по сравнению с другими странами? Каким правительство видит образ страны в долгосрочной перспективе и какую стратегию роста предлагает бизнесу и гражданам? Насколько реалистична эта стратегия с учетом потенциала японской экономики, конкурентоспособности ее отдельных отраслей и сфер, ситуации на мировом и региональных рынках? Анализу этих вопросов и проблем и посвящена данная статья.

Глобальные экономические тренды и позиционирование Японии

В начале XXI века количественные изменения мировой экономической системы переросли в качественные. Степень волатильности и уровень неопределенности глобального социально-экономического, политического, культурного ландшафта многократно повысились, и эта изменчивость стала неотъемлемой чертой современного развития.

И кризис 2008–2010 гг. — первый мировой кризис эпохи глобализации — при всей драматичности событий, его сопровождавших, — это лишь внешнее проявление глубинных изменений механизма глобальной экономики и ее отдельных составных элементов, включая и национальные экономики, и бизнес-единицы разного масштаба — от гигантских транснациональных групп (ТНК) до мельчайших семейных предприятий.

По мнению главного исполнительного директора General Electric Дж. Иммельта (подчеркнем, действующего бизнесмена), «нынешний экономический кризис не является частью цикла. Это — перезагрузка, эмоциональная, социально болезненная, экономическая перезагрузка. Те, кто это понимает, будут успешны. Непонимающие обречены»[1]. Развивая эту мысль, популярный ныне американский социолог Р. Флорида, который цитирует Иммельта в своей книге[2], формулирует свое понимание происходящего: «Большая перезагрузка — широкое, фундаментальное преобразование экономического и социального порядка, которое связано не только с экономическими или финансовыми факторами в строгом смысле слова. Настоящая Перезагрузка изменяет как отдельные способы модернизации производства, так и весь экономический ландшафт… Со временем это приводит к формированию нового образа жизни, определяемого новыми желаниями и потребностями, *новыми моделями потребления* (выделено мною. — *И. Т.*)»[3].

Проблемы реформирования современной экономической системы широко обсуждаются предпринимателями и международными экспертами. Так, например, Б. Гейтс полагает, что современный капитализм должен модернизироваться и эволюционировать в «креативный капитализм». Усовершенствованная модель, по его мнению, должна будет выполнять двойную миссию: приносить прибыль предпринимателям и *улучшать жизнь тех, кто сейчас не получает никаких выгод от рыночных отношений* (выделено мною. — *И. Т.*)[4].

Современные изменения структуры, динамики и трендов развития мировой экономики выразились и в смещении мирового экономического динамизма в сторону Азии, и в появлении на мировой арене новых «полюсов роста», прежде всего Китая. Фактически уже произошел переход к мультиполярной структуре мировой экономики. На этом фоне формируются достаточно успешные национальные социально-экономические модели в определенной степени альтернативные моделям стран с развитой рыночной экономикой. При этом группа развитых

* Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук, профессор, ИСАА МГУ.

стран и группа стран с «нарождающимися» рынками (emerging markets, развивающихся и с переходной экономикой) демонстрируют разноскоростную экономическую динамику, развитые постиндустриальные экономики переходят к так называемому «новому нормальному росту» с низкими и умеренно низкими темпами.

В новой реальности правительства развитых стран оказываются перед жесткой необходимостью пересмотра парадигм и стратегий долгосрочного роста. И для Японии эти новые вызовы и проблемы более чем актуальны. Во-первых, страна оказалась в низкоскоростном сегменте глобальной экономики, и в период финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. спад в Японии был более глубоким, нежели в других развитых странах.

Известно, что уже с конца 1980-х гг. началось плавное снижение доли Японии в мировом ВВП, которое, однако, происходило практически синхронно с движением этого показателя для всей группы развитых стран. В 2010 г. Япония формально утратила статус второй экономики мира, уступив эту позицию Китаю (см. таблицу 1 Приложения). И наконец, не следует упускать из вида то обстоятельство, что Япония еще не полностью освободилась от наследия периода «догоняющего» развития и последствий длительной рецессии 1990-х годов. По темпам экономического роста в 2011–2012 гг. Япония существенно уступала и другим развитым странам и азиатским странам — соседям (см. таблицу 2 Приложения).

Во-вторых, важнейшим фактором, предопределяющим насущную потребность в «инновационном» подходе к выработке стратегии роста для Японии, как и для других развитых стран, стала относительная утрата конкурентоспособности в целом ряде отраслей материального производства.

С формальной точки зрения уровень конкурентоспособности японской экономики высок. По индексу глобальной конкурентоспособности ВЭФ (Всемирного Экономического Форума) Япония занимает очень приличное 10-е место из 144 стран, причем по сравнению с началом 2000-х гг. ее рейтинг существенно повысился (см. таблицу 3 Приложения)[5]. По оценке экспертов ВЭФ, Япония вместе с 34 другими странами находится на стадии «конкуренции, движимой инновациями» (из экономик Восточной Азии в эту группу входят только Тайвань и Гонконг). Однако следует учитывать особенности концепции и методики расчета данного индекса: он все же в большей степени определяет условия, потенциал поддержания и повышения конкурентоспособности компаний и всей национальной экономики, а не реальные позиции страны на тех или иных рынках.

Экономика Японии, как известно, была и в значительной мере остается ориентированной на внешний рынок[6]. Однако в последние десятилетия наблюдается снижение доли страны в мировой торговле (правда, данная тенденция характерна для всей группы развитых стран). В 2012 г. страна занимала 4-е место в мировом торговом обороте (и по экспорту, и по импорту), а ее доля в мировом товарном экспорте (по данным таможенной статистики) составляла 4,4% (против 9,8% в 1986 г.). Для сравнения доля развивающихся стран Азии в тот же период выросла с 14% до 51%, а Китая — с 1,4% до 11,0%[7].

Данная тенденция обусловлена целым рядом внутренних и внешних факторов. Во-первых, и японская экономика в целом, и японские промышленные компании сталкиваются со все более жесткой конкуренцией со стороны развивающихся стран (в том числе и в первую очередь стран Восточной Азии, многие из которых более или менее успешно реализовали японскую экономическую модель). Конкуренция эта обостряется и на рынках развитых стран — США, европейских стран, самой Японии, и Европы, и на быстрорастущих рынках азиатских стран[8].

Во-вторых, в условиях прогрессирующей транснационализации бизнеса в качестве субъектов международной торговли (правильнее применительно к современным реалиям сказать — трансграничной) выступают уже не столько страны, сколько компании, растет доля внутрифирменных торговых операций, а предметом (объектом) международной торговли все больше становятся не товары и услуги, а добавленная стоимость. Все большая часть продукции производится компаниями за пределами своей страны (для японских компаний обрабатывающей промышленности эта доля составляет около 25%) и реализуется ими на рынках принимающих и третьих стран, что не отражается в традиционной торговой статистике. Поэтому для оценки реальных позиций страны в мировом хозяйстве и торговом обороте, а также уровня зависимости экономики страны от зарубежных рынков следует учитывать и зарубежную деятельность компаний. При таком подходе мы можем констатировать, что значение внешнего рынка для японской экономики выше, нежели ее торговая квота. Так, значение индекса участия Японии в глобальных цепях добавленной стоимости (GVC)[9] в 2010 г. составляло для Японии 51% (сопоставимо со значением по группе развитых стран 59%)[10], в то время как торговая квота около 28%.

Создание и развитие японскими ТНК международных производственных цепей приводит также к определенным сдвигам в специализации страны на мировом рынке. Происходят сдвиги и в структуре экспорта Японии, и в модели экспортных операций. С тех пор как страна после Второй мировой войны стала на путь экспортно ориентированной реиндустриализации, она всегда поставляла за рубеж готовые изделия, причем техническая сложность, наукоемкость продукции постоянно повышалась. Теперь же в экспорте страны растет доля промежуточной продукции. Так, в 1998–2011 гг.

вклад промежуточной продукции в рост экспорта Японии составлял около 75%, для Китая этот показатель равнялся примерно 40%, стран Восточной Азии (за исключением Китая) — 60%, стран АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам) — около 77%[11]. В результате между Японией и странами Восточной Азии формируется следующая модель разделения труда: Япония сохраняет свое конкурентное преимущество в экспорте частей и компонентов, материалов и другой промежуточной продукции, импортируя первичную продукцию и потребительские товары. Однако при этом складывается такая ситуация, при которой Япония «отдает» значительную часть добавленной стоимости странам, где размещаются производства японских корпораций, что и становится одним из факторов снижения доли страны в мировой торговле и в мировой экономике[12].

Следствием же транснационализации японских корпораций для самой японской экономики становится «вымывание» производственных мощностей, уход инвестиций и рабочих мест из Японии (конечно, проблема эта не только японская). Более того, в настоящее время процесс «вымывания» затрагивает не только промышленность, но и другие отрасли и другие бизнес-функции компаний помимо производства как такового, и это явление принимает форму «вымывания» экономического потенциала.

Таким образом, целый ряд фактов свидетельствует об ухудшении позиций Японии в мировой экономике, утрате ею динамизма роста и конкурентоспособности на целом ряде рынков. Однако отражают ли традиционные общие показатели истинное положение вещей? Для того чтобы анализировать стратегию развития Японии, которая предложена японским правительством, постараемся провести более детальный анализ ситуации и понять, каков же реальный уровень социально-экономического развития страны в сравнении с другими странами, как развитыми, так и динамично растущими «соседями». Как представляется, это даст возможность оценить потенциал будущего развития Японии, выявить уязвимые точки и одновременно «незакрытые» сегменты спроса, которые могут стать точками роста в будущем, проанализировать изменения (если таковые имеются) системы общенациональных приоритетов, а изменения эти, по-видимому, неизбежны в условиях глобальных изменений в мире и завершения этапа догоняющего развития в самой Японии.

Уровень социально-экономического развития Японии

С учетом новых экономических реалий представляется целесообразным анализировать комплекс *социально-экономических* индикаторов, включая индекс конкурентоспособности (ИГК) ВЭФ, индекс развития человеческого потенциала UNDP (United Nations Development Programme), индикаторы рейтинга Better Life ОЭСР, индексы и параметры «экономики знаний» Всемирного банка и ряд других[13].

Индекс **«Лучшей жизни» (Better Life) ОЭСР** позволяет сравнить благосостояние в разных странах по 11 аспектам, которые эксперты организации выделили в качестве важнейших показателей условий и качества жизни (см. таблицу 4)[14]. Методика оценки данного индекса не предполагает определения общих рейтинговых мест, однако если все же вывести средние показатели по 11 позициям (с условием равной значимости каждой из них), то мы увидим — в последнем рейтинге Япония заняла 21-е место из 36-ти, отставая от США и Германии и опережая Южную Корею. При этом низкие значения у Японии по таким позициям, как «жилищные условия», «гражданские права», «удовлетворенность жизнью» (27-е место в общем рейтинге)[15] и «работа/отдых» (соотношение рабочего и свободного времени, 34-е место в общем рейтинге). Между тем, в сфере безопасности Япония второй год подряд набрала наибольшее количество баллов, а в области образования заняла второе место.

По **ИГК ВЭФ** (общее 10-е место в 2012 г.) Япония имеет низкие показатели[16] по следующим позициям: бизнес-образование, стоимость сельскохозяйственной продукции, закрытость рынка, а высокие[17] — по целому ряду индикаторов, оценивающих развитие социальной и производственной инфраструктуры (состояние дорожной инфраструктуры, инфраструктуры авиатранспорта, коммуникационной инфраструктуры, здравоохранение и начальное образование).

В рейтинге стран по **Индексу развития человеческого потенциала** (ИРЧП) Программы развития ООН (Human Development Index UNDP)[18] Япония занимает общее 10-е место с высокими значениями всех субиндексов и положительной динамикой в последние 30 с лишним лет[19], прочно удерживая место в группе стран с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала (от 0,905), куда входят и другие ведущие развитые страны (см. таблицу 5 Приложения)[20].

По результатам рейтинга независимого британского аналитического центра The Legatum Institute[21] ситуация в целом сходна с той, которая имеет место по ИРЧП. В 2012 г. Япония занимала в этом рейтинге 22-е место (см. таблицу 6).

Принципиально важными в наше время являются оценки **инновационного потенциала** стран: конкурентная борьба компаний, отраслей и национальных экономик заметно сместилась в научно-технологическую и инновационную сферу. Позиция Японии в рейтинге стран по уровню инновационного потенциала, составляемом Всемирным банком, за 17 лет снизилась (см. таблицу 7 Приложения)[22]. Наиболее высокий показатель в настоящее время, как и раньше, Япония имеет по параметру «Текущий уровень инновационной активности»[23]. В то же время самые низкие показатели у Японии по пара-

метру «Экономическое стимулирование», включающему такие позиции, как тарифные и нетарифные барьеры, качество регулирования и законодательство (подобная ситуация наблюдалась и в 1995 г.). Что касается сравнения со странами региона, то за исследуемый период Япония «пропустила вперед» Тайвань и Гонконг (по Индексу экономики знаний), разрыв в значении индекса с Китаем сократился с 4,78 до 3,91, а с Республикой Корея — с 0,66 до 0,31. Сингапур вплотную приблизился к Японии: разрыв минимальный — 0,02 против 0,37 в 1995 г. Среди других стран Восточной Азии приблизиться к Японии смогли Малайзия и Вьетнам, а увеличили отставание Филиппины, Индия и Индонезия, хотя и в том и в другом случае разрыв остается значительным и несравнимым с различиями между странами лидирующей группы.

Важнейшим показателем уровня и потенциала социально-экономического развития является **качество образования**. Одним из индикаторов успехов стран в данной сфере могут служить рейтинги университетов (при понимании условности результатов всех оценок). В рейтинг 100 лучших университетов мира, по версии THE World University Rankings[24], вошли 11 учебных заведений стран Азии (см. таблицу 8 Приложения), в том числе 2 из них — японских, 2 — сингапурских, 2 — гонконгских, 3 — корейских, 2 — китайских. Таким образом, «численного превосходства» здесь у Японии нет, хотя Токийский университет и занимает самую высокую позицию в регионе.

В первом рейтинге азиатских университетов Times Higher Education (THE) японские учебные заведения заняли 22 из 100 мест и Токийский университет возглавил список[25]. По версии же британского агентства QS, 73 японских университета вошли в рейтинг 300, в том числе 13 — в первую полусотню 50 ведущих азиатских вузов и 7 — в первую двадцатку[26]. Однако рейтинги последних 2 лет показывают, что, хотя Токийский университет по-прежнему лидирует в таких сферах, как академическая репутация и отчеты работодателей[27], многие японские университеты уступают более высокие места корейским, китайским и малайзийским вузам, которые медленно, но верно завоевывают рынок высшего образования в Азии. Таким образом, рейтинговые оценки высшего образования в Японии в сравнении с другими странами региона демонстрируют нам наличие определенного конкурентного преимущества у Японии, которое, однако, уже не является абсолютным.

Учитывая, что динамичные страны Восточной Азии выдвигаются в число основных конкурентов и одновременно стратегических партнеров Японии, целесообразно провести комплексную оценку уровней социально-экономического развития Японии и стран региона с привлечением результатов исследований Азиатского банка развития (АБР)[28], а конкретно — системы индикаторов «инклюзивного роста»[29]. Эта система включает 35 показателей, относящихся к таким сферам, как социальное неравенство и бедность, экономический рост и доходы, уровень развития и доступность социальной инфраструктуры, занятость. Мы выбираем те из них (всего 16), на основе которых можно выявить перспективные сегменты спроса для японских компаний (см. таблицу 9 Приложения).

Проанализировав данные таблицы, можно сделать следующие выводы. Во-первых, **по уровню социально-экономического развития Япония по-прежнему заметно обгоняет большинство исследуемых стран Восточной Азии**. Несмотря на то что по некоторым из выбранных нами параметров Япония имеет не самые высокие показатели (например, число лет обучения молодежи, число учеников в расчете на одного учителя, число медицинских работников, доля привитых детей, доля дорог с твердым покрытием), в целом показатели уровня жизни в Японии существенно выше, чем в других странах выборки. Если подсчитать среднее значение относительных «положительных» показателей (т. е. таких, высокий уровень которых отражает более высокое качество жизни) [столбцы 8, 12–14], то для Японии оно составит 94,5%, Республики Корея и Малайзии — 92,8%, Китая — 76,9%[30]. Вместе с тем по некоторым позициям по Японии данные вообще не приводятся, вероятно, по той причине, что явлений и проблем, которые соответствующие показатели оценивают, в Японии нет (столбцы 6, 10, 15).

Во-вторых, следует отметить **тенденцию к определенному сближению уровней социально-экономического развития исследуемых стран Восточной Азии и Японии**. Этот тренд отражается в опережающем росте подушевого дохода в других странах ВА по сравнению с Японией, росте большинства «положительных» показателей в этих странах в период 1990–2000-х годов, улучшении показателей развития инфраструктуры, росте расходов на социальную сферу во многих странах (образование, здравоохранение).

В то же время эти расходы, по-видимому, недостаточны по сравнению с масштабом имеющихся проблем (с учетом огромной численности населения ряда стран), и если государства региона будут действительно проводить политику инклюзивного роста, затраты, вероятно, будут увеличиваться[31], что может создать значительный рыночный потенциал, в том числе и для японских компаний.

В целом же на основании сравнительного анализа системы индикаторов инклюзивного развития АБР и комплекса показателей других международных организаций, которые были рассмотрены нами выше, можно сказать, что Япония, несмотря на замедление темпов роста и череду кризисных явлений последних лет и десятилетий, остается в клубе наиболее развитых в социально-экономическом отношении стран мира и Азии в том числе. Этот факт, однако, не отменяет, но настоятельно диктует необходимость поиска

нового места в международном разделении труда и, что еще более важно, новой основы для роста.

Новая экономическая стратегия и трансформация социально-экономической модели Японии

Залог успеха любой экономической системы — это гибкость и адаптивность, и эти качества японская экономика не раз демонстрировала на протяжении второй половины XX века. Однако динамика всех процессов, происходящих в мировой экономике в XXI в., ускорилась и количественные изменения перешли в качественные, о чем мы и говорили в начале статьи. Поэтому и в Японии взгляды правительственных и деловых кругов на пути дальнейшего развития японской экономики и способы поддержания ее международной конкурентоспособности претерпели определенную трансформацию по сравнению с 2000-ми годами (конечно, здесь сыграла свою роль и частая для Японии смена кабинетов).

Напомним, что в 2005 г. Советом по экономической и финансовой политике Японии был обнародован документ под названием «Japan's 21st Century Vision», в котором определялись основные факторы и направления развития Японии на ближайшую четверть века, а также намечался курс дальнейшего реформирования экономики и социальной сферы страны[32].

В мае 2006 г. при премьер-министре Дз. Коидзуми был создан Совет по комплексной финансовой и экономической реформе, который совместно с существовавшим ранее Советом по экономической и финансовой политике и при активном участии различных министерств и ведомств[33] разработал Новую стратегию экономического роста (New Economic Growth Strategy), нацеленную на достижение устойчивого экономического развития в условиях долгосрочной тенденции сокращения населения.

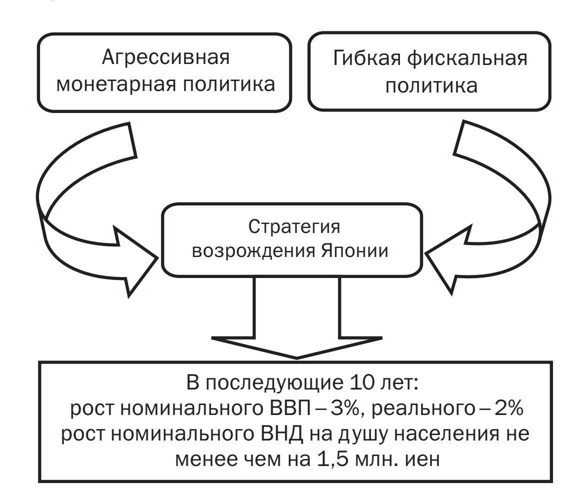
Эта Стратегия стала частью Фундаментальных принципов стратегии экономического роста страны и вместе с Новой национальной энергетической стратегией (New National Energy Strategy) и Глобальной экономической стратегией (Global Economic Strategy)[34] была положена в основу текущей экономической и промышленной политики правительства. В этих документах международная специализация Японии рассматривалась преимущественно сквозь призму инноваций и создания «виртуального цикла» инноваций и спроса. Предполагалось, что в перспективе Япония должна стать мировым инновационным центром и в качестве такового предлагать новые товары и технологии на мировой рынок, т.е. создавать «виртуальный цикл» в глобальном масштабе[35]. При этом, как подчеркивали авторы Стратегии, особенно важным является создание такого цикла в Азии на основе сотрудничества с азиатскими странами — «центром роста XXI века». Азиатские страны, в свою очередь, могут постепенно открывать свои рынки, повышать производительность, развивать производительные силы, используя и быстро распространяя японские технологии[36].

В Новой стратегии роста 2010 г. была подтверждена нацеленность на инновации, однако больший упор был сделан на развитие социальной инфраструктуры и решение экологических проблем[37].

В новейших стратегических разработках, представленных правительством С. Абэ в феврале — июне 2013 г., в качестве целевой предлагается модель «гибридной экономики», ориентированной и на внешнюю торговлю, и на внутренние инвестиции[38].

Современная экономическая политика японского правительства формулируется кабинетом как сочетание трех направлений (three arrows) — «агрессивная монетарная политика» («рассеять дефляционное мышление»), «гибкая фискальная политика» («зажечь ослабленную экономику») и новая стратегия роста «Стратегия возрождения Японии» (см. схему 1).

Схема 1
«Три стрелы» экономической политики Японии



Составлено по: New Growth Strategy: The Formulation of «Japan Revitalisation Strategy-Japan is Back». — http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/documents/2013/1200485_7321.html

Премьер-министром были провозглашены три лозунга — «ответ на вызовы» — «открытость» — «инновации»[39], которые призваны консолидировать усилия правительства, компаний и граждан для реализации плана возрождения Японии[40].

«Ответ на вызовы» подразумевает, по мнению премьер-министра, использование имеющегося в Японии потенциала наиболее эффективным образом, в том числе путем перемещения ресурсов (и человеческих, и финансовых, включая общественные и частно-государственные фонды) в более эффективные и перспективные секторы экономики.

В целом современная экономическая политика Японии направлена как на решение текущих задач (преодоление инфляции и урегулирование проблемы государственного долга), так и на достижение долгосрочных стратегических целей (реформирование всей экономической структуры страны). Разумеется, все направления политики крайне ак-

туальны, тесно связаны между собой и взаимозависимы. Сошлемся на мнение лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица, который, анализируя «абэномику», в частности, замечает, что налогово-бюджетное стимулирование необходимо… для увеличения совокупного спроса. Но оно также необходимо и для завершения структурного перехода. Инвестиции в инфраструктуру, научные исследования и образование обещают большие дивиденды[41].

В данной статье мы подробнее остановимся на стратегической составляющей современной экономической политики, а именно «Стратегии возрождения Японии — Япония возвращается»[42] (*далее в тексте «Стратегия». — И. Т.*). По словам премьер-министра, Стратегия призвана «превратить ожидания в действия» и стать «дорожной картой роста»[43], она направлена на «возрождение доверия людей и компаний» и имеет комплексный многомерный характер. В этом качестве Стратегия включает три конкретных плана действий[44]:

План действий	Направления
План возрождения японской промышленности[45] (Plan for the Revitalization of Japanese Industry)	Ускорение программы структурных реформ (в частности, в области регулирования рынка медицинского оборудования, продаж медикаментов через Интернет, экологической оценки ТЭС, работающих на угле и др.). Реформирование рынка труда и развитие человеческих ресурсов. Содействие научно-техническим инновациям (в июне 2013 г. принята Комплексная стратегия научно-технического развития). Превращение страны в передовое информационное общество. Повышение конкурентоспособности Японии в качестве международного бизнес-центра[46]. Развитие малого и среднего бизнеса
План создания стратегического рынка (Strategic Market Creation Plan)	Здравоохранение (в формулировке стратегии «Увеличение продолжительности ожидаемой здоровой жизни»). Чистая и экономически эффективная энергетика. Создание и совершенствование безопасной, удобной и экономичной инфраструктуры следующего поколения. Формирование региональных сообществ, которые развиваются на основе уникальных местных ресурсов, и представление их миру.
Стратегия достижения глобального превосходства (Strategy of Global Outreach)	Установление стратегических деловых отношений и экономическое партнерство с другими странами. Реализация стратегических инициатив, направленных на завоевание глобального рынка. Наращивание финансовых и материальных ресурсов для обеспечения роста Японии[47].

План возрождения японской промышленности предусматривает стимулирование обрабатывающей промышленности, которая могла бы успешно конкурировать в глобальной среде, а также приоритетное развитие отраслей сферы услуг с высокой добавленной стоимостью. По мнению Дж. Стиглица, в то время как мощный производственный сектор экономики Японии долгое время демонстрировал хороший рост производительности, другие секторы запаздывали. У Японии есть потенциал расширить продемонстрированную ей инновационность на сферу услуг[48]. Кроме того, правительство намерено способствовать формированию такого общества, которое обеспечит условия для эффективной деятельности компаний и реализации потенциала *индивидуумов* (*выделено мною. — И. Т.*). Заметим, что акцент на индивидуума — это не совсем традиционный подход при формулировании основ экономической политики в Японии.

Существенные перемены ожидают, по-видимому, *рынок труда*: провозглашен переход от «стабильного найма» к «подвижному рынку труда без безработицы», что, по сути, может означать постепенный отказ от системы пожизненного найма[49]. При этом значительное внимание уделяется проблеме эффективного управления трудовыми ресурсами и повышения их качества, созданию условий для вовлечения в работу по найму женщин, стимулирования найма молодежи и людей пенсионного возраста, которые могли бы работать, выведению качества образования на международный уровень с целью подготовки специалистов, конкурентоспособных в «глобальной среде»[50].

План создания стратегического рынка предполагает, что Япония может стать пионером в решении социальных проблем (с которыми сталкивается и Япония, и многие другие страны), где страна имеет конкурентные преимущества. Решение таких проблем, по мнению правительственных экспертов, потребует значительных капиталовложений и совместных усилий государства и частных компаний. Для привлечения негосударственных финансовых ресурсов в социальную и производственную инфраструктуру и смежные отрасли правительство Японии намерено активизировать политику либерализации этих сфер, продвигать формат государственно-частного партнерства и частной финансовой инициативы. Отрасли *социальной инфраструктуры,* как считают эксперты, обладают большим рыночным потенциалом. Так, рынок медицинских услуг может вырасти к 2020 г. до 10 трлн. иен (2012 г. — 4 трлн.), а рынок фармацевтики и медицинского оборудования с 12 до 16 трлн. иен[51].

Большие надежды возлагаются и на *аграрный сектор*, который традиционно считался в Японии неконкурентоспособным и едва ли не отстающим. Тем не менее, правительство полагает, что японские фермеры обладают передовыми методами и технологиями и способны производить в том числе

и продукцию на экспорт. Повысить конкурентоспособность аграрного сектора предполагается на основе стимулирования инноваций в данном секторе, производства продукции с более высокой долей добавленной стоимости (например, экологически чистой и диетической, на что, в частности, направлена программа МЭТП «Plant factory»)[52], укрупнения размеров бизнес-единиц, использования аутсорсинга и лизинга, иными словами, внедрения организационно-управленческих технологий, применяемых в других секторах экономики. Всего, по оценкам, рынок сельскохозяйственной продукции и продуктов питания к 2020 г. должен вырасти с 1 до 10 трлн. иен, а экспорт — с 450 млрд. до 1 трлн. иен. При этом предполагается использовать интегрированную экспортную стратегию, направленную на встраивание японских производителей в рынок продуктов питания. Данная стратегия предусматривает поставку за рубеж различных пищевых ингредиентов (Made FROM Japan), продвижение японской кулинарной культуры и традиций и пищевой индустрии (Made BY Japan) и экспорт продукции сельского, лесного и рыбного хозяйства и пищевой промышленности (Made IN Japan). По оценкам, Япония может увеличить такой «интегрированный» экспорт с 340 до 680 трлн. иен к 2020 г.[53]

В числе приоритетных, «стратегических» сфер роста остается *энергетика*, где Япония должна увеличить свою долю на внутреннем и внешнем рынке с 8 до 26 трлн. иен. В целях стимулирования развития экологически чистой, безопасной и экономичной энергетики предполагается провести реформу энергетического рынка, направленную на либерализацию розничного рынка электроэнергии, стимулирование инноваций и внедрения системного подхода к развитию энергетики[54].

Безусловно, создавать и осваивать новые рынки, «открывать новые горизонты» будущего развития в Японии предполагается на основе новых и новейших *технологий*. В Стратегии предусмотрен целый ряд программ, нацеленных на превращение Японии в течение следующих 5 лет в «глобального инноватора номер 1» (цель — занять 5-е место в рейтинге Всемирного экономического форума)[55], поддержку венчурного бизнеса, дальнейшее совершенствование информационных систем.

Стратегия достижения глобального превосходства нацелена на привлечение из-за рубежа человеческих ресурсов, товаров, капиталов на основе дальнейшего вовлечения японского бизнеса в международные операции, привлечения прямых иностранных инвестиций в Японию. Кроме того, провозглашается цель содействия «глобализации в самой Японии» и продвижения стратегических совместных инициатив государственного и частного секторов в стране и за ее пределами.

В сущностном плане основной посыл Стратегии глобального превосходства, по нашему мнению, состоит в следующем. В условиях глобализации и все большей интеграции Японии в мировую экономику проблема удержания позиций на внешних рынках и завоевания новых сегментов остается для Японии одной из приоритетных. И специализация страны на мировом рынке во многом определяет ее модель.

Однако если раньше «глобализационный вектор» японской экономики был направлен преимущественно вовне, то теперь Япония, судя по целям и содержанию Стратегии, намерена все больше открывать свой рынок и, таким образом, глобализация станет для страны «улицей с двусторонним движением». В этом контексте идея привлечения ресурсов (капитальных, технологических, людских) из-за рубежа для оживления самой японской экономики понятна.

Вместе с тем еще раз подчеркнем, что японские компании и японская экономика в целом, конечно, не обойдутся без внешних рынков, что обусловливает необходимость поиска и освоения новых сегментов спроса, где Япония может иметь превосходство, осваивая одновременно и внутренний, и внешний рынки. Если рассматривать в качестве примера возможности продвижения японских компаний на азиатские рынки, то, как показал комплексный анализ параметров инклюзивного роста, Япония имеет конкурентный потенциал для работы на рынках региона в целом ряде сфер социальной и производственной инфраструктуры. И, конечно, вполне закономерно, что в качестве приоритетных в Плане создания стратегических рынков выбраны отрасли и сферы деятельности, связанные с развитием инфраструктуры и жизнью людей. По мнению правительственных экспертов, Япония в настоящее время столкнулась с теми же вызовами, что и многие другие страны (проблемы старения населения, снижения рождаемости, обеспечения ресурсами и энергией). И решая подобные проблемы в своей стране, Япония предложит «решения» (в форме товаров и услуг!) и другим странам. Подобный подход отражает и нацеленность всей экономической стратегии на формирование гибридной модели, ориентированной и на внешний, и на внутренний спрос.

Помимо инфраструктурных проектов и решений правительство Японии видит большую перспективу в продвижении за рубеж японского культурного контента и «продукции» так называемых «креативных» отраслей. Одним из примеров взаимодействия компаний и правительства в данной сфере может служить программа ключевого экономического министерства Японии — Министерства экономики, торговли и промышленности — «Cool Japan», нацеленная на стимулирование экспорта такой японской продукции — товаров и услуг, — которые ассоциируются с культурой и образом жизни в Японии, всем тем, что нередко обозначается брендом «Япония» — мода, кухня, анимация, игры, фильмы, музыка, товары повседневного обихода, изделия традиционных промыслов, туризм[56].

Одной из ныне реализуемых инициатив министерства в рамках «Cool Japan» стала серия мероприятий «Cool Japan World Trial», в рамках которых японские предприятия могут представить свою продукцию в разных странах и найти потенциальных партнеров, в том числе и среди местных торговых компаний (в августе 2013 г. — в Санта-Кларе, США; в ноябре-декабре — в Дели, Индия, и Джакарте, Индонезия; в январе-феврале 2014 г. — Хо Ши Мине, Вьетнам; Милане, Италия, и Париже, Франция)[57].

Инновационный подход при выборе путей достижения «глобального превосходства» проявляется и в том, что правительство предлагает компаниям делать упор на диверсификацию форм зарубежной активности, а именно продвижение за рубеж «интегрированных систем» — реализацию комплексных проектов в области производственной и социальной инфраструктуры[58], что позволяет не только поставлять оборудование, но и предлагать разработку дизайна, проектирование, осуществлять строительные работы, экспортировать технологии и ноу-хау, инжиниринговые и образовательные услуги. Подобный «пакетный» подход («package-type infrastructure»), по мнению правительственных экспертов, позволит существенно увеличить добавленную стоимость, получаемую японскими компаниями от зарубежных операций.

Если рассматривать стратегию глобального позиционирования Японии в географическом плане, то очевиден приоритет азиатского вектора экономической стратегии, что прямо анонсируется в выступлениях премьер-министра, в частности во время его зарубежных поездок. Так, в своем докладе, сделанном в Сингапуре, С. Абэ, образно сравнив экономическую территорию, расположенную между двумя океанами — Индийским и Атлантическим, с самолетом, назвал страны АСЕАН и Японию двумя моторами этого самолета. Он также заявил, что страны АСЕАН будут играть выдающуюся роль в развитии японской экономики в контексте реализации Японией экономической политики «трех стрел». И результаты этой политики, по мнению премьер-министра, будут иметь значение не только для Японии, но и для стран АСЕАН. Для Японии интересен и растущий потребительский рынок стран АСЕАН, и рынок инфраструктурных проектов. Азия, по словам С. Абэ, сейчас испытывает огромную потребность в инфраструктуре, связывающей Восток и Запад, и страны АСЕАН находятся в эпицентре данного процесса. Японские системные технологии в этой сфере могут быть весьма востребованы на рынке, инвестиции в который до 2020 г. могут составить десятки млрд. долл.[59]

Практическая реализация Стратегии: инновации и традиции

Что же касается практической реализации этих планов, то и здесь прослеживается комплексный подход, проявляющийся, прежде всего, во взаимосвязи всех трех планов действий, составляющих Стратегию возрождения Японии. Подчеркнем также, что по всем выделенным направлениям компании и правительство, как предполагается, должны действовать вместе с вовлечением не только крупного, но также и малого и среднего бизнеса, что неоднократно подчеркивается во всех правительственных планах и выступлениях премьер-министра[60] и что является традиционным для Японии и отражает исторически сложившийся партнерский характер взаимоотношений бизнеса всех уровней и государства. Пожалуй, новым в рассматриваемой нами Стратегии является то, что относительно больший акцент здесь делается на создании именно условий для деятельности бизнеса, повышения его конкурентоспособности. Для этого государство намерено обеспечивать макроэкономическую стабильность, преодолевать отставание в области заключения соглашений об экономическом партнерстве с другими странами, проводить политику обеспечения низких цен на электроэнергетическом рынке, пересматривая (в основном в сторону либерализации) регулируюшие правила и механизмы инвестирования и открытия нового бизнеса. В частности, ставится задача попасть в тройку стран с наилучшими условиями ведения бизнеса по рейтингу «Ease of Doing Business» ОЭСР[61]. В целях продвижения японских компаний на зарубежные рынки правительство намерено всячески продвигать бренд «Япония» и использовать инструменты экономической помощи для содействия освоению быстрорастущих рынков развивающихся стран (прежде всего, в целях продвижения на эти рынки инфраструктурных проектов).

Вместе с тем правительство не отказывается и от использования таких традиционных стимулирующих инструментов, как масштабные государственные инвестиции в инфраструктуру, увеличение денежной массы в целях преодоления дефляции, поддержание низких ставок банковского кредитования. В целом же, как представляется, корректируются формы, а не интенсивность участия государства в экономической жизни.

Особенностью современной экономической стратегии, по заявлению ее авторов, является большая по сравнению с предыдущими планами и программами *конкретность*. Конечно, подобное утверждение авторов можно рассматривать как косвенную критику стратегий и программ, разрабатывавшихся предыдущими кабинетами, но тем не менее в документе под названием «Основные направления финансово-экономической политики и реформ», утвержденном кабинетом министров Японии 14 июня 2013 г., в каждом из пунктов подробно прописаны меры реализации соответствующего раздела плана (принятие или корректировка законов, бюджетные и/или налоговые меры, институциональные реформы) с графиком, датами

и целевыми показателями[62] и мониторингом процесса на основе метода, используемого обычно в корпоративном управлении (в сфере производственного менеджмента), а именно метода (принципа) Деминга — Шухарта (цикл PDCY) с проверкой результатов по каждому блоку на основе так называемых «ключевых индикаторов» (Key Performance Indicators — KPI)[63].

Конкретность и реалистичность Стратегии проявляется также и в *оценке ситуации*. В частности, по поводу стимулирования инфраструктурных проектов авторы отмечают, что финансовая ситуация в Японии сейчас принципиально иная, нежели в 1980-е годы, когда наблюдался бум крупных инвестиционных проектов в области инфраструктуры. Напомним, что речь идет о периоде экономики «мыльного пузыря», когда в Японии имел место переизбыток капитала. Сейчас же планы экономического стимулирования жестко увязаны (и даже могут быть ограничены) с политикой «фискальной консолидации» (т.е. задачами урегулирования бюджетного дефицита).

Одним из важнейших принципиальных положений Стратегии является стремление к достижению баланса между целями экономического роста и *повышением качества жизни людей*, созданию таких условий, при которых *все* люди смогут воспользоваться теми возможностями самореализации и улучшения жизни, которые дает экономический рост.

Данный постулат экономической политики Японии очень положительно оценил уже упоминавшийся нами выше Дж. Стиглиц, который высказал по этому поводу следующее мнение. «Утверждение о том, что любая страна платит большую цену за неравенство, это главная тема моих исследований, — пишет Стиглиц. — Общество может демонстрировать более высокий рост и при этом усиливать равенство. Эти два понятия — не взаимоисключающие». В рамках «абэномики», продолжает он, уже запланированы некоторые направления политики, нацеленные как на стимулирование роста, так и на обеспечение равенства. План Абэ также отражает понимание того, что монетарная политика имеет свои ограничения. Необходимо продумать скоординированную монетарную, фискальную и структурную политику.

«Тот, кто рассматривает успехи Японии, — утверждает Стиглиц, — в последние десятилетия как полный провал, придерживается слишком узкой концепции экономического успеха. По многим параметрам, таким, как равенство в доходах, продолжительность жизни, безработица, размер инвестиций в образование и здоровье детей и даже производительность относительно объема рабочей силы, Япония достигла бóльших успехов, чем США»[64]. Иными словами, нобелевский лауреат поддерживает модель социально ориентированной экономики, каковой, по сути, и является японская экономика. Однако к этой модели Япония идет постепенно, в отличие от некоторых европейских стран (из числа вновь вступивших), которые ориентируются на высокие социальные стандарты старых членов Евросоюза, не имея для этого достаточного потенциала.

Заключение

Комплексный анализ уровня социально-экономического развития показывает, что страна, безусловно, сохраняет свое место в клубе наиболее развитых стран мира и, несмотря на экономические потрясения последних десятилетий, обладает значительным потенциалом роста. Текущая экономическая политика правительства С. Абэ и его долгосрочная экономическая стратегия нацелена именно на использование этого реального потенциала.

Правительство предлагает модель гибридной экономики, ориентированной и на внешний, и на внутренний рынок. Это означает, что в политике имеет место принцип преемственности, поскольку еще в 1980-е годы стране предлагалась идея приоритетного развития внутреннего рынка (план Маэкава). В ее современной интерпретации модель гибридной экономики созвучна с концепцией «инклюзивного роста», которую мы рассматривали в данной статье применительно к развивающимся странам Азии. Но это означает, что векторы развития Японии и стран Азии в определенной степени совпадают (с учетом того, что Япония прошла большую часть пути) и Япония, совершенствуя свою социально-экономическую и производственную инфраструктуру, действительно может предложить этим странам современные решения. Таким образом, в данном случае реализация сбалансированного подхода к освоению внутреннего и внешнего рынков выглядит вполне реалистичной.

Следующая важная черта экономической модели Японии — реальная открытость. Япония давно интегрирована в мировую экономику и активно пользуется преимуществами глобализации. Однако до последнего времени, как мы отмечали выше, в основном японские компании шли за рубеж, а сам японский рынок оставался достаточно изолированным. Новая стратегия предусматривает активное использование потенциала глобализации и открытие своего рынка, хотя это движение началось, конечно, раньше.

Сюда же следует отнести и изменение позиций Японии в отношении «институализированной интеграции»: страна стала проявлять активный интерес к международным партнерствам, выступать с различными инициативами, в первую очередь в Азии и АТР. В частности, Япония намерена принять участие в переговорах о Транстихоокеанском партнерстве (TPP)[65].

Механизмы реализации экономической политики С. Абэ отличает преемственность и одновре-

менно инновационность, гибкость, стремление адаптировать наработанные и проверенные методы к меняющейся ситуации. Так, в условиях бюджетного дефицита, наличия значительного накопленного государственного долга, правительство идет на смягчение бюджетной политики и увеличение государственных расходов в целях стимулирования внутренних капиталовложений и расширения внутреннего спроса.

Дилемма «бюджетное урегулирование» — «стимулирование экономики», которая в период финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. во весь рост стала перед правительствами США и европейских стран, в Японии решается все же скорее в пользу стимулирующих мер. Новую экономическую политику японского правительства, кстати, высоко оценивает Дж. Стиглиц. Ключевыми элементами этой политики, по его мнению, стали интенсивный курс кредитно-денежной либерализации, финансирование бюджетных проектов и поощрение предпринимательства и иностранных инвестиций, чтобы дать обратный ход тому, что С. Абэ назвал «глубокой потерей уверенности в себе»[66].

Возвращаясь к вопросу о роли государства в реализации амбициозных планов правительства и его месте в новой экономической модели, заметим следующее. На рубеже 1980–1990 гг. и в самой Японии, и за ее пределами бытовало мнение, что с завершением этапа догоняющего развития роль государства должна меняться, государство должно уходить от прямых методов регулирования экономики, сокращать свое присутствие в экономической жизни. На это и были нацелены реформы, которые затронули многие сферы экономики страны и жизни японского общества. От этого курса и сейчас в Японии, в общем-то, не отказываются, но роль государства меняется в соответствии с потребностями реальной ситуации. Известно, что в период кризиса и в Европе, и в Америке отношение к данной проблеме несколько трансформировалось и правительства принимали самое деятельное участие в преодолении последствий кризиса, используя и протекционистские меры защиты своего рынка, и временную национализацию, и ограничения на вывоз капитала. И опыт Японии в сфере взаимодействия бизнеса и государства оказался очень востребованным.

Обращаясь к событиям сегодняшнего дня, отметим, что правительство Японии готово стать главным «продавцом» японских инфраструктурных систем и решений за рубежом, т.е. использовать неоднократно опробованный инструментарий «экономической дипломатии». И неслучайно премьер С. Абэ в своем выступлении упомянул «миссию» другого премьер-министра Х. Икэда в Европу, когда президент Франции Ш. Де Голль назвал его «продавцом транзисторов»[67].

И наконец, о новой международной специализации Японии. Страна явно намерена перейти от экспорта товаров к экспорту систем и решений, опираясь на имеющийся потенциал, который, судя по основным положениям стратегических разработок японского правительства, должен постоянно совершенствоваться (напомним, что конкуренция в области общественных услуг, таких как медицина, образование, весьма высока, и конкурентами выступают в том числе и развивающиеся страны Азии). Тем не менее, у Японии, конечно, есть все основания рассчитывать на завоевание значительного сегмента данного рынка. Страна может продемонстрировать и предложить другим странам (прежде всего странам Азии) социально-экономическую модель, обеспечивающую комфорт, безопасность, приемлемый уровень равенства и доступа к благам и возможностям экономического прогресса.

Приложение

Таблица 1
Доли стран и групп стран в мировом ВВП (%)

Страны и группы стран	1950	1970	1990	2000	2007	2011	2012
Весь мир	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Развитые страны, в том числе	59,7	58,0	54,8	51,5	56,3	51,5	50,1
США	28,3	22,5	20,6	20,8	21,3	19,1	18,9
Япония	2,9	7,0	8,6	7,3	6,6	5,6	5,6
Германия	5,6	5,8	5,0	4,5	4,3	3,9	3,8
Франция	3,9	4,2	3,7	3,3	3,2	2,9	2,7
Великобритания	5,9	4,0	3,4	3,0	3,3	2,9	2,8
Развивающиеся страны*	25,0	24,2	33,3	41,4	39,1	41,1	42,2
Индия	2,9	2,3	3,1	4,2	4,6	5,7	5,6
Китай	4,6	3,3	6,7	12,7	10,8	14,3	14,0
С переходной экономикой (социалистические страны)	15,3	17,8	11,9	7,1	4,5**	4,3**	4,3**
Россия (СССР)	6,4	7,6	5,1	2,4	3,2	3,0	3,0

Примечания: по ППС
* мир — минус развитые минус Центральная и Восточная Европа и СНГ;
**СНГ;
Рассчитано и составлено по: IMF World Economic Outlook: October 2008. P. 253; April 2012. P. 180; October 2010. P.185; April 2013. P. 139.
http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/01/index.htm
http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/02/pdf/text.pdf
http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/02/index.htm

Таблица 2
Темпы роста ВВП в мире и отдельных странах и группах стран в 2004–2013 гг. (% к предыдущему году)

Страны и группы стран	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012*	2013*
Все страны мира	4,1	3,5	4,1	4,0	1,5	–2,3	4,1	2,7	2,3	2,2
Развитые страны	3,0	2,4	2,8	2,6	0,0	–3,9	2,8	1,4	1,1	2,3**
в том числе										
Япония	2,4	1,3	1,7	2,2	–1,0	–5,5	4,4	–0,7	2,2	1,4
США	3,5	3,1	2,7	1,9	–0,4	–3,5	3,0	1,7	2,0	2,0
ЕС27	2,6	2,0	3,3	3,2	0,3	–4,4	2,1	1,5	–0,3	— 0,6***
в том числе										
Франция	2,5	1,8	2,5	2,3	–0,1	–3,1	1,7	1,7	0,3	
Германия	1,2	0,7	3,7	3,3	1,1	–5,1	3,7	3,0	0,9	
Развивающиеся страны	7,4	6,8	7,6	7,9	5,3	2,4	7,5	5,9	4,9	5,1
Восточная Азия	8,3	8,6	10,0	11,1	7,0	5,9	9,4	7,6	6,3	7,3
в том числе										
Китай	10,1	11,3	12,7	14,2	9,6	9,2	10,4	9,2	7,9	7,7
Южная Азия	7,5	8,2	8,5	8,9	5,8	5,5	7,3	6,0	5,2	5,2
в том числе										
Индия	8,3	9,3	9,6	9,7	7,5	7,0	9,0	7,0	6,0	

*Оценка, 2013 — ППС. **Страны с высоким доходом ***зона евро
Составлено по: UNCTAD Trade and Development Report 2012. P. 2; World Bank. Global Economic Prospects, June 2013. P. 2. — http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTDECPROSPECTS/EXTGBLPROSPECTSAPRIL/0,,menuPK:659178~pagePK:64218926~piPK:64218953~theSitePK:659149,00.html

Таблица 3

Позиции Японии в рейтингах конкурентоспособности Всемирного экономического форума

Год	Рейтинговый номер по Индексу глобальной конкурентоспособности*
2012	10
2011	9
2010	6
2009	8
2008	9
2007	8
2006	7
2005	10
2004	9
2003	11
2002	11
2001	21
2000	21

Составлено по: Competitiveness Report 2000/2001–2012/2013. — http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report

Примечание: *до 2004 г. включительно рассчитывался Индекс конкурентоспособности роста.

Таблица 4

Значения субиндексов Индекса «Лучшей жизни» ОЭСР

Субиндексы	Япония	США	Германия	Республика Корея
Жилищные условия	4,7	7,8	6,1	5,7
Доход	6,0	10,0	5,2	2,5
Работа	7,1	7,5	7,3	5,1
Общество	7,8	8,0	9,0	4,1
Образование	8,8	8,0	7,7	7,8
Экология	7,3	7,9	9,3	6,3
Гражданские права	4,8	7,7	4,0	5,9
Здоровье	5,0	8,4	7,0	4,8
Удовлетворенность	3,9	7,6	6,0	7,0
Безопасность	9,9	8,8	8,0	9,0
Работа/отдых	3,3	5,7	8,1	5,0
Среднее значение	**6,2**	**7,9**	**7,1**	**5,7**

Источник: http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/japan-ru

Таблица 5

Значения субиндексов, составляющих Индекс развития человеческого потенциала Программы развития ООН (2012)

	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	Средняя продолжительность обучения взрослых (лет)	Доход на душу населения по ППС, в постоянных международных долл. 2005 г. (долл.)	Ранжирование*	Значение индекса
США	78,7	13,3	43480	3	0,937
Германия	80,6	12,2	35431	5	0,920
Япония	83,6	11,6	32545	10	0,912
Республика Корея	80,7	11,6	28231	12	0,909
Гонконг	83	10	45598	13	0,906
Сингапур	81,2	10,1	52613	18	0,895
Малайзия	74,5	9,5	13676	64	0,769
Китай	73	7.5	7945	101	0,699
Таиланд	74,3	6,6	7722	103	0,690
Филиппины	69	8,9	3752	114	0,654
Индонезия	69,8	5,8	4154	121	0,629
Вьетнам	75,4	5,5	2970	127	0,617
Индия	65,8	4,4	3285	136	0,554

*Всего представлено 186 стран.

Составлено по: http://hdrstats.undp.org/en/indicators/103106.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/USA.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/CHN.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/DEU.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/IND.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/JPN.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/KOR.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/SGP.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/HKG.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/THA.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/PHL.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/VNM.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/MYS.html
http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/IDN.html

Таблица 6

Позиции стран в рейтинге The Legatum Prosperity Index (2012)

	Рейтинговая позиция	Экономика	Предпринимательство	Управление	Образование	Здравоохранение	Безопасность	Личные свободы	Социальный капитал
США	12	20	12	10	5	2	27	14	10
Германия	14	6	18	16	15	5	21	12	15
Гонконг	18	9	15	23	39	30	5	23	25
Сингапур	19	3	11	15	41	22	12	54	39
Тайвань	20	7	24	31	4	29	11	27	24
Япония	**22**	**12**	**23**	**22**	**23**	**6**	**16**	**42**	**20**
Республика Корея	**27**	23	19	30	7	24	40	56	51
Малайзия	**45**	15	44	35	40	45	62	111	100
Вьетнам	**53**	39	73	61	80	80	55	99	35
Китай	**55**	11	66	65	50	67	101	128	29
Таиланд	**56**	18	61	64	70	71	99	129	19
Индонезия	**63**	43	85	80	84	95	68	80	27
Филиппины	**67**	47	75	63	72	93	112	55	72
Индия	**101**	57	99	49	100	104	114	67	138

Составлено по: http://www.prosperity.com/; http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info

Таблица 7

Основные индексы и параметры «экономики знаний» для Японии, других развитых стран и стран Восточной Азии

Страны	**KEI**		**KI**	**Экономическое стимулирование и институциональные особенности**		**Текущий уровень инновационной активности**		**Образование и человеческий капитал**		**ИКТ**	
	2012	**1995**		**2012**	**1995**	**2012**	**1995**	**2012**	**1995**	**2012**	**1995**
Германия (8)*	8,90	8,91	8,83(10)**	9,10	9,03	9,11	9,20	8, 20	8,52	9,17	8,92
США (12)	8,77	9,53	8,89 (9)	8,41	9,30	9,46	9,55	8,70	9,44	8,51	9,84
Тайвань (Китай) (13)	8,77	8,36	9,10 (4)	7,77	7,80	9,38	9,21	8,87	8,11	9,06	8,33
Гонконг (Китай) (18)	8,52	8,43	8,17(23)	9,57	9,31	9, 10	8,69	6,38	6,62	9,04	9,11
Япония (22)	8,28	8,77	8,53(18)	7,55	8,19	9,08	9,31	8,43	8,81	8,07	8,80
Сингапур (23)	8,26	8,40	7,79(31)	9,66	9,62	9,49	9,05	5,09	5,94	8,78	9,00
Республика Корея (29)	7,97	8,16	8,65(15)	5,93	6,93	8,80	8,22	9,09	9,13	8,05	8,34
Малайзия (48)	6,10	6,26	6,25(52)	5,67	7,16	6, 91	6,28	5,22	4,62	6,61	6,98
Китай (84)	4,37	3,99	4,57(86)	3,79	3,46	5, 99	4,07	3,93	3,68	3,79	4,77
Филиппины (92)	3,94	5,07	3,81(97)	4,32	4,57	3,77	4,09	4,64	6,25	3,03	5,38
Вьетнам (104)	3,40	2,94	3,60(99)	2,80	2,64	2,75	2,34	2,99	2,28	5,05	4,50
Индонезия (108)	3,11	3,68	2,99(110)	3,47	4,08	3,24	2,38	3,20	3,07	2,52	5,20
Индия (110)	3,06	3,57	2,89(112)	3,57	3,57	4,50	3,70	2,26	2,51	1,90	4,50

Примечания: *в скобках — место в рейтинге по KEI; **в скобках — место в рейтинге по KI.
Индексы рассчитаны по методу, учитывающему различия в численности населения отдельных стран.
Составлено по: http://info.worldbank.org/etools/kam^2/KAM_page5.asp

Таблица 8

Университеты стран Азии в рейтинге THE World University Rankings

Место в рейтинге	Название университета	Страна
27	Токийский университет	Япония
29	Национальный университет Сингапура	Сингапур
35	Университет Гонконга	Гонконг
46	Пекинский университет	КНР
50	Похангский научно-технологический университет (Pohang University of Science and Technology)	Республика Корея
52	Университет Синьхуа	КНР
54	Киотосский университет	Япония
59	Сеульский национальный университет	Республика Корея
65	Гонконгский научно-технологический университет	Гонконг
68	Корейский научно-технологический институт (Korea Advanced Institute of Science and Technology)	Республика Корея
86	Технологический университет Наньянг (Nanyang Technological University)	Сингапур

Составлено по: http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info

Таблица 9

Сравнительная оценка уровней социально-экономического развития Японии, новых индустриальных экономик и развивающихся стран Восточной Азии на основе системы индикаторов инклюзивного роста АБР

	Образование			*Здравоохранение*
	Среднее число лет обучения (молодежь в возрасте от 15 до 24 лет) 1990/2010	**Доля государственных расходов на образование в совокупных общественных расходах, %* 1995/2011**	**Число учеников на одного учителя (начальная школа) 1990/2010**	**Детская смертность (на 1 тыс. живорожденных) 1990/2000**
	1	**2**	**3**	**4**
Япония	*11,0/12,1*	*14,7/8,7 (2010)*	*21/18*	*6/3*
Республика Корея	11,0/12,7	18,9/15,1	32/21	8/5
Малайзия	10,2/12,0	20,9/21,6	20/13 (2009)	18/6
Вьетнам	4,5/8,8	…	30/20	51/23
Китай	7,6/10,9	17,5/14,0 (2010)	22 (2001)/17	48/18
Таиланд	7,2/10,6	22,4/19,4	21/16 (2008)	32/13
Индонезия	6,5/7,7	…	22/16	85/35
Филиппины	8,1/9,7	16,6/16,5	35/31 (2001/2009)	59/29
Индия	4,6/7,1	18,1/16,5 (1999/2008)	40/40 (2004)	115/63
Гонконг	12,5/12,6	17,7/17,6	21/15	…
Сингапур	8,4/10,8	18,9/21,0 (2010)	25/17 (1996/2009)	8/3
Тайвань	11,1/13,0	10,0/13,1 (2010)	19/15 (2011)	…

Таблица 9 (продолжение)

	Здравоохранение			
	Доля государственных расходов на здравоохранение в совокупных общественных расходах, %* 1995/2011	**Доля детей в возрасте до 5 лет с недостатком веса (% от общего числа детей данной возрастной категории)*** **	**Число врачей общего профиля, медсестер и среднего медицинского персонала в расчете на 10 тыс. жителей 1990–2010****	**Доля детей в возрасте до 1 года, получивших прививку DIP3 1990/2010**
	5	**6**	**7**	**8**
Япония	*20,9/19,0 (2010)*	…	*82,5/63,0*	*90/98*
Республика Корея	0,8/1,0 (1996/)	…	34,1/73,8	75/94
Малайзия	5,5/7,5	22,1/12,9	24,0/36,7	90/94
Вьетнам	…	36,9/20,2	12,9/22,3	88/93
Китай	…/5,3 (2010)	12,6/3,4	21,8/28,0	97/99
Таиланд	7,5/9,9	16,3/7,03	9,4/18,2	92/99
Индонезия	…	29,8/17,9	9,6/23,3	60/83
Филиппины	2,3/2,3	29,9/20,7	27,2/71,5	88/87
Индия	3,9/4,0 (1999/2008)	52,8/43,5	17,2/16,0	70/72
Гонконг	12,7/11,6	…	69,8/74,6	…
Сингапур	7,6/8,1 (2010)	3,3/…	56,6/77,3	85/97
Тайвань	0,5/1,4 (2010)	11,0/5,3	29,7/74,8	…
	Инфраструктура			
	Число мобильных телефонов на 100 чел. 2000/2011	**Доля населения, имеющего доступ к электросетям в общей численности населения, % 2000/2009**	**Потребление электроэнергии на душу населения, кВт/ч. 1990/2009**	**Доля дорог с твердым покрытием в общей протяженности дорог (%) 1990/2009**
	9	10	11	12
Япония	*53,1/102,7*	…	*6486/7819*	*69,2/80,1*
Республика Корея	58,3/108,5	…	2373/8980	71,5/79,3
Малайзия	21,9/127,0	96,9/99,4	1171/361	70,0/81,3 (2004)
Вьетнам	1,0/143, 4	75,8/97,6	98/918	23,5/47,6 (2007)
Китай****	6,7/73,2	98,6/99,4	512/2631	72,1/53,5 (2008)
Таиланд	4,8/113,2	82,1/99,3	703/2045	55,3/98,5 (2000)
Индонезия	1,7/97,7	53,4/64,5	160/590	45,1/56,9
Филиппины	8,3/92,0	87,4/89,7	363/593	16,6/9,9 (1994/2003)
Индия	0,3/72,0	43,0/75,0	268/571	47,3/49,5 (1991/2008)
Гонконг	80,3/209,6	…	4178/5925	100,0/100,0
Сингапур	70,1/149,5	100,0/100,0	4983/7949	97,1/100,0
Тайвань	81,5/124,1	98,6/99,0	…	84,6/95,5 (2002)

Таблица 9 (окончание)

	Инфраструктура			*Доход*
	Доля населения, пользующихся санитарно-гигиеническими удобствами (сливные туалеты или туалеты с септиками) в общей численности населения, %, 2000/2010	**Доля населения, имеющего доступ к чистой питьевой воде, в общей численности населения, %, 2000/2010**	**Доля населения, использующего твердое топливо для приготовления пищи, %, 1990/2010**	**Среднегодовые темпы роста дохода на душу населения, %, по ППС 2005, 2005–2010**
	13	**14**	**15**	**16**
Япония	*100/100*	*100/100*	…	*0,3*
Республика Корея	100/100	90/98 (1991/)	12,8/14,7 (2005)	3,3
Малайзия	84/96	88/100	…/0,8 (2003)	2,7
Вьетнам	37/76	57/95	87,0/67,0 (1997/2005)	5,9
Китай****	24/64	67/91	52,4/48,8 (2000/2005)	10,6
Таиланд	84/96	86/96		2,8
Индонезия	32/54	70/82	44,8/54,6 (2002/2007)	4,6
Филиппины	57/74	85/92	…/44,5 (2003)	3,1
Индия	18/34	69/92	81,8/56,9 (1991/2006)	6,6
Гонконг	…	…	…	3,2
Сингапур	99/100	100/100	…	2,8
Тайвань	…	…	…	…

*Доля в расходах центрального бюджета, по Китаю и Японии — доля в консолидированных общественных расходах.
** По каждой стране приведены наиболее ранние из доступных (1990-е годы) и поздние данные (до 2010 г.).
***Данные на начало 1990-х гг./данные на 2009–2011 гг.
****Данные за 1995 г. — вместе с расходами на образование.

Составлено по: Framework of Inclusive Growth Indicators 2012. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. 2nd Edition. P. 48, 50, 52, 54, 60, 62–69.

Примечания

[1] Выступление на ежегодной конференции Business for Social Responsibility в 2008 г. Цит. по: Флорида Р. Большая перезагрузка: как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. — Классика-XXI, 2012, с. 11.

[2] Р. Флорида — американский социолог и экономист, автор теории креативного класса. С 1987 по 2005 год он преподавал в университете Карнеги — Меллона, а ныне является профессором Школы менеджмента имени Джозефа Ротмана в Торонтском университете. Основатель и руководитель двух компаний Creativity Group (инновационные коммуникации) и Catalitytix (стратегический консалтинг). Автор ряда работ в области инновационной экономики, социально-экономической и культурной модернизации. На русском языке вышли книги «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» (The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life). Классика-XXI, 2005. 430 с.) и «Большая перезагрузка: как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда» (The Great Reset: How New Ways of Living and Working Drive Post-Crash Prosperity. Классика-XXI, 2012. 240 с.). В сфере научных интересов Р. Флориды — инновационный механизм Японии (работы Branscomb, Lewis & Kodama, Fumio & Florida, Richard. Industrializing Knowledge: University-Industry Linkages in Japan and the United States. — MIT Press, 1999 и Kenny, Martin & Florida, Richard. Beyond Mass Production: The Japanese System and Its Transfer to the US. — Oxford University Press, 1993) — http://ru.wikipedia.org/wiki/%D4%EB%EE%F0%E8%E4%E0,_%D0%E8%F7%E0%F0%E4; Большая перезагрузка: как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. — Классика-XXI, 2012. С. 239.

[3] Флорида Р. Большая перезагрузка: как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. — Классика-XXI, 2012. С. 12.

[4] http://expert.ru/2012/01/26/davos-protiv-krizisa; http://expert.ru/kazakhstan/2008/07/bill_geyts

[5] Для сравнения: из других азиатских экономик выше Японии в рейтинге 2012–13 гг. стоит только Гонконг, «ближайшие» места других стран региона: Тайвань — 13-е место, Республика Корея — 19-е, Малайзия — 25-е, Китай — 29-е, Таиланд — 38-е, Индонезия — 50-е, Индия — 59-е.

[6] Правда, ее внешнеторговая квота не столь высока по сравнению с другими развитыми странами, за исключением США (28,6% в 2011 г., США — 25,0%, Германия — 75,7%, Великобритания — 43,4%). Более того, экспортная квота Японии, рассчитанная как отношение экспорта за вычетом импорти-

рованной добавленной стоимости, составила в 2012 г. 13%, что сопоставимо с показателем США (12%) и значительно ниже среднего показателя стран Евросоюза (26%) и Азии (25%). — World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development, p.130 — http://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=588

[7] http://unctadstat.unctad.org/ReportFolders/reportFolders.aspx?sRF_ActivePath=p,15912&sRF_Expanded=,p,15912; http://unctadstat.unctad.org/TableViewer/tableView.aspx

[8] Результаты опроса японских компаний, работающих в странах Азии и Океании, показали, что в 10 странах региона японские компании считают своими главными конкурентами местные компании (в их числе Республика Корея, Китай, Тайвань, Индия, Малайзия) Survey of Japanese-Affiliated Companies in Asia and Oceania (FY 2012 Survey). December, 2012. P. 15, 35 — http://www.jetro.go.jp/en/reports/survey/biz

[9] Новый показатель, характеризующий участие страны в международном экономическом обмене, используемый ЮНКТАД. Рассчитывается как дробь: числитель — сумма импортированной добавленной стоимости, включенной в стоимость экспорта страны плюс добавленная стоимость, учтенная в экспорте других стран, знаменатель — экспорт страны. — World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development. P. 131 — http://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=588

[10] World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development. P. 131. — http://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=588

[11] Попутно заметим, что во внутрирегиональном экспорте стран АСЕАН в 2000–2011 гг. увеличилась доля потребительских товаров — с 17 до 27%, в то время как доля промежуточной продукции снизилась в тот же период с 26 до 20%, что свидетельствует о росте потребительского рынка в этих странах. — Regional Economic Outlook: Asia And Pacific. April 2013. P. 8, 18 — http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2013/APD/eng/areo0413.htm

[12] Заметим, что ситуацию экономических отношений Японии со странами Восточной Азии в данном случае мы рассматриваем в качестве примера наиболее ярко и полно характеризующего проблемы международной конкурентоспособности Японии и ее компаний. В принципе подобная ситуация характерна в той или иной мере и для других географических направлений внешнеэкономической активности Японии.

[13] Данные индикаторы, как и их составляющие, не являются абсолютно объективными, и тем не менее использование их совокупности с признанием большей значимости наиболее актуальных в контексте современных тенденций мирового развития (в частности, индикаторов качества жизни, привлекательности страны, инновационного развития) повышает уровень достоверности и ценности результатов. Кроме того, совпадение «слабых мест» страны в различных индексах может способствовать обнаружению тех «лакун», в которые могут быть направлены усилия японского бизнеса и государства и которые могут стать точками роста.

[14] Исследование базируется на концепции, согласно которой традиционные макроэкономические показатели не полностью отражают качество жизни и его оценку людьми. Индекс охватывает 34 страны — участницы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которой объединены большинство развитых экономик мира и несколько развивающихся экономик, а также основные партнеры — Бразилия и Россия. Со временем Индекс будет расширен и охватит других четырех ключевых партнеров ОЭСР: Индию, Индонезию, Китай и ЮАР. — http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/about/ru_whats-your-better-life-index

[15] 70% опрошенных японцев отметили, что у них за день происходит больше положительных событий (ощущение отдыха, гордость за выполненную работу, радость), чем отрицательных (боль, беспокойство, печаль и скука). Средний показатель по странам ОЭСР — 72%.

[16] По этим показателям место Японии в рейтинге ниже, чем ее общая позиция.

[17] По этим показателям место Японии в рейтинге выше, чем ее общая позиция.

[18] Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) — интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Он является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов. Составляющие индекса: Доход на душу населения по ППС; ожидаемая продолжительность жизни при рождении (Life expectancy at birth) — количество лет, которое может прожить новорожденный младенец, если существующие на момент его рождения преобладающие тенденции в области показателей смертности для конкретных возрастных групп останутся без изменений на протяжении всей его жизни; сводный индекса образования (состоит из двух показателей: ожидаемой продолжительности обучения (Expected years of schooling) — количество лет образования, которое, как ожидается, может получить ребенок, достигший официально установленного возраста поступления в школу, если в течение его жизни сохранятся преобладающие тенденции в области показателей охвата населения образованием и средней продолжительности обучения (Mean years of schooling) — среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше в течение жизни, основанное на показателе образовательного уровня населения, пересчитанном в количество лет обучения на основе теоретической продолжительности каждого уровня полученного образования. — http://viperson.ru/ipc.php

[19] http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/JPN.html

[20] Для сравнения: из стран Восточной Азии в эту группу входят только Республика Корея и Сингапур, «на пороге» группы находится Гонконг.

[21] Центр занимается изучением проблем общественного благополучия с 2006 г. и составляет рейтинг по Индексу процветания стран мира (The Legatum Prosperity Index), который рассчитывается по 8 категориям показателей общественного благосостояния для каждого государства на основе данных статистики, экспертных оценок, социологических исследований по 142 странам. Статистические данные, используемые в рейтинге, получены из ООН, Всемирного банка, ОЭСР, ВТО, Gallup, Economist Intelligence Unit, IDC, Pyramid Research и других институтов. В редакционный совет издания Индекса входят представители ряда ведущих университетов и исследовательских центров. — http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info

[22] Источник: http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp В рамках методики «оценки знания» (Knowledge Assessment Methodology — КАМ) здесь оценивается около 80 количественных и качественных параметров, которые в совокупности позволяют степень «продвинутости» страны по пути формирования «экономики знаний», необходимым условием развития которой является наличие инновационного потенциала. Показатели, применяемые в данной методике, оцениваются по четырем основным параметрам «экономики знаний»: 1) экономическое стимулирование и институциональные особенности, 2) образование и человеческий капитал, 3) уровень развития ИКТ, 4) текущий уровень инновационной активности. КАМ используется для подсчета двух индексов — индекса знаний (Knowledge Index — KI) и индекса экономики знаний (Knowledge Economy Index — KEI). Подробнее см.: Масленников Н. Методология «оценки знаний» и инновационный потенциал Японии. Японский опыт для российских реформ, 2007, выпуск первый. — http://www.japan-assoc.ru/publikacii/nauka/japon-opyt — 2007–1/metodologija-ocenki-znanii-i-innovacionnyi-potencial-japonii.html

[23] Рассчитывается на основе численности исследователей в стране, числа патентных регистраций в США, числа статей в научно-исследовательских изданиях.

[24] Рейтинг лучших университетов мира (THE World University Rankings) — глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг лучших высших учебных заведений мирового значения. Рассчитан по методике британского издания Times Higher Education (THE) при участии информационной группы Thomson Reuters. Считается одним из наиболее влиятельных глобальных рейтингов университетов. Разработан в 2010 г. Times Higher Education совместно с Thomson Reuters и пришел на смену популярному рейтингу World University Rankings, который выпускался с 2004 года Times Higher Education совместно с компанией Quacquarelli Symonds. В свою очередь Quacquarelli Symonds с 2010 г. выпускает рейтинг лучших университетов мира под названием QS World University Rankings, который также считается одним из авторитетных в области высшего образования. — http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info

[25] Китай, Тайвань и Южная Корея представлены 15, 17 и 14 вузами соответственно. Гонконг получил 6 мест в списке, но все в топ — 50. — http://www.parta.org/news/?news_id=2065

[26] QS Quacquarelli Symonds ориентируется на несколько ключевых показателей: отзывы студентов о вузах, отзывы работодателей о выпускниках вузов, цитируемость научных работ, написанных в стенах той или иной alma mater, и академическая репутация. — http://www.topuniversities.com/university-rankings-articles/asian-university-rankings/japanese-universities-lose-ground-asia

[27] Использованы фрагменты комментария журнала «Компас Гид». — http://kompasgid.ru/?p=13457

[28] Статистические и аналитические службы Банка оперируют системой показателей, включающей индикаторы, специфические именно для развивающихся стран региона, что позволяет приблизиться к качественной оценке результатов их экономического развития, но в то же время там имеются и сопоставимые данные по Японии (а также другим развитым странам — Австралии и Новой Зеландии).

[29] Инклюзивный рост, по определению АБР, это экономический рост, обеспечивающий с равными возможностями и равным доступом к экономическим возможностям для всех (для отдельных людей и групп людей, для регионов) и ориентированный не только на внешний, но и на внутренний спрос (что означает определенную смену приоритетов для экспортно ориентированных экономик). Подробнее см.: Тимонина И.Л. Япония и страны Восточной Азии: уровни социально-экономического развития и векторы экономического развития (в книге «Япония в Азии: параметры сотрудничества». М.: АИРО-XXI, 2013).

[30] Подсчитано по данным таблицы 9, по последнему доступному году.

[31] Так, например, по мнению вице-президента Азиатского банка развития С. Грофа, в последние годы затраты китайского правительства на общественные услуги, несмотря на значительный рост, оставались на низком уровне. В Китае для развития социального обеспечения, образования и здравоохранения направляется 35% финансовых поступлений, в то время как в странах со средним уровнем доходов этот показатель достигает 52%. — http://russian.people.com.cn/31518/8181489.html

[32] Разработка новой модели и стратегии долгосрочного роста активно велись при правительстве Дз. Коидзуми, занимавшего пост премьер-министра в 2001–2006 гг. Эта работа была продолжена кабинетом С. Абэ и нынешнего премьер-министра Я. Фукуда. Japan's 21st Century Vision — http://www.keizai-shimon.go.jp/english/publication/pdf/050419visionsummary_fulltext.pdf

[33] Основы Стратегии были разработаны Министерством экономики, торговли и промышленности Японии (опубликованы в июне 2006 г.).

[34] FY 2007 Economic and Industrial Policy: Key Points. Aug. 2006. Ministry of Economy, Trade and Industry. P. 1.

[35] New Economic Growth Strategy. June 2006. Ministry of Economy, Trade and Industry. P. 4.

[36] Подробнее см.: Тимонина И.Л. Япония в глобальной экономике: настоящее и будущее (в книге: Глобальные вызовы: японский ответ. М.: АИРО-XXI, 2008); Тимонина И.Л. Международное измерение экономической политики либерал-демократов (в книге: Япония: полвека правления социал-демократов. М.: АИРО-XXI, 2010).

[37] New Growth Strategy. June 2010 — http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html

[38] Fiscal 2013 Economic Outlook and Basic Stance for Economic and Fiscal Management. February 28, 2013.
Cabinet Decision. —
http://www5.cao.go.jp/keizai1/2013/0228mitoshi-e.pdf

[39] «Challenges» — actively taking on challenges, «openness» — openness to other countries, «innovation».

[40] Speech on Growth Strategy by Prime Minister Shinzo Abe at the Japan National Press Club Friday, April 19, 2013. — http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201304/19speech_e.html

[41] Стиглиц Дж. Япония — образец для подражания, а не поучительная история («The New York Times»). — http://www.inosmi.ru/world/20130618/210140745.html

[42] New Growth Strategy: The Formulation of «Japan Revitalisation Strategy-Japan is Back». Отметим попутно, что подзаголовок выглядит весьма современно и многообещающе.

[43] http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/documents/2013/1200485_7321.htm

[44] Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Reform. Ending Deflation and Revitalizing the Economy» (June 2013). P. 11–13. — http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html

[45] В данном контексте под промышленностью (Industry) понимаются различные отрасли реального сектора японской экономики, в том числе и сферы услуг.

[46] В качестве примера конкретных действий: один из приоритетных проектов Токийского муниципалитета, стартовавший в 2013 г. в рамках долгосрочной стратегии развития Токийского метрополиса «Tokyo Vision 2020». Цель — к 2016 г. привлечь в зону 50 иностранных компаний, в том числе 50 штаб-квартир и исследовательских центров. 26 июля Токийский муниципалитет объявил, что первая иностранная компания — Икарос Солар (Ikaros Solar nv) (зарегистрирована в Бельгии — http://ikarosrising.co.jp/2-press) обосновалась в Специальной зоне для азиатских штаб-квартир (Special Zone for Asian Headquarters). — http://www.metro.tokyo.jp/ENGLISH/TOPICS/2013/ftn7q100.htm.

[47] http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/documents/2013/1200485_7321.html

[48] Стиглиц Дж. Япония — образец для подражания, а не поучительная история (The New York Times). — http://www.inosmi.ru/world/20130618/210140745.html

[49] По мнению авторов издания «The Financial Times», предлагаемые правительством Японии меры облегчат процесс увольнения работников с полной занятостью, а следовательно, прием на работу новых сотрудников. Упростится процесс перетекания трудовых ресурсов со слабых предприятий с низкими показателями в более продуктивные сектора экономики. Премьер-министр также предложил японским компаниям повысить заработную плату, больше вкладывать инвестиций внутри страны и сохранять предприятия на территории Японии. — Победа Абэ на выборах — это замечательная новость для Японии. — http://inosmi.ru/world/20130724/211263367.html

[50] Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Reform. Ending Deflation and Revitalizing the Economy» (June 2013). P. 18–20. — http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html

[51] Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Reform. Ending Deflation and Revitalizing the Economy» (June 2013). P. 16. — http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html

[52] http://www.meti.go.jp/english/policy/sme_chiiki/plantfactory/about.html

[53] Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Reform. Ending Deflation and Revitalizing the Economy (June 2013). P. 16–17. — http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html

[54] Там же.

[55] Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Reform. Ending Deflation and Revitalizing the Economy (June 2013). P. 22. — http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html

[56] Cool Japan Strategy (Modified version of the Interim Report to the Cool Japan Advisory Council). September 2012. Ministry of Economy, Trade and Industry. — http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/creative_industries/creative_industries.html

[57] http://www.meti.go.jp/english/press/2013/pdf/0725_01.pdf

[58] White Paper on International Economy and Trade 2012. Section 2 Support for overseas business activities in response to changing needs. — P. 687–688. — http://www.meti.go.jp/english/report/data/gWT2012fe.html

[59] Japan and ASEAN, Always in Tandem: Towards a More Advantageous Win-Win Relationship through My "Three Arrows. Friday, July 26, 2013. — http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201307/26singapore_e.html

[60] The Basic Concept of the Growth Strategy. C. 7–8; Japan Revitalization Strategy (June 14, 2013 Cabinet decision).

[61] Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Reform. Ending Deflation and Revitalizing the Economy» (June 2013). P. 3, 13. — http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html

[62] Basic Policies for Economic and Fiscal Management and Reform — Ending Deflation and Revitalizing the Economy — June 14th, 2013, Cabinet Decision — http://www5.cao.go.jp/keizai/index-e.html

[63] http://ru.wikipedia.org/wiki/%D6%E8%EA%EB_%C4%E5%EC%E8%ED%E3%E0

[64] Стиглиц Дж. Япония — образец для подражания, а не поучительная история («The New York Times»). — http://www.inosmi.ru/world/20130618/210140745.html

[65] Speech on Growth Strategy by Prime Minister Shinzo Abe at the Japan National Press Club Friday, April 19, 2013. — http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201304/19speech_e.html

[66] Стиглиц Дж. Япония — образец для подражания, а не поучительная история («The New York Times»). — http://www.inosmi.ru/world/20130618/210140745.html

[67] Speech on the Second Round of Policies under the Growth Strategy by Prime Minister Shinzo Abe at Japan Akademeia. — Friday, May 17, 2013. — http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201305/17speech_e.html

*В. Г. Кандалинцев**

Крупные экономики Азии в глобальных трендах развития

Китай, Индия и Япония заняли высокие места в мировой экономике. Но их роль в мире в ближайшие десятилетия активно обсуждается, и не все возможные сценарии выглядят беспроблемными. В данной статье рассматриваются некоторые важные аспекты промышленного, инновационно-технологического и финансового развития трех названных стран.

В промышленном развитии анализируется роль крупных стран Азии в мировой материальной добыче, а также их быстрый прогресс в наращивании обрабатывающих производств. В инновационно-технологической сфере рассматриваются некоторые особенности национальных инновационных систем и достигнутые на сегодня результаты, а также некоторые проблемы. В финансовом развитии исследуется соотношение между темпами роста ВВП и рыночной капитализации, перспективы изменения макроэкономической ситуации и применяемых инструментов монетарной политики.

Во всех этих аспектах так или иначе присутствует вопрос о встраивании Китая, Индии и Японии в глобальные тренды развития. Будет ли тренд падения роли обрабатывающей промышленности в мировом ВВП и занятости ограничителем несомненных успехов трех стран в этой сфере экономической деятельности или он лишь выявляет перспективную специализацию этих стран (особенно Китая и Индии) в международном разделении труда? Насколько три страны готовы включиться в технологическую гонку на глобальных направлениях инноваций? Будет ли опыт США в области количественного смягчения активно использован Японией, а впоследствии Китаем и Индией? Эти актуальные вопросы заслуживают всестороннего исследования и до некоторой степени анализируются в данной статье.

Промышленное развитие

Добывающая промышленность. Имеет большое значение как ресурсная база развития трех стран и как фактор их значительного влияния на состояние мировой экономики. По прогнозу министерства энергетики США, потребление энергии с 2010 по 2040 гг. в мире вырастет на 56%. На Китай и Индию будет приходиться половина этого прироста[1].

Потребление энергоносителей и других видов сырья в этих странах значительно. В этой связи возникает вопрос о модели материальной добычи (полезные ископаемые + биомасса), сложившейся за последние десятилетия.

Таблица 1

Население, ВВП и материальная добыча в % от соответствующего мирового показателя[2]

	Население (% от мирового показателя)		ВВП (% от мирового показателя)		Материальная добыча (% от мирового показателя)	
	1980 г.	2006 г.	1980 г.	2006 г.	1980 г.	2006 г.
Китай	22,24	19,81	1,34	6,11	5,89	12,53
Индия	15,53	17,47	0,85	1,86	2,75	5,27
Индонезия	3,41	3,47	0,33	0,58	1,13	3,10
Япония	2,63	1,94	15,51	13,47	2,33	1,48
США	5,21	4,59	28,48	30,12	22,21	18,15

Из данных таблицы видно, что Китай, Индия и Индонезия образуют группу крупных стран Востока, которые быстро наращивают свою долю в мировой материальной добыче и демонстрируют заметный ее рост в абсолютном выражении. Однако по показателю интенсивности добычи (кг на 1 USD 2000 г.) ситуация в этих странах различается. В Китае и Индии имеет место стабильный тренд снижения данного показателя. У Китая он выражен сильнее, так что за период 1980–2006 гг. интенсивность добычи снизилась с 14 до 5 кг/USD 2000, в то время как в Индии снижение составило с 10 до 7 кг/USD 2000. В Индонезии рассматриваемый показатель снижался до середины 1990-х гг., когда он составил менее 8 кг/USD 2000, затем вырос до почти 14 кг/USD 2000.

В основе таких тенденций лежит несколько факторов. Во-первых, углеводородная интенсивность обычно растет на ранних стадиях индустриализации, на более поздних она стабилизируется и начинает падать. Объясняется это тем, что страны, достигшие определенного уровня развития, стремятся избавиться от «грязных» отраслей экономики. Обычно такие отрасли переводятся в менее развитые страны. Во-вторых, быстрый рост ВВП в результате перехода на более новые технологии и способы производства может опережать рост материальной добычи, как это, например, происходит в Китае. Тогда интенсивность материальной добычи начинает падать и при достаточно серьезном росте добычи. В-третьих, структурная перестройка экономики

* Кандалинцев Виталий Геннадиевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН.

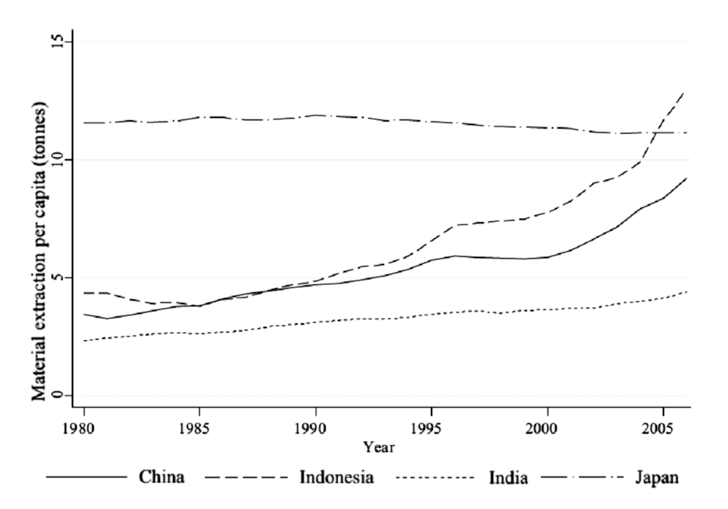
в сторону большей энерго- и материалоэффективности замедляет рост потребности в материальных ресурсах и, соответственно, замедляет нарастание материальной добычи. В-четвертых, исчерпание богатых месторождений также приводит к замедлению роста добычи полезного ресурса.

В то же время, несмотря на весьма высокий рост добычи, доли Китая и Индии в мировой добыче оставались ниже их долей в населении мира. Отсюда, уровень подушевой добычи в этих странах за период 1980–2006 гг. лишь подтягивался к уровню Японии (см. диаграмму 1).

С другой стороны, и достигнутые уровни добычи и потребления ресурсов вызвали острый экологический кризис. В Китае он проявляется как загрязнение воздуха; загрязнение, нехватка и неэффективное использование воды; загрязнение воды и почвы тяжелыми металлами; энергетический дефицит; экологические проблемы городов; проблемы отходов, в том числе опасных. В Индии — как загрязнение воды и ее дефицит; чрезмерное применение химических удобрений, пестицидов и инсектицидов в сельском хозяйстве и деградация почв; загрязнение воздуха; экологические проблемы городов; загрязнение воды и почвы тяжелыми металлами; обезлесенье; сокращение биоразнообразия; проблемы отходов. И для Индии, и для Китая актуальны проблемы загрязнения и увеличения количества отходов, являющиеся последствиями экономического роста, урбанизации и роста населения[3]. Несомненно, растущая экологическая нагрузка будет сдерживать дальнейшую интенсификацию материальной добычи.

В целом можно высказать предположение, что в ближайшие десятилетия Китай и Индия продолжат наращивать материальную добычу и их доля в мировой добыче составит около трети; однако дальнейший рост этой доли замедлится по мере исчерпания добываемых ресурсов, увеличения экологической нагрузки, переноса части «грязных» отраслей в другие страны и т. д.

Диаграмма 1
Материальная добыча на душу населения, *тонн*[4]



Обрабатывающая промышленность. Сотрудники McKinsey Global Institute (MGI) в своем исследовании мировой обрабатывающей промышленности[5] отмечают характерную тенденцию. Она заключается в падении доли обрабатывающей промышленности в ВВП и занятости по мере развития, с одной стороны, а с другой — в подъеме нескольких стран Востока в списке лидеров самой обрабатывающей промышленности.

За период 1980–2010 гг. Китай по доле в мировой номинальной валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности переместился с 7 на 2 место, Южная Корея — с 11 (в 1990 г.) на 7, Индия — с 15 на 10. Япония несколько сдала позиции, опустившись со 2 на 3 место. В 2010 г. на 13 место вышла Индонезия.

Исследование показало, что обрабатывающая промышленность продолжает оставаться для развивающихся стран дорогой к статусу средне- и высокодоходной нации. В развитых экономиках обрабатывающие производства могут уже не быть надежным источником крупномасштабного роста занятости, но их вклад в производительность, инновации и торговлю остается критически важным.

Следовательно, возрастание роли крупных экономик Азии в мировой обрабатывающей промышленности не является простым замещением деятельности, являющейся «пройденным этапом» для развитых стран. Скорее, речь идет о более сложном процессе, в котором центр роста объемных показателей обрабатывающих производств смещается в Азию (и в крупные экономики Латинской Америки — Бразилию, Мексику), но центр роста производительности и инноваций в значительной степени остается в развитых странах.

Нужно также учитывать и большое разнообразие обрабатывающих производств. MGI предложил классификацию, объединяющую соответствующие производства в пять широких групп: глобальная инновация для локальных рынков; региональный процессинг; энерго- и ресурсоемкие сырьевые товары, глобальные технологии/инноваторы; трудоемкие экспортно ориентированные товары. В этих группах место крупных экономик Азии различно. Далее приводятся данные из[6]:

Глобальная инновация для локальных рынков. Включает химическую промышленность, автомобилестроение (в том числе прицепы и запчасти), производство другого транспортного оборудования, электротехническое машиностроение, производство машин, оборудования и устройств. Группа обладает выраженной наукоемкостью и экспортной ориентированностью, является самой крупной их пяти групп. В 2010 г. на нее приходилось 34% добавленной стоимости мировой обрабатывающей промышленности. Лидером в группе является Китай с долей в валовой добавленной стоимости группы (24%), на втором месте США (16%), на третьем — Япония (12%), на четвертом — Германия (9%). Роль Юж-

ной Кореи (3%) и Индии (2%) также заметна, и эти две страны входят во второй эшелон вместе с Бразилией (4%), Италией (3%), Францией (2%), Великобританией (2%).

Региональный процессинг. Объединяет производство резины и пластмасс, металлопродукции, продовольственных товаров, печатно-издательскую деятельность. Группа характеризуется трудоемкостью и ориентацией на внутренний рынок. Является второй по доле в добавленной стоимости мировой обрабатывающей промышленности (28% в 2010 г.). Лидирует в группе США, доля которых в валовой добавленной стоимости группы составила 22%, далее следуют Китай (18%), Япония (10%), Германия (6%), Бразилия (4%), Великобритания, Италия, Франция (по 3%).

Энерго- и ресурсоемкие сырьевые товары. Состоит из деревообработки, нефтеперерабатывающих и коксохимических производств, производства радиоактивных материалов, целлюлозно-бумажной промышленности, производств продукции из минерального сырья и производства основных металлов. Отличается капиталоемкостью и занимает третье место с долей в добавленной стоимости мировой обрабатывающей промышленности (22% в 2010 г.). Лидеры по доле в валовой добавленной стоимости группы: Китай (29%), США (14%), Япония (10%), Бразилия и Россия (по 4%), Германия и Индия (по 3%), Италия, Канада и Южная Корея (по 2%).

Глобальные технологии/инноваторы. Производства: компьютеры и офисная техника, полупроводники и электроника, медицинское, прецизионное и оптическое оборудование. Группе присущ набор отличительных характеристик — наукоемкость, капиталоемкость, экспортная ориентированность, высокая плотность стоимости (стоимость на единицу веса). Находится на четвертом месте по доле в добавленной стоимости мировой обрабатывающей промышленности (9% в 2010 г.). Лидеры по доле в валовой добавленной стоимости группы: США (27%), Китай (23%), Япония (12%), Германия, Тайвань и Южная Корея (по 5%), Бразилия, Великобритания, Италия и Швейцария (по 2%).

Трудоемкие экспортно ориентированные товары. Производства: текстильная, швейная, кожевенная, мебельная, ювелирная и др. промышленность. Для группы характерны высокая трудоемкость и ориентация на экспорт. Занимает последнее, пятое, место по доле в добавленной стоимости мировой обрабатывающей промышленности (7% в 2010 г.). Лидеры по доле в валовой добавленной стоимости группы: Китай (36%), США (11%), Италия (7%), Бразилия и Япония (по 4%), Германия (3%), Великобритания, Франция, Индия и Южная Корея (по 2%).

Если страны-лидеры разделить на первый эшелон (10% и более) и второй (менее 10%), то сразу бросается в глаза доминирование Китая в первом эшелоне. Трижды Китай опережал находящихся на втором месте США: более чем в 3 раза (трудоемкие экспортно ориентированные товары), более чем в 2 раза (энерго- и ресурсоемкие сырьевые товары) и в 1,5 раза (глобальная инновация для локальных рынков). Это говорит о том, что Китаю удалось создать мощный экспортно ориентированный сегмент обрабатывающей промышленности, поддержанный и развитым ресурсным сегментом. В двух остальных группах Китай занял второе после США место лишь с небольшим отставанием.

Япония также уверенно входит в первый эшелон, заняв третье место в четырех из пяти групп с долей в добавленной стоимости группы 10% (дважды) и 12% (также дважды). Лишь в пятой группе, «трудоемкие экспортно ориентированные товары», эта страна разделила 4–5 места с Бразилией с долей в добавленной стоимости группы 4%.

Во втором эшелоне доминирующего лидера нет. Несколько сильнее остальных стран позиции Германии, но все же Бразилия в двух группах опережает Германию, а Индия и Южная Корея в двух разных группах делят с ней соответственно 6–7 и 4–5 (вместе с Тайванем) места.

Вероятно, что в ближайшие годы изменений в списке обоих эшелонов не произойдет. «Большая тройка» (Китай, США, Япония) пока слишком значительно опережают страны второго эшелона, а во втором эшелоне вероятны лишь небольшие перестановки в ограниченном круге стран, таких как Германия, Бразилия, Индия, Италия, Южная Корея, Великобритания.

Инновации и технологии

Для успешного развертывания инноваций необходимо создать качественную инфраструктуру инженерно-технического образования. Именно рост числа и качество подготовки специалистов закладывает основу для последующего технологического развития. На диаграмме 2 видно, что Китай показал скачкообразный рост числа выпускников инженерно-технических и естественно-научных специальностей, более чем в три раза превзойдя по этому показателю США и Индию.

Диаграмма 2[7]

По количеству публикаций научных и технический статей Китай отставал от Индии в 1986 г. более чем в три раза (Китай — 2911, Индия — 9925). Но в 2007 г. уже Китай опережал Индию более чем в три раза (Китай — 56806, Индия — 18194)[8].

Доля расходов Китая на исследования и разработки по отношению к общим расходам Соединенных Штатов, Европейского союза, Японии составила всего 1,8% в 1990 г. и увеличилась более чем в восемь раз — до 15,5%, к 2010 г. Как следствие, радикально изменилась и доля китайских исследователей в общем числе зарегистрированных патентов — с 38,6% в 2000 г. до 72,8% в 2010 г.

Быстро наращивая свой научно-технический потенциал, Китай также стремится получать зарубежные технологии в обмен на открытие своего рынка. Такую политику называют quid pro quo — «услуга за услугу». Опрос иностранных компаний показал, что политика quid pro quo в последние годы скрыта от внимания широкой общественности. Это объясняется тем, что ключевой целью политики китайского правительства провозглашается развитие отечественной науки. Тем не менее, 85% руководителей 230 крупных фирм США, которые ведут бизнес в Китае, заявили, что их беспокоит передача технологий Китаю, а 36% респондентов сообщили, что были вынуждены передать их китайским партнерам в течение последних трех лет, чтобы получить доступ на рынок.

Политика quid pro quo дала Китаю 4,5% роста годового потребления, пока все другие страны преодолевали последствия кризиса. Альтернативный сценарий — без политики заимствования технологий в обмен на открытие рынка — такого роста обеспечить не мог. Вместе с тем эта политика подвергается и критике как в долгосрочном плане невыгодная самому Китаю. Иностранные предприниматели чувствительны к вопросам передачи технологий и в ряде случаев предпочитают открывать производства не в Китае, а в Индии и Бразилии. Если политику «услуга за услугу свернуть, то инвестиции в Китай вырастут более чем в два раза к 2030 г.[9]

Не стоит недооценивать результаты в сфере технологий и инноваций, достигнутые Индией. Несмотря на то, что количественные показатели Индии скромнее, чем в Китае, индийские ресурсы были направлены на более узкий спектр исследований и разработок. И это позволило Индии существенно преуспеть на определенных направлениях. Анализ экспорта по уровням технологической сложности показывает, что в 2010 г. доля экспорта услуг, основанных на знаниях, в Индии составляла 25%, в Китае — 5%. Соотношение было обратным в области экспорта продукции технологически сложной обрабатывающей промышленности: доля такого экспорта составила в Индии 5%, а в Китае — 30%[10].

Из этих данных можно сделать вывод, что Индия сфокусирована на развитии информационных технологий и услуг в области бизнес-процессов, где она обеспечила себе сильные позиции. Данный вывод подтверждается и анализом структуры выпуска индийских вузов — количество ИТ-специалистов достигает половины количества выпускников инженерных специальностей. И Индия намерена не останавливаться на достигнутом.

6 января 2013 г. премьер-министр Индии доктор Манмохан Сигх на сессии Индийского научного конгресса провозгласил новую политику Индии в области науки, технологий и образования — «Научная, технологическая и инновационная политика Индии 2013». Новый документ призывает к интеграции задач научного, технологического и инновационного развития страны ради блага людей. Модель инклюзивного (включающего все большую часть населения страны) развития стала основой объявленной политики, новой парадигмой научно-технологического развития Индии.

В рамках новой политики правительство предусматривает удвоение инвестиций в науку в ближайшие 5 лет. Сегодня Индия инвестирует около $12 млрд. в год в сферу науки и технологии, это примерно 1% от ВВП. И данный показатель не менялся вот уже 10 лет, с тех пор, как был опубликован документ «Научная и технологическая политика» 2003 г. Цель состоит в том, чтобы поднять этот показатель до 2% от ВВП к 2017 г.

Ключевые элементы политики:

- — Содействие распространению науки среди всех слоев общества.
- — Расширение возможностей работы в научной сфере для молодежи из всех социальных слоев.
- — Обеспечение привлекательности карьеры в науке, исследованиях и инновациях для самых ярких и одарённых умов.
- — Создание инфраструктуры НИОКР мирового класса для достижения глобального лидерства в некоторых передовых областях науки.
- — Позиционирование Индии в первой пятерке мировых научных держав к 2020 г.
- — Интегрирование результатов деятельности системы НТИ с целями инклюзивного экономического роста.
- — Создание среды для расширения участия частного сектора в НИОКР.
- — Обеспечение превращения результатов НИОКР в социальные и коммерческие продукты путём масштабирования успешных моделей, а также через создание новых государственно-частных структур.
- — Стимулирование науко- и технологическиемких высокорисковых инноваций с использованием новых механизмов.
- — Усиление инноваций любого типа и использования технологий, нацеленных на оптимизацию использования ресурсов и снижение стоимости товаров.
- — Содействие изменениям в мышлении и системе ценностей людей, с тем чтобы научить их признавать, уважать и вознаграждать деятельность, которая превращает знания в общественное благо.

— Создание автоматизированной национальной инновационной системы[11].

Инновационная политика Японии отражена в четвертом Базовом научно-технологическом плане, рассчитанном на 2011–2015 гг. Основными направлениями плана являются:

— Восстановление и реконструкция после землетрясения.
— Продвижение «зеленых инноваций».
— Продвижение инноваций в области здоровья.
— Улучшение стратегических систем «наука — технологии — инновации» (НТИ).
— Создание новых систем НТИ.
— Реализация безопасной, обеспеченной и достойной жизни людей.
— Укрепление промышленной конкурентоспособности Японии.
— Вклад в решение глобальных проблем.
— Сохранение основы национального существования.
— Улучшение и усиление общей научно-технологической инфраструктуры.
— Системные реформы, направленные на достижение приоритетных результатов.
— Стратегическое развитие международной деятельности[12].

Современная инновационная система Японии сталкивается с вызовами, о которых рассказал в интервью бюллетеню «Инновационные тренды» Атсуши Суннами — директор программы по науке, технологиям и инновационной политике Национального института политических исследований (Япония). По его словам, из-за особенностей современного государственного устройства Японии крупные государственные корпорации не занимаются R&D, и они ведутся в частном секторе. Крупные компании выполняют большую их часть. Но почти 80–90% компаний в Японии — среднего и малого размера, и они разбросаны по всей стране. Многие из них работают в производственной сфере. И то, что они делают, — это обслуживают различные потребности больших компаний. Малые компании имеют хорошие, но не прорывные технологии. Возможностей создавать «большие инновации» у них нет. Поэтому для переноса инновационной деятельности «на места» нужно собрать все имеющиеся технологии и создать что-то новое, в частности, при поддержке местных университетов.

Атсуши Суннами отмечает рост конкуренции со стороны Южной Кореи и других стран, а надежды на повышение эффективности японской инновационной системы связывает с государством: «Мы уже не впереди, как это было в 1960–1970-е годы. Мы обязаны что-то предпринимать. Япония стремится изменить собственную инновационную систему, отказаться от постоянного подражания Западу. Частный сектор уже был лидером инновационного процесса. Теперь нужно обратить большее внимание на государственный сектор».

Другим важным вопросом является встраивание Японии в тренд глобализации. До сегодняшнего дня японская инновационная система была очень закрыта. О глобализации в Японии знали, но были закрыты: все делалось японцами, без иностранцев и вовлечения Азии. Попытки изменить эту систему и быть частью всеобщих процессов предпринимаются, но подвижки происходят медленно[13].

Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые Китаем, Индией и Японией в области науки, технологий и инноваций (НТИ), будущее место этих стран в мировой экономике будет во многом зависеть от способности их иннновационно-технологических систем поддерживать ключевые области НТИ-прогресса. Ориентиром для определения таких ключевых областей может быть список 12 прорывных технологий по версии McKinsey Global Institute:

Мобильный Интернет. В ближайшие 10 лет число интернет-пользователей в мире увеличится на 3,5 миллиарда человек, из них 2 миллиарда получат доступ к Интернету благодаря мобильным устройствам, позволяющим выходить в Интернет откуда угодно. Таким образом, многие из тех, кто не участвовал в глобальном разделении труда и практически не имел доступа к разнообразной информации, современному образованию, здравоохранению, государственным услугам, теперь получат такой доступ.

Автоматизация интеллектуального труда. В ближайшие 10 лет многие задачи типичного работника умственного труда начнут поддаваться автоматизации. На вычислительные устройства может быть переложена значительная часть нынешних функций преподавателей, инженеров, медицинских работников, юристов, финансистов и управляющих, причем в некоторых случаях автоматизация может привести и к полной замене людей компьютерами. До 140 миллионов работников умственного труда во всем мире окажутся в новых обстоятельствах, когда сама суть их работы может поменяться.

«Интернет-вещей». Представляет собой разного рода встроенные в машины сенсоры и приложения, а также инфраструктуру для их работы. За последние пять лет число подсоединенных друг к другу машин увеличилось в четыре раза. Наиболее показательный пример: использование дистанционного контроля для лечения заболеваний, системы «умный дом» и другие.

Облачные информационные технологии. Модель обеспечения повсеместного и удобного сетевого доступа к вычислительным ресурсам (сетям передачи данных, серверам, устройствам хранения данных, приложениям и сервисам) может значительно уменьшить расходы на инфраструктуру информационных технологий и оперативно реагировать на изменения вычислительных потребностей. Облачные технологии уже сейчас позволили серьезно удешевить IT-услуги.

Передовая робототехника. Представляет собой не только производственную робототехнику, но и мно-

жество различных систем, включая экзоскелеты, которые увеличивают физические возможности человека, например людей с ограниченными возможностями.

Самоуправляемые и полусамоуправляемые автомобили. Суммарный пробег беспилотных автомобилей Google достиг почти 500 тысяч километров. За это время они попали лишь в одну аварию, да и та — по вине человека.

Передовая геномика. Развивается на стыке генетического секвенирования и анализа супермассивов данных. Основные точки приложения: медицина, сельское хозяйство и биотопливо на основе микроорганизмов.

Накопление и хранение энергии. Прогресс в технологиях накопления и хранения энергии позволит сделать более экологически чистые гибридные автомобили полноценными конкурентами традиционных, стабилизировать работу электросетей и упростить процесс электрификации труднодоступных регионов.

Трехмерная печать. Представляет собой метод послойного создания физического объекта на основе виртуальной трехмерной модели. За четыре года стоимость домашнего принтера трехмерных объектов упала в 10 раз.

Высокотехнологичные материалы. Например: нанолекарства, суперконденсаторы для батарей, сверхгладкие покрытия и ультратонкие экраны.

Новые методы поиска и добычи нефти и газа. Так, в Соединенных Штатах, где добыча газа на основе сланцев и нефти из малопроницаемых пластов на сегодняшний день ведется наиболее активно, эти современные технологии продемонстрировали способность существенно влиять на структуру энергоснабжения и во многом уже изменили ее.

Возобновляемые источники энергии. К 2025 г. на возобновляемые источники энергии, прежде всего солнце и ветер, может прийтись до 16% мирового энергоснабжения. Генерация энергии из двух этих источников выросла с 2000 г. в 19 раз[14].

Очевидно, что на сегодняшний день в некоторых из этих областей три крупнейшие экономики Азии обеспечили себе сильные позиции. Например, Япония известна своими достижениями в области робототехники, Индия — в области информационных технологий. Однако в будущем может потребоваться прогресс в нескольких или даже большинстве названных направлений. Основная причина — это то, что только быстрое НТИ-развитие способно дать ответ на вызовы будущего.

Например, к 2030 г., по оценке минэнерго США и Международного энергетического агентства, мы лишимся примерно половины добываемой традиционными способами нефти. Это практически в четыре раза больше нынешнего уровня добычи нефти в Саудовской Аравии. Если не удастся увеличить предложение, то придется снижать спрос.

Это означает, что миру придется сократить на 70% объем перевозок в ближайшие 20 лет. Людям придется отказаться от значительной части личного транспорта. В Великобритании сейчас 34 млн. обычных автомобилей, вряд ли их можно будет заменить электромобилями в обозримом будущем.

В итоге единственным разумным способом перемещения людей станут трамваи и железнодорожные перевозки. На местном уровне придется производить куда больше еды и материалов, чем сегодня, транспортировать их на большие расстояния будет слишком дорого. Мир превратится в сообщество общин, которые будут тесно связаны друг с другом. Люди в их рамках будут обмениваться навыками и знаниями.

Исчерпание запасов нефти может привести к миру, который сильно отличается от нынешнего. Прорывные технологии, если их быстро развивать и внедрять, способны компенсировать потерю некоторых привычных условий нашей жизни, обусловленных таким исчерпанием. Тогда мир станет другим, но не менее комфортным, чем нынешний[15].

ВВП и рыночная капитализация

Один из интересных вопросов развития заключается в соотношении экономического роста, выражаемого динамикой ВВП, и роста рыночной капитализации, определяемого динамикой суммарной стоимости обращающихся на фондовых рынках акций. Далее приводятся данные по капитализации и фондовым индексам World Federation of Exchanges.

Из данных таблицы. 2 видно, что данное соотношение у США и четырех крупнейших экономик Азии разное.

Таблица 2
ВВП и рыночная капитализация[16]

	ВВП, трлн. USD			Рыночная капитализация, трлн. USD		
	2009, трлн. USD	2012, трлн. USD	Рост, %	2009, трлн. USD (конец года)	2012, трлн. USD (конец года)	Рост, %
США	14,26	15,68	110,0	15,08*	18,67*	123,8
Китай	4,98	8,23	165,3	3,57**	3,70**	103,6
Япония	5,07	5,96	117,6	3,53***	3,68***	104,2
Индия	1,31	1,84	140,5	2,53****	2,50****	98,8
Южная Корея	0,83	1,13	136,1	0,83*****	1,18*****	142,2

*NYSE и NASDAQ.
**Shanghai SE и Shenzhen SE.
***Japan Exchange Group — Osaka и Tokyo.
****BSE India и National Stock Exchange India.
*****Korea Exchange

За три года (2009–2012) ВВП США вырос на 10%, а рыночная капитализация — на 23,8%. Причем в абсолютных цифрах прирост капитализации составил 3,49 трлн. USD. С другой стороны, в рамках программ количественного смягчения (quantitative easing — QE) монетарные власти США влили в американскую экономику более 3 трлн. USD[17]. Случайно ли совпадение этих цифр? Вероятно, что влитые в экономику деньги в большей степени содействовали росту стоимости крупнейших корпораций, чем росту ВВП. Тем не менее, и такое развитие событий во время стагнации приемлемо.

Свой вариант стимулирования роста приводит Япония. За рассматриваемое трехлетие рыночная капитализация Японии увеличилась лишь на 4,2%, существенно отстав от прироста ВВП, составившего 17,6%. Безусловно, авария на АЭС Фукусима создала сильное давление на японский фондовый рынок. Достаточно сказать, что с марта 2011 г. (когда произошла авария) по ноябрь 2011 г. фондовый индекс Nikkei 225 упал на 13,5%. Без аварии темп прироста капитализации в Японии, вероятно, был бы сопоставим с темпом прироста ВВП (как это имеет место в Южной Корее).

Признаком активного использования количественного смягчения является более высокий темп роста капитализации по сравнению с темпом роста ВВП. С января по июль 2013 г. капитализация в Японии выросла на 17%, что свидетельствует о том, что правительство Синдзо Абэ использует количественное смягчение как ключевой элемент своей экономической политики. Глава Банка Японии Харухико Курода объявил о беспрецедентной по масштабу программе покупки активов и увеличения баланса центробанка. До конца 2014 г. монетарная база удвоится и вырастет до 240 трлн. иен (2,9 трлн. долларов). Эта «шоковая терапия» призвана повысить темпы экономического роста и инфляции.

Для реализации поставленных целей Банк Японии будет ежемесячно покупать на 7,5 трлн. иен долгосрочных госбумаг, что составляет примерно 70% от всех бумаг, выпускающихся на рынок. Объем покупок достигает 1% ВВП, что вдвое больше объемов покупок ФРС США. Так как будут покупаться долгосрочные бумаги, средний срок до погашения госбумаг на балансе центробанка вырастет с трех до семи лет. Важно и то, что эта программа будет продолжаться до тех пор, пока не будут достигнуты поставленные цели[18].

Приведенные данные говорят о том, что Япония во многом пошла по американскому пути, рассчитывая «разогнать» темпы роста ВВП и инфляцию путем нетрадиционной монетарной политики. Японский комплекс мер стимулирования, конечно, не сводится только к количественному смягчению. Фискальное стимулирование и структурные реформы образуют его другие важные компоненты. Но примечателен сам факт, что в ряде стран требуется изрядно накачивать денежную базу для того, чтобы достичь хотя бы некоторого ускорения темпов экономического роста.

В Китае и Индии за период с декабря 2009 г. по декабрь 2012 г. капитализация тоже изменилась незначительно. Однако ситуация в этих двух странах была разной. В Китае падала стоимость обращающихся на бирже акций, но росло количество вошедших в листинг компаний. Так, биржевой индекс Shanghai Composite за рассматриваемый период упал на 31%, но количество зарегистрированных на Шанхайской и Шеньчжэньской биржах компаний выросло более чем на 32%. Отсюда получился некоторый рост капитализации, рассчитываемой как произведение обращающихся акций на их курсовую стоимость. При этом Китай демонстрировал рекордные темпы экономического роста.

За этим стоит определенная специфика китайской модели развития. Эта модель включает, в частности, массированные инвестиции в расширение и модернизацию производства и быстрое наращивание продаж на основе сравнительно низких цен. Первое приводит к быстрому росту числа компаний и их укрупнению, соответственно, и к увеличению числа зарегистрированных на биржах компаний. Второе оказывает давление на прибыль и (наряду с другими факторами) снижает стоимость акций. Отсюда сочетание быстрого экономического роста и почти «топтания на месте» капитализации.

В Индии за трехлетний период капитализация практически не изменилась. Но при этом выросло как количество зарегистрированных компаний (на 7%), так и биржевой индекс BSE SENSEX 30 (на 11%). Такие данные могут свидетельствовать о тенденции отрыва курса акций ведущих компаний, учитываемых в биржевых индексах, от курса акций остальных зарегистрированных компаний. В свою очередь, отрыв может порождаться биржевой игрой на акциях ведущих эмитентов. Можно отметить, что в Индии исключительно большое количество инвестфондов, играющих на фондовом рынке. На бирже National Stock Exchange India в июле 2013 г. их было зарегистрировано 1322. Это больше, чем на Нью-Йоркской бирже и в системе NASDAQ в США, вместе взятых, и в 5,5 раз больше, чем в Китае. В отличие от Китая, где рыночная капитализация определяется в большей степени процессами в реальной экономике, в Индии этот показатель испытывает сильное влияние биржевой игры. Темпы роста ВВП в Индии меньше, чем в Китае, но выше, чем в Японии и США.

По характеру соотношения между ростом ВВП и ростом капитализации рассматриваемые страны можно распределить по четырем категориям:

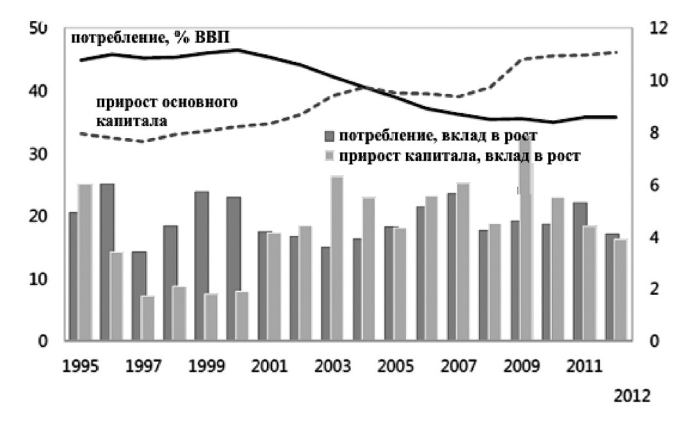
1. Высокие темпы экономического роста и высокие темпы роста капитализации: Южная Корея.
2. Высокие темпы экономического роста и низкие темпы роста капитализации: Китай, Индия.
3. Низкие темы экономического роста и высокие темпы роста капитализации: США.

4. Низкие темпы экономического роста и низкие темпы роста капитализации: Япония (до 2013 г.).

Произойдут ли в ближайшие годы изменения в этом распределении? Наиболее оживленные дискуссии вызывает вопрос о возможной «посадке» Китая. Лауреат Нобелевской премии по экономике Майкл Спенс считает, что движущей силой экономического роста Китая в будущем должно стать внутреннее потребление.

Диаграмма 3

Прирост потребления и капитала в Китае[19]



Однако, как видно на диаграмме 3, темп прироста потребления в Китае снижается, а темп прироста инвестиций растет. Изменить данную тенденцию будет непросто, так как замедление экономического роста (а в 2013 г. официальная оценка темпа прироста ВВП Китая составляет «всего лишь» 7,5%, что заметно ниже уровня предыдущих лет) будет побуждать к увеличению инвестиций.

Все большее число экспертов видит угрозу развитию Китая со стороны теневого сектора, который, в частности, довольно велик в банковской сфере. Журнал The Economist приводит данные об объеме операций банковского теневого сектора на конец 2012 г. Объем доверительных кредитов составил 5,9 трлн. юаней, неформальных займов — 3,5 трлн. юаней, а общий объем по всем применяемым банковским продуктам — 17,5 трлн. юаней. Операции теневого сектора осуществляют различного рода подковерные банкиры и слаборегулируемые институты, среди которых наиболее важную роль играют 67 китайских трастовых компаний. Активы теневых банков часто менее ликвидны, более долгосрочны и рискованны, чем объективно позволяют их обязательства. Значит, и бизнес их менее устойчив по сравнению с легальными банками, что и указывает на слабость в финансовой системе[20].

И эта слабость соприкасается с другими проблемными точками в экономике. Одна из них — это пузыри, образующиеся в результате высоких цен на недвижимость, избыточных мощностей и инфраструктурных проектов с низкой эффективностью. Возврат кредитов как официальных, так и теневых, привлеченных для финансирования деятельности в названных областях, может оказаться проблематичным. Если невозврат кредитов достигнет критического уровня, то Китаю, возможно, придется осваивать инструменты нетрадиционной экономической политики, такие как количественное смягчение, уже опробованное в США и запускаемое ныне в Японии.

Развернутую картину возможного кризиса в Поднебесной дает известный китайский экономист Ли Цзуцзюнь. По его мнению, кризис в Китае будет определяться следующими факторами:

- Пузырь на рынке недвижимости и ухудшение ситуации с задолженностью местных правительств. Это приведет к проблемам в экономике и замедлению темпов роста. В результате появятся проблемы у малого и среднего бизнеса. Сократятся налоговые поступления как от промышленности, так и от коммерческой деятельности.
- От сокращения налоговых поступлений, особенно от сектора недвижимости, пострадают местные правительства. При этом на местные правительства растет давление: им все равно придется тратиться на оборону, местную инфраструктуру, строительство домов и, главным образом, на «поддержание социальной стабильности».
- При этом сроки погашения местных долгов будут подходить, местные правительства столкнутся с ростом давления на них и многие из них могут оказаться банкротами. За этим последуют банкротства банков, а по их долгам придется расплачиваться гражданам Китая. Это и станет причиной полномасштабного экономического кризиса.
- 2013 г. станет периодом, когда сойдутся воедино кратко-, средне- и долгосрочный циклические спады. Среднесрочные циклы в экономике Китая случаются каждые 10 лет: в 1949, 1957, 1966, 1976, 1989 и 1998 гг. Как раз с последнего спада прошло примерно 10 лет, и спад вот-вот начнется. Спад на самом деле должен был начаться в 2008–2009 гг., но тогда он был отсрочен из-за стимулирующей политики правительства. Отсрочка не может быть долгой. Долгосрочный цикл в экономике Китая занимает 60 лет. Этот цикл также подходит[21].

Если подобный кризисный сценарий реализуется, тогда Китай перейдет в категорию стран с низкими темпами экономического роста и низкими темпами роста капитализации. А Япония, возможно, покинет эту категорию и перейдет в разряд стран с низкими темпами роста ВВП и высокими темпами роста капитализации.

Выводы

— Китай и Индия быстро наращивают свои доли в мировой материальной добыче; их суммарная доля в обозримом будущем составит около трети мировой добычи. Дальнейший рост этой доли замедлится по мере исчерпания добываемых ресурсов и увеличения экологической нагрузки.

— Глобальный тренд в обрабатывающей промышленности заключается в падении ее доли в ВВП. Однако Китай, Индия и Южная Корея укрепили свои позиции в «мировой мастерской» и сегодня вместе с Японией являются центрами мирового развития обрабатывающей промышленности.
— Возрастание роли крупных экономик Азии в мировой обрабатывающей промышленности не является простым замещением деятельности, являющейся «пройденным этапом» для развитых стран: центр роста объемных показателей обрабатывающих производств смещается на Восток, но центр роста производительности и инноваций в значительной степени остается в развитых странах.
— Китай также стремится получать зарубежные технологии в обмен на открытие своего рынка. Такая политика дала Китаю 4,5% роста годового потребления, пока все другие страны преодолевали последствия кризиса. Однако в долгосрочном плане она невыгодна. Если политику «услуга за услугу» свернуть, то инвестиции в Китай вырастут более чем в два раза к 2030 году.
— Китай и Индия фокусируют развитие своего технологического потенциала на разных сферах. Китай преуспел в технологически сложных областях обрабатывающей промышленности, Индия — в услугах, основанных на знаниях.
— Япония достигла высокого уровня инновационно-технологического развития, но дальнейший прогресс связан с усилением роли госсектора и подключением к международному сотрудничеству в рамках процессов глобализации.
— Китай и Индия достигли высоких темпов роста ВВП, при этом за последние три года их рыночная капитализация практически не изменилась. Это говорит о том, что фондовые биржи этих стран пока не играют значительной роли в макроэкономической политике.
— Япония показала в последние годы сравнительно невысокие темпы экономического роста, ее рыночная капитализация выросла еще меньше. Однако положение может измениться по мере реализации нынешней политики «абэномики», в результате которой Япония может приблизиться по соотношению темпов роста ВВП и капитализации к США.

Примечания

[1] The Wall Street Journal, 25.07.2013.

[2] Richard York, Christina Ergas, Eugene A. Rosa, and Thomas Dietz. It’s a Material World: Trends in Material Extraction in China, India, Indonesia and Japan. — Nature and Culture N 6 (2). Summer 2011. P. 103–122.

[3] http://www.terrahumana.ru

[4] Richard York, Christina Ergas, Eugene A. Rosa, and Thomas Dietz. It’s a Material World: Trends in Material Extraction in China, India, Indonesia and Japan. Nature and Culture 6 (2), Summer 2011: 103–122.

[5] The McKinsey Global Institute. Manufacturing the future: The next era of global growth and innovation. November 2012.

[6] Там же.

[7] http://www.finmarket.ru

[8] UNCTAD. Technology and Innovation Report 2012. P. 135.

[9] http://www.finmarket.ru

[10] UNCTAD. World Investment Report 2013.

[11] http://www.lawinrussia.ru

[12] http://www.j-bilat.eu

[13] Бюллетень «Инновационные тренды», № 13, 2011 г.

[14] McKinsey Global Institute. Disruptive technologies: Advances that will transform life, business, and the global economy. May 2013.

[15] http://www.finmarket.ru

[16] World Bank, World Federation of Exchanges.

[17] КоммерсантК. 26.08.2013.

[18] http://www.finmarket.ru

[19] Там же.

[20] The Economist. 01.06.2013.

[21] http://www.finmarket.ru

*А. С. Полехин**

Новая стратегия развития финансового сектора Республики Корея до 2023 г.: анализ основных направлений и перспектив реализации

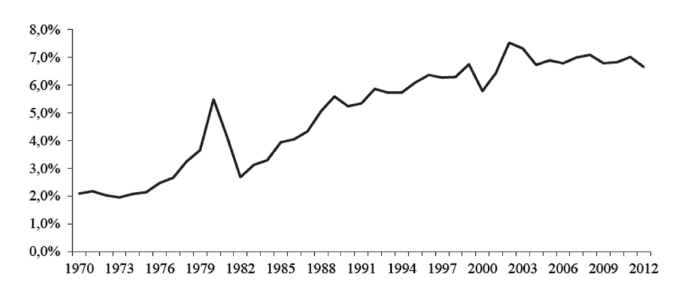
27 ноября 2013 г. финансовый регулятор Республики Корея FSC (Financial Services Commission, Kŭmyungwiwŏnhoe) представил План по повышению конкурентоспособности корейского финансового сектора, в англоязычных источниках получивший название ‘10–10 Value-UpPlan’. Своей конечной целью данная инициатива предполагает увеличение доли сферы финансов в ВВП страны до 10% к 2023 г. (в настоящий момент она не превышает 7%) путем реализации целого комплекса различных мер в секторе, направленных на повышение его устойчивости, темпов роста и доверия к нему, в том числе и среди населения. Несмотря на то что План пока существует в достаточно сокращенном виде и FSC обещает детально прорабатывать и представлять повестки по отдельным аспектам в дальнейшем, уже сейчас понятны точки его приложения и основные приоритеты на ближайшие десять лет. Принимая во внимание данный факт, мы можем говорить о том, что по сути именно этот План и должен стать каркасом Стратегии развития финансового сектора Республики Корея на долгосрочную перспективу.

Разработке Плана предшествовал достаточно большой объем подготовительной работы, реализация которой началась после марта 2013 г., когда председателем FSC стал профессиональный технократ из профильных министерств Син Джеюн (Shin Je-Yoon). За этот период, по данным регулятора, в частности, было проведено 68 встреч с участниками финансового рынка, и на основании анализа полученных данных был составлен План, важной особенностью которого, как подчеркивается, является его реализуемость[1]. Комментируя данную инициативу FSC, *Korea Herald* отметила, что она «выглядит более реалистичной в сравнении с неправильно истолкованной мечтой президента Но Мухёна десятилетней давности о создании финансового хаба [в Корее]»[2]. Тем не менее, в корейском бизнес-сообществе План был встречен неоднозначно. Однако прежде чем перейти к рассмотрению его сильных сторон, потенциально слабых мест и перспектив реализации, необходимо представить краткий анализ текущего состояния финансового сектора Республики Корея.

Финансовый сектор Республики Корея сегодня: сравнительный анализ

Как известно, Республика Корея после полувека интенсивного экспорториентированного развития в рамках модели Developmental State[3] достигла впечатляющих результатов: в настоящий момент страна входит в число 15 крупнейших мировых экономик с объемом ВВП в 2013 г. почти в $ 1,2 млрд., ВВП на душу населения в том же 2013 г. составил $ 23,8 тыс.[4] (что превышает значение аналогичного показателя для Мальты, Греции и Тайваня), корейские производители стали, автомобилей, судов и электроники прочно заняли лидирующие позиции в соответствующих отраслях уже в международном масштабе. Между тем не менее значимые достижения были осуществлены и при трансформации финансового сектора Республики Корея.

Диаграмма 1
Доля финансового сектора в ВВП Республики Корея (1970–2012 гг.)[5]



Источник: составлено по Bank of Korea (ecos.bok.or.kr)

Форсированная индустриализация Республики Корея в 60–70-х годах в условиях весьма ограниченных внутренних ресурсов капитала и фактического отказа от привлечения прямых иностранных инвестиций требовала четкой работы механизма, который, с одной стороны, обеспечивал бы эффективную мобилизацию средств внутри страны для последующего вложения их в приоритетные отрасли, а с другой — поддерживал бы у иностранных кредиторов доверие к Сеулу как к надежному заемщику. Объективным следствием такого подхода стал тот факт, что финансовая отрасль заняла подчиненную позицию по отношению к реальному сектору экономики, а созданная система управления экономическим развитием (когда Банк Кореи по сути был департаментом Министерства финансов, а само Министерство финансов подчинялось суперминистерству — Совету Экономического Планирования) способствовала закреплению такой ситуации. Относительная институциональная незрелость стала основной чертой финансового сектора вплоть до финансово-экономического кризиса 1997 г., о чем, в частности, свидетельствует низкая доля данной отра-

* Полехин Андрей Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент ИСАА МГУ.

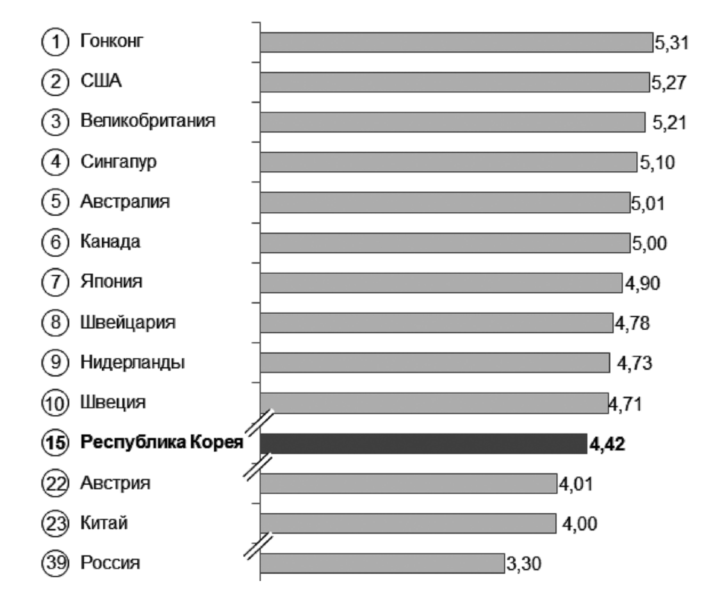
сли в ВВП и высокая волатильность в ее динамике (см. диаграмму 1). Ситуация начала кардинально меняться с 1998 г., когда были осуществлены радикальные преобразования, затронувшие регулирование деятельности банков, страховых компаний, NBFI (небанковские финансовые организации) и фондового рынка. В результате удельный вес финансового сектора в ВВП Республики Корея с 2001 г. достиг достаточно высоких значений и стабилизировался в границах коридора 6,4–7,5% (для сравнения в 2012 г. для Еврозоны данный показатель составил 5,1%, для Австралии — 8,7%[6]), и при этом не наблюдалось какой-либо отрицательной динамики во время глобального финансового кризиса 2007–2010 гг. Тем не менее, в настоящий момент в самой Республике Корея существует мнение, что финансовая сфера в своем развитии все еще имеет признаки отставания от реального сектора, и, как следствие, это повышает уязвимость национальной экономики. Так, ведущая корейская экономическая газета *Mael Kyŏngje* отмечала, что в 2013 г., по оценке Всемирного экономического форума (WEF), по уровню зрелости финансового рынка Республика Корея заняла всего лишь 81-е место (тогда как в 2012 г. ей принадлежала 71-я строчка в рейтинге), притом что Китай расположился на более высокой 54-й позиции, не говоря уже о таких странах, как Япония, Гонконг и Сингапур[7]. Нам не удалось найти данный рейтинг в каком-либо виде, однако Всемирный экономический форум в своем последнем ежегодном отчете *The Financial Development Report* опубликовал Индекс финансового развития для 62 государств в 2012 г. (см. диаграмму 2). Согласно результатам исследования, по значению данного индекса[8] Республика Корея заняла 15-е место, поднявшись с 18-го в 2011 г., опередив при этом такие страны, как Бельгия, Финляндия и Австрия. Такая оценка корейской финансовой отрасли, проведенная уважаемой международной структурой, как минимум не дает оснований предполагать наличия серьезных проблем в данной сфере. Тем не менее, мы поподробнее остановимся на анализе современного состояния банковского и страховых секторов, а также финансового рынка.

С момента финансово-экономического кризиса 1997 г. банковский сектор Республики Корея подвергся серьезной реструктуризации, следствием которой стало появление ряда важных моментов, предопределивших дальнейшее развитие данной сферы. Во-первых, была проведена консолидация коммерческих банков путем слияний, поглощений и закрытий. Так, с января 1998 г. по сентябрь 2001 г. 5 коммерческих банков (3 национальных и 2 региональных) были ликвидированы, а на основе 11 банков (6 национальных, 2 региональных и 3 специализированных) было сформировано 5 банков (4 национальных и 1 специализированный). По состоянию на июнь 2013 г. в Республике Корея работали 7 национальных, 6 региональных, 5 специализированных банков и 39 отделений иностранных банков[9].

Во-вторых, продолжился уверенный рост масштабов банковского бизнеса как в абсолютном, так и в относительном выражении: объем активов в 1999–2012 гг. (на конец периода) вырос в 2,8 раза до $ 1,66 трлн. Соотношение объемов активов к ВВП также продемонстрировало увеличение — со 115% в докризисный 1997 г. до 162% в 2013 г., что сопоставимо с такими странами, как Италия и Канада. На диаграмме 3 можно проследить, как менялись два ключевых показателя развития банковской системы — отношения депозитного и кредитных портфелей к ВВП — для Республики Корея в 2000–2013 гг. Как видно из представленных данных, за этот период в условиях статичной выборки из 60 стран (по состоянию на 2010 г.) Республика Корея переместилась из группы развивающихся рынков, в группу, где доминируют развитые государства.

Диаграмма 2

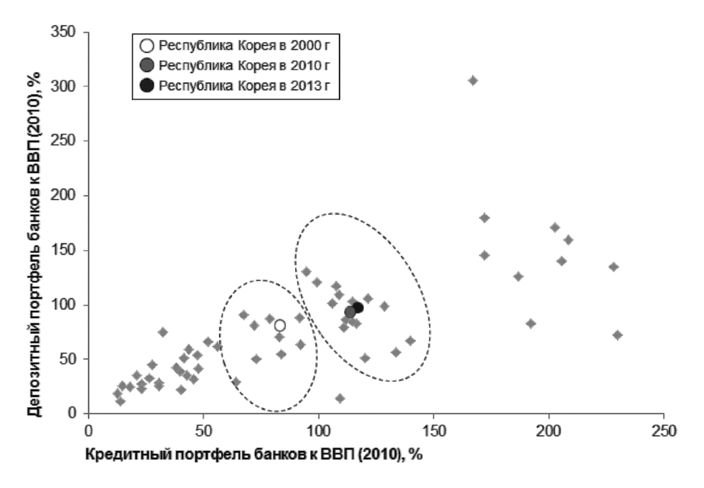
Индекс финансового развития в 2012 г. (WEF)



Источник: The Financial Development Report 2012. World Economic Forum, 2012. P. 12.

Диаграмма 3

Соотношение кредитного и депозитного портфеля к ВВП для выборки стран



Источник: Составлено по: The Financial Development Report 2012. World Economic Forum, 2012, p. 354 и данным Financial Supervisory Service (http://efisis.fss.or.kr/).

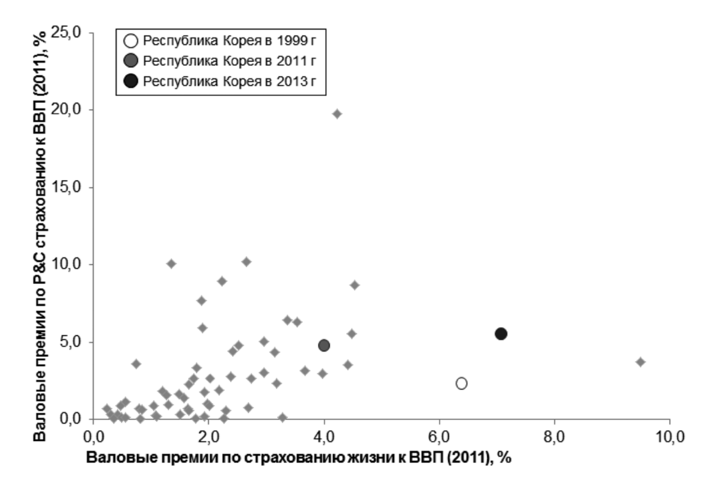
В-третьих, с момента проведения реструктуризации выросла рентабельность банковской деятельности. Так, если с 1993 г. ROE[10] сектора устойчиво сокращался (до 4,3% в 1996 г.), то в 2012 г. он составил 6,2%. Среднее же значение данного показателя за 2001–2012 гг. превысил 10%, притом что с 2009 г. корейские банки были несколько перекапитализированы.

В-четвертых, увеличилась устойчивость банковского сектора Республики Корея: так, уровень достаточности капитала (по стандартам Базельского соглашения) по состоянию на конец третьего квартала 2013 г. составил 14,3%, в то время как в конце 1996 г. он едва превышал 9%[11]. Кроме того, в период глобального финансового кризиса второй половины 2000-х годов корейские банки продемонстрировали минимальное ухудшение качества кредитного портфеля, что говорит о хорошо поставленной системе риск-менеджмента.

Толчок к развитию корейского страхового сектора Республики Корея после финансово-экономического кризиса 1997 г. дала либерализация сегмента P&C страхования[12] в 1998 г. и сегмента страхования жизни в 2000 г. В 2011 г. Республика Корея по двум основным показателям, характеризующим значение данного сектора для экономики, — соотношение валовых страховых премий к ВВП (отдельно для страхования жизни и P&C страхования) — соответствовала уровню таких стран, как США, Сингапур и Швейцария.

Диаграмма 4

Соотношение валовых страховых премий к ВВП для выборки стран



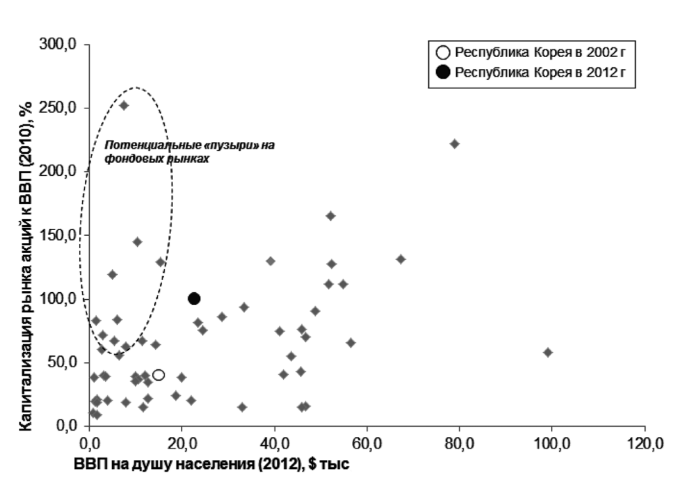
Источник: Составлено по: The Financial Development Report 2012. World Economic Forum, 2012, p. 363 и данным Financial Supervisory Service (http://efisis.fss.or.kr)

Начиная с 2001 г. страховой сектор Республики Корея демонстрировал стабильную и достаточно высокую доходность: минимальные значения ROE для P&Cстрахования не падали ниже 9,4%, а для страхования жизни — ниже 3,7%, при этом среднее ROE для периода 2003–2012 гг. по данным видам страхования составило 12,8% и 10,4% соответственно[13].

Финансовый рынок Республики Корея стал одним из наиболее пострадавших от кризиса 1997 г. секторов экономики: среднее значение индекса акций KOSPI в 1998 г. упало до 400 пунктов, что более чем в два раза ниже уровня 1996 г. При этом в течение года с рынка ушло восемь инвестиционных компаний (из 32) и 19 управляющих компаний (из 31). С другой стороны, неизбежные меры по реформированию системы регулирования и инфраструктуры финансового рынка избавили его от нежизнеспособных агентов и по сути создали условия для качественно нового развития. Уже в 1999 г. была открыта Korea Futures Exchange (биржа по торговле деривативами), принята законодательная база, регламентирующая проведение секьюритизации активов, индекс KOSPI вернулся на докризисные значения. Тем не менее, о каком-либо заметном прогрессе в контексте сравнения с финансовыми рынками развитых стран можно говорить только начиная со второй половины 2000-х годов. По такому показателю, как отношение капитализации акций к ВВП Республика Корея в настоящий момент приблизилась к таким государствам, как США и Швеция (см. диаграмму 5).

Диаграмма 5

Развитие фондового рынка[14]



Источник: Составлено по а) The Financial Development Report 2012. World Economic Forum, 2012, p. 372; б) IMF, World Economic Outlook Database (October 2013); в) Financial Supervisory Service (http://efisis.fss.or.kr)

Кроме того, за 2009–2011 гг. на Республику Корея пришлось 2,4% от мирового объема первичного размещения акций (IPO) в стоимостном выражении (7-е место), 2,7% от мирового объема сделок по слиянию и поглощению (11-е место), а отношение секьюритизированных активов к ВВП достигло 2,6% (3-е место после США и Нидерландов)[15]. Также следует отметить, что по результатам января — августа 2013 г. Korea Exchange вошла в десятку крупнейших площадок мира по объемам торговли акциями с оборотом в $ 890 млрд.[16]

План по повышению конкурентоспособности финансового сектора Республики Корея (‘10–10 Value-UpPlan’): основные цели

Как подчеркивает в своем пресс-релизе FSC, «финансовая отрасль будет превращена в сектор услуг с высокой добавленной стоимостью, что станет новым драйвером роста экономики, а также она создаст достаточное число новых рабочих мест»[17]. Для решения данной задачи ‘10–10 Value-Up Plan’ свою концепцию основывает на трех стратегических направлениях (или миссиях, как указывается в Плане). Эти направления уже получили довольно яркое название «3C's»:

- **Конкуренция** *(Competition)*. Предполагается создание на рынке новых возможностей за счет поддержки конкуренции и поощрения инноваций.
- **Совмещение** *(Convergence)*. Предполагается достижение сбалансированного роста в финансовом и реальном секторах экономики за счет реализации «Креативных Финансов» (Creative Finance).
- **Защита потребителей** *(Consumer Protection)*. Возвращение доверия граждан к финансовому сектору за счет повышения уровня защиты потребителей.

В рамках трех данных стратегических направлений План устанавливает девять основных целей (по три в каждом). Так, по направлению *Конкуренция (Competition)* предполагается решить следующие задачи:

1. <u>Поддержка здоровой конкуренции в финансовой отрасли</u>. Основной акцент здесь планируется сделать на снижении излишней зарегулированности сектора, препятствующей развитию конкуренции, а также поощрении роста сделок по слиянию и поглощению среди финансовых институтов и обеспечении свободы выбора для потребителей.
2. <u>Создание спроса на финансовые услуги среди “Homo-hundred”[18]</u>. Здесь планируется обеспечить потребителей пенсионного возраста финансовыми продуктами, полностью отвечающими их нуждам. Особое внимание будет уделяться развитию пенсионной системы третьего уровня (Pillar III) и страховых услуг.
3. <u>Глобализация корейской финансовой отрасли</u>. Предполагается смягчить те меры регулирования, которые препятствуют корейским финансовым институтам осваивать новые зарубежные рынки. Кроме того, будет поддерживаться создание в Республике Корея Финансового Хаба.

Стратегическое направление *Совмещение (Convergence)* также реализует комплекс из трех ключевых целей:

4. <u>Стимулирование активности в сегменте финансовых услуг для сферы, связанной с технологиями и интеллектуальной собственностью.</u> Планируется создать Бюро технологических прав (Tech Credit Bureau), которое бы предоставляло оценочную информацию по разработкам, полностью отвечающую запросам потребителей.
5. <u>Оживление рынков капитала.</u> Будет усовершенствовано регулирование деятельности фондов прямых инвестиций (Private Equity funds), а также реализованы меры по стимулированию IPO (вывода акций на рынок) наиболее перспективных компаний. Помимо этого, предполагается повысить спрос на инвестиции на рынках капитала и поощрять развитие новых финансовых продуктов.
6. <u>Укрепление корпоративной финансовой базы.</u> Предполагается обеспечение финансовой поддержки компаниям для реализации проектов за рубежом, а также диверсификация каналов фондирования для среднего и малого бизнеса. Будет реформироваться регулированиt для наиболее успешных фирм, например в части отмены института совместного поручительства.

Третье направление — *Защита потребителей (Consumer Protection)* — делает акцент на следующих задачах:

7. <u>Повышение защищенности потребителей финансовых услуг</u>. Планируется провести реорганизацию законодательства и институтов, связанных с защитой прав потребителей финансовых услуг, а также обеспечить справедливую конкуренцию на рынке за счет искоренения недобросовестной практики в финансовых расчетах/
8. <u>Стабилизация финансового рынка.</u> Будет достигнуто повышение качества и прозрачности работы системы финансового надзора. Также предполагается улучшить инфраструктуру внутреннего финансового рынка до уровня, соответствующего мировым стандартам.
9. <u>Повышение доступности финансовых услуг для потребителей с ограниченными социально-экономическими возможностями.</u> Особое внимание будет уделено домохозяйствам с низким уровнем дохода в контексте обеспечения их доступом к финансовым услугам и снижения бремени обслуживания имеющихся долгов.

На момент написания данной работы (январь 2014 г.) FSC ограничилась всего двумя пресс-релизами по теме ‘10–10 Value-Up Plan’, которые хотя и не раскрывают деталей Плана (они будут публиковаться Регулятором в течение 2014 г.), но достаточно четко дают представление об основных направлениях изменений в финансовом секторе, нацеленных в конечном итоге на повышение его удельного веса в ВВП страны. Сообщив в конце ноября 2013 г. о запуске ‘10–10 Value-Up Plan’ и обрисовав его структуру — 3 направления и 9 целей, FSC в тех или иных подробностях рассказала лишь о пяти моментах Плана.

Первый из этих моментов посвящен задаче поддержке здоровой конкуренции в финансовой отра-

сли (цель, идущая в Плане за № 1). Для ее решения FSC в целях упрощения процедуры получения одобрений на ведение финансовой деятельности (и, как следствие, снятие барьеров для входа на рынок новых игроков) планирует оптимизировать список ее видов за счет укрупнения в нем отдельных категорий. Также для определенных поставщиков финансовых услуг будет автоматически позволено заниматься и каким-либо дополнительным бизнесом без подачи отдельной заявки на разрешение. Кроме того, страховые компании получат право заниматься и доверительным управлением.

Несомненно важным в рамках данного момента является инициатива FSC по стимулированию слияний и поглощений в сегменте финансовых компаний. Этому был посвящен второй (и пока последний на текущий момент) пресс-релиз Регулятора по теме ‘10–10 Value-Up Plan’, в котором отмечается, что в Республике Корея сейчас «62 финансовых компаний, небольших по размеру в сравнении с игроками из развитых стран, и их специализация ограничивается брокерскими операциями на внутреннем рынке»[19]. FSC указывает на наличие излишней конкуренции между ними, негативно отражающейся на их рентабельности (и соответственно на размер добавленной стоимости, производимой ими), что должно быть исправлено за счет активизации процесса консолидации в данном сегменте.

Вторым моментом, который удостоился дополнительных пояснений со стороны FSC, стала задача создания спроса на финансовые услуги среди “Homo-hundred” (цель, идущая в Плане за № 2). В данном контексте Регулятор заявил о своем намерении поощрять предложение новых финансовых продуктов для стареющего населения, что обеспечило бы более высокое качество жизни для вышедших на пенсию. В частности, планируется стимулировать дальнейшее развитие пенсионной системы третьего уровня (Pillar III), расширение ассортимента видов добровольного медицинского страхования для пожилых, а также поощрять потребителей сохранять долгосрочные контракты по пенсионным схемам за счет введения дисконта на комиссию за управление и упрощение процедуры возобновления прерванного контракта.

Третий момент, озвученный FSC, затронул лишь одну составляющую задачи Плана под № 5, — реализация мер по стимулированию вывода акций наиболее перспективных компаний на рынок (IPO). Предполагается, что количество требований для листинга в секции KOSDAQ[20] будет снижено вдвое, а в секции KOSPI будет существенно уменьшен период рассмотрения заявки для крупных и прибыльных компаний.

Четвертый момент также связан с задачей Плана под № 5 и представляет собой еще одну ее составляющую — усовершенствование регулирования деятельности фондов прямых инвестиций (Private Equity funds). Планируется упростить их классификацию за счет упразднения достаточно запутанной таксономии, введя в обиход всего два вида фондов — фондов для профессиональных инвестиций (хедж-фонды) и фонды, реализующие права на управление. Также будет пересмотрен и порядок создания нового фонда — подачу заявления на регистрацию предполагается заменить уведомлением по уже факту формирования.

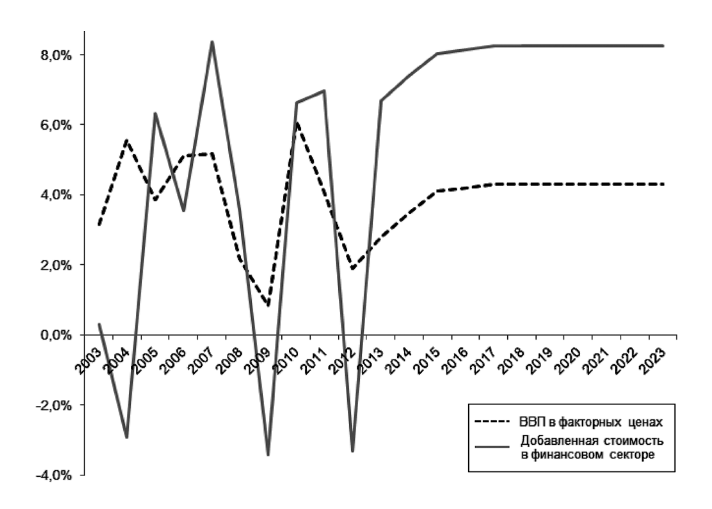
Наконец, пятый момент, который выделила в документе FSC, является задачей Плана под № 3 — глобализация корейской финансовой отрасли. Здесь Регулятор собирается реализовать целый комплекс мероприятий: предоставление вновь созданным зарубежным филиалам корейских финансовых структур своего рода каникул (grace period) на соответствие критериям по операционным результатам, разрешение национальным банкам приобретать иностранные финансовые холдинговые компании, а также разрешение корейским финансовым компаниям владеть менее 50% в зарубежных дочерних структурах. По мнению FSC, это создаст новые возможности роста для финансовых институтов из Республики Корея.

Оценка перспектив реализации стратегия развития финансового сектора Республики Корея до 2023 г. (‘10–10 Value-Up Plan’)

Как уже отмечалось, ‘10–10 Value-Up Plan’ в корейском экспертном и деловом сообществе вызвал неоднозначную реакцию. В частности, выражалось сожаление по поводу того, что «он не выглядит, как план для финансовой державы, которая выдвинется на такие же места, на которых находятся Самсунг и Хёндэ в реальном секторе»[21]. Также звучали и такие мнения, что «План содержит перечисление фактов в духе энциклопедии, и чего-то нового в нем немного»[22]. Но, как бы то ни было, конечная цель ‘10–10 Value-Up Plan’ — увеличить долю финансово-

Диаграмма 6

Реальные темпы прироста ВВП и добавленной стоимости в финансовом секторе



Источник: Подсчитано по: а) South Korea: 5-year forecast table. Economist Intelligence Unit, 12.12.2013; б) Bank of Korea (ecos.bok.or.kr)

го сектора в ВВП к 2023 г. — является, вне всякого сомнения, достаточно амбициозной, и мы попробуем оценить возможность ее реализации.

В своем анализе мы опирались на последний (декабрь 2013 г.) макроэкономический прогноз Республики Корея до 2018 г., составленный *Economist Intelligence Unit*. Если предположить, что в среднесрочной перспективе после 2018 г. (горизонт на 5 лет) реальные темпы прироста и дефлятор ВВП сохранятся на уровне 2018 г. (4,8% и 2,1% соответственно), и при этом доля финансового сектора в ВВП будет увеличиваться на протяжении 2013–2023 гг. равными среднегодовыми темпами, то получится, что с 2015 г. реальные темпы прироста добавленной стоимости в финансовой отрасли не должны будут опускаться ниже 8%, а номинальные — превышать 10,5%[23]. Принимая во внимание динамику темпов роста данного сектора за последние годы, а также ожидаемые масштабы роста экономики Республики Корея в целом, можно с большой долей уверенности говорить о достаточной амбициозности конечной цели '10–10 Value-Up Plan'. Рассмотрим, где могут быть ресурсы увеличения добавленной стоимости в финансовой отрасли до уровня, установленного FSC в Плане.

По состоянию на 2012 г. на банковский сегмент (коммерческие и специализированные банки) приходилось 41% всей добавленной стоимости финансового сектора, на сегмент страхования жизни — 31%, P&C страхования — 19%, инвестиционно-банковский бизнес — 5% и 4% — на прочие[24]. Как уже отмечалось ранее, по таким показателям, как проникновение кредитов и депозитов (отношение к ВВП) Республика Корея пока еще отстает от наиболее развитых стран — например, Нидерландов, Японии, Швейцарии. В условиях прогнозируемой динамики валовых инвестиций в основной капитал и потребления физических лиц (2013–2018 номинальный CAGR[25] составит 4,8% и 7,4% — соответственно), а также при реализации мер со стороны Регулятора по стимулированию корейских компаний замещать иностранное финансирование кредитами банков-резидентов — вполне возможно достичь темпы прироста кредитного портфеля на уровне не менее 10% (соответственно — в случае сохранения чистой процентной маржи на стабильном уровне[26] аналогичные темпы прироста будут и у чистых процентных доходов). Следует также отметить, что у корейских банков существенный потенциал увеличения есть и у чистых комиссионных доходов, доля которых в настоящий момент в совокупной чистой банковской выручке составляет около 25%[27]. Таким образом, представляется реальным на горизонте 10 лет при определенных условиях обеспечить ежегодные темпы прироста чистой банковской выручки (а также и добавленной стоимости в банковском секторе) в размере 12%.

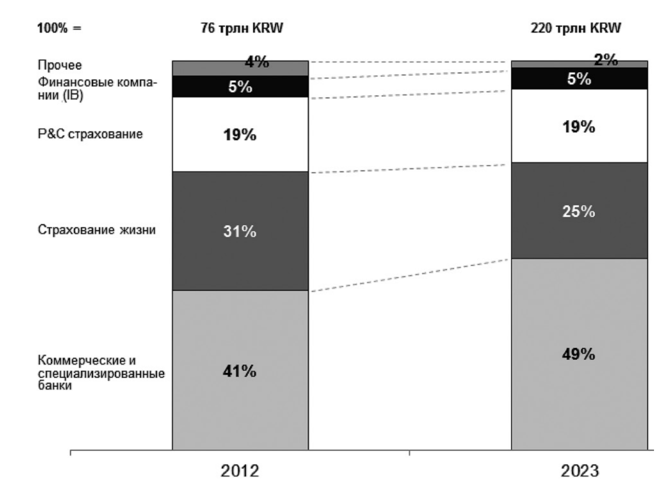
Добавленная стоимость в сегменте страхования жизни в последние годы демонстрировала достаточно высокие темпы прироста (более 30% в год в 2009–2012 гг.), однако, принимая во внимание тот факт, что к 2013 г. Республика Корея стала одним из мировых лидеров по такому показателю, как отношение премий по страхованию жизни к ВВП (см. Диаграмму 4), следует ждать их заметного замедления. Тем не менее, ресурс для поддержания устойчивой положительной динамики здесь, безусловно, имеется — прежде всего за счет развития накопительных программ (например, unit-linked страхование). Таким образом, можно утверждать, что до 2023 г. поддержание темпов прироста добавленной стоимости в данном сегменте на уровне до 10% представляется вполне решаемой задачей.

Рост добавленной стоимости в сегменте P&C страхования в рассматриваемом периоде может быть обеспечен на достаточно высоком уровне (не менее 10% в год) в свете двух моментов. Во-первых, здесь пока еще существует экстенсивная составляющая — по проникновению P&C страховых премий к ВВП Республика Корея отстает от ряда стран, далеко не все из которых являются передовыми развитыми государствами (например, ЮАР). Во-вторых, стабильные значения комбинированного показателя убыточности[28] в последние годы в диапазоне 99–102% свидетельствуют о довольно существенной конкуренции на корейском рынке по страховым продуктам с относительно невысокой добавленной стоимостью — таким образом, освоение новых рыночных ниш может стать дополнительным драйвером роста.

Сегмент финансовых компаний (инвестиционный бизнес) в настоящее время сильно фрагментирован, страдает от чрезмерной конкуренции, что, в свою очередь, негативно сказывается на его рентабельности (ROE в 2013 г. ожидается на уровне, едва превышающем 0%). Следствием этого стало 30%-ное падение в 2013 г. объема добавленной стоимости, произведенной в данном сегменте. Решение данной проблемы должен обеспечить комплекс мер, предла-

Диаграмма 7

Структура добавленной стоимости в финансовом секторе в 2012 и 2023 гг.



Источник: Подсчитано по: а) South Korea: 5-year forecast table. Economist Intelligence Unit, 12.12.2013; б) Bank of Korea (ecos.bok.or.kr); в) Financial Supervisory Service (http://efisis.fss.or.kr)

гаемых в рамках задачи '10–10 Value-Up Plan' за № 1, которая на данный момент позиционируется Регулятором как одна из наиболее приоритетных. В целом в случае успешной реализации этих мер здесь можно ожидать среднегодовые темпы прироста добавленной стоимости до 2023 г. на уровне не менее 10%.

Заключение

Финансовый сектор Республики Корея с момента финансово-экономического кризиса 1997 г. прошел насыщенный путь реструктуризации, благодаря которой данная отрасль на сегодняшний день по своим показателям вплотную приблизилась к уровню, соответствующему наиболее передовым развитым странам. Тем не менее, корейским правительством (в лице финансового регулятора) был представлен '10–10 Value-Up Plan', согласно которому доля финансовой индустрии в ВВП должна будет достигнуть амбициозных 10% к 2023 г. Проведенный анализ показал, что реализация этой цели вполне возможна, однако для этого необходимо скорейшее оформление Плана уже в виде более-менее детальной стратегии, а не схематичного road-map, существующего в настоящий момент, а также последующее четкое выполнение прописанных в нем мероприятий. Согласно нашей оценки, ключевым драйвером роста добавленной стоимости в финансовом секторе Республики Корея до 2023 г. должен стать банковский сегмент (см. диаграмму 7), однако в Плане последнему уделено крайне мало внимания. Тем не менее, есть основания полагать, что данный пробел является техническим, а не концептуальным и будет ликвидирован в самое ближайшее время: как подчеркнул FCS, «'10–10 Value-Up Plan' будет пересматриваться и обновляться на регулярной основе с целью оперативного и гибкого реагирования на изменения рынка»[29].

Примечания

[1] Plan to Strengthen Competitiveness of Korea's Financial Industry ('10–10 Value-Up Plan'). Financial Services Commission Press Release. November 27, 2013. P. 1.

[2] A New Financial Vision.Korea Herald, 29.11.2013.

[3] Термин впервые был предложен почетным профессором Калифорнийского университета в Сан-Диего Чалмерсом Джонсоном (Chalmers Johson) для описания особой концепции государственного капитализма, реализуемой в странах Восточной Азии.

[4] South Korea: 5-year forecast table. Economist Intelligence Unit, 12.12.2013.

[5] Здесь и далее при рассмотрении доли финансового сектора в ВВП последний берется в факторных ценах. В Республике Корея, как и во многих странах ОЭСР, финансовый сектор не облагается НДС.

[6] Рассчитано по данным ОЭСР (http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=9185)

[7] Chigak palp'yŏhan kŭmyung kangguk pangan silch'oni munjeda (Реализация объявленного плана по превращения страны в финансовую державу станет проблемой). Maeil Kyŏngje. 28.11.2013.

[8] При расчете данного индекса использовалось несколько десятков показателей, которые были сгруппированы в семь основных групп: состояние институтов, бизнес-климат, финансовая стабильность, банковские финансовые услуги, небанковские финансовые услуги, финансовые рынки, доступ к финансовым услугам.

[9] Максимальное количество коммерческих банков в Республике Корея насчитывалось накануне кризиса 1997 г. — 16 национальных банков и 10 региональных.

[10] Return on Equity — отношение чистой прибыли банка к среднегодовому значению его капитала.

[11] Минимально допустимый уровень достаточности капитала (с учетом капитала второго уровня) составляет 8%.

[12] P&C (Properties and casualties) — виды страхования, отличные от страхования жизни.

[13] Рассчитано по данным Financial Supervisory Service (http://efisis.fss.or.kr/). Для успешной страховой компании ROE должно быть в пределах 10–15%.

[14] На данной диаграмме ВВП на душу населения Республики Корея в 2002 г. дан в ценах 2012 г.

[15] The Financial Development Report 2012. World Economic Forum, 2012. P. 360, 362, 366.

[16] Key Market Indicator. World Federation of Exchanges, August 2013. P. 8 (www.world-exchanges.org)

[17] Plan to Strengthen Competitiveness of Korea's Financial Industry ('10–10 Value-Up Plan'). Financial Services Commission Press Release. November 27, 2013. P. 2.

[18] Термин, впервые использованный в 2009 г. World Population Aging report для обозначения людей, чей возраст достиг 100 лет.

[19] Plan to Stimulate M&As among Securities Companies. Financial Services Commission Press Release. December 16, 2013. P. 1.

[20] В секции KOSDA Qпредставлены компании среднего и малого бизнеса, а также венчурные компании (аналог американского NASDAQ).

[21] Chigak palp'yŏhan kŭmyung kangguk pangan silch'oni munjeda (Реализация объявленного плана по превращения страны в финансовую державу станет проблемой), Maeil Kyŏngje. 28.11.2013.

[22] Kyujewanhwaro ŏpkye muhankyŏngjaeng yudo… "hwakkijŏk taean ŏpta" pulmando (Дерегулирование приведет к неконкурентоспособности… Также есть и недовольство тем, что «передового альтернативного плана нет»), Hanguk Kyŏngje. 28.11.2013.

[23] Здесь и далее предполагаем, что дефлятор в финансовом секторе совпадает с дефлятором всего ВВП.

[24] Добавленная стоимость для банковского сектора рассчитывалась как совокупная чистая банковская выручка до формирования резервов на возможные потери минус чистый доход от ценных бумаг и минус административные расходы (за вычетом расходов на персонал). Для страхования жизни — совокупная операционная прибыль минус чистые инвестиционные доходы плюс изменение резервов страхования жизни и плюс расходы на персонал. Для P&C страхования — совокупная операционная прибыль минус чистые инвестиционные доходы плюс изменение резервов убытков и плюс расходы на персонал. Для инвестиционного бизнеса — совокупная операционная прибыль минус чистые процентные доходы плюс расходы на персонал.

[25] Compound Annual Growth Rate — среднегодовой темп роста.

[26] Чистая процентная маржа уже более 5 лет находится на уровне около 2%.

[27] Подсчитано по данным Financial Supervisory Service (http://efisis.fss.or.kr). До 2006 г. этот показатель превышал 30%.

[28] Комбинированный показатель убыточности (Combined ratio) показывает рентабельность P&C страховой компании по основному виду деятельности (страхованию). Значение, превышающее 100%, свидетельствует о том, что игрок убыточен (хотя в целом он вполне может и демонстрировать прибыль за счет положительного инвестиционного дохода).

[29] Plan to Strengthen Competitiveness of Korea's Financial Industry ('10–10 Value-Up Plan'). Financial Services Commission Press Release. November 27, 2013. P. 1.

*Е. И. Максимова**

Экономика Китая: перспективы смены модели экономического роста

Сегодня будущее китайской экономики привлекает внимание самых разнообразных групп мировой общественности, пожалуй, в неменьшей степени, чем ее феноменальный рост с начала 80-х гг. Этому есть свои причины. Во-первых, Китай уже сегодня занимает вторую строчку в мировом рейтинге по ВВП и расценивается в этом отношении как реальный конкурент США. Во-вторых, если экономика Китая так быстро росла в последние десятилетия, то как она поведет себя в дальнейшем? В-третьих, как скажется стремительная индустриализация и урбанизация Китая на ее ключевом экономическом преимуществе — дешевой рабочей силе? Эти и другие вопросы рождают один общий вопрос: что будет завтра?

Рост экономики Китая беспрецедентен. На протяжении последних тридцати с лишним лет Китай чудесным образом приковывает внимание мировой общественности благодаря небывалому скачку в социально-экономическом развитии. Если в 1978 г. показатель ВВП на душу населения в Китае составлял 2,5% от ВВП на душу населения в США, то сегодня он вырос до 20%. Если в начале 80-х годов 85% китайцев жили менее чем на 1,25 доллара в день, то уже к 2008 г. эта доля снизилась до 13%[1]. Сейчас Китай занимает вторую строчку в мировом рейтинге по показателю ВВП, уступая место США, а будущее Китая остается предметом спора аналитиков и футурологов.

Успех Китая в плане экономического развития часто сравнивают с достижениями Японии, Южной Кореи и Тайваня второй половины XX века, у которых и была заимствована так называемая азиатская модель развития. Характерными особенностями данной модели являются: капитализация предприятий при низком уровне заработной платы, ориентация на экспорт продукции и быстрая индустриализация с вливанием колоссальных объемов инвестиций; строгий и постоянный контроль со стороны государства; финансовая поддержка предприятий со сторон государства и следование политике индустриализации с целью развития отраслей народного хозяйства.

Азиатская модель развития действительно зарекомендовала себя как результативный способ повышения экономического благосостояния страны. В процессе ее применения показатель совокупной производительности факторов производства в целом ряде государств стремительно увеличивался (относительно величины данного показателя в США): в Японии — с 56% в 1950 г. до 83% в 1975 г., в Корее — с 43% в 1965 г. до 63% в 1990 г., на Тайване — с 50% в 1965 г. до 80% в 1990 г. В Китае же производительность факторов производства (относительно значений показателя в США) за тридцать лет выросла с 3% до 13%[2]. Этот относительно небольшой прирост дает основания интерпретировать нынешнее экономическое положение Китая двояко. С одной стороны, существует мнение, что дальнейший рост производительности можно обеспечить только путем проведения институциональных изменений в экономике страны. С другой стороны, есть предположение, что судить о результатах еще рано и у экономики Китая есть потенциал экстенсивного роста.

Существует немало противоречивых прогнозов относительно дальнейшего развития китайской экономики. Условно их можно разделить на две группы: оптимистичные и пессимистичные.

К числу оптимистичных относится прогноз профессора Ли Цзинвэня, опубликованный в монографии «Мега тенденции экономики Китая в XXI веке». В нем значатся следующие положения: во-первых, Китай способен, сочетая индустриализацию с информатизацией и развитие опорных отраслей с прорывами в научно-техническом прогрессе, к 2050 г. догнать развитые страны. Во-вторых, данную задачу предполагается решать в три этапа. К 2010 г. предстоит довести производство ВВП до 20 трлн. юаней, или до 14 тыс. юаней в среднедушевом выражении. При среднегодовом приросте в период 2011–2030 гг. в 5,9% производство ВВП к 2030 г. должно достичь 62 трлн. юаней. При среднегодовом приросте в 2031–2040 гг. в 4,9% и в 2041–2050 гг. в 4,3% объем ВВП страны к середине столетия должен составить 153 трлн. юаней, или около 100 тыс. юаней на душу населения. В-третьих, экономический рост будет сопровождаться поступательными сдвигами в структуре народного хозяйства. Доля сельского хозяйства в ВВП, по прогнозу, должна сократиться за полстолетия с 17,4 до 6,2%, доля промышленности и строительства — с 51,7 до 42,1% при одновременном увеличении доли сферы услуг с 30,9 до 51,7%. В-четвертых, по абсолютному размеру ВВП, рассчитанному в текущих ценах США, КНР должна обойти Соединенные Штаты приблизительно к 2030 г., а к середине XXI века — вдвое превзойти их[3].

Декан Института по изучению современного Китая Hu Angang пишет, что экономика Китая будет расти и в будущем благодаря «пяти двигателям»: ускорению индустриализации; ключевой роли Ки-

* Максимова Елена Ивановна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

тая в современном глобальном мире; его господству в сфере информационных технологий; стремительной модернизации китайской инфраструктуры в таких отраслях, как электроэнергетика и высокоскоростные поезда; росту интернационализации китайской экономики. Hu Angang также считает, что государственная поддержка предприятий в Китае — это его основная движущая сила и в будущем эта поддержка не потеряет своего значения в экономическом развитии страны. Goolam Ballim, главный экономист банка Standard Group, считает, что к 2050 г. мир может сильно измениться. В своем прогнозе экономист допускает, что в отдаленной перспективе в тройку крупнейших экономик мира будут входить Китай, Индия и Бразилия, тогда как нынешний лидер — США — будет лишь четвертой экономикой мира. Goolam Ballim пишет: «В какой-то степени ситуация с Китаем напоминает старую поговорку о том, что второй миллион заработать проще, чем первый. Когда Китай догонит США по объемам ВВП, ему будет легче его удвоить». Miranda Carr, глава отдела исследований по Китаю в NSBO, предполагает, что Китай станет крупнейшей мировой экономикой между 2025 и 2030 гг. и станет вдвое больше США к 2050 году.

Пессимистичные прогнозы, напротив, говорят о том, что Китай вряд ли будет демонстрировать впечатляющий рост в будущем. В своем прогнозе Сюй Сяньчуня отмечает следующие главные моменты. Во-первых, он исходит из неуклонной тенденции постепенного затухания темпов прироста ВВП Китая. Во-вторых, в базовом прогнозе Сюй Сяньчунь значительно скромнее, чем Ли Цзинвэнь, оценивает перспективы состязания Китая с США по абсолютному размеру ВВП. Так, соотношение ВВП КНР и США с 10,9% в 2000 г. должно возрасти до 36,1% в 2050 г. и остаться примерно таким же к концу XXI века. В то же время, согласно прогнозу, в 2056 г. Китай должен опередить Японию по объему ВВП. В-третьих, данная ситуация может радикально измениться в случае повышения курсовой стоимости юаня по отношению к доллару. Сюй Сяньчунь считает вполне вероятным повышение официальной курсовой стоимости юаня к доллару вдвое за период 2011–2050 годов. В этом случае к середине века КНР уверенно опередит Японию и станет второй экономикой в мире после США. В то же время Сюй Сяньчунь рассматривает возможность достижения Китаем уровня США до конца столетия как незначительную[4].

В свою очередь, Gary Liu, исполнительный директор CEIBS, считает, что причины роста китайской экономики отчасти кроются в нарушении экологических норм. «Дело не в том, насколько велика экономика Китая, а в том, как она достигла своих размеров… Я уверен, что ее размеры стоили многим людям их здоровья. Обратите внимание, как загрязнены вода и воздух. Думаю, что в будущем в Китае значительно возрастет число людей с такими страшными заболеваниями, как онкология». Gary Liu также считает абсурдным предположение о том, что Китай удвоит ВВП США. По его мнению, не стоит недооценивать возможностей инновационного развития США. Если Китай и догонит их по показателю ВВП, то не ранее 2033 года. Xu Bin, профессор экономики и финансов и заместитель декана CEIBS в Шанхае, придерживается точки зрения, что росту экономики мешают государственные предприятия и что многие из них должны быть приватизированы. Его основной довод состоит в том, что дальнейшее развитие будет требовать внедрения инноваций, а государство неспособно обеспечить инновационное развитие экономики. Тем не менее, по его прогнозу, в 2018 г. Китай догонит США по объему ВВП, и по мере сближения в соответствии с эффектом выравнивания темпы роста китайской экономики упадут ниже 4% (для сравнения, в период с 2003 по 2012 г. средние темпы роста ВВП Китая составляли 10,45%).

Среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения Китая, как пишет в своем прогнозе В. Г. Кли-

Среднегодовые темпы роста ВВП[6]				**ВВП (US$, 2005)**		
	1997–2007	2007–2009	2009–2050	2009	2030	2050
Аргентина	2,6	2,0	4,1	223	527	1267
Австралия	3,6	1,5	2,9	787	1501	2257
Бразилия	2,8	2,2	4,1	1011	2440	6020
Канада	3,3	-1,0	2,6	1171	2083	3154
Китай	9,6	8,8	5,6	3335	21 479	46 265
Франция	2,4	-1,0	2,1	2204	3323	4528
Германия	1,6	-2,1	1,4	2833	3593	4535
Индия	7,0	6,3	5,9	1065	5328	15 384
Индонезия	2,7	5,0	4,8	354	1073	2975
Италия	1,5	-3,1	1,3	1732	2197	2580
Япония	1,1	-3,1	1,1	4467	5786	6216
Корея	4,3	0,6	2,5	945	2122	2812
Мексика	3,3	-3,1	4,3	866	2397	5709
Россия	5,7	-1,2	3,3	869	2487	4297
Саудовская Аравия	3,2	1,7	4,8	348	896	2419
ЮАР	3,7	0,4	4,3	271	791	1919
Турция	4,0	-2,9	4,4	509	1437	3536
Великобритания	2,9	-1,9	2,1	2320	3597	4997
США	3,0	-1,2	2,7	12 949	22 258	28 646

нов[5], в 2001–2025 годах снизится примерно до 6,0%. Во-первых, в условиях восходящей волны обостряется конкуренция в области привлечения капиталовложений и интенсивность притока иностранных капвложений в Китай уменьшится. Во-вторых, индустриализация Китая идет по наиболее энергоемкому и материалоемкому направлению, что в условиях мирового дефицита и удорожания соответствующих ресурсов отрицательно скажется на темпах экономического роста.

Банк Goldman and Sachs оценил ВВП Китая 2000 г. в ценах и по соотношению курсов валют 2003 г. в размере 1078 млрд. долл. ВВП Китая 2050 г. в ценах 2003-го, но по предполагаемому соотношению курсов валют 2050 г. может достичь 44,5 трлн. долл.

Согласно прогнозу Фонда Карнеги в 2010 г., Китай, Индия и США будут крупнейшими экономиками мира к 2050-му. Их суммарный ВВП будет превышать суммарный ВВП остальных стран «большой двадцатки» на 70%. Суммарный ВВП Китая и Индии будет составлять около $60 трлн. — приблизительно столько составляет размер мировой экономики сегодня[7]. США уступят Китаю в экономическом могуществе к 2032 году. Этому будет способствовать рост экономики Китая в среднем 5,6% в год и укрепление юаня. Однако размер ВВП на душу населения в США будет в три раза выше, чем в Китае, и в восемь раз выше, чем в Индии, что вместе с технологическим превосходством обеспечит им положение лидера среди мировой общественности.

Темпы роста ВВП Китая, %[8]

Год	Значение
2003	10,0
2004	10,1
2005	11,3
2006	12,7
2007	14,2
2008	9,6
2009	9,2
2010	10,4
2011	9,2
2012	7,8

Одним из оснований для пессимистичных прогнозов будущего китайской экономики служит то, что, помимо необычайно стремительного развития экономики, страны, использовавшие азиатскую модель развития, объединяет и тот факт, что темпы их экономического роста однажды резко замедлились. Так, критики этой модели строят свои прогнозы, обосновывая их тем, что сама модель не в состоянии обеспечить долгосрочного экономического развития. Проблема, по их мнению, заключается в следующем. Государство для привлечения иностранных инвестиций в экономику страны должно обеспечить динамичный рост производства в отрасли, что оно и делает с помощью субсидий. Это искусственное привлечение средств приводит к тому, что значительная их часть тратится впустую и генерируются избыточные мощности. Дотационные предприятия безответственно распоряжаются средствами, которые им не придется возвращать, и в результате возводятся заводы и здания, которые не нужны. Таким образом, колоссальные инвестиции уходят впустую и вместо полезного эффекта становятся причиной неэффективности экономики.

Аналогичная ситуация характерна и для современного Китая. К примеру, страна инвестирует сотни миллиардов долларов в строительство высокоскоростных железных дорог, хотя цены на билеты слишком высоки для большинства китайцев, а многие крупные китайские города не имеют метро. Значительная доля инвестиций направляется в сектор недвижимости, развитие которого является одной из основных движущих сил роста китайской экономики[9]. Однако строятся здания, квартиры в которых недоступны большинству китайцев и, следовательно, не продаются. В Вэньчжоу, к примеру, агент по недвижимости в качестве маркетингового хода предлагает бесплатно автомобиль марки BMW тем, кто купит квартиру премиум-класса[10]. Возводятся торговые центры, в которые не ходят покупатели.

Некоторые аналитики[11] полагают, что при более эффективном использовании капитала и рабочей силы совокупная производительность факторов производства в Китае была бы выше. Hsie и Klenow отмечают рост показателя в период с 1998 по 2005 г., однако, по их мнению, неизвлекаемый потенциал (в промышленном секторе) составляет порядка 30%. К аналогичным выводам пришли Song и Wu[12]. Росту производительности, как пишет в своей статье Xiaodong Zhu[13], в первую очередь препятствует протекционистская политика государства: «Контролируемые государством фирмы, защищенные экономическими барьерами от частных и иностранных конкурентов, по-прежнему обладают практически монопольными правами и прибылями в различных отраслях, начиная от энергетики, перевозок и телекоммуникаций и заканчивая банковской сферой, сферой развлечений, образования и здравоохранения».

Xiaodong Zhu уверен, что для роста производительности факторов производства необходимы институциональные изменения, направленные на создание условий нормальной рыночной конкуренции в различных отраслях экономики. Он пишет, что на протяжении последних тридцати пяти лет китайские власти пытаются провести экономические реформы без политических. В результате складывается ситуация, при которой монопольной властью обладают заинтересованные близкие к правитель-

ству группы, имеет место быть неравенство доходов и процветает коррупция.

Государственный капитализм традиционно яро критикуется некоторыми аналитиками — сторонниками либерализации экономики. Однако, если вспомнить, именно активное участие государства способствовало развитию экономик таких стран, как Тайвань, Южная Корея и Сингапур. Китай, по сравнению с ними обладает значительно более высоким потенциалом развития и в то же время своеобразным подходом к демократизации. По мнению главного экономиста HSBC в Китае Qu Hongbin, процесс индустриализации и урбанизации в Китае произведен лишь наполовину и стране по-прежнему необходимы инвестиции в железные дороги, больницы и промышленные предприятия и т.д. Накопления капитала в Китае еще далеки от стадии убывающей доходности, а значит, нужна помощь со стороны государства.

Критика государственного протекционизма опирается на идеологию свободного рынка, свойственного западной культуре, и во многом не учитывает специфику китайских национальных культурных традиций. Тысячелетиями в Китае культивировалась мысль о том, что все китайское — мысль, культура, модель общественного развития, устройства общества — это нечто исключительное, выше всего существующего в мире, что внешний мир несправедлив к китайцам, он их территориальный и моральный должник[14]. Эта мысль уводит нас к более глубокому вопросу о национальной культуре и идеологии. Отметим лишь тот факт, что в Китае правит Коммунистическая партия, а остальные 8 партий признают руководство со стороны КПК. «Демократические партии не находятся в оппозиции, а принимают участие в политической деятельности страны»[15]. Можно ли в этом случае говорить о демократии в Китае? Нужно ли пробовать применение в китайских условиях западной модели экономики? Думается, что расхожая мысль о необходимости адаптации методов и моделей под определенные условия нашла свое воплощение в псевдорыночной экономике Китая — части социализма с китайской спецификой. Ведь именно она привела Китай к столь высоким результатам. Как говорил Дэн Сяопин: «При осуществлении модернизации необходимо исходить из реальной действительности Китая… и нужно со всей серьезностью изучать и заимствовать опыт других стран… [но] идти свои путем»[16].

Вопрос о том, какой будет страна к 2050 г., имеет принципиальное значение для граждан Китая. Этот год символичен, поскольку, с одной стороны, именно в 2050 г. будет отмечаться юбилей (100 лет) КПК, а с другой стороны, как известно, Дэн Сяопин завещал, что к этому времени в стране должен быть построен социализм с китайской спецификой: «За два десятилетия, то есть к концу нашего века (имеется в виду XX век), увеличить производство промышленной и сельскохозяйственной продукции в четыре раза, достигнуть среднезажиточного уровня жизни… Для того, чтобы действительно стать развитой страной… Китаю потребуется еще 30–50 лет»[17].

В выступлениях и статьях китайских лидеров — Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао — пропагандируется общее стремление к «организации и сплочению в деле построения независимого, свободного, демократического, единого, богатого и могучего Нового Китая»[18]. Эти идеи нашли свое воплощение в документе, получившем название «Прогноз — 2050». Этот документ, как отмечает К.Г. Муратшина, представляет четко сформулированную и просчитанную с учетом всевозможных вызовов стратегию экономического развития Китая, преобразования его экономики в индустриально-информационную, подъема на уровень экономически развитых стран.

Оценка уровня модернизации Китая в первой половине XXI в.[19]

Наименование показателя	2000	2020	2030	2040	2050
Доля расходов на НИОКР в ВВП, %	1,0	2,0	2,4	3,0	3,6
Количество научных работников на 10000 жителей	5,5	12	18	26	39
Количество патентов на 1 млн. жителей	20	112	201	359	643
Охват средним образованием, %	63	85	89	94	99
Охват высшим образованием, %	7,2	24	34	48	68
Охват ТВ, телевизоров на 1000 человек	293	583	644	711	786
Доступ в Интернет пользователей на 10 тыс. жителей	178	2000	3000	5000	8000
Урбанизация, %	36	53	61	71	81
Средняя продолжительность жизни, лет	70	74	77	79	81
Среднедушевое энергопотребление, кг нефтяного эквивалента на человека	868	1902	2556	3435	4616
Среднедушевой ВВП (2000), долл.	840	2451	3992	6503	10593
Среднедушевой ВВП по ППС (2000), долл.	3920	11435	15368	20653	27756
Доля отраслей материального производства в ВВП, %	67	45	37	30	24
Доля занятых в материальном производстве, %	73	49	40	33	27

Ядро стратегии развития Китая — идея «великого возрождения китайской нации». Дэн Сяопин не только сформулировал стратегию, но и фактически дал наставление гражданам Китая, каких принципов они должны придерживаться на пути к общенациональной цели. Китайский гражданин должен «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное»[20].

Учитывая глубокую проработанность плана стратегии экономического развития Китая к 2050 г., сомнения по поводу его реализации невольно отступают. Однако план — это модель и в реальности эта модель, может быть и вероятно, будет искажена. Свои коррективы вносит сама жизнь.

По данным ООН[21], в 2013 г. численность мирового населения составила 7,6 млрд. человек, а к 2050 г. эта цифра вырастет до 9,6 млрд. человек. Однако Китай, как отмечается в прогнозе, опубликованном на сайте ООН[22], уже к 2028 г. перестанет быть лидером по численности населения, уступив место Индии[23].

Опасения Китая вызывает прогноз относительно численности трудоспособного населения, непосредственно послужившего стремительного росту экономики страны в течение последних десятилетий. Считается, что к 2050 г. число населения пенсионного возраста (старше 60 лет) достигнет 30% населения страны. Отношение числа населения в возрасте 15–64 лет к зависимому населению (тем, кто младше и старше) стремительно росло в течение последних десятилетий, достигло своего пика и будет снижаться. Так как численность трудоспособного населения имеет решающее значение для быстрого экономического роста, снижение этого показателя повлечет за собой экономические трудности. В течение многих лет растущая численность трудоспособного населения обеспечивала китайским производителям источник дешевой рабочей силы. Дешевый труд сыграл решающую роль в создании экспортной машины Китая. Смягчение потенциальных экономических проблем, связанных со старением населения, таким образом, одна из тех задач, которые предстоит решать Китаю в ближайшие десятилетия.

Такая демографическая ситуация является прямым следствием политики сокращения рождаемости, предпринятой правительством Китая в конце 1970-х гг. Как неоднократно отмечалось в СМИ и в докладах высокопоставленных чиновников и политиков: «За 30 лет (то есть начиная с 1980 г.) родилось на 400 миллионов человек меньше». В действительности индекс рождаемости сократился с 5,8 в 1979 г. до 1,63 в 2013 г.[24] Любопытно, что данный факт представляется в разном свете в зависимости от ситуации. Например, на форуме ООН в 2009 г., посвященном изменению климата, заместитель начальника комиссии по народонаселению и планированию семьи Чжао Байкэ отметил, что политика в отношении рождаемости в Китае внесла вклад в сокращение выбросов вредных газов. В другом случае, опасаясь критики правительства за жесткие негуманные меры со стороны международного сообщества, информация представляется как искаженная: «По нашим грубым подсчетам, в результате действия политики ограничения рождаемости с 1980 года родилось максимум на 100 млн. человек меньше. Остальные 300 млн. нельзя отнести к действию этой политики».

Б.Н. Кузык и М.Л. Титаренко отмечают четыре гипотетических сценария экономического развития Китая.

1. Резкое возвышение. Такому сценарию, по мнению исследователей, соответствовал бы выход на второе место в мире вслед за США по абсолютному объему ВВП, пересчитанному из юаней в доллары по официальному курсу. Доля Китая в мировой торговле с нынешних 6% выросла бы до 9–10% с одновременным переходом на более высокие этажи в международном разделении труда. Реализация подобного сценария требует длительного сохранения высоких темпов роста. При среднегодовом приросте ВВП в 7% за 20 лет он вырастет почти в 4 раза, а за 30 лет — в 7,6 раза. Китай, где экономические и иные успехи неизменно ведут к росту национальной гордости, граничащей с национализмом, будет становиться все более жестким и неуступчивым политическим партнером.
2. Затухание темпов роста (после 2010 года — до 5–6% в год, после 2020 года — еще ниже). Сценарий вытекает из сегодняшних тенденций развития и обещает большую предсказуемость и покладистость Китая на международной арене.
3. Застой — затухание темпов роста до уровня, обеспечивающего только удовлетворение потребностей возрастающего населения и стагнацию общего уровня жизни. Этот сценарий вряд ли реализуется в ближайшие годы, так как Китай имеет огромный инвестиционный задел. Он возможен, однако, в случае ухудшения ситуации в мировой экономике.
4. Срыв. Срыв в экономическом развитии, под которым подразумевается скатывание страны к суженному воспроизводству. Этот вариант возможен только в случае гипотетической попытки силового восстановления суверенитета над Тайванем. Угрозу срыва в результате смены общественного строя или тотальных внутренних беспорядков нельзя сбрасывать со счетов хотя бы теоретически.

Однако реализации любого сценария экономического развития Китая могут помешать факторы, весьма условно поддающиеся прогнозированию

или не поддающиеся ему вообще, но способные в корне изменить экономическое и геополитическое положение государства. К их числу относятся[25]:

1. Идеи и поведение лидеров государства. История XX века учит, что действия влиятельных лидеров предвидеть сложнее всего. В. И. Ленин, И. В. Сталин, М. Цзэдун, А. Гитлер — яркое тому подтверждение.
2. Экономическое непостоянство. Резкие экономические перемены в стране, как правило, влекут за собой политическую нестабильность. Так, экономическое непостоянство и возведение протекционистских барьеров в двадцатых и тридцатых годах XX века вместе с затянувшимся негодованием по поводу Версальского мирного договора обеспечили предпосылки для Второй мировой войны; крах многонациональных и национальных империй, начавшийся после Первой мировой войны и продолжившийся после разрушения колониальных империй после Второй мировой войны, развязал целый ряд национальных и этнических конфликтов; нынешняя глобализация спровоцировала миграцию, разрушив традиционные социальные и географические границы.
3. Геополитическое соперничество. Конфликты, возникающие на этой почве, служили причинами многочисленных войн, крахов империй и подъемов новых сил.

Вместе с тем представляется наиболее вероятной реализация первого, оптимистичного, сценария с выходом на лидирующие позиции в экономическом развитии. При этом сильная идеологическая платформа, нацеленная на совместное создание светлого будущего с помощью индустриального альянса и солидарности («With Industrial Alliance and Solidarity to co-create bright future!») и способность построения предприятий мирового уровня с помощью развития технологий и инноваций («Enhance Technology Innovation Ability to build World Class Enterprice!») представляют собой важную составляющую будущего экономического успеха Китая.

Примечания

[1] http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mcat&mcat=153&type=news&top_menu=photo&sb=61&newsid=1965

[2] Xiaodong Zhu «Understanding China's Growth: Past, Present, and Future», Journal of Economic Perspectives. Volume 26, Number 4. Fall 2012. P. 103–124.

[3] Титаренко М.Л. (отв. ред.). Экономика Китая вступает в XXI век. М., 2004. С. 38–39, 51, 58.

[4] Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 345.

[5] Клинов В. Г. Мировая экономика: прогноз до 2050 г. / В. Г. Клинов // Вопросы экономики. 2008. № 5. С. 62–79.

[6] "The World Order In 2050" Carnegie Endowment for International Peace. Policy Outlook, April 2010. P. 8 // http://carnegieendowment.org/files/World_Order_in_2050.pdf

[7] Там же. P. 9.

[8] http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=china&table=ggecia

[9] http://business.time.com/2012/02/27/why-china-will-have-an-economic-crisis/

[10] http://business.time.com/2012/02/27/why-china-will-have-an-economic-crisis/

[11] Hsieh, Chang-Tai, and Peter J. Klenow. 2009. "Misallocation and Manufacturing TFP in China and India". Quarterly Journal of Economics 74(4): 1403–48.

[12] Song, Michael Zheng, and Laura Wu. 2011. "A Structural Estimation on Capital Market Distortions".

[13] Xiaodong Zhu «Understanding China's Growth: Past, Present, and Future», Journal of Economic Perspectives. Volume 26, Number 4. Fall 2012. P. 103–124.

[14] Муратшина К. Г. «Китай — 2050»: специфика формирования стратегии, Актуальные проблемы ШОС, 2010. С. 90.

[15] http://russian.cri.cn/chinaabc/chapter[2]/chapter20402.htm

[16] Дэн Сяопин. Вступительная речь на XII Всекитайском съезде КПК 1 сентября 1982 г. // О строительстве специфически китайского социализма. Бэйцзин, 1984. С. 3–4. Цит. по: Муратшина К. Г. «Китай — 2050»: специфика формирования стратегии, Актуальные проблемы ШОС, 2010. С. 87.

[17] Дэн Сяопин. Идея «одно государство — два строя» выдвинута на основе реальных условий // Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С. 120. Цит. по: Муратшина К. Г. «Китай — 2050»: специфика формирования стратегии, Актуальные проблемы ШОС, 2010. С. 87.

[18] Мао Цзэдун. Политический отчет ЦК КПК VII съезду КПК 24 апреля 1945 г. // Избранные произведения. 1953. Т. 4. С. 460. Цит. по: Муратшина К. Г. «Китай — 2050»: специфика формирования стратегии, Актуальные проблемы ШОС, 2010. С. 86.

[19] Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 346.

[20] Цзян Цзэминь. Выступление перед слушателями 3-го набора семинара по изучению теории партстроительства (31 июля 1991 г.) // О социализме с китайской спецификой. Кабинет ЦК КПК по изучению документов. М., 2004. Т. 3. С. 473. Цит. по: Муратшина К. Г. «Китай — 2050»: специфика формирования стратегии, Актуальные проблемы ШОС, 2010. С. 90.

[21] http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=45165#.Ul-hPlC — 18F

[22] http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=45165#.Ul-hPlC — 18F

[23] Численность населения Индии к 2028 г., по прогнозам, превысит 1,45 млрд. человек. К 2031 г. Индия станет лидером по численности населения (http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=45165#.Ul-hPlC — 18F; http://carnegieendowment.org/files/World_Order_in_2050.pdf).

[24] http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=45165#.Ul-hPlC — 18F

[25] Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. — М.: Издательство «Европа», 2009. С. 30.

*А. П. Муранова**

Зарубежные прямые инвестиции стран Юго-Восточной Азии

В последнее десятилетие в условиях усиливающейся регионализации и глобализации экономической деятельности, структурных сдвигов в мировом хозяйстве и кризисного состояния экономик развитых государств в международном движении капитала произошли весьма важные изменения.

Во-первых, замедлилась динамика глобального притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Во-вторых, ускорился рост притока ПИИ в развивающиеся и переходные страны. В-третьих, уменьшился вывоз капитала из развитых государств, и в 2012 г. он был даже ниже уровня 2000 г. В-четвертых, устойчиво возрастал экспорт капитала из развивающихся и переходных экономик. В-пятых, вследствие вышеуказанных процессов произошли существенные структурные сдвиги. В частности, в течение 2000–2012 гг. удельный вес развитых государств в глобальном притоке ПИИ снизился (с 81,13% в 2000 г. до 65,91% в 2007 г. и 41,51% в 2012 г.), развивающихся и переходных стран — повысился (в первой групп стран — с 18,37% в 2000 г. до 29,43% в 2007 г. и 52,2% в 2012 г., во второй группе — соответственно с 0,5% до 4,66% и 6,47%). Подобный же тренд наметился в эти годы и в глобальном оттоке прямых инвестиций. Доля развитых государств уменьшилась с 88,72% в 2000 г. до 83,2% в 2007 г. и до 65,38% в 2012 г., развивающихся стран — увеличилась с 11,02% в 2000 г. до 14,53% в 2007 г. и до 30,63% в 2012 г., а переходных стран — соответственно с 0,26% до 2,27% и 3,99%[1].

В русле глобальных тенденций развиваются инвестиционные потоки и в Юго-Восточной Азии. В данной статье рассматриваются зарубежные прямые инвестиции (ЗПИ) этого региона.

Активный выход ряда стран Юго-Восточной Азии на международный рынок капитала в качестве его экспортеров относится к 70-м гг. прошлого века. В «Докладе о мировых инвестициях 2006 г.», специально посвященном проблеме вывоза капитала из развивающихся и переходных стран, отмечается, что в 1970–1980-е годы отток прямых инвестиций из развивающихся стран был очень мал по сравнению с современными масштабами, а источниками были страны Африки, преимущественно Латинской Америки и Западной Азии. Однако с середины 1980-х годов бóльшую значимость приобрели страны Восточной и Юго-Восточной Азии[2]. В начале 80-х годов основными экспортерами капитала из региона были его наиболее развитые государства — Сингапур, Малайзия, Филиппины, в небольшом объеме вывозили капитал Индонезия и Таиланд. В 1980 г. из региона было экспортировано 394 млн. долл. (в том числе из Малайзии — 201 млн., Сингапура — 98 млн., Филиппин — 86 млн., Индонезии — 6 млн., Таиланда — 3 млн. долл.)[3], что составляло всего лишь 0,76% глобального оттока прямых инвестиций (доля всех развивающихся стран — 6,19%). Однако уже тогда регион выступал как весьма крупный среди развивающихся стран экспортер капитала. В 1980 г. на него приходилось 12,3% оттока прямых инвестиций из всех развивающихся государств и 33,4% экспорта капитала из развивающихся стран Азии[4].

Через 10 лет, в 1990 г., за рубежом были размещены 2328 млн. долл. (в том числе Сингапуром — 2034 млн., Таиландом — 154 млн., Малайзией — 129 млн. долл.) и доля региона возросла в глобальном оттоке инвестиций до 0,96%, в оттоке из развивающихся стран — до 19,66%, но снизилась до 21,27% в экспорте капитала из азиатских развивающихся государств вследствие усиления инвестиционной активности Гонконга, Тайваня и КНР. В 1990-е гг. отмечался очень высокий рост экспорта прямых инвестиций, объем которого достиг в 1997 г. пика — 15863 млн. долл. (в том числе из Сингапура — 12252 млн., Малайзии –2675 млн., Таиланда — 584 млн. долл.). Позиции региона как крупного донора еще более расширились: в 1997 году его удельный вес в глобальном оттоке увеличился до 3,31%, в оттоке из всех развивающихся стран — до 20,6%, из стран Азии — до 30%. Увеличилось и число экспортеров прямых инвестиций — зарубежные операции с инвестициями стали вести Бруней Даруссалам, Камбоджа и даже Лаос (ЛНДР). Стоит отметить, что в 90-е годы очень активно осуществляла инвестиционные проекты Малайзия, которая в этот период стала основным среди азиатских развивающихся стран донором африканских государств. Так, в течение 1991–1997 гг. она вложила в Африке 772,3 млн. долл. (Республика Корея — 318 млн., Тайвань — 90 млн., КНР — 69 млн., Пакистан — 43 млн.)[5].

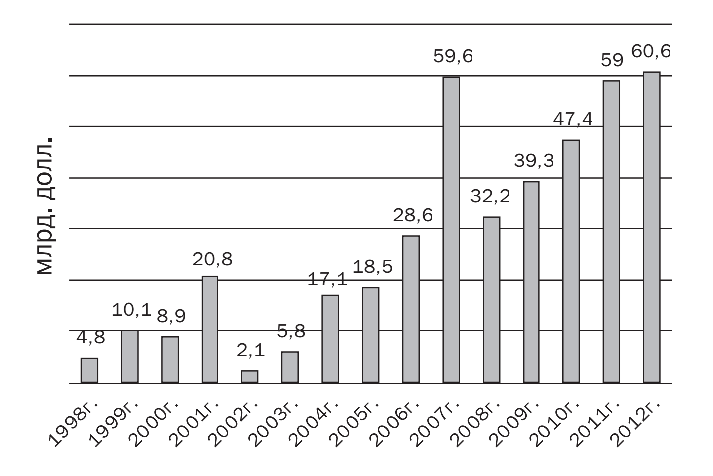
Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. нанес большой урон странам ЮВА — экспортерам капитала и стал переломным в инвестиционных процессах. В 1998 г. экспорт капитала из региона сократился более чем в три раза — до 4835 млн. долл. Восстановительный период длился фактически пять лет. В 2003 г. было размещено за границей 5818 млн. долл. и начался устойчивый рост экспорта капитала: его объем увеличился в 2007 г. более

* Муранова Анна Петровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

чем в десять раз — до 59640 млн. долл. Однако повышательная динамика снова прервалась в кризисном 2008 г., когда зарубежные инвестиции сократились почти наполовину по сравнению с предыдущим годом. Хотя уже в следующем году рост ЗПИ восстановился, тем не менее к 2012 г. масштабы зарубежных прямых инвестиций достигли лишь уровня 2007 г. (см. рис. 1 и табл. 1). В 2011 г., по данным секретариата АСЕАН, прямые инвестиции из стран ЮВА были вложены в 65 странах всех континентов[6].

Рис. 1

Зарубежные прямые инвестиции стран Юго-Восточной Азии в 1998–2012 гг.



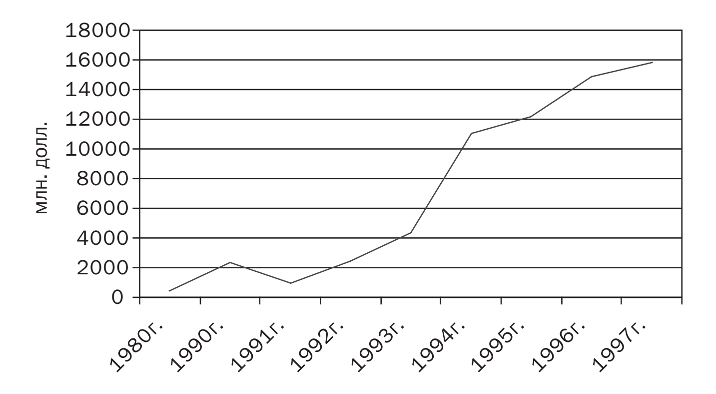
Составлено по: UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 2. FDI outflows, by region and economy, 1990–2012.

При наблюдении за инвестиционными потоками из региона ЮВА просматривается ряд заметных тенденций. Отметим некоторые из них.

Прежде всего, это — в целом очень высокая повышательная динамика зарубежных прямых инвестиций, хотя и с замедлением темпов их роста в XXI веке. Причем четко просматриваются два периода — до азиатского финансового кризиса 1997–1998 г. и после него. До кризиса в регионе практически постоянно (резкое снижение объема вывоза капитала произошло лишь в 1991 г.) поддерживался стремительный рост ЗПИ (см. рис. 2). За период с 1980 г. по 1990 гг. они увеличились почти в 6 раз (с 394 млн. до 2328 млн. долл.), с 1990 г. по 1997 г. еще в 6,8 раза (до 15863 млн. долл.), а за весь период с 1980 г. по 1997 г. — в 40 раз.

Рис. 2

Страны ЮВА: динамика ЗПИ, 1980–1997 гг.

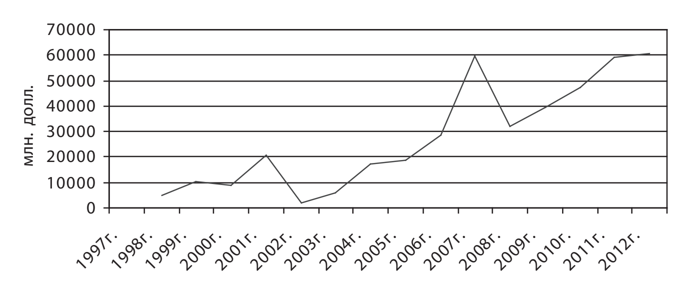


Составлено по: UNCTAD Handbook of Statistics. 2012. UN. New York and Geneva. 2012, p. 349; UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 2. FDI outflows, by region and economy, 1990–2012.

Как выше отмечено, этот ритм был сбит финансовым кризом 1997–1998 гг. Несмотря на то что в последующие годы сохранялась довольно высокая динамика, она, в отличие от предшествовавшего периода, прерывалась неоднократными значительными спадами, что отчетливо видно в рис. 3.

Рис. 3

Страны ЮВА: динамика ЗПИ в 1997–2012 гг.



Составлено по: UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 2. FDI outflows, by region and economy, 1990–2012.

Интенсивность роста утратилась в XXI веке вследствие негативного влияния кризиса акций компьютерных компаний США, известного как кризис «dot.com», в 2001–2002 гг. и особенно глобального экономического и финансового кризиса 2008–2009 гг. Если исходить из объема ЗПИ в 1997 г., то за период с 1997 г. по 2012 г. зарубежные капиталовложения выросли только в 3,8 раза, что говорит о явном замедлении темпов вывоза капитала странами ЮВА в новом столетии (но отнюдь не об уменьшении абсолютных величин). Однако если сравнить объем прямых инвестиций, вывезенных за рубеж в 2012 г., с резко уменьшившимся объемом 1998 г., то выявляется, что их рост был весьма солидным — в 12,5 раза, и это свидетельствует о большом инвестиционном потенциале стран региона.

В результате быстрого роста ЗПИ после 2008 г. укрепляется тенденция постепенного расширения (после сбоев во время кризисов в 1998 г. и в 2002 г.) позиций региона в глобальном оттоке прямых инвестиций (см. табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес региона ЮВА в глобальном и региональных потоках зарубежных прямых инвестиций, 1997–2012 гг.

Годы	Объем ЗПИ из региона, млн. долл.	Доля в мировом оттоке прямых инвестиций, %	Доля в оттоке прямых инвестиций из развивающихся стран, %	Доля в оттоке прямых инвестиций из развивающихся стран Азии, %
1997	15863	3,31	20,6	30,0
1998	4835	0,70	9,46	15,45
1999	10109	0,92	14,20	22,93
2000	8972	0,72	6,13	9,49
2001	20750	2,73	22,41	35,64
2002	2119	0,40	4,52	6,25
2003	5818	0,96	10,34	17,91
2004	17133	1,86	15,03	20,79
2005	18529	2,05	13,24	19,90
2006	28599	2,00	11,69	18,41
2007	59640	2,62	18,07	24,90
2008	32255	1,61	9,37	13,72
2009	39345	3,32	14,39	18.59
2010	47414	3,15	11,47	16,70
2011	58957	3,51	13,97	18,98
2012	60592	4,36	14,22	19,63

Источник: UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 2. FDI outflows, by region and economy, 1990–2012.
Примечание: удельный вес стран ЮВА в мировом, групповом и региональном оттоках прямых инвестиций рассчитан автором по данным указанного источника.

В то же время, как видно в табл. 1, в региональных потоках его удельный вес в течение последнего десятилетия был очень неустойчив и сохранялся ниже уровня 1997 г. Такая ситуация объясняется более высоким, чем в ЮВА, темпом вывоза капитала из других развивающихся регионов. Так, в период с 2000 г. по 2012 г. зарубежные прямые инвестиции увеличились в Юго-Восточной Азии в 6,7 раза, Западной Азии — в 8,2 раза, Африке — в 9,3 раза, Южной Азии в 16,7 раза, в странах с переходной экономикой — в 17,3 раза (при этом из России — в 16,1 раза). Особенно стремительно шел вывоз капитала из Китая — он увеличился в 92 раза[7].

Общий высокий ритм экспорта прямых инвестиций фактически определяется четырьмя странами, наиболее широко участвующими в этом процессе, — Сингапуром, Малайзией, Таиландом и Индонезией (см. табл. 2).

Таблица 2

Страны ЮВА: зарубежные прямые инвестиции, 1990–2012 гг.
млн. долл., в среднем в год

Страны	1990–1997 гг.	1998–2002 гг.	2003–2007 гг.	2008–2012 гг.	Рост, 2000–2012 гг.
Сингапур	4675	7616	16240	21107	3,5 раза
Малайзия	1593	1297	4768	10622	8,4 раза
Таиланд	679	210	1037	6565	27,9 раза
Индонезия	822	115	2817	4790	36,1 раза[1]
Филиппины	155	69	942	724	14,8 раза
Вьетнам	0	0	1112	810	18,5 раза[3]
Бруней — Даруссалам	49	39	12	10	(-) 3,8 раза
Камбоджа	0	10	7	24	1,5 раза
ЛНДР	1	2	13	(-)19	(-) 5 раз
Весь регион	7990	9357	25904	47712	6,7 раза

Составлено и подсчитано по: UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 2. FDI outflows, by region and economy, 1990–2012.
Примечания: 1) 2001–2012 гг. 2) 2005–2007 гг. 3) 2005–2012 гг.

Сингапур лидирует в вывозе капитала из региона. В 1990-е годы сингапурские компании инвестировали преимущественно в странах Азии и главным реципиентом была Малайзия, но постепенно ее значение стало падать, и доля сократилась с 60% в 1980 г. до 17% в 1996 г. и 8% в 2003 г.[8] В 2000-е годы география инвестиций постепенно расширилась за счет развитых государств и других регионов, а крупнейшие компании Сингапура — Сингапур Телекоммуникейшн, Флекстроникс, Темасек Холдингс, Кеппел Корпорейшн, Сембкорп Индастриз, Нептун Ориент, Олам Интернешнл, Уилмар и другие — стали заметными не только региональными, но и глобальными игроками. В 2011 г. страна заняла 5-е место среди 20 крупнейших экспортеров капитала из развивающихся и переходных государств. По данным Департамента статистики Сингапура[9], главным местом приложения сингапурского капитала оставались азиатские страны: в 2000 г. на них приходилось 58,5% всех накопленных ЗПИ (stock) (в том числе на АСЕАН — почти 24%, Китай — почти 16%, Гонконг — 8,7%, Японию — 1%), в 2011 г. на все азиатские страны приходилось 58% (в том числе на АСЕАН — 22,3%, Китай — 18,3%, Гонконг — 8,6%, Японию — 3,5%). Увеличилась доля Европы — с 9,1% в 2000 г. до 13,8% в 2011 г. (в том числе

Великобритании с 5% до 8,3%), а также Австралии (с 2,5% до 7,9%). Однако уменьшился удельный вес США (с 6,3% до 1,7%). Почти на одном уровне поддерживалась балансовая стоимость ЗПИ в странах Южной и Центральной Америки и Карибских островов (13% в 2000 г. и 12,7% в 2011 г.). Таким образом, в 2011 г. примерно три четверти накопленных зарубежных прямых инвестиций Сингапура размещались в развивающихся странах и одна четверть — в развитых государствах. Отраслевая структура накопленных зарубежных прямых инвестиций претерпела в течение десятилетия некоторые изменения: уменьшилась доля капиталовложений в финансовые и страховые услуги (с 48,3% до 46,4%) и в обрабатывающую промышленность (с 25,4% в 2000 г. до 20,9% в 2011 г.), но выросла доля инвестиций в ИТК (с 1,8% до 4,8%) и в недвижимость (с 7,1% до 9,8%).

Малайзия — второй крупный экспортер капитала в ЮВА (в некоторые годы ее доля в общем объеме вывезенных из региона инвестиций достигала 25–27%) и 7-й в списке 20 крупнейших экспортеров капитала из развивающихся и переходных государств. Она значительно отставала от Сингапура в вывозе капитала, но постепенно сократила разрыв, и число компаний, ныне втянутых в международные инвестиции, быстро растет. О географическом размещении малайзийских прямых инвестиций за рубежом можно судить по некоторым сведениям, относящимся к накопленным инвестициям. В 2010 г. в странах ЮВА было сконцентрировано около 37% балансовой стоимости ЗПИ, в том числе в Сингапуре — 17,2%, Индонезии — 13%, Таиланде — 3,5% (помимо этих стран, инвестиции размещались во Вьетнаме, Камбодже и на Филиппинах). В том же году на развитые страны приходилось более 32% накопленных ЗПИ. Среди европейских стран наиболее крупными реципиентами были Великобритания, Нидерланды и Германия, были размещены капиталы также в Австрии, Франции, Италии, Ирландии, Дании, Словакии и Польше. Балансовая стоимость малайзийских инвестиций в Австралию составляла 5,4%. В весьма большом объеме сконцентрировались накопленные ЗПИ в налоговых убежищах — Британских виргинских островах, Каймановых островах и на о. Маврикий: 14,5%, в том числе на о. Маврикий — 5,6%. В отраслевой структуре накопленных прямых инвестиций в 2010 г. ведущей была добывающая промышленность — 27,61% (в 2008 г. — 32,43%), на втором месте — финансовые и страховые институты (24,6%), на третьем — ИТК (12,33%), на четвертом — сельское хозяйство и рыболовство (10,35%), на пятом — обрабатывающая промышленность (7,62%)[10].

Таиланд значительно уступал Сингапуру и Малайзии до мирового экономического и финансового кризиса 2008–2009 гг., но в последние годы активизировался, и его удельный вес достиг в 2012 г. почти 20%. В 2011 г. он занял 11-е место среди 20 самых крупных экспортеров капитала из развивающихся и переходных государств. Первоначальные операции с вывозом капитала из страны относятся к 1950-м годам, когда за рубеж вышел крупный Бангкок бэнк. Сотрудник аппарата ЮНКТАД Ки Хви Ви (Kee Hwee Wee) в статье о зарубежных прямых инвестициях выделяет четыре периода инвестиционной деятельности Таиланда за рубежом. В первый период (1978 г. по 1985 г.) вывозилось в среднем в год 18 млн. долл. (текущие вложения, а не накопленные, как в Сингапуре и Малайзии). Самыми крупными реципиентами были США — 8 млн. долл. (44,4%), Гонконг — 6 млн. (33,3%), Сингапур и Япония — по 1 млн. (5,55%). В отраслевой структуре инвестиций доминировали вложения в банковские и финансовые активы указанных государств — 13 млн. (72%), в торговлю было направлено 2 млн. (11%), в промышленность — 1 млн. (5,5%). На втором этапе (1986–1996 гг.) среднегодовые инвестиции достигли 2951 млн. долл. (такому взлету способствовали экономические реформы в начале 1990-х гг., в том числе финансовая либерализация, снятие контроля за инвалютными операциями, создание института Бангкокских международных банковских услуг). География операций несравненно расширилась: в АСЕАН направлялось 29% инвестиций, в США — 19%, в Гонконг — 18%, в Китай — почти 10%, в Европу — около 9%, около 2% приходилось на три развитые государства — Австралию, Японию и Канаду. Отраслевая структура также существенно изменилась: почти 35% вкладывались в промышленность, около 20% — в сферу услуг, 13,6% — в финансовые институты и около 10% — в недвижимость. Третий этап (1997–2002 гг.) — годы кризиса и восстановления экономического потенциала. Вывоз капитала сократился до среднегодовых 1123 млн. долл. В страны АСЕАН было вывезено 48%, в Гонконг — 12,4%, в Китай — 9%, в США — 2%. В промышленные предприятия было вложено 35,3% всей суммы инвестиций, в торговлю — 14,5%, в финансовые активы — 3,8%. Четвертый период — 2003–2005 гг. (статья была опубликована в 2007 г.) был отмечен свертыванием инвестиционной активности за рубежом: среднегодовые капиталовложения за рубежом сократились до 753 млн. долл. Главным направлением инвестиционного потока остались страны АСЕАН (48,6%), на втором месте — Китай (18,4%). В США и Швейцарии были размещены по 3,8% общего объема заграничных инвестиций. В промышленность было вложено 45,9%, в финансовые институты 7,4%, в сферу услуг 9,7%[11]. Ситуация совершенно изменилась в последние шесть-семь лет — страна стала интенсивно вывозить капитал и активно участвовать на рынке трансграничных слияний и поглощений. По данным «Доклада о мировых инвестициях 2013 г.», зарубежные прямые инвестиции Таиланда выросли с 930 млн. долл. в 2005 г. до 11911 млн. долл. в 2012 г. Как свидетельствует статистика Банка Таиланда (центрального

банка страны), самый крупный поток инвестиций направлялся по-прежнему в страны АСЕАН (34% в 2007 г. и 31% в 2012 г.). Капиталовложения в Китай хотя и выросли в 2012 г. в абсолютных величинах в три с половиной раза по сравнению с 2007 г., однако их удельный вес снизился с 12% до 7,3%, тогда как доля Гонконга выросла с 7,1% до 9,4%. Весьма значительными были инвестиции в налоговые убежища (Британские виргинские острова, Каймановы острова и на о. Маврикий) — их совокупная доля в общей сумме ЗПИ составляла 22,4% в 2007 г. и 16,4% в 2012 г. На страны Европейского Союза приходилось 6,3% в 2007 г. и 8,2% в 2012 г., Японии — соответственно 1,4% и 4,7%. Инвестиции в США упали до менее 1%[12].

В Индонезии зарубежные прямые инвестиции стали увеличиваться с 2004 г., но остаются очень нестабильными, а их удельный вес в региональном потоке невысокий (менее 10%) (по мнению исследователей проблемы вывоза капитала из страны М. Керни и М. Дайлмана, официальная статистика недооценивает истинные размеры международной активности индонезийских компаний)[13].

Филиппины были пионером в вывозе капитала, но с начала 90-х годов их активность снизилась, и лишь ограниченное количество компаний инвестировали за рубежом. В последнее пятилетие по объему зарубежных вложений страна уступает Вьетнаму, который стал экспортировать капитал только с середины 2000-х гг. Вывоз капитала из Вьетнама начался с относительно небольших масштабов, но страна быстро набирает темп, так что в начале 2012 г. вьетнамские компании, в первую очередь государственные, уже инвестировали в 627 проектов в 55 странах и территориях общей стоимостью 10,8 млрд. долл.[14] Из-за слабого развития частного сектора в Брунее — Даруссаламе, Камбодже, Мьянме и Лаосе их зарубежные инвестиции были крайне малы.

Масштабы инвестиционных операций за рубежом каждой из участвующих в этом процессе стран отражаются в накопленных зарубежных прямых капиталовложениях. Кумулятивный объем балансовой стоимости ЗПИ всего региона равнялся в 1990 г. 9,4 млрд. долл., в 2000 г. — 84,7 млрд., в 2012 г. — 596,1 млрд. долл., что означает их увеличение в 63 раза за период с 1990 г. по 2012 г. (для сравнения: накопленный объем входящих ПИИ увеличился за те же годы в 21 раз). Последовательное нарастание исходящих прямых инвестиций наблюдалось во всех странах, но с разной степенью роста. Например, в Малайзии балансовая стоимость ЗПИ увеличилась за те же годы в 160 раз, на Филиппинах — только в 22 раза. Исключение составляют ЛНДР, где произошло резкое сжатие накопленных ЗПИ до минусовых величин, и Индонезия, где в течение 2001–2005 гг. балансовая стоимость зарубежных инвестиций была зафиксирована как минусовая и стала увеличиваться только с 2006 г. Подавляющая часть накопленных за рубежом инвестиций аккумулируется тремя странами — Сингапуром (83% в 1990 г. и 67% в 2000 г. и 2012 г.), Малайзией (8% в 1990 г., 18% в 2000 г. и 20% в 2012 г.) и Таиландом (4% в 1990 г. и 2000 г. и 8,8% в 2012 г.). У Сингапура и Малайзии самое высокое в регионе соотношение аккумулированных ЗПИ и ВВП: в Сингапуре 60% в 2000 г. и 148% в 2012 г., в Малайзии — соответственно 16,2% и 39,7%, тогда как в Таиланде — 2,7% и 13,4%, а в Индонезии — 4,2% и 1,3%[15]. Процесс накопления ЗПИ у отдельных стран региона показан в табл. 3.

Таблица 3

Страны ЮВА: динамика накопленных зарубежных прямых инвестиций, 1990–2012 гг., млн. долл.

Страны	1990 г.	2000 г.	2012 г.	Страны	1990 г.	2000 г.	2012 г.
Сингапур	7808	56755	401428	Филиппины	405	1032	8953
Малайзия	753	15878	120398	Бруней — Даруссалам	41	512	699
Таиланд	418	3406	52561	Камбоджа	1392	193	423
Индонезия	86	6940	11627	ЛНДР	1	20	(-)9

Составлено по: UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 4. FDI outward stock, by region and economy, 1990–2012.

Примечание: 1) 1991 г. 2) 1992 г.

Характерной особенностью движения капитала в регионе является постоянный опережающий рост оттока ЗПИ по сравнению с входящими ПИИ. Это хорошо видно из нижеследующих показателей темпов роста притока и оттока прямых инвестиций за весь период с 1980 г. по 2012 г.:

	1980–1990 гг.	1990–1997 гг.	1997–2012 гг.	1980–2012 гг.
Рост притока ПИИ в регион	4,9 раза	2,8 раза	3,1 раза	42,2 раза
Рост оттока ПИ из региона	5,9 раза	6,8 раза	3,8 раза	153,8 раза

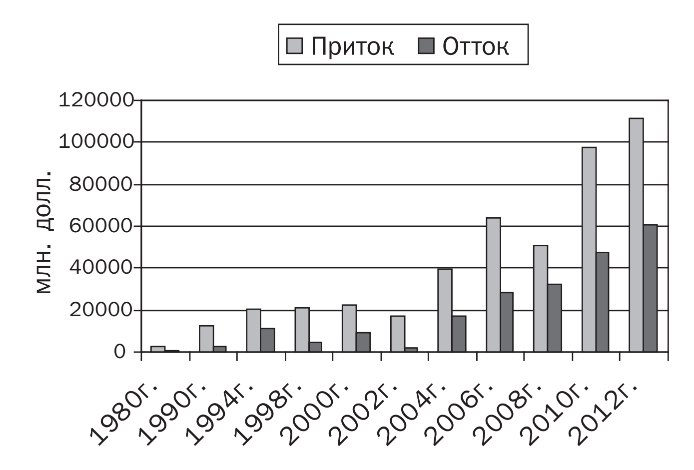
Подсчитано по: UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 2. FDI outflows, by region and economy, 1990–2012.

Вследствие такой динамики разрыв между притоком и оттоком увеличивался в пользу оттока. В 1980 г. отток составлял 15% величины притока, в 1990 г. — 18%, в 1990–1999 гг. — в среднем 35%, в 2000–2012 гг. — в среднем 54%, а в отдельные годы, особенно кризисные, разрыв достигал очень больших величин. В 2001 г. отток за рубеж прямых инвестиций составил 94% притока ПИИ, в 2007 г. — 69,7%, в 2008 г. — 63,8%, в 2009 г. — 82,2%. По подсчетам автора, в течение 1990–2012 гг. в регион поступило 966,3 млрд. долл. (в 1990–1999 гг. — 225,7 млрд., в 2000–2012 г. — 740,6 млрд. долл.), а вывезено из региона 478,9 млрд. долл. (в 1990–1999 гг. — 78,9 млрд., в 2000–2012 гг. — 400 млрд. долл.). Для сравнения: в 2000–2012 гг. отток прямых инвестиций из России равнялся 398,2 млрд. долл., из Китая — 421 млрд. долл.[16]

Изменения в соотношении притока и оттока ПИИ на протяжении более тридцати лет проиллюстрированы в рис. 5.

Рис. 5

Страны ЮВА: соотношение притока и оттока ПИИ, 1980–2012 гг.



Составлено по: UNCTAD Handbook of Statistics. 2012. UN, New York and Geneva. 12 December 2012. P. 348, 349; UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 1. FDI inflows, by region and economy, 1990–2012. Web table 2. FDI outflows, by region and economy. 1990–2012.

Рассматриваемый процесс наиболее характерен для ведущих стран региона — Сингапура, Малайзии и Таиланда. При этом Малайзия вышла вперед, ибо начиная с 2007 г., отток капитала из страны намного превышал его приток, и из чистого импортера капитала она превратилась в его чистого экспортера. Таиланд также стал чистым экспортером в 2011 г. (см. табл. 4).

Массивный вывоз капитала в последние пять-семь лет связан с сильно возросшей активностью ТНК стран региона на рынке трансграничных слияний и поглощений. Вместе с тем можно предположить, что происходило и круговое движение капитала (на эту мысль наводит очень большой удельный вес налоговых убежищ в общей сумме зарубежных прямых инвестиций Малайзии и Таиланда, о чем шла речь выше).

В последнее десятилетие наблюдается постепенное снижение удельного веса Сингапура в общем объеме вывоза капитала, что происходит вследствие активизации инвестиционной деятельности Малайзии, Таиланда и Индонезии и появления в середине 2000-х годов нового игрока на региональном рынке капитала — Вьетнама. Ход данного процесса отражен в нижеследующих показателях табл. 5.

Таблица 4

Соотношение притока и оттока прямых инвестиций в Сингапуре, Малайзии и Таиланде, 2007–2012 гг.

Годы	Сингапур			Малайзия			Таиланд		
	Приток млрд. долл.	Отток млрд. долл.	Отток/Приток %	Приток млрд. долл.	Отток млрд. долл.	Отток/Приток %	Приток млрд. долл.	Отток млрд. долл.	Отток/Приток %
2007	46,9	36,9	**78,7**	8,6	11,3	**131,6**	11,4	3,0	**26.4**
2008	12,2	6,8	**55,8**	7,2	15,0	**208,6**	8,5	4,1	**48,0**
2009	24,9	24,1	**96,4**	1,4	7,8	**535,7**	4,8	4,2	**85,9**
2010	53,6	25,3	**47,3**	9,1	13,4	**147,9**	9,1	4,5	**48,8**
2011	55,9	26,2	**46,9**	12,2	15,3	**125,0**	7,8	8,2	**105,6**
2012	56,6	23,1	**40,7**	10,1	17,1	**169,9**	8,0	11,9	**148,7**

Составлено и подсчитано по: UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 2. FDI outflows, by region and economy, 1990–2012.

Таблица 5
Удельный вес отдельных стран ЮВА в общем объеме зарубежных прямых инвестиций, 1990–2012 гг., %

Страны	1990 г.	1998 г.	2000 г.	2004 г.	2007 г.	2009 г.	2012 г.
Сингапур	87,3	73,3	74,12	63,97	61,86	61,12	38,09
Малайзия	5,54	17,8	22,58	12,03	18,97	19,78	28,24
Таиланд	6,61	2,7	(-)0,22	0,42	5,03	10,60	19,66
Индонезия	(-)0,35	0,9	1,67	19,89	7,83	5,72	8,95
Филиппины	0,9	3,3	1,39	3,37	5,92	0,91	3,04
Вьетнам	__	__	__	__	0,30	1,78	1,98
Всего	100,0	98,0	99,54	99,68	99,91	99,91	99,96

Подсчитано по: UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 2. FDI outflows, by region and economy, 1990–2012.
Примечание: При выборе дат автор руководствовался следующими соображениями: 1990 г. — начало десятилетия, 1998 г. — год азиатского финансового кризиса, 2000 г. — год восстановления после финансового кризиса и начало нового десятилетия и века, 2004 г. — год восстановления после кризиса рынка акций компьютерных компаний США, 2007 г. — год перед глобальным экономическим и финансовым кризисом, 2009 г. и 2012 г. — годы восстановления после кризиса.

Сокращается доля Сингапура и в общем объеме накопленных зарубежных инвестиций: в 1990 г. его удельный вес составлял 82,4%, в 2012 г. — 67,3%, тогда как Малайзии вырос с 7,95% до 20,2%, Таиланда — с 4,4% до 8,8%. Совершенно очевидно, что весьма экспансивные Малайзия и Таиланд будут вытеснять его и дальше.

В экспорте капитала участвуют компании, различающиеся по размерам, типам, отраслевой направленности, среди них — крупные публичные компании, зарегистрированные на фондовых биржах; полностью государственные компании (сингапурская Temasek Holdings, малайзийская Petronas, индонезийская Pertamina, вьетнамские Petrovietnam и Viettel), компании с участием государства (малайзийский Integrated Healthcare Holdings — IHH, сингапурские Singapore Airlines, Keppel Corporation); средние и мелкие фирмы. Например, в 2012 г. в список Forbes Asia 200, включающий мелкие и средние компании с доходом менее 1 млрд. долл., вошли 42 фирмы региона ЮВА с рыночной стоимостью от 3 млн. долл. (вьетнамское предприятие) до 2,8 млрд. долл. (малайзийское), в том числе 14 малайзийских, 8 вьетнамских, 7 индонезийских, 6 тайских, 4 сингапурских и 3 филиппинских. Эти фирмы имеют штаб-квартиры и ведут операции во Вьетнаме, Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Таиланде и на Филиппинах, а некоторые из них являются филиалами компаний, чьи штаб-квартиры расположены в других странах региона)[17].

Расширение вывоза прямых инвестиций происходит вследствие наращивания экономического и инвестиционного потенциала предпринимательского корпуса и его субъективных устремлений к получению максимума выгод от вложения капитала. Вместе с тем к экспансии за рубежом толкают компании и некоторые объективные обстоятельства[18]. В частности, существуют разные внутренние условия, которые диктуют необходимость вывоза капитала за пределы страны. В Сингапуре узость внутреннего рынка, малочисленность населения и небольшая территория ограничивают возможности для расширения инвестиционной деятельности внутри страны. Переизбыток капитала и сильная конкуренция выдавливают за рубеж не только крупные, но и средние и мелкие компании. Рост стоимости рабочей силы и соответственно издержек производства также подталкивает предпринимателей к поискам зон с меньшими затратами. То же наблюдается и в Малайзии. В Таиланде политическая неустойчивость, низкое качество институциональной среды, недостаточно высокий уровень технологического развития и бюрократические препоны при открытии бизнеса создают определенные трудности для развития бизнеса[19]. Во Вьетнаме поле для инвестиций ограничено вследствие еще невысокого уровня развития рыночных отношений.

Главным побудительным фактором (driver) вывоза прямых инвестиций за рубеж является, по мнению экспертов ЮНКТАД, давление конкуренции. «В быстро глобализующемся мире, — высказываются они в документе «Глобальные игроки из развивающихся рынков», — компании больше не могут полагаться на свои внутренние рынки как на относительно надежный источник прибылей. Конкуренция со стороны иностранных фирм проявляется повсюду — через импорт, входящие ПИИ и неакционерные формы участия. Эти условия делают все более важной для фирм необходимость обращать внимание на конкурентоспособность, и зарубежные прямые инвестиции могут оказывать влияние и даже быть доминирующим фактором роста и успеха бизнеса»[20]. По их мнению, три группы побудительных факторов влияют на решение о вывозе инвестиций: 1) среда в стране, экспортирующей капитал (экономические и политические факторы, ограничители развития внутреннего рынка, регулирование оттока прямых инвестиций, либерализация контроля над валютными операциями, инвестиционные и налоговые международные соглашения, правительст-

венные льготы для вывоза инвестиций); 2) среда в стране-реципиенте инвестиций (инвестиционная привлекательность и возможности для размещения капитала, включая перспективы роста и приватизации, снижение производственных затрат, наличие природных ресурсов, правительственные льготы для иностранных инвестиций, региональное развитие); 3) конкретные условия деятельности компании (рост производственных расходов на внутреннем рынке, стратегия интернационализации компании, наличие квалификации и знаний, необходимых для успешной интернационализации компании). Причины для инвестирования за рубежом большей частью одни и те же, как для крупных компаний, так и для средних и мелких фирм, но последние стремятся выходить в ближние соседние страны[21].

С точки зрения экспертов Секретариата АСЕАН, общие мотивы вывоза компаниями стран АСЕАН прямых инвестиций включают поиски рынков и путей повышения эффективности, а также желание получить доступ к ресурсам и стратегическим активам, развивать и эксплуатировать репутацию брендов, использовать взаимоотношения в сетях и получать выгоду от появляющихся возможностей для бизнеса, которые возникают благодаря региональной интеграции[22]. «В последние годы, — заключают они, — причин для вывоза прямых инвестиций компаниями АСЕАН стало больше, и они включают стратегические мотивы, то есть приобретение на региональных и мировом рынках активов, которые обеспечат доступ к существующим брендам, технологиям и практическому опыту, включая стратегические деловые связи и земельные владения»[23].

Мотивации могут быть разные[24]:

1) *поиск рынков*, которые диверсифицируют источники доходов. К компаниям со значительными зарубежными инвестициями, нацеленными на поиск рынков, относятся: в *Малайзии* — Axiata, CIMB, Maybank, GHL System, Top Glove, Royal Selangor, Hong Leong и многие строительные, инфраструктурные и девелоперские компании; в *Сингапуре* — Wilmar International, Singapore Telecommunication, Capital Land, Sembcorp Industries, Hong Leong Asia, Keppel Corporation, Fraser and Neave; в *Таиланде* — PTT, Thai Beverage, S&P, Siam Cement, Saha Union, Thai Union; в *Индонезии* — Lippo Group, Sinar Mas group, Ciputra Group; на *Филиппинах* — San Miguel, Jollibee, Ayala, SM Group; во *Вьетнаме* — Song Da, Petrovietnam, Vietnam Rubber Group.

2) *поиск повышения эффективности производства*. Многие предприятия обрабатывающей промышленности Сингапура, а также Малайзии (в частности, Globetronics, Press Metal, Top Glove) организуют производство в Камбодже, Индонезии, Таиланде и Вьетнаме по этой причине. Сравнительно недавно тайские компании, занятые производством текстильных, швейных и ювелирных изделий, с целью повышения эффективности переносят предприятия в соседние страны (включая некоторые районы Китая) с более низкими затратами. Например, известная тайская ювелирная фирма Pranda Jewelry инвестировала в Китае, Индонезии и Вьетнаме, а текстильная компания Saha Union — в Китае.

3) *поиск стратегических активов*. Сингапурские и малайзийские компании агробизнеса — Sime Darby, Wilmar, PPB Group, а также девелоперские фирмы ведут операции за рубежом, чтобы получить доступ к земле с целью развития в будущем. Со стратегическими целями приобретает больницы в других странах АСЕАН такая компания, как IHH. Те же цели преследуют сингапурские и малайзийские банки, скупающие банковские активы в других странах ЮВА. Еще один пример- приобретение тайской компанией Thai Beverage контрольного пакета акций компании F&N.

4) *поиск природных ресурсов*, чтобы обеспечить их поставки в течение длительного периода. Это относится прежде всего к нефти, природному газу, каменному углю и другому минеральному сырью. Такие нефтяные компании ТНК, как малайзийская Petronas, тайская PTT и вьетнамская Petrovietnam, осуществляют широкие операции во многих странах и на разных континентах именно в этих целях.

В странах ЮВА росту зарубежных инвестиций способствует государственная политика поощрения вывоза капитала и оказания помощи частным фирмам, функционирующим за рубежом. В «Докладе об инвестициях в АСЕАН в 2012 г.» отмечается, что в странах с высоким уровнем зарубежных прямых инвестиций имеются три главных элемента: 1) проведение политики и мероприятий и институциональная поддержка, стимулирующие отток прямых иностранных инвестиций; 2) наличие сильного частного сектора, способного интернационализироваться, или увеличивающегося пула предприятий, готовых проводить венчурные операции за границей; 3) настоятельная необходимость и устремление компаний выйти за рубеж, чтобы воспользоваться преимуществами благоприятных условий, расширяющихся возможностей и повышающейся конкурентоспособности[25].

Наиболее активную поддержку частному сектору, осуществляющему зарубежные инвестиционные проекты, оказывает правительство Сингапура. Чтобы стимулировать вывоз, правительство в 1993–1994 гг. приняло стратегию регионализации, имеющую два направления — оказание помощи частным компаниям при их выходе на рынок капитала и превращение Сингапура в региональную штаб-квартиру для ТНК, оперирующих в Азии. Стратегия предусматривала всестороннее использование сравнительных преимуществ Сингапура в регионе, привлечение предприятий с высокой добавочной стоимостью и повышение международной конкурентоспособности сингапурских фирм. Реализацией стратегии стали заниматься три правительственные организации — Международное

предпринимательство Сингапура (International Enterprise — IE Singapore), Управление экономического развития (Economic Development Board — EDB) и Управление стандартов, производительности и инноваций (Standards, Productivity and Innovation Board — SPRING). В функции Международного предпринимательства Сингапура входит помочь национальным фирмам развиваться и приобрести международный опыт. В самой стране и в 36 зарубежных центрах (данные на 2012 г.), функционирующих в развитых, развивающихся и переходных странах (в том числе и в Москве), экспортерам капитала оказываются различные услуги, включая информацию о рынках и помощь в поисках иностранных партнеров, и предоставляются различные гранты, займы и другая финансовая помощь, а также налоговые льготы. В частности, по программе «Дорожная карта интернационализации» Международное предпринимательство Сингапура может профинансировать до 70% стоимости зарубежного инвестиционного проекта. Управление экономического развития, созданное в 1961 г. для содействия иностранным компаниям в их операциях в Сингапуре, с 1993 г. имеет специальное подразделение, предназначенное стимулировать зарубежную инвестиционную деятельность местных компаний. Оно реализует программу «Льготы для одобренных иностранных займов», в соответствии с которой заем в размере минимум 200 тыс. синг. долл. предоставляется фирме, чтобы помочь ей получить доступ к оффшорному финансированию инвестиций. Управление осуществляет также программу «Расширенные льготы для партнерства», которая предусматривает освобождение от налога 50% дохода, полученного за рубежом. Практикуются и такие налоговые льготы, как налоговые каникулы, то есть полное освобождение от уплаты подоходного налога на срок до десяти лет, специальные инвестиционные скидки, если расходы предприятия на приобретение оборудования, используемого в заграничных филиалах, одобрены соответствующими органами, освобождение от налога доходов от инвестиций в форме акций, а также доходов в форме дивидендов, получаемых от зарубежных инвестиций, и процентов от предоставляемых за границу займов. В функции Управления стандартов, производительности и инноваций входит повышение конкурентоспособности местных предприятий, особенно малых и средних, чтобы они могли успешнее вести операции за рубежом[26].

В Малайзии оказание поддержки и помощи местным компаниям, осуществляющим трансграничные капиталовложения, входит в функции ряда государственных институтов. В их числе — Экспортно-импортный банк (EXIMBANK), Малайзийская корпорация страхования экспортных кредитов, Малайзийская ассоциация Юг-Юг, а также такие организации при Министерстве международной торговли и промышленности, как Корпорация развития внешней торговли Малайзии и Корпорация развития мелких и средних предприятий. Основную ответственность за стимулирование экспорта инвестиций несет Экспортно-импортный банк, который предоставляет малайзийским инвесторам финансовые и консультативные услуги. Все организации имеют сеть офисов за рубежом. Фирмы могут получить финансовую помощь для трансграничных инвестиций, а также некоторые налоговые льготы. В частности, компании освобождаются от налога на доходы, полученные за рубежом и переведенные в страну, а при расчете налоговых платежей им разрешено вычитать из дохода «предоперационные расходы», а также расходы, связанные с приобретением иностранных компаний[27].

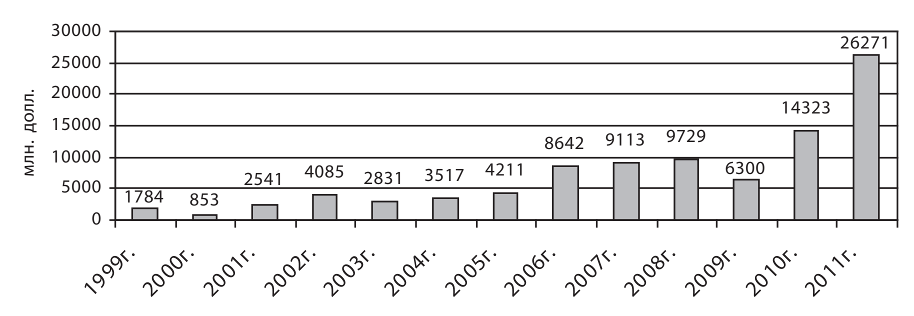
В Таиланде вывоз капитала стал стимулироваться с первых лет нового столетия Управлением инвестиций (Board of Investment) и Банком Таиланда (Bank of Thailand). Последний ввел более либеральные условия вывоза капитала, разрешив штаб-квартирам функционирующих в стране компаний без ограничений инвестировать в свои зарубежные филиалы[28].

Благоприятное воздействие оказывает на инвестиционные процессы в регионе расширение сети экономических и инвестиционных соглашений и зон свободной торговли, обеспечивающих льготные условия ведения бизнеса. В 2012 г. страны ЮВА имели 336 многосторонних и двусторонних соглашений об инвестициях, в том числе у Малайзии их было 90, Вьетнама — 81, Индонезии — 80, Сингапура — 70, Таиланда — 62, Филиппин — 51, у Камбоджи и ЛНДР — по 37, Брунея — Даруссалама — 27, Мьянмы — 18[29].

Рост зарубежных прямых инвестиций в XXI в. непосредственно связан с усиливающимся процессом регионализации и интернационализации деловой среды в регионе, что, по мнению экспертов Секретариата АСЕАН, является главной чертой изменяющегося инвестиционного ландшафта в Ассоциации стран Юго-Восточной Азии. «Регионализация и интернационализация предпринимательства, — считают они, — раскрывают возрастающую зрелость компаний АСЕАН, которые и стремятся, и могут расширить (операции) за пределами своих национальных границ»[30].

Важный сегмент инвестиционных потоков в ЮВА составляет межстрановое движение капитала в рамках Ассоциации (АСЕАН). В 1995–1997 гг. поток инвестиций между странами региона увеличивался и достиг пика в 1997 г. — 5236 млн. долл. Начавшийся финансовый кризис и экономическая неопределенность привели к свертыванию инвестиционных связей до минимального уровня в 2000 г., но с 2004 г. началось их расширение, и в 2011 г. их объем (26271 млн. долл.) превосходил самый низкий показатель 2000 г. (853 млн. долл.) в 30 раз. Динамика внутрирегионального потока инвестиций представлена в рис. 6.

Рис. 6
Динамика потока инвестиций внутри АСЕАН



Составлено по: ASEAN Statistical Yearbook. 2005, Jakarta, ASEAN Secretariat, 2005; ASEAN Statistical Yearbook. 2010. Jakarta, ASEAN Secretariat, 2010; ASEAN Statistical Yearbook. 2012. Jakarta, ASEAN Secretariat, 2013.

Значительная часть зарубежных прямых инвестиций из стран ЮВА остается в самом регионе (см. вышеуказанные данные о структуре зарубежных инвестиций Сингапура, Малайзии и Таиланда): по подсчету автора, в 2003 г. из 5,8 млрд. долл. ЗПИ всех стран ЮВА в регионе были вложены 2,8 млрд. долл., или 48,6%, но это — максимальная величина. В последующие годы удельный вес внутрирегионального потока инвестиций в общем объеме ЗПИ колебался от 15,3% в 2007 г. до 44,6% в 2011 г. Соотношение складывалось по-разному в разных странах. Например, в Малайзии в 2008–2011 гг. около 40% ее зарубежных инвестиций — внутрирегиональные, в Таиланде в 2006–2011 гг. они составляли 35%[31]. За период с 2004 г. по 2011 г. все страны — члены АСЕАН вывезли в регион 82,1 млрд. долл., в том числе Сингапур — 43,6 млрд. (53,2%), Малайзия — 15,8 млрд. (19,3%), Индонезия — 6 млрд. (7,3%), Таиланд — 4,7 млрд. (5,7%), Вьетнам — 1,1 млрд. долл. (1,4%). «Взносы» остальных стран в общую «копилку» были нижеследующие (млн. долл.): Мьянма — 480, Филиппины — 456, Бруней — Даруссалам — 397, Камбоджа — 106, ЛНДР — 15[32].

Внутрирегиональные инвестиции концентрировались в трех отраслях — обрабатывающей промышленности, недвижимости и финансовой сфере, что видно из нижеследующих суммарных показателей за 2002–2011 гг.[33]:

	Млн. долл.	**% к итогу**
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство	3771	4,32
Добывающая промышленность	3619	4,15
Обрабатывающая промышленность	22484	25,77
Торговля	7009	8,03
Финансовые институты	16822	19,29
Недвижимость	17722	20,31
ВСЕГО	87223	100,00

Во внутрирегиональных инвестициях, особенно в сферах финансов и недвижимости, доминируют сингапурские и малазийские компании. Все 10 крупнейших банков Сингапура и Малайзии имеют отделения почти во всех странах ЮВА. Тайские банки хотя и ведут операции в ряде стран региона, уступают сингапурским и малайзийским и по размерам активов и по рыночной стоимости. Все 10 крупнейших брендовых сингапурских компаний и все 20 крупнейших брендовых малайзийских компаний ведут операции во всех странах региона. В добывающей промышленности функционируют такие гиганты, как малайзийские Петронас и Лайон Груп, тайские ПТТ, Банпу и Ланна Рисорсиз, индонезийкие Буми Рисорсиз и Медко Энерджи, филиппинская Петрон Корпорейшн. В сфере недвижимости ведущими являются малайзийские IOI, Сайм Дарби, Лайон Груп, СП Сетиа и другие, сингапурские Сити Девелопмент, Кеппел, Кэпитал лэнд и другие, индонезийские Липпо Груп и Сипутра, тайские Сансири и Преукса риэл истейт, филиппинская Аяла Груп[34].

Таким образом, в последние годы в регионе происходят очень большие изменения, вызванные активной деятельностью местных ТНК и более высоким уровнем развития региональной интеграции. Новые условия для перелива капитала формируются также благодаря реализации принятого в 2007 г. плана создания к 2015 г. Экономического сообщества АСЕАН[35] и подписания экономических соглашений с рядом стран. Так, АСЕАН и Китай подписали в 2002 г. соглашение о зоне свободной торговли, в 2009 г. соглашение об инвестициях. В октябре 2003 г. подписано рамочное соглашение между АСЕАН и Индией о всестороннем экономическом сотрудничестве. В апреле 2008 г. АСЕАН подписал соглашение с Японией о всестороннем экономическом партнерстве. В июне 2009 г. — соглашение между АСЕАН и Австралией и Новой Зеландией о зоне свободной торговли.

Помимо усиления регионализации предпринимательства в странах ЮВА ускоряется и процесс его интернационализации. Многие крупные корпорации расширяют свою инвестиционную деятельность не только в Азии, но и в Европе (в основном в Великобритании и Германии), Северной и Южной Америке, Австралии и Африке. Широко участвуют в этом процессе не только частный капитал, но и полностью государственные компании и компании с участием государства, имеющие крупные активы за рубежом. В *Сингапуре* это — ДБС, Сингтел, Кеппел корпорейшн, Сингапур Эйрлайнз, Сингапур Текнолоджиз, Сембкорп; в *Малайзии* — Петронас, Сайм Дарби, Мейбэнк, CIMB, УЭМ Уорлд, Аксиэйт; в *Таиланде* — ПТТ, Тай Эйруэйз Интернешнл, Электрисити Дженерэйтинг Осорити оф Та-

иланд, Крунг Тай Бэнк, во *Вьетнаме* — государственные компании Сонг Да, Петровьетнам, Петролимекс, Вьетнам Раббер Груп, Вьеттел.

В первое десятилетие XXI в. все бóльшая часть капитала вывозилась, помимо традиционных путей, через рынок трансграничных слияний и поглощений (СиП). В 90-е годы сделками занимались в основном Сингапур и Малайзия. Интенсивный процесс формирования крупных национальных компаний — ТНК[36], которые стали выходить за пределы и страны, и региона, способствовал тому, что в XXI в., особенно в связи с глобальным экономическим и финансовым кризисом 2008 г., началась мощная экспансия региональных ТНК. В сделках доминируют сингапурские и малайзийские корпорации, хотя тайские и индонезийские компании тоже стали чаще выходить на рынок слияний и поглощений. В 2007–2011 гг. совершено большое количество сделок. Например, сингапурская компания UOB купила за 202 млн. долл. акции китайского банка Evergrowing Bank, сингапурская фирма OCBC приобрела за 145 млн. долл. малайзийскую фирму Pac Lease. Сингапурская компания Сити Спринг Инфрастракчер купила за 999 млн. долл. австралийскую энергетическую компанию National Grid-Basslink Project. Малайзийская компания Malayan Banking приобрела за 673 млн. долл. акции пакистанского MCB Bank, за 670 млн. долл. контрольный пакет акций Bank International и за 688 млн. долл. акции сингапурской фирмы Kim Eng Holdings. Малайзийская фирма Tanjong купила за 543 млн. долл. бермудскую компанию Globeleg. Активно участвовали в сделках по недвижимости суверенные фонды благосостояния — сингапурская правительственная инвестиционная корпорация (Government Investment Corporation — GIC) и малайзийский Пермодалан Насионал (Permodalan Nasional).

Общие масштабы сделок (их количество и стоимость) на протяжении более двадцати лет раскрыты в табл. 6.

Таблица 6

Страны ЮВА: трансграничные слияния и поглощения, 1990–2012 гг.

Страны	Количество сделок			Стоимость сделок, млн. долл.		
	1990–1999 гг.	2000–2005 гг.	2006–2012 гг.	1990–1999 гг.	2000–2005 гг.	2006–2012 гг.
Сингапур	499	567	779	10759	43784	56402
Малайзия	309	354	626	6897	10555	35208
Таиланд	30	25	124	949	58	15619
Индонезия	49	(-)11	55	1032	385	44
Весь регион	**928**	**976**	**1652**	**19490**	**57383**	**105154**
ЮВА/Азия, %	49,6	42,0	31,3	31,7	34,7	18,4

Составлено и подсчитано по: UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 10. Value of cross-border M&As by region/economy of purchaser, 1990–2012; Web table 12. Number of cross-border M&As by region/economy of purchaser, 1990–2012.

В период между 2007 и 2011 г. компании региона приобрели через рынок слияний и поглощений активы на общую сумму 80 млрд. долл. в более чем 65 странах мира. Объемы покупок активов в разных странах характеризуются нижеследующими данными (млн. долл.)[37]:

1. Развитые страны	**47940**	П. Развивающиеся страны	**35119**
А. Европа	10401	А. Африка	120
Великобритания	4319	Б. Латинская Америка и Карибы	1713
Италия	1808		
Б. Северная Америка	19304	В. Азия и Океания	33286
Канада	4038	Западная Азия	278
США	15266	Южная и Восточная	16865
В. Австралия	17951	Китай	6368
Г. Япония	2476	Гонконг	6816
		АСЕАН	15879

Подавляющая часть покупок (72%) — активы в сфере услуг, включая приобретение активов финансовых и банковских институтов (50,8 млрд. долл.), предприятий транспортной и портовой инфраструктуры (3,7 млрд. долл.) и энергетических предприятий (3,6 милрд. долл.). На активы предприятий первичных отраслей приходилось 12% общей суммы сделок, вторичных — 16%.

То, что более половины сделок были проведены в индустриальных государствах, прежде всего в Австралии, США, Великобритании и Канаде, — весьма симптоматично и отражает зрелость и агрессивность крупных ТНК региона, способных соперничать с западными корпорациями. По мнению экспертов Секретариата АСЕАН, преобладание покупок активов в высокотехнологичных странах объясняется развитостью рынка слияний и поглощений в них и наличием там подходящих стратегических активов. Быстрый доступ к рынкам и к технологиям, которые могут способствовать повышению международной конкурентоспособности компаний, также склонял выбор в пользу развитых стран[38].

Новым явлением в последние годы стал рост числа мегасделок стоимостью свыше 1 млрд. долл., которые заключались крупнейшими компаниями Сингапура, Малайзии, Таиланда и Индонезии. В 2007–2009 гг. таких мегапокупок было 10, в 2010–2012 гг. — 13. Масштабы некоторых сделок и их участники представлены в табл. 7.

Таблица 7

Отдельные мегапокупки компаниями из стран АСЕАН на рынке слияний и поглощений, 2007–2012 гг., млн. долл.

Год	Стоимость	Покупаемая компания, страна пребывания	Отрасль покупаемой компании	Компания-покупатель	Страна компании	Доля акций
2012	9400,0	Ping An Insurance Group,Китай	Страхование	Charoen Pokphand	Таиланд	15,6
2007	7501,0	Alinta Ltd, Австралия	Сбыт природного газа	Investor Group	Сингапур	100,0
2012	5200,0	Progress Energy Resources, Канада	Нефть и газ	Petronas	Малайзия	100,0
2008	4400,0	Merrill Lynch, США	Операции с ценными бумагами	Temasek Holdings	Сингапур	10,7
2007	3674,6	Solectron Corp., США	Электроника	Flextronics International	Сингапур	100,0
2011	3500,0	Frac Tech Holdings, США	Нефть и газ	Investor Group	Сингапур	70,0
2008	2489,2	GLNG Project, Brisbane, Австралия	Природный газ	Petronas	Малайзия	40,0
2011	2280,0	Statoil, Канада	Нефть и газ	PTT-EP	Таиланд	40,0
2011	1954,3	Vallar, Великобритания	Инвестиционные службы	Vallar PLC (Bakrie Group)	Индонезия	100,0
2012	1900,0	Cove Energy, Ирландия	Газ	PTT-EP	Таиланд	100,0
2010	1838,8	Sucrogen, Австралия	Сахарный тростник	Wilmar	Сингапур	100,0
2008	1708,7	Idea Cellular, Индия	Радиотелефонная связь	TM International	Малайзия	15,0
2010	1646,1	Centennial Coal, Австралия	Открытая добыча битуминозного угля	Banpu	Таиланд	100,0
2007	1407,5	FL Selenia, Италия	Смазочные масла	Petronas	Малайзия	100,0
2009	1300,0	ProLogis-China Operarions, Китай	Девелоперы	GIC Real Estate	Сингапур	100,0
2012	1000,0	Bumi, Великобритания	Инвесторы	BorneoLumbung Energi	Индонезия	23,8

Источник: ASEAN Investment Report. 2012: The Changing FDI Landscape. Jakarta, ASEAN Secretariat, July 2013, p. 82.

Процессу регионализации и интернационализации национального бизнеса способствует, помимо прочих факторов, экономическая деятельность живущих в странах ЮВА этнических китайцев[39]. На это обстоятельство обратили внимание эксперты ЮНКТАД в «Докладе о мировых инвестициях 2006 г.». Они считают, что, судя по многочисленным публикациям, появление в ЮВА ТНК — это часть общего процесса интернационализации бизнеса этнических китайцев. Большое число компаний этнических китайцев стали важными региональными игроками в ЮВА, а некоторые из них — и глобальными (см. табл. 8).

Таблица 8

Некоторые крупные компании этнических китайцев в Юго-Восточной Азии, ранжированные по уровню рыночной капитализации (млн. долл.)

Компания	Страна	Отрасль	Рыночная стоимость	Оборот	Сфера операц.
Нефинансовые компании					
Сингапур Пресс Холдингс Лтд.	Сингапур	Издательское дело	4021	581	регион.
Сити Девелопментс Лтд.	Сингапур	Гостиницы	3928	1408	глобал.
Жентинг Берхад	Малайзия	Гостиницы	3541	1223	регион.
IOI Корпорейшн Берхад	Малайзия	Сельское хозяйство и рыболовство	3032	1314	глобал.
Шин Корпорейшнс Паблик Ко.	Таиланд	Телекоммуникации	2725	493	регион.
YTL Пауэр Интернешнл Берхад	Малайзия	Коммунальные службы	2643	893	глобал.
Венчур Корпорейшн Лтд.	Сингапур	Электроника	2550	1889	глобал.
YTL Корпорейшн Берхад	Малайзия	Коммунальные службы	2189	1160	глобал.
Фрейзер энд Нив Лтд.	Сингапур	Напитки и продукты питания	2170	2039	. глобал.
Вонт Вонт Холдингс Лтд.	Сингапур	Продовольствие	1637	524	регион.
Финансовые компании					
Юнайтед Оверсиз Бэнк Лтд.	Сингапур	Банковское дело	12971	1928	глобал.
Оверсиз-Чайниз Бэнкинг Корп.	Сингапур	Банковское дело	10820	1564	глобал.
Паблик бэнк Берхад	Малайзия	Банковское дело	6008	1328	регион.
Бангкок Бэнк Паблик Ко. Лтд.	Таиланд	Банковское дело	4671	1203	глобал.
Грейт Истерн Холдингс Лтд.	Сингапур	Страхование жизни	4049	4661	регион.
Касикорн Бэнк Паблик Ко. Лтд.	Таиланд	Банковское дело	3162	878	глобал.
Хонг Леонг Бэнк Берхад	Малайзия	Банковское дело	2162	367	регион.
Хонг Леонг Кредит Берхад	Малайзия	Банковское дело	1063	668	глобал.
Бэнк оф Аютия Паблик Ко. Лтд.	Таиланд	Банковское дело	856	387	регион.
Метрополитэн Бэнк энд Траст Ко.	Филиппины	Банковское дело	847	410	глобал.

Источник: UNCTAD World Investment Report. 2006. P. 129 (based *on Asia Weekly*, 9 October 2005).

Каковы формы инвестиционной деятельности некоторых компаний этнических китайцев, видно из нижеследующих характеристик[40].

Жентинг Берхад — это малайзийский гигант развлекательного и игрового бизнеса, очень быстро расширяющий операции на европейском и американском рынках. В «Докладе о мировых инвестициях. 2011» включены в список 100 крупнейших ТНК из развивающихся и переходных стран, ранжированных по объему иностранных активов, в 2012 г. вошли в список 50 крупнейших компаний АСЕАН, ведущих зарубежные операции и ранжированных по размеру доходов (21-е место). В 2010/2011 финансовом году общая сумма активов оценивалась в 15,9 млрд. долл., в том числе иностранных — 11,9 млрд. (75%), общий товарооборот — 4,7 млрд. долл., включая 2,5 млрд. за рубежом (53%). На предприятиях компании было занято 43,1 тысячи человек, в том числе на иностранных — 32,4 тысячи (75%). Индекс транснациональности весьма высокий — 68,1% (исчисляется как среднее трех удельных весов: удельного веса иностранных активов в общей сумме активов, удельного веса иностранных продаж в общей сумме продаж и удельного веса занятых на иностранных предприятиях фирмы в общей численности занятых в компании). По размеру зарубежных активов и по индексу транснациональности компания занимала в 2010/2011 г. четвертые места среди 13 крупнейших нефинансовых ТНК АСЕАН, ранжированных по размеру иностранных активов. В 2006 г. компания приобрела за 700 млн. фунтов стерлингов английскую Stanley Leisure и 10% акций в Rank Group, которая является ведущим европейским игровым бизнесом.

IOI корпорейшн создана в Малайзии в 1982 г., инвестирует главным образом в пальмовые плантации, которые приносят ей 13% дохода и 57% прибыли, и в предприятия обрабатывающей промышленно-

сти. Владеет 12 заводами по производству пальмового масла и 82 земельными угодьями. Общая площадь под плантациями масличной пальмы составляет 157045 га. Около 95% площади под плантациями находятся в Малайзии, а остальные — в Индонезии. Бóльшая часть активов (61,53%) находится в Малайзии, 16,67% — в Азии, 16,61% в Европе, 5,19% — в Америке. Малайзийские предприятия приносят 35,46% доходов, европейские — 32,03%, азиатские — 22,19%, американские — 10,32%. В 2002 г. корпорация приобрела путем поглощения нидерландскую компанию Loders Croklaan, располагающую производственными площадями в США (360 тыс. кв. м), Нидерландах (60 тыс. кв. м) и Канаде (1022 кв. м). Компания также получает сырье через филиал в Гане и имеет предприятие в Египте, которое перерабатывает сырье в полуфабрикаты. Корпорация стремится расширить употребление пальмового масла в Европе и построила в 2005 г. в Роттердаме самый крупный в Европе завод по производству пальмового масла производительностью 1,32 млн. т. Предприятие имеет маркетинговые офисы в США, Великобритании, Дании, Италии, Польше, Китае, Египте и Буркина-Фасо. Почти 30% дохода корпорации извлекаются в Европе благодаря операциям и продажам, которые проводит компания Loders Croklaan.

Шин корпорейшнс паблик компани — главная телекоммуникационная компания Таиланда, ведущая активную деятельность в соседних странах.

YTL пауэр интернешнл — малайзийский компания, главная составляющая YTL Corporation Berhad, инвестирует в электрослужбы и инфраструктуру. В 2011 г. общая сумма активов — почти 16 млрд. долл., из них за рубежом — почти 7 млрд. (44%), продаж — соответственно 6,1 млрд. и 4,8 млрд. долл. (79%). Бóльшую часть дохода (64,72%) получает в Сингапуре, 20,27% — в Малайзии, 12,51% — в Великобритании, 2,5% — в остальных районах. В 2012 г. в списке 50 крупнейших компаний АСЕАН с зарубежными активами занимала 22-е место. В 2009 г. приобрела 100% акций сингапурской Power Seraya за 2,3 млрд. долл.

Фрейзер энд Нив — сингапурская компания, специализирующаяся на производстве безалкогольных напитков и продуктов питания. В 2011 г. все активы оценивались в 10,6 млрд. долл., в том числе зарубежные — почти 2 млрд. долл. (18,8%), продажи — соответственно 4,8 млрд. долл. и 3,1 млрд. долл. (66%). В 2010 г. в компании было занято 17 тыс. человек, из них 8,4 (50%) — за рубежом. Индекс транснациональности компании в 2010 г. равнялся 54,3% (6-е место среди 13 нефинансовых ТНК стран АСЕАН, ранжированных по величине иностранных активов, и 8-е место по сумме иностранных активов). В 2012 г. в списке 50 крупнейших компаний АСЕАН с заграничными операциями заняла 34-е место.

Юнайтед оверсиз бэнк — один из крупнейших коммерческих банков Сингапура. В 2011 г. все активы оценивались в 182,5 млрд. долл., из них зарубежные — почти 68 млрд. (37%), оборот — соответственно 5,9 млрд. и 1,8 млрд. долл. (30%). В банке работали 23 тысячи человек. В 2012 г. в списке 50 крупнейших компаний АСЕАН с зарубежными операциями находился на 26-м месте.

Бангкок бэнк — один из крупнейших и наиболее интернационализированных финансовых и банковских компаний Таиланда. В 2011 г. его активы оценивались в 66,8 млрд. долл., продажи — 3,65 млрд., в банке было занято 21,5 тысячи служащих. Банк имеет за рубежом более 20 отделений, большинство из которых находятся в странах АСЕАН (Вьетнаме, Индонезии, ЛНДР, Малайзии, Мьянме, Сингапуре, на Филиппинах). Банк ведет также операции в Гонконге, Токио, в Великобритании и США. В 2012 г. в списке 50 крупнейших компаний АСЕАН с заграничными операциями находился на 46-м месте.

Хонг Леонг Бэнк Берхад — малазийский банк, был создан в 1934 г. и назывался Kwong Lee Bank Ltd. Имеет более 300 отделений, главным образом в самой Малайзии и в соседних странах — Брунее — Даруссаламе, Сингапуре и Вьетнаме. Международные операции дают 6% дохода. Банк вышел в последние годы на китайский рынок и приобрел 20% акций в Chengdu City Commercial Bank за 261 млн. долл. и 49% акций в Sichuan Jincheng Consumer Finance Ltd.

* * *

Таким образом, очевидно, что в XXI веке инвестиционная панорама в регионе динамично меняется и страны ЮВА стали не только притягательной площадкой для иностранных инвестиций, но также крупными донорами прямых инвестиций и для развивающихся, и для развитых стран, а отдельные государства — Малайзия и Таиланд — превратились в чистых экспортеров капитала.

Примечания

[1] Подсчитано по: UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 1. FDI inflows, by region and economy, 1990–2012; Web table 2. FDI outflows, by region and economy, 1990–2012. Подробнее о динамике глобальных притоков и оттоков ПИИ см.: Муранова А. П. «Структурные сдвиги в международном движении капитала и инвестиционные потоки в Юго-Восточной Азии, 2000–2012 гг. — в сб. ст. «Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития». Выпуск XXI. М.: ИВ РАН, 2013.

[2] UNCTAD World Investment Report. 2006 . New York and Geneva, 2006. P. 107.

[3] UNCTAD Handbook of Statistics.2012.New York and Geneva, 2012. P. 349.

[4] Подсчитано по: UNCTAD Handbook of Statistics. 2012. P. 345, 347, 349.

[5] UNCTAD World Investment Report. 2006. P. 43.

[6] ASEAN Investment Report. 2012: The Changing FDI Landscape. Jakarta, ASEAN Secretariat, July 2013. P. 74.

[7] Подсчитано по: UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 2. FDI outflows, by region and economy, 1990–2012.

[8] Global Players From Emerging Markets. Strengthening Enterprise Competitiveness Through Outward Investment. UNCTAD, New York and Geneva, 2007. P. 117.

[9] Yearbook of Statistics. Singapore. 2012. Department of Statistics. Singapore, 2012. P. 79, 81; Yearbook of Statistics. Singapore. 2013. Department of Statistics. Singapore. 2013. P. 86, 88. Департамент статистики Сингапура публикует информацию только о балансовой стоимости вывезенных инвестиций.

[10] An overview of Malaysian Outward Foreign Direct Investment (January 2013) — www. ice.gov.it/paesi/malaysia/upload/173/malaysia_OFDI_review-Oct12.pdf

[11] Kee Hwee Wee «Outward FDI by Enterprises from Thailand» — Transnational Corporations, UN, New York and Geneva, 2007, April, vol. 16, No. 1. P. 94–95.

[12] http://www2.bot.or.th/statistics/BOTWEBSTAT.aspx?reportID=7622language-ENG

[13] M. Carney, M. Dieleman «Indonesia's Missing Multinationals: Business Groups and Outward Direct Investment» p. 12 — http://spectrum.library.concordia.ca/976844/1/BIES_2011_I…

[14] ASEAN Investment Report. 2012. P. 78.

[15] UNCTAD World Investment Report 2013: Annex tables. Web table 8. FDI Outflows as a percentage of gross domestic product, 1990–2012.

[16] Подсчитано по: UNCTAD World Investment Report. 2013. Annex tables. Web table 1. FDI inflows, by region and economy, 1990–2012; Web table 2. FDI outflows, by region and economy. 1990–2012.

[17] ASEAN Investment Report. 2012. P. 60.

[18] В экономической литературе различают два вида факторов, которые определяют решение фирмы вынести операции за пределы страны. Первый — фактор «выталкивания» (“push”), который относится к экономическим условиям страны, где функционирует компания, и включает такие элементы, как насыщенность рынка, ограниченность земли, ограниченность рабочей силы, повышение курса валюты и другие. Второй — фактор «притягивания» (“pull”), который относится к экономическим условиям страны-реципиента инвестиций и включает такие элементы, как потенциал рынка, низкую стоимость рабочей силы, льготы, возможности для инвестиций, уровень технологии и качество рабочей силы (см.: Global Players From Emerging Markets: Strengthening Enterprise Competitiveness Through Outward Invetment. UNCTAD, New York and Geneva, 2007. P. 3.

[19] Так, проведенное в 2006 г. Мировым банком обследование инвестиционного климата в Таиланде показало, что для получения лицензии надо потратить 32 дня, тогда как в регионе АТР в среднем 16 дней. (http://microdata.worldbank.org/index.php/catalog/668/download/17763). По данным Всемирного экономического форума, ранжирующего страны мира по ряду важных социально-экономических показателей, Таиланд в 2013 г. занял 78-е место по качеству институциональной среды и по уровню технологического развития и 102-е место по защите интеллектуальной собственности (из 148 стран). При опросе предпринимателей выявилось, что более всего препятствуют развитию бизнеса следующие факторы: на первом месте коррупция, на втором — постоянная смена правительств, на третьем — непостоянная политика правительства, на четвертом — бюрократический аппарат, на пятом — низкая способность к инновациям, на шестом — недостаточно образованная рабочая сила, на седьмом — нехватка инфраструктуры, на восьмом — трудность получения кредита. The Global Competitiveness Report. 2013–2014. World Economic Forum, Geneva, 2013. P. 365.

[20] Global Players From Emerging Markets. Strengthening Enterprise Competitiveness Through Outward Investment. UNCTAD, New York and Geneva, 2007. P. 3.

[21] Ibid. P. 4–5.

[22] ASEAN Investment Report. 2012. P. 53.

[23] ASEAN Investment Report. 2012. P. 85.

[24] Ibid. P. 87–88.

[25] ASEAN Investment Report. 2012. P. 74.

[26] UNCTAD World Investment Report. 2006. P. 212, 214.

[27] Ibid. P. 212, 216.

[28] Ibid. P. 212.

[29] UNCTAD World Investment Report. 2013. P. 230–233.

[30] ASEAN Investment Report. 2012. P. 53.

[31] ASEAN Investment Report. 2012. P. 55.

[32] ASEAN Statistical Yearbook.2012. Jakarta, ASEAN Secretariat, August 2013. P. 128.

[33] ASEAN Investment Report. 2012. P. 56.

[34] Ibid. P. 56–58.

[35] «Экономическое сообщество АСЕАН — мощный фактор «притягивания» (“pull”), все больше влияющий на решение компаний АСЕАН инвестировать в регионе», — считают эксперты Секретариата АСЕАН. — «ASEAN Investment Report. 2012». P. 72.

[36] О ТНК см. монографию Н. Н. Цветковой «ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг.». М.: ИВ РАН, 2011.

[37] ASEAN Investment Report. 2012. P. 80–81.

[38] Ibid. P. 79.

[39] О большой роли китайского капитала пишет Н.Н. Цветкова в монографии «ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг.». С. 140–141.

[40] Составлено по: UNCTAD World Investment Report. 2006. P. 129–130; ASEAN Investment Report. 2012. P. 67, 79, 82–84; An Overview of Malaysian Outward Foreign Direct Investment (January 2013) — http://www.ice.gov.it/…/Malaysia/…/Malaysia

IV. АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА

*И. В. Дерюгина**

К вопросу о прогнозировании сельскохозяйственного производства в странах Востока и Запада

Подходы к прогнозированию производства в отрасли сельского хозяйства в странах Востока и Запада кардинально отличаются. В соответствии с теорией двух технологических способов производства (ТСП) в сельском хозяйстве стран мира существуют две траектории развития сельского хозяйства. Первая — та, по которой следовали страны трудосберегающего технологического способа производства (страны Западной Европы, Северной Америки, Австралия, Россия, Казахстан); вторая — та, по которой развивались страны землесберегающего технологического способа производства (большинство стран Азии, Северной Африки)[1].

В исторической ретроспективе преобразования в сельском хозяйстве трудосберегающего ТСП шли параллельно с сокращением затрат труда в отрасли (экономией труда), переходом избыточного труда из сельского хозяйства в другие сферы народного хозяйства. И, как следствие, с повышением производительности труда в сельском хозяйстве благодаря использованию механизмов, сберегающих труд, для замещения ушедшей из сельского хозяйства рабочей силы. Проблема экономии природных ресурсов земли на этом этапе еще не возникла. И только на более позднем этапе (при переходе к наукоемкому этапу), когда были исчерпаны свободные природные ресурсы земли, целью преобразований стало увеличение продуктивности земли, однако даже в этом случае темпы роста производительности труда были выше.

Эволюция сельского хозяйства стран землесберегающего ТСП шла по совершенно иной траектории. Мотивация производственной деятельности в сельском хозяйстве этих стран отнюдь не предполагает экономии труда и повышения его производительности, трудовые ресурсы здесь находились в изобилии, переход рабочей силы в другие сектора народного хозяйства был заблокирован логикой экономического развития[2]. Целевой установкой преобразований в сельскохозяйственном производстве выступало повышение продуктивности земли. Причем любые вложения капитала направлялись не в механизмы, увеличивающие производительность труда, а в системы, улучшающие плодородие почвы, которое отражалось в росте продуктивности земли. Поэтому производительность труда в сельском хозяйстве стран землесберегающего ТСП имеет вековую стагнационную динамику. Возможность слома этой традиции демонстрирует на сегодняшний день только одна азиатская страна — Япония, но этот путь потребовал от страны огромных затрат.

Модели прогнозирования производства в сельском хозяйстве

Прогнозирование производства в отрасли сельского хозяйства в странах трудосберегающего ТСП базируется на универсальной модели, в которой величина отраслевого выпуска определяется как функция производительности труда и численности трудовых ресурсов[3]:

$$Q = A \times L,$$

где Q — валовая продукция в сельском хозяйстве, A — производительность труда, L — численность трудовых ресурсов.

Производительность труда зависит от фондовооруженности, и описываться неоклассической моделью Солоу[4]:

$$A = \alpha_1 \times k^{\beta},$$

где A — производительность труда в сельском хозяйстве (величина валовой продукции отрасли в расчете на единицу затрат труда), k — фондовооруженность сельского хозяйства (стоимость основных фондов в расчете на единицу затрат труда), α — технологический коэффициент, фиксирующий воздействие научно-технического прогресса, β — коэффициент эластичности динамики производительности труда в зависимости от изменения фондовооруженности.

Использование данной универсальной прогнозной модели сельскохозяйственного производства в странах Востока имеет существенные ограничения. В связи со стагнацией производительности труда и ростом продуктивности земли здесь не корректно использовать универсальную модель. Логика развития сельского хозяйства в странах Востока показывает, что при прогнозировании сельскохозяйственного производства необходимо ориентироваться на модель, в которой величина валовой продукции в отрасли будет зависеть от динамики продуктивности земли и площади обрабатываемых земель:

---

* Дерюгина Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН.

$Q = E \times S$,

где Q — валовая продукция в сельском хозяйстве, E — продуктивность земли, S — площадь обрабатываемых земель.

Продуктивность земли, которая в значительной степени определяется плодородием почвы, является функцией от потребления минеральных удобрений:

$E = \alpha_2 \times F^{\mu}$,

где E — продуктивность земли в сельском хозяйстве (величина валовой продукции отрасли в расчете на гектар обрабатываемых земель), F — потребление минеральных удобрений в расчете на гектар обрабатываемых земель, α — технологический коэффициент, фиксирующий воздействие научно-технического прогресса, μ — коэффициент эластичности динамики продуктивности земли в зависимости от изменения потребления минеральных удобрений.

В странах Востока, где продовольственная ситуация пока еще не стабильна, при прогнозировании сельского хозяйства важно оценить уровень самообеспеченности продовольствием. В ближайшей перспективе важность этого аспекта будет увеличиваться, тем более что тенденцией последнего десятилетия стало интенсивное отпочкование земель, ранее засеиваемых продовольственными культурами, под технические культуры и плантационное хозяйство. Для этих целей добавим в прогноз субмодель зависимости валовых сборов продовольственных культур:

$P = Y \times \lambda \times \delta \times S$,

где P — валовой сбор продовольственных культур, Y — урожайность продовольственных культур, λ — коэффициент использования пахотных площадей под посевы, δ — доля пахотных площадей в площади обрабатываемых земель, S — площадь обрабатываемых земель. Урожайность в свою очередь есть функция от количества применяемых удобрений и внедрения новых технологий:

$Y = \alpha_3 \times F^{\eta}$,

где Y — урожайность продовольственных культур, F — потребление минеральных удобрений в расчете на гектар обрабатываемых земель, α — технологический коэффициент, фиксирующий воздействие научно-технического прогресса, η — коэффициент эластичности изменения урожайности в зависимости от потребления минеральных удобрений.

Таким образом, мы имеем две отличающиеся друг от друга модели для прогнозирования аграрного производства в странах трудосберегающего и землесберегающего ТСП. Рассмотрим статистические показатели, которые используются в этих моделях (см. Приложение табл. 1 и 2):

1. Производительность труда в сельском хозяйстве, измеряется величиной валовой продукции отрасли в расчете на единицу трудовых ресурсов. Будет использоваться при прогнозировании аграрного производства в странах трудосберегающего ТСП.
2. Продуктивность земли в сельском хозяйстве измеряется величиной валовой продукции отрасли в расчете на единицу обрабатываемой площади. Будет использоваться при прогнозировании аграрного производства в странах землесберегающего ТСП.
3. Численность трудовых ресурсов измеряется численностью экономически активного населения, при прогнозировании может быть оценена по удельному весу экономически активного населения в сельском хозяйстве во всем экономически активном населении страны.
4. Величина обрабатываемой площади включает пахотную площадь и площадь многолетних насаждений.
5. Фондовооруженность сельского хозяйства измеряется величиной основных фондов в сельском хозяйстве в расчете на единицу трудовых ресурсов. Основные фонды включают:1) машины и оборудование; 2) мелиоративные работы; 3) производственные постройки (включая помещения для содержания скота); 4) домашний скот (продуктивный и рабочий); 5) многолетние насаждения. При использовании данного показателя следует учитывать, что структура основных фондов в сельском хозяйстве принципиально различается в странах трудосберегающего и землесберегающего ТСП (см. Приложение рис. 1). В сельском хозяйстве стран трудосберегающего ТСП (здесь преобладают страны с высоким уровнем дохода) наибольшая доля основных фондов приходится на «машины и оборудование», т. е. они вкладываются в средства производства, сберегающие труд и, как следствие, увеличивающие производительность труда. В сельском хозяйстве стран землесберегающего ТСП (здесь преобладают страны со средним уровнем дохода) наибольшая доля основных фондов приходится на мелиоративные работы, улучшающие плодородие почвы и, как следствие, увеличивающие продуктивность земли. В наиболее отсталых странах (страны Африки) преобладание получили вложения в «домашний скот».
6. Потребление минеральных удобрений в расчете на гектар обрабатываемой площади позволяет оценить вложения в сельское хозяйство, используемые непосредственно для улучшения плодородия почвы.
7. Урожайность основных продовольственных культур (пшеницы и риса).

Варианты технологического способа производства в сельском хозяйстве

Модель каждого исходного ТСП — трудосберегающего и землесберегающего — рассмотрена в двух вариантах. Во-первых, это — «классические» варианты и трудосберегающего, и землесберегающего

ТСП и, во-вторых, это особые региональные варианты: западноевропейский трудосберегающий ТСП и ближневосточный землесберегающий ТСП. Таким образом, для целей прогнозирования сельского хозяйства в странах Востока и Запада мы дифференцируем сложившийся в них тип ТСП по четырем вариантам (или субмоделям)[5].

I. Классический трудосберегающий ТСП, его становление началось в рамках западноевропейской модели развития аграрного сектора, но наиболее полно проявил себя на свободных землях в Канаде, Австралии, США, России, Казахстане (см. Приложение табл. 1).

II. Западноевропейский трудосберегающий ТСП сформировался в странах Западной, Северной, Южной Европы, части стран Восточной Европы, Турции. Исторически именно в нем были заложены основы трудосберегающего ТСП, однако в определённый период своего развития он столкнулся с исчерпанием земельных ресурсов и выработал новую модель экономического роста (см. Приложение табл.1).

III. Классический землесберегающий ТСП характерен для большинства стран Южной, Юго-Восточной, Восточной Азии и Египта, в сельском хозяйстве которого во второй половине XIX — начале XX в. под влиянием процесса интенсификации сельскохозяйственного производства и аграрного перенаселения сформировался классический землесберегающий ТСП (см. Приложение табл.2).

IV. Ближневосточный землесберегающий ТСП сложился в странах Ближнего Востока и Северной Африки, за исключением Египта (см. Приложение табл. 2).

Наиболее существенные количественные различия между двумя исходными ТСП проявляются в показателе размера обрабатываемой площади в расчете на одного работника и в показателе численности работников в расчете на 100 гектаров обрабатываемой площади. Сравнение значений в таблицах 1 и 2 показывает, что параметр, характеризующий размер обрабатываемой площади в расчете на одного занятого, в странах классического трудосберегающего ТСП в 20–100 раз и более превышает этот параметр в странах классического землесберегающего ТСП. Численность работников на 100 гектаров обрабатываемой площади доходит почти до 400 человек в сельском хозяйстве наиболее плотно населённых стран классического землесберегающего ТСП и составляет всего несколько человек в странах классического трудосберегающего ТСП.

В историческом тренде модернизации аграрного сектора, как сказано выше, мы наблюдаем резкое отличие стран трудосберегающего ТСП от стран землесберегающего ТСП. В первую очередь это проявляется в несовпадении этапов модернизации — в странах трудосберегающего ТСП преобразования начинались с механизации сельского хозяйства, что вызвало резкий рост производительности труда. Значительно позже включались процессы химизации и селекционных изменений, и наконец очередь дошла до внедрения наукоемких технологий. В сельском хозяйстве стран землесберегающего ТСП модернизация стартовала с биохимического этапа («зеленой революции»), что привело к увеличению продуктивности земли. Гораздо позднее (и то далеко не во всех странах) начались процессы механизации аграрного производства, которые в некоторых странах продолжились внедрением элементов наукоемких технологий.

Поэтому следующим существенным отличительным признаком при выборе модели прогнозирования сельскохозяйственного производства выступало соотношение — производительность труда/продуктивность земли. В сельском хозяйстве стран трудосберегающего ТСП производительность труда существенно превосходит таковую в странах землесберегающего ТСП. Напротив, значения продуктивности земли в сельском хозяйстве большинства стран землесберегающего ТСП имели более высокие значения, чем в странах трудосберегающего ТСП. Только с внедрением наукоемких технологий в сельском хозяйстве западноевропейского трудосберегающего ТСП продуктивность земли в них сравнялась, а в ряде стран стала выше аналогичного показателя в землесберегающих странах (см. Приложение табл. 1 и 2).

Технико-экономические этапы эволюции сельского хозяйства

Важным направлением прогнозирования сельского хозяйства является уровень технологического развития отрасли. Так, аграрные сектора стран Востока и Запада помимо того, что принадлежат к различным исходным ТСП, различаются уровнем технологического развития, и соответственно они должны быть дифференцированы по технико-экономическим этапам эволюции (см. Схему классификации стран по технико-экономическим этапам).

Технико-экономические этапы эволюции связаны с развитием производительных сил и делятся на трудоемкий, капиталоемкий и наукоемкий этапы[6]. Причем эти этапы отражают не просто набор технических средств, применяемых в аграрном хозяйстве, но и социальные условия, при которых это хозяйство жизнеспособно.

Схема классификации стран по технико-экономическим этапам эволюции сельского хозяйства при двух исходных ТСП

Трудосберегающий ТСП			Россия Казахстан Польша Турция	США Канада Австралия Финляндия Швеция Франция Нидерланды Великобритания Израиль Новая Зеландия
Землесберегающий ТСП	Алжир Индия Индонезия Китай Таиланд Филиппины Бангладеш Вьетнам Марокко Пакистан Узбекистан	Республика Корея Египет Иран Малайзия		Япония
	Трудоемкий	**Капиталоемкий с ограниченным трудосберегающим эффектом**	**Капиталоемкий с нарастающим трудосберегающим эффектом**	**Наукоемкий**

I. Трудоемкий этап базируется на использовании в аграрном производстве низкоквалифицированного ручного труда, природных ресурсов, доиндустриальных производительных сил. Частичное использование современных средств производства (минеральных удобрений, высокоурожайных семян) ни в какой степени не уменьшает трудоемкости такого хозяйства. По своим социально-экономическим характеристикам трудоемкий этап соответствует традиционному хозяйству, признаками которого являются высокая доля натурального обмена, преобладание натуральных форм аренды, потребительская мотивация производственной деятельности, слабая степень индивидуализации хозяйства, сильное влияние неформальных институтов.

II. Капиталоемкий этап стартует с началом развития индустриальных производительных сил, характеризуется ростом фондовооруженности аграрного производства. В современный период капиталоемкий этап проявляется в двух вариантах — капиталоёмкий этап с нарастающим трудосберегающим эффектом и капиталоемкий этап с ограниченным трудосберегающим эффектом. Именно на этом этапе сильнее всего обозначились особенности каждого ТСП.

А) Капиталоемкий этап с нарастающим трудосберегающим эффектом пережили страны трудосберегающего ТСП, в то время как капиталоемкий этап с ограниченным трудосберегающим эффектом характерен для стран с землесберегающим ТСП. Деление капиталоемкого этапа на два виртуальных варианта определяется главным образом целями использования капитала в процессе сельскохозяйственного производства в странах трудосберегающего и землесберегающего ТСП. В странах трудосберегающего ТСП инвестиции в сельское хозяйство изначально преследовали цель экономии (сокращения) человеческого труда и замещения мускульной энергии человека и животных механизмами, вложение же капитала в увеличение эффективности природных ресурсов на данном этапе было значительно ниже (хотя осуществлялось строительство дренажных и оросительных систем, применение минеральных удобрений, химических средств защиты). Соответственно, в странах, переживших или переживающих капиталоемкий этап с нарастающим трудосберегающим эффектом, увеличивалась фондовооруженность аграрного производства, быстро росла производительность труда.

Б) В странах землесберегающего ТСП, модернизация аграрного сектора в которых проходила через капиталоемкий этап с ограниченным трудосберегающим эффектом, основной целью инвестиций в сельскохозяйственное производство была отнюдь не экономия труда, не замещение мускульной энергии человека и животных механизмами, а увеличение эффективности природных ресурсов (земли). Соответственно, в таких странах на данном этапе при росте фондовооруженности сельского хозяйства производительность труда оставалась на низком уровне, однако наблюдался рост продуктивности земли. По величине продуктивности земли сельское хозяйство стран землесберегающего ТСП на капиталоемком этапе обгоняло страны трудосберегающего ТСП.

III. Наукоемкий этап связан с применением информационных производительных сил непосредственно в процессе сельскохозяйственного производ-

ства. Целевой установкой на этом этапе выступает увеличение эффективности аграрного производства и экономия ресурсов производства как трудовых, так и природных. Те различия в производительности труда и продуктивности земли между двумя ТСП, которые наблюдались в период капиталоемкого этапа эволюции, на этапе наукоемком сглаживаются, хотя производительность труда в сельском хозяйстве стран землесберегающего ТСП (переживает наукоемкий этап из стран данной группы только Япония) продолжает отставать от аналогичного показателя в странах с трудосберегающим ТСП. Однако продуктивность земли в странах трудосберегающего ТСП постепенно догоняет таковую в странах землесберегающего ТСП.

Принципы прогнозирования количественных показателей

Одной из главных задач долгосрочного прогнозирования является корректная разработка сценарных вариантов будущего развития. Прогнозирование количественных показателей опирается на сценарные варианты, разработанные путем экспертных оценок. Данная проблема — это предмет отдельного исследования, здесь же укажем лишь работы, наиболее близкие автору по концепции[7].

При оценке исторической динамики производительности труда и продуктивности земли в сельском хозяйстве воспользуемся таблицами 3 и 4 (см. Приложение). В таблице 3 представлены индексы роста производительности труда и продуктивности земли в сельском хозяйстве стран классического трудосберегающего и классического землесберегающего ТСП, в таблице 4 — ежегодные темпы прироста этих параметров. Статистической базой всех расчетов служит 1961 г. (первый год регулярных статистических обследований ФАО). Более наглядно динамика производительности труда и продуктивности земли проявляется в таблице индексов роста этих показателей (см. Приложение табл. 3). Значения темпов прироста производительности труда для стран землесберегающего ТСП кажутся завышенными, объясняется это эффектом низкой базы в 1961 г. (см. Приложение табл. 4).

Фондовооруженность сельского хозяйства будет зависеть от объемов инвестируемого капитала в сельскохозяйственное производство и численности трудовых ресурсов в нем. Использован данный параметр будет только при прогнозировании аграрного производства в странах трудосберегающего ТСП, ибо хорошо прослеживается корреляция между фондовооруженностью и производительностью труда (см. Приложение табл.1). В сельском хозяйстве стран землесберегающего ТСП пока такой корреляционной зависимости нет (см. Приложение табл.2), что объясняется следующими причинами: во-первых, наибольшая доля основных фондов тратится не на «машины и оборудование», а на «мелиоративные работы», во-вторых, большинство стран находятся еще на трудоемком технологическом этапе развития.

Оценка на длительную перспективу объемов потребления минеральных удобрений, которые используются при прогнозировании продуктивности земли и валовых сборов продовольственных культур, представляет собой достаточно сложную задачу. Во-первых, количество используемых минеральных удобрений зависит от инвестиционных ресурсов, государственной политики в области субсидирования и кредитования сельскохозяйственных производителей; во-вторых — от степени внедрения научно-технического прогресса в семеноводство, от создания новых типов семян (в том числе генетически модифицированных); в третьих — от следования (или не следования) в русле политики ресурсосбережения.

Перспективы научно-технического прогресса в сельском хозяйстве

Пожалуй, самое важное (и самое трудное) при долгосрочном прогнозировании сельскохозяйственного производства предсказать направления научно-технической модернизации. Попробуем наметить рамки возможных технологических преобразований, исходя из теории Кондратьевских волн, рассмотренных как смена технологических циклов.

Фаза подъема первого в XXI в. Кондратьевского сельскохозяйственного цикла в сельском хозяйстве стран трудосберегающего ТСП стартовала в конце 1990-х годов (см. Приложение рис. 2)[8]. Примерно в этот период началось широкомасштабное внедрение новых аграрных технологий в странах Запада. (Не следует забывать, что согласно теории технологических циклов разработка инноваций начинается не в начале текущего Кондратьевского цикла, а на исходе уходящего цикла.) Большинство стран Запада перешли к наукоемкому технико-экономическому этапу развития сельского хозяйства (см. Схему классификации стран по технико-экономическим этапам). В сельском хозяйстве этих стран существенно повысилась продуктивность земли, обеспеченная большим количеством потребления минеральных удобрений, созданием принципиального нового семенного материала, внедрением биотехнологий и технологий «точного земледелия». Технологии «точного земледелия», обеспечивающие высокий уровень ресурсосбережения, включают: 1) дифференцированное использование ресурсов на различных неоднородных участках поля; 2) сбалансированное сочетание всех составляющих производства; 3) создание высокоурожайных семян (создаются в биотехнологических научных лабораториях); 4) оценку агроклиматических условий почв (осуществляется системами глобального спутникового слежения с помощью электронных карт полей); 5) точный полив и дозированное внесение удобрений (благодаря многофункциональным оросительным системам); 6) компьютерное управление всем процессом производства продукции (с использованием современных информационных технологий); 7) контроль за севооборотами; 8) электронные версии отчетов о каждом цикле полевых работ.

В конце XX — начале XXI в. производительность труда в странах Запада продолжала увеличиваться, но более медленными темпами по сравнению с предшествующими периодами, наибольший темп ее роста пришелся на начало прошлого, или второго в XX в. Кондратьевского сельскохозяйственного цикла, который стартовал в конце 1940-х годов (см. Приложение рис. 2). Данный феномен хорошо подтверждается показателями ежегодных темпов прироста производительности труда в таких странах, как США и Австралия, максимальные значения которых фиксировались в 1960-е — начале 1970-х годов, а в дальнейшем носили затухающий характер (см. Приложение табл. 4).

В странах трудосберегающего ТСП, переживающих наукоемкий этап, можно ожидать в ближайшее десятилетие более широкого внедрения технологий «точного земледелия», использования биотехнологий в производстве лекарственных растений и технических культур, усиления процессов ресурсосбережения. Компьютерные технологии «точного земледелия» приведут к дальнейшему росту производительности труда в сельском хозяйстве и вымыванию рабочей силы из отрасли. Таким образом, до середины 2020-х годов сохранятся (и в какой-то степени усилятся) тенденции начала XXI в.: быстрый рост продуктивности земли и более медленный — производительности труда. Резервы роста продуктивности земли в рамках трудосберегающего ТСП демонстрирует относительно мелкое для этого типа стран хозяйство Нидерландов и Новой Зеландии, в котором большое количество минеральных удобрений обеспечивает высокую урожайность продовольственных культур (см. Приложение табл. 1).

По прогнозам, к середине 2020-х годов[9] должна наступить смена фаз текущего Кондратьевского цикла — восходящая волна перейдет в нисходящую фазу[10]. К этому времени технологический бум в сельском хозяйстве стран трудосберегающего ТСП будет переживать насыщение, ресурсы технологий начала XXI в. будут практически исчерпаны. Вторая четверть XXI в. станет периодом инновационной разработки принципиально новых сельскохозяйственных технологий, широкое внедрение которых будет осуществляться уже в следующем Кондратьевском сельскохозяйственном цикле, который начнет свое движение в середине XXI в.

Гораздо более сложно прогнозировать перспективы научно-технического прогресса в сельском хозяйстве стран землесберегающего ТСП. Лаг между фазами подъема Кондратьевского сельскохозяйственного цикла в странах трудосберегающего и землесберегающего ТСП составлял примерно 5–7 лет. Если в сельском хозяйстве трудосберегающего ТСП второй Кондратьевский цикл XX в. начался в конце 1940-х годов, то в большинстве стран землесберегающего ТСП (за исключением Японии) его старт пришелся на середину 1950-х годов[11]. Тот же временной сдвиг характерен для несовпадения фаз следующего, первого в XXI в., Кондратьевского сельскохозяйственного цикла. Его начало в странах землесберегающего ТСП приходится на середину 2000-х годов, в то время как в странах трудосберегающего ТСП он стартовал с конца 1990-х годов. Таким образом, можно утверждать, что внедрение новых технологий в сельском хозяйстве стран землесберегающего ТСП продолжает отставать от аналогичного процесса в странах трудосберегающего ТСП.

Волна второго в XX в. Кондратьевского сельскохозяйственного цикла в странах землесберегающего ТСП показала резкий подъем благодаря технологиям «зеленой революции», пришедшей в сельское хозяйство этих стран в 1960-х годах. Причем технологии «зеленой революции» — это технологии, разработанные западными учеными специально для условий сельского хозяйства стран Востока и Латинской Америки. В настоящее время, после начала первого в XXI в. Кондратьевского сельскохозяйственного цикла, все ожидают прихода «второй зеленой революции». И ее элементы мы можем наблюдать в некоторых сферах аграрного производства, однако комплексных специальных инновационных разработок для стран Востока пока не предлагается.

Какие же технологии включены прогнозом ЭСКАТО в арсенал «второй зеленой революции» для сельского хозяйства стран Востока[12]. Во-первых, это — улучшенные классические технологии: 1) нулевая обработка пашни; 2) севообороты (выращивание бобовых культур); 3) применение органических удобрений; 4) внедрение элементов «точного земледелия» (в частности, капельная ирригация, дозированное внесение минеральных удобрений). Во-вторых, биотехнологии (в частности, генетически модифицированные культуры), которые значительно повысят продуктивность продукции растениеводства, животноводства и рыболовства. Предполагается, что сочетание этих двух направлений создаст прорыв в продуктивности сельского хозяйства. Генная инженерия будет использоваться для создания семенного материала новых культур, устойчивых к неблагоприятным условиям среды (засухам) и вредителям, обладающих лучшими ростовыми и вкусовыми качествами. Причем, если в странах Запада ГМ-культуры будут выращиваться как сырье для фармацевтической, химической, топливной промышленности, то в странах Востока и Юга они будут внедряться в сферу продовольственных культур (наиболее вероятно в Китае и Африке).

Таким образом, можно ожидать быстрого роста продуктивности земли в тех сферах сельского хозяйства, которые будут охвачены технологиями «второй зеленой революции». Современная ситуация показывает, что это будут отрасли, сильно интегрированные в мировое хозяйство, или отрасли, на продукт которых мировое хозяйство предъявляет повышенный спрос (технические, а не продовольственные культуры!). И значительно позднее (не ранее середины 2020-х годов) в странах Востока будут внедрены ГМ-культуры в продовольственный сектор, которые повысят его продуктивность.

Ожидать какого-либо значительного роста производительности труда в странах землесберегающего ТСП не представляется возможным по нескольким причинам. Во-первых, наибольшая доля капиталовложений, даже если предположить, что будет найден способ резко увеличить их объем в сельское хозяйство стран Востока, будет направляться в системы, увеличивающие продуктивность земли — мелиоративные работы, различные механизмы малой ирригации, а также в химические средства и семена. Во-вторых, пока еще для стран Востока в достаточной мере не разработаны специальные средства малой механизации, соответствующие современному уровню научно-технического прогресса и увеличивающие производительность труда, а внедрять наукоемкие технологии, используемые в странах трудосберегающего ТСП, не позволяют более чем скромные размеры пахотной площади, приходящейся на одно хозяйство.

Возникает вопрос, насколько возможно прогнозировать смену технико-экономических этапов в сельском хозяйстве стран землесберегающего ТСП (см. Схему классификации стран по технико-экономическим этапам). Здесь нам на помощь должны прийти сценарные варианты[13]. Совершенно очевидно, что такие страны, как Турция, Республика Корея, возможно, Малайзия, перейдут к наукоемкому этапу. Ряд стран, сельское хозяйство которых находится на трудоемком этапе эволюции, такие как Китай, Индия, Индонезия, Таиланд, будут стремиться перепрыгнуть капиталоемкий этап и перейти сразу к наукоемкому этапу. Это выльется, как упоминалось выше, в повышение урожайности сначала экспортных культур и постепенно продовольственных культур, сопутствовать данному процессу будет рост продуктивности земли. Еще более усилятся диспропорции между ростом продуктивности земли и стагнационной динамикой производительности труда. Следовательно, при низкой производительности труда большая масса населения будет сконцентрирована в сельскохозяйственном производстве, что приведет к возрастанию демографического давления на землю и увеличению аграрного перенаселения.

Представленные две модели для прогнозирования производства в сельском хозяйстве стран трудосберегающего и землесберегающего ТСП позволят достаточно точно оценить мировое производство в долгосрочной перспективе.

Приложение

Таблица 1

Сельское хозяйство стран с трудосберегающим ТСП

Страны	Обрабатываемая площадь на работника в сельском хозяйстве, *га на чел.*	Численность работников на 100 га обрабатываемой площади, *чел. на 100 га*	Затраты капитала в сельском хозяйстве		Производительность труда	Продуктивность земли		
			Основные фонды на работника[1], *тыс.долл. на чел.*	Потребление удобрений на га обрабатываемой площади[2], *кг на га*	Валовая сельскохозяйственная продукция на работника, *тыс.долл. на чел.*	Валовая сельскохозяйственная продукция на га обрабатываемой площади, *тыс.долл. на га*	Урожайность пшеницы, *ц/га*	Урожайность риса-падди, *ц/га*
	2010 г.	*2010 г.*	*2007 г.*	*2010 г.*	*2010 г.*	*2010 г.*	*2010 г.*[3]	*2010 г.*[3]
КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУДОСБЕРЕГАЮЩИЙ ТСП								
Канада	146,9	1	271,4	61	120,6	0,8	28,5	—
Австралия	105,3	1	249,4	50	91,6	0,9	17,5	93,7
США	66,3	2	216,8	121	129,9	1,4	30,2	78,0
Россия	20,2	5	24,3	15	11,5	0,6	21,7	51,7
Казахстан	20,2	5	37,8	2	8,1	0,4	12,0	37,4
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ТРУДОСБЕРЕГАЮЩИЙ ТСП								
Франция	35,5	3	137,0	143	126,1	3,5	69,5	53,2
Германия	19,1	5	98,5	208	82,9	4,3	73,8	—
Великобритания	13,0	8	93,3	243	56,7	4,4	77,8	—
Испания	17,7	6	69,5	95	45,7	2,6	30,2	75,8
Италия	11,5	9	79,0	93	69,4	4,0	37,2	63,2
Нидерланды	5,0	20	51,4	288	87,6	17,5	86,6	—
Греция	5,9	17	30,0	70	26,2	4,4	30,0	72,3
Польша	4,0	25	22,3	187	7,6	1,9	40,8	—
Турция	3,0	34	14,7	79	10,7	3,6	25,5	85,1
Новая Зеландия	2,5	40	304,0	1146	70,9	28,1	81,2	—

Источник: FAOSTAT // FAO Statistics division 21.03.2013 http://faostat.fao.org; Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства 2012. Инвестирование в сельское хозяйство ради улучшения будущего. ФАО. Рим, 2012. С. 120–143 (The State of Food and Agriculture 2012. FAO); Agricultural & Rural Development // *The World Bank* http://dataworldbank.org; Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока // *Вопросы статистики*. 2013. № 11. С. 57–70.

[1] В ценах 2004–2006 гг. [2] В действующем веществе [3] Средняя за 2009–2011 гг.

Таблица 2

Сельское хозяйство стран с землесберегающим ТСП

Страны	Обрабатываемая площадь на работника в сельском хозяйстве, *га на чел.*	Численность работников на 100 га обрабатываемой площади, *чел. на 100 га*	Затраты капитала в сельском хозяйстве		Производительность труда	Продуктивность земли		
			Основные фонды на работника[1], *тыс. долл. на чел.*	Потребление удобрений на га обрабатываемой площади[2], *кг на га*	Валовая сельско-хозяйственная продукция на -работника, *тыс.долл,на чел.*	Валовая сельско-хозяйственная продукция на га обрабатываемой площади, *тыс. долл. на га*	Урожайность п шеницы, *ц/га*	Урожайность риса-падди, *ц/га*
	2010 г.	*2010 г.*	*2007 г.*	*2010 г.*	*2010 г.*	*2010 г.*	*2010 г.*[3]	*2010 г.*[3]
КЛАССИЧЕСКИЙ ЗЕМЛЕСБЕРЕГАЮЩИЙ ТСП								
Малайзия	4,8	21	12,4	518	17,5	3,7	–	37,5
Япония	3,4	29	153,1	246	43,0	16,5	31,8	52,5
Республика Корея	1,4	70	10,7	290	26,9	17,0	33,9	72,9
Таиланд	1,1	94	1,6	124	2,5	2,3	10,4	29,3
Индонезия	0,9	114	7,9	99	1,8	2,0	–	50,0
Филиппины	0,8	127	2,2	73	2,0	2,5	–	36,3
Пакистан	0,9	116	5,1	189	1,6	1,9	26,8	30,1
Индия	0,6	161	1,4	166	0,9	1,4	29,1	33,8
Египет	0,6	180	5,4	474	4,3	7,8	61,7	95,3
Бангладеш	0,3	375	2,0	175	0,6	2,2	23,8	42,7
Китай	0,3	395	1,1	454	1,7	6,6	47,8	66,1
Вьетнам	0,3	293	2,2	185	0,8	2,5	–	53,7
БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ЗЕМЛЕСБЕРЕГАЮЩИЙ ТСП								
Иран	3,0	34	12,8	47	6,7	2,3	19,9	50,3
Марокко	3,1	34	8,2	32	4,8	1,6	17,8	57,7
Алжир	2,6	38	4,5	11	5,4	2,0	16,1	15,3
Узбекистан	1,7	58	9,6	190	2,8	1,6	47,1	52,0

Источник: FAOSTAT // FAO Statistics division 21.03.2013 http://faostat.fao.org; Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства 2012. Инвестирование в сельское хозяйство ради улучшения будущего. ФАО. Рим, 2012. С. 120–143 (The State of Food and Agriculture 2012. FAO); Agricultural & Rural Development // *The World Bank* http://dataworldbank.org; Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока // *Вопросы статистики*. 2013. № 11. С. 57–70.

[1] В ценах 2004–2006 гг. [2] В действующем веществе [3] Средняя за 2009–2011 гг.

Таблица 3

Индексы производительности труда и продуктивности земли в сельском хозяйстве США, Австралии и некоторых стран Азии (США 1961 = 100)

	США	Австралия	Япония	Респ. Корея	Китай	Индонезия	Индия
	Производительность труда						
1961	100	149	6	4	2	3	3
1978	252	334	15	8	3	4	4
1994	377	343	36	22	6	6	5
2010	565	398	187	97	7	11	5
	Продуктивность земли						
1961	100	52	416	227	60	106	64
1978	138	74	752	526	218	174	93
1994	181	69	868	797	533	353	156
2010	232	149	2734	2817	1094	381	232

Источник: Agricultural Investment and Productivity in Developing Countries. FAO Economic and Social Development Paper № 148. FAO. 2001. P. 82 // http://www.fao.org/docrep/003/x9447e/x9447e00.htm#TopOfPage; FAOSTAT // FAO Statistics division 21.03.2013 http://faostat.fao.org

Таблица 4

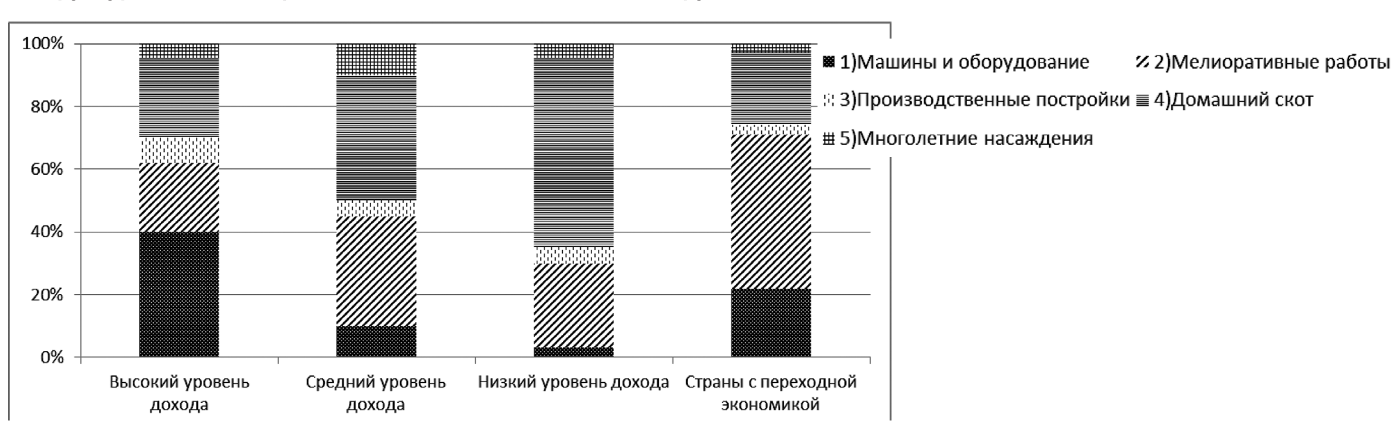
Ежегодные темпы прироста производительности труда и продуктивности земли в сельском хозяйстве США, Австралии и некоторых стран Азии, %

	США	Австралия	Япония	Респ. Корея	Китай	Индонезия	Индия
	Производительность труда						
1961–1975	5,7	4,0	6,3	3,8	0,7	2,4	0,2
1975–1987	3,6	0,7	3,5	6,7	4,4	2,7	1,0
1987–1994	1,8	2,9	7,4	7,2	4,1	1,3	2,0
1994–2010	2,6	0,9	10,8	9,7	1,0	3,9	0,0
	Продуктивность земли						
1961–1975	2,0	1,2	4,0	4,5	4,5	2,9	2,0
1975–1987	1,0	0,0	1,4	3,3	5,4	2,5	2,5
1987–1994	2,7	1,7	0,2	4,7	5,4	4,6	4,6
1994–2010	1,6	4,9	7,4	8,2	4,6	0,5	2,5

Источник: Agricultural Investment and Productivity in Developing Countries. FAO Economic and Social Development Paper № 148. FAO. 2001. P. 79 // http://www.fao.org/docrep/003/x9447e/x9447e00.htm#TopOfPage; FAOSTAT // FAO Statistics division 21.03.2013 http://faostat.fao.org

Рис. 1

Структура основных фондов в сельском хозяйстве по группам дохода, 2007 г.*



Источник: Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства 2012. Инвестирование в сельское хозяйство ради улучшения будущего. ФАО. Рим, 2012. С. 21 (The State of Food and Agriculture 2012. FAO).

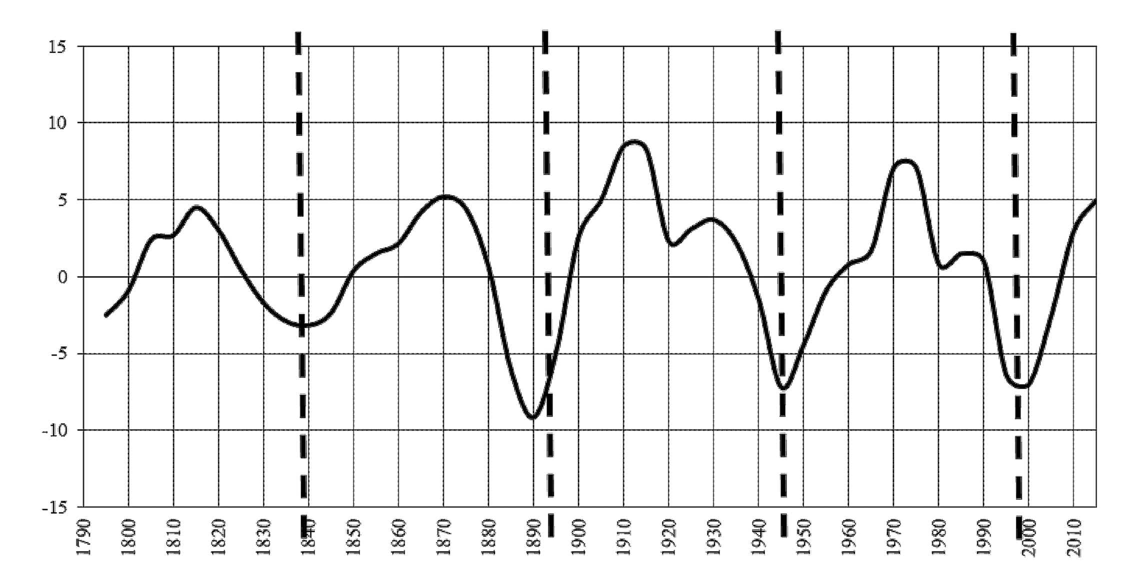
---

* Всемирный банк делит страны на четыре группы по уровню валового национального дохода (ВНД) страны в расчете на душу населения. Оценка выносится каждый год первого июля. По оценке на 1 июля 2013 г., экономики были разделены по показателю ВНД на душу населения на следующие интервалы:

- Страны с низким уровнем доходов с ВНД на душу населения 1035 долларов США или меньше.
- Страны с уровнем доходов ниже среднего с ВНД на душу населения 1036–4085 долларов США.
- Страны с уровнем доходов выше среднего с ВНД на душу населения 4086–12615 долларов США.
- Страны с высоким уровнем доходов с ВНД на душу населения 12616 долларов США или выше.

Рис. 2

Кондратьевские сельскохозяйственные циклы в сельском хозяйстве трудосберегающего ТСП (на примере урожайности зерновых в России)



Источник: Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Модели сельскохозяйственного роста в ХХ веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М., 2004. Гл. V; Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Урожайность хлебов в России: 1795–2007. М., 2009. С. 111.

Примечания

[1] Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока // *Вопросы статистики*. М., 2013. № 11. С. 57–70.

[2] Дерюгина И. В. Региональные особенности становления аграрного хозяйства (влияние внутриотраслевой и межотраслевой интеграции) // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* 2013. № 1. С. 129–143.

[3] В такого рода прогнозных моделях сельскохозяйственная отрасль делится на два сектора: традиционный и современный. В традиционном секторе динамика производства имеет стагнационный характер, а в современном применяется модель для прогнозирования аграрного производства в странах трудосберегающего ТСП [*Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС*. Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М., 2013. С. 67]. Этот же подход практикует ФАО [*Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства 2012*. Инвестирование в сельское хозяйство ради улучшения будущего. ФАО. Рим, 2012 (The State of Food and Agriculture 2012. FAO)].

[4] Дерюгина И. В. Исторические аспекты развития и перспективы модернизации сельского хозяйства России // *Вопросы статистики*. 2011. № 10. С. 30–38.

[5] Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока // *Вопросы статистики*. 2013. № 11. С. 57–70.

[6] Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Сельскохозяйственная динамика. ХХ век. Опыт сравнительно-исторического исследования. М., 1999. С. 16–17. Эти этапы созвучны трем стадиям развития экономики, предложенным М. Портером в экономической теории стадиального развития и конкуренции, таким как factor-driven economies (развитие определяется ресурсной базой); efficiency-driven economies (экономика основана на инвестициях); innovation-driven economies (эволюция детерминируется инновациями). Такой подход взят за основу Всемирным экономическим форумом для оценки конкурентоспособности и дифференциации стран с различным уровнем развития производительных сил [*The Global Competitiveness Report 2012–2013*. World Economic Forum. Geneva, 2012. P. 8–10].

[7] Акимов А. В. Сценарии развития стран Востока на долгосрочную перспективу // *Восточная аналитика*. Ежегодник 2012. М., 2012. С. 5–13; Дерюгина И. В. Прогнозирование продовольственного обеспечения развивающихся стран. Диссертация на соискание ученой степени канд. экон. наук. М. 1990; Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад национального разведывательного совета США. М., 2011.

[8] Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Урожайность хлебов в России: 1795–2007. М., 2009. С. 112; Дерюгина И. В. Аграрный сектор России: циклы и кризисы 1998–2009 годов // *Вопросы статистики*. 2010. № 3. С. 65–68.

[9] Автор отдает себе отчет в том, что приведенная здесь периодизация Кондратьевских циклов может не совпадать с периодизацией, предложенной другими авторами [Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Циклы, кризисы, ловушки современной мир-системы: исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. М., 2012. С. 14], но данная периодизация была получена автором на основании расчетов по оригинальной методике Н. Д. Кондратьева специально для Кондратьевского сельскохозяйственного цикла [Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Модели сельскохозяйственного роста в ХХ веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М., 2004. Раздел третий; Растянников В. Г., Дерюгина И. В. «Большие циклы» в агросфере. ХХ век. Опыт межстранового сравнительно-исторического анализа. М., 1997].

[10] Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 49; Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Урожайность хлебов в России: 1795–2007. М., 2009. С. 121.

[11] Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Модели сельскохозяйственного роста в ХХ веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М., 2004. Гл. V.

[12] Economic and Social Survey of Asia and Pacific 2012. Pursuing Shared Prosperity in an Era of Turbulence and High Commodity Prices. UN ESCAP. Bangkok, 2012.

[13] Акимов А. В. Сценарии развития стран Востока на долгосрочную перспективу // *Восточная аналитика*. Ежегодник 2012. М., 2012. С. 5–13.

*В.Г. Кандалинцев**

Социально-технологическая модель сельского хозяйства стран Востока

Управление продовольственной ситуацией имеет ряд важных аспектов, в том числе инвестиционно-технологический (тесно связанный с социальной структурой). В зависимости от того, какие объемы и направления принимают инвестиции в сельское хозяйство в той или иной стране Востока, зависит и возможная степень ее самообеспеченности продовольствием. В настоящей статье основное внимание уделяется динамике капиталовооруженности труда как ключевого показателя социально-технологической модели сельского хозяйства.

Несколько методологических замечаний

Развитие сельского хозяйства в существенной степени определяется взаимодействием двух процессов: оттока избыточного населения из аграрных зон и притока инвестиций в прогрессивные сельскохозяйственные технологии. Первый процесс носит социальный характер и снижает дробление земли на мелкие участки, позволяет им укрупняться до размеров, делающих экономически целесообразным применение современных технологий. Второй процесс имеет инвестиционно-технологический характер: мобилизует финансовые ресурсы и производит инвестиции в эти современные технологии.

Результат взаимодействия двух названных процессов может быть измерен с помощью показателя капиталовооруженности на одного занятого в сельском хозяйстве. Среднемировой показатель капиталовооруженности имеет затухающую нисходящую динамику: в 1980 г. его значение в постоянных ценах 2005 г. составило 4562 US$, в 1990 г. — 4215 US$, в 2000 г. — 3981 US$, в 2010 г. — 3982 US$. Эта динамика объясняется соотношением темпов роста экономически активного сельскохозяйственного населения и темпов роста накопленного капитала в сельском хозяйстве. Лишь в последнее из рассматриваемых десятилетий эти темпы стали практически равны. При этом сохраняются сильные страновые различия в данных темпах.

Поэтому для целей исследования был рассчитан индекс капиталовооруженности относительно среднемирового уровня. Индекс рассчитан делением доли региона или страны в мировом накопленном капитале в сельском хозяйстве на долю в мировом экономически активном населении в сельском хозяйстве (см. табл. 1).

Таблица 1

Индекс капиталовооруженности сельского хозяйства по сравнению со среднемировым уровнем

Регион	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Страны с низким и средним доходом, в т.ч.	*0,63*	*0,64*	*0,66*	*0,66*
Восточная Азия и Океания	0,24	0,25	0,30	0,33
Европа и Центральная Азия	3,52	4,22	4,59	5,19
Латинская Америка и Карибский басс.	3,03	3,56	3,95	4,37
Ближний Восток и Северная Африка	1,71	2,26	2,52	2,55
Южная Азия	0,38	0,41	0,44	0,43
Африка к югу от Сахары	0,58	0,58	0,58	0,44
Страны с высоким доходом, в т.ч.	*9,28*	*13,29*	*19,32*	*26,86*
Европа	6,15	8,71	12,21	15,79
Северная Америка	31,13	36,71	48,76	60,34
Австралия	56,17	56,27	66,83	62,39
Новая Зеландия	87,58	78,40	79,29	77,00
Япония	8,43	15,82	25,97	47,66

Рассчитано по: [The State of Food and Agriculture. FAO, 2012].

Из данных табл. 1 видно, что страны с высоким доходом быстро наращивали свой индекс капиталовооруженности, который в 2010 г. превзошел среднемировой уровень примерно в 27 раз. Это отражало развертывание «зеленой революции» в данной группе стран, складывание высокотехнологичного сельского хозяйства. Аналогичный показатель стран с низким и средним доходом фактически стагнировал, едва дотянув до двух третей от среднемирового уровня, что, в свою очередь, свидетельствовало о значительных трудностях в развитии отраслевых технологий и растущем отставании от стран с высоким доходом.

Для целей дальнейшего исследования были выделены четыре группы стран в зависимости от значения их индекса капиталовооруженности в 2010 г.: гр. A — выше 28, гр. B — от 14 до 28, гр. C — от 1 до 14 и гр. D — менее 1. Для данных групп можно определить тип преобладающей технологии сельского хозяйства. В гр. A преобладают высокие технологии «точного» земледелия, которые обеспечивают одновременное и значительное повышение продуктивности и произ-

* Кандалинцев Виталий Геннадьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономических исследований ИВ РАН.

водительности труда (снижения трудоемкости). В гр. В представлены смешанные технологии высокого и индустриального типа, которые дают тот же самый эффект, но с худшими параметрами.

Эта группа носит переходный характер. В гр.С преобладают технологии индустриального типа, при этом в конце списка стран группы достаточно сильно распространены традиционные технологии. Наконец, в гр. D преобладают традиционные — трудоемкие и маломеханизированные технологии.

Рассмотрим социально-технологическую модель сельского хозяйства в каждой из названных групп стран.

Группа А — успех высоких технологий

В группу вошли 15 наиболее передовых в области сельского хозяйства стран (см. табл. 2). Для большинства этих стран характерно достаточно быстрое наращивание своего индекса капиталовооруженности, причем это наращивание происходило за счет сильного сокращения доли в мировом экономически активном населении, а не за счет повышения доли в мировом накопленном капитале. Напротив, последняя также сокращалась, хотя и умеренно.

Так, индекс капиталовооруженности по гр. А за 30 лет вырос в 2,84 раза и достиг впечатляющей отметки 50,8. Данный рост индекса был обусловлен 3,5-кратным сокращением доли группы в мировом экономически активном населении, занятом в сельском хозяйстве (с 1,78% до 0,52%) при более медленном снижении в 1,2 раза доли группы в мировом накопленном капитале в сфере сельского хозяйства (с 31,7% до 26,5%).

Таблица 2
Индекс капиталовооруженности сельского хозяйства в группе А

Страна	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Группа А, в т. ч.	*17,9*	*25,2*	*36,8*	*50,8*
Словения			36,4	93,3
Новая Зеландия	87,6	78,4	79,3	77,0
Канада	24,0	44,0	61,1	72,2
Австралия	56,2	56,3	66,8	62,4
США	32,6	35,7	47,2	58,8
Япония	8,4	15,8	26,0	47,7
Дания	19,8	20,6	29,2	44,4
Франция	11,4	17,0	27,2	40,2
Люксембург			32,4	37,3
Уругвай	28,0	27,6	28,8	34,3
Ирландия	15,8	21,9	29,5	32,2
Швеция	12,6	16,0	24,3	29,7
Финляндия	10,4	15,5	21,3	29,6
Германия	10,8	17,4	21,1	28,5
Бельгия			23,6	28,2

Рассчитано по: [The State of Food and Agriculture. FAO, 2012].

Такие параметры социально-технологического процесса характерны и для «зеленой революции» в передовых странах. Она проявляется в мощном трудосберегающем эффекте высоких технологий и соответствующем оттоке экономически активного населения из сферы сельского хозяйства. Этот отток не встречает критических препятствий, так как возможности социальной мобильности и адаптации населения к новым условиям в странах группы А достаточно высоки. С другой стороны, «зеленая революция» в существенной степени опирается на информационные технологии (компьютеры и сети, прикладные программы, ноу-хау), которые не только дополняют, но и частично замещают более капиталоемкие индустриальные технологии. Поэтому нет не только роста доли стран группы А в мировом накопленном сельскохозяйственном капитале, но наблюдается и ее некоторое снижение.

Подобные параметры характерны для Канады, США, Японии, Дании, Франции, Ирландии, Швеции, Финляндии, Германии, Бельгии. Однако в Новой Зеландии, Австралии и Уругвае эти параметры выражены слабее. В этих странах сокращение доли в мировом экономически активном населении, занятом в сельском хозяйстве, носило менее выраженный характер.

Группа В — многообещающий микс

В группу входит 13 стран, в то числе 4 страны Востока (см. табл. 3). Индекс капиталовооруженности группы вырос за 30 лет в 2,58 раза и достиг отметки 19,0. В отличие от группы А влияние высоких технологий здесь заметно меньше, они дополняют, но в целом не замещают более капиталоемкие индустриальные технологии. Поэтому данную группу можно рассматриваться как переходную, приближающуюся к полноценной «зеленой революции», но еще ее не достигшую.

Таблица 3
Индекс капиталовооруженности сельского хозяйства в группе В

Страна	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Группа В, в т. ч.	*7,4*	*11,0*	*15,3*	*19,0*
Ливия	5,4	13,1	17,3	26,2
Ливан	4,5	8,9	14,7	25,2
Великобритания	14,6	17,6	22,7	24,5
Австрия	10,5	13,5	18,3	24,5
Норвегия	10,9	15,5	19,7	23,9
Италия	5,0	8,6	16,4	22,7
Бруней — Даруссалам	2,5	4,4	14,9	20,6
Исландия	18,4	15,1	16,0	19,9
Испания	5,0	8,7	14,4	19,7
Ирак	4,9	11,7	14,7	18,2
Литва			9,6	16,0
Швейцария	10,3	10,8	12,5	14,8
Аргентина	13,4	13,0	13,0	14,0

Рассчитано по: [The State of Food and Agriculture. FAO, 2012].

Соответственно, параметры социально-технологического процесса в группе B менее радикальны, чем в группе A. Так, доля группы B в мировом экономически активном населении, занятом в сельском хозяйстве, снизилась в 2,6 раза (с 0,96% до 0,37%), а доля в мировом накопленном с/х капитале почти не изменилась (снизилась с 7,08% до 6,96%).

У всех стран группы доля в мировом экономически активном населении в сфере сельского хозяйства сокращается, причем темпы сокращения вполне сопоставимы с темпами стран группы A. Однако доля в мировом с/х капитале у одних стран сокращается, а у других растет. Поэтому можно выделить подгруппу B1, в которой параметры социально-технологического процесса приближаются к параметрам группы A (т. е. одновременно сокращаются обе доли). В подгруппу B1 входят Ливан, Великобритания, Австрия, Норвегия, Исландия, Литва, Швейцария, Аргентина. Так, в Ливане первая доля сократилась с 0,013% до 0,002%, вторая — с 0,057% до 0,054%.

Другая подгруппа B2 характеризуется снижением доли в мировом экономически активном населении и росте доли в мировом с/х капитале. В подгруппу B2 входят Ливия, Италия, Бруней — Даруссалам, Испания и Ирак. В Ливии первая доля сократилась с 0,020% до 0,005%, вторая выросла с 0,11% до 0,14%; в Ираке первая доля сократилась с 0,08% до 0,03%, вторая выросла с 0,41 до 0,61.

В подгруппе B1 высокие технологии активно соединяются с индустриальными, однако замещающий эффект (т. е. сокращение инвестиций в индустриальные технологии) здесь пока незначителен. В подгруппе B2 замещающего эффекта в целом нет вообще. Вероятно, здесь высокие и индустриальные технологии наращиваются параллельно, а масштаб применения высоких технологий еще не достиг критического уровня, позволяющего перестроить параметры социально-технологического процесса.

Группа C — старый индустриальный мир

В группу C входят 68 стран Европы, Азии, Океании, Латинской Америки и Африки. Каждая из первых 23 стран группы имеет снижающуюся долю в мировом экономически активном населении в сельском хозяйстве, однако в последних 23 странах более половины (13 стран) показывают повышающуюся долю.

По показателю «доля в мировом с/х капитале» первые 23 страны группы C не имеют преобладающей динамики, так как 11 из них понижали данную долю в период 1980–2010 гг., а 12 — повышали. В последних 23 странах преобладала повышательная динамика данного показателя (14 стран повышали долю, 8 — понижали).

Таблица 4
Индекс капиталовооруженности сельского хозяйства стран Востока в группе C

Страна	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Группа C, в т. ч.	*1,9*	*2,4*	*3,1*	*3,2*
Монголия	6,8	7,4	11,4	12,7
Израиль	6,6	8,6	9,9	11,9
Саудовская Аравия	1,9	5,2	9,0	11,5
ОАЭ	6,7	3,4	9,8	6,3
Катар	4,1	3,7	13,5	6,0
Сирия	3,6	3,5	4,9	4,8
Турция	2,5	2,5	3,3	3,9
Бахрейн	0,9	2,4	5,0	3,6
Иордания	2,3	2,7	3,0	3,3
Малайзия	1,5	2,3	2,9	3,3
Иран	2,4	3,2	3,3	3,2
Республика Корея	0,2	0,6	1,7	3,2
Тунис	2,2	2,9	3,2	3,2
Марокко	1,6	1,7	1,9	2,2
Египет	0,8	0,9	1,3	1,4
Йемен	1,1	1,2	1,2	1,3
Афганистан	1,8	2,3	1,7	1,3
Пакистан	1,2	1,3	1,4	1,2
Алжир	1,2	1,5	1,2	1,1

Рассчитано по: [The State of Food and Agriculture. FAO, 2012].

В целом можно сказать, что в странах верхней половины группы C преобладают сельскохозяйственные технологии индустриального типа. Для такого преобладания требуется, вероятно, индекс капиталовооруженности не менее 6. К слову, в Российской Федерации данный индекс в 2010 г. составил 6,3, а в Украине — 6,0.

Если придерживаться этого критерия, то среди стран Востока есть всего несколько государств, достигших уровня индустриальных технологий в аграрном секторе. В странах с более низким индексом капиталовооруженности, по мере снижения индекса, растет влияние традиционных трудоемких технологий. При значении индекса менее 3,0 можно говорить о сочетании индустриальных и традиционных технологий, в котором традиционные технологии преобладают.

Группа C олицетворяет переход от традиционных технологий к индустриальным в очень широком диапазоне этого перехода. Такие страны, как Марокко, Египет, Йемен, Афганистан, Пакистан и Алжир, только начинают такой переход. А Монголия, Израиль, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Катар продвинулись довольно далеко. Между этими двумя подгруппами располагается большое количество стран с самым разным соотношением индустриальных и традиционных технологий.

Группа D — в тисках традиционности

Группа D включает 48 государств Азии и Африки с уровнем капиталовооруженности ниже среднемирового. В этой группе сконцентрирована большая часть мирового экономически активного населения, занятого в сельском хозяйстве, причем доля группа выросла за 30 лет с 78,7% до 86,7%. Доля в мировом с/х капитале у группы также росла несколько более быстрыми темпами (с 20,8% до 28,6%). Тем не менее, индекс капиталовооруженности по группе D и после небольшого роста составляет лишь треть от среднемирового (увеличился с 0,27 до 0,33).

Таблица 5
Индекс капиталовооруженности сельского хозяйства стран Востока в группе D

Страна	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Группа D, в т. ч.	*0,27*	*0,28*	*0,32*	*0,33*
КНДР	0,40	0,47	0,52	0,59
Филиппины	0,61	0,57	0,58	0,56
Вьетнам	0,26	0,30	0,50	0,55
Бангладеш	0,38	0,39	0,46	0,52
Индонезия	0,35	0,41	0,45	0,49
Таиланд	0,28	0,32	0,37	0,42
Шри-Ланка	0,51	0,49	0,47	0,41
Лаос	0,37	0,42	0,43	0,40
Индия	0,30	0,32	0,35	0,34
Мьянма	0,26	0,25	0,28	0,31
Камбоджа	0,18	0,32	0,30	0,28
Бутан	0,41	0,49	0,49	0,28
Китай	0,20	0,21	0,25	0,27
Непал	0,23	0,24	0,23	0,18

Рассчитано по: [The State of Food and Agriculture. FAO, 2012].

Группа D — это страны, где в аграрном секторе доминируют традиционные трудоемкие технологии. Индустриальные технологии здесь применяются очень локально — в отдельных хозяйствах, в отдельных звеньях технологических цепочек. Огромное аграрное перенаселение создает мощные барьеры для развития современного социально-технологического процесса. Из 48 стран группы 42 страны повысили свою долю в мировом экономически активном населении, занятом в сельском хозяйстве. И только 6 стран (Габон, КНДР, Бангладеш, Конго, Китай и Сейшелы) ее несколько снизили.

В большинстве стран группы накопление с/х капитала происходит темпами, не обеспечивающими повышение их индекса капиталовооруженности. Данный индекс снизился в период с 1980 г. по 2010 г. у 25 государств группы, т. е. более чем у половины. Из 23 остальных стран только одна (Вьетнам) смогла удвоить индекс капиталовооруженности. Для сравнения: вся группа A показывает рост индекса в 2,84 раза, а группа B — 2,58 раза.

Группа D — это проблемная группа, отставание которой от остального мира в области сельского хозяйства увеличивается. Отсутствие какой бы то ни было перспективы массового исхода аграрного населения в города консервирует традиционный способ производства в сельском хозяйстве, не позволяя более современным технологиям заметно изменить общую ситуацию.

Прогноз притока инвестиций в сельское хозяйство

В таблице 6 представлен прогноз капиталообразования в регионах мира. Его отличительными чертами являются следующие предположения:

1. Стабилизация среднемировой капиталовооруженности в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве, наблюдавшаяся в 2000–2010 гг. (в отличие от падения данной величины в 1980–2000 гг.), закрепится и будет наблюдаться вплоть до 2050 г. Небольшие колебания данной величины вполне возможны, но они не будет принимать характер устойчивого тренда.

2. Приток инвестиций в мировое сельское хозяйство в период 2010–2050 гг. превысит 1 трлн. постоянных US$ 2005 г., однако его колебания в отдельные десятилетия прогнозного периода будут довольно значительными, что связано с неравномерностью динамики этого притока и его разной направленностью в тех или иных регионах.

3. Значительная дифференциация регионов по индексу капиталовооруженности по отношению к среднемировому уровню в целом сохранится. Восточная Азия и Океания, а также Ближний Восток и Северная Африка весьма умеренно смогут поднять значение индекса. Более существенным будет увеличение индекса в Латинской Америке, в Европе и Центральной Азии (примерно удвоение). В Южной Азии значение данного показателя практически не изменится, а в Африке к югу от Сахары он снизится. В странах с высоким доходом индекс капиталовооруженности будет по-прежнему расти, в некоторых случаях достигая отметки 100 и более (Северная Америка, Япония).

4. Различия в капиталовооруженности будут отражать различия в социально-технологической модели сельскохозяйственного производства регионов мира, следовательно, и различия в способности регионов решать продовольственную проблему. При принятом в прогнозе сценарии уровень притока инвестиций и структура технологий в сельском хозяйстве в определенной мере могут смягчить, но не решить продовольственную проблему в Африке к югу от Сахары, Южной Азии, Восточной Азии и Океании. В более оптимистичном сценарии возможно некоторое сокращение дифференциации по капиталовооруженности и более заметные успехи в решении продовольственной проблемы в развивающихся странах. Од-

нако для этого потребуется как увеличить приток инвестиций в сельское хозяйство названных стран в 1,5–2 раза, так и оптимизировать структуру этого притока за счет повышения в нем доли государства и иностранного капитала в части источников финансирования инвестиций, и долю инвестиций в рыночную инфраструктуру и НИОКР в части сфер приложения капитала.

5. Менее вероятен сценарий существенного ухудшения места развивающихся стран в целом и стран Востока в частности в мировом сельскохозяйственном производстве. В этом случае дестабилизации продовольственной ситуации будут противостоять механизмы двусторонней и многосторонней помощи тем развивающимся странам, которые окажутся в наиболее сложной ситуации.

Таблица 6

Капиталообразование в сельском хозяйстве регионов мира (прогноз)

Регион	**2020 г.**	**2030 г.**	**2040 г.**	**2050 г.**
МИР				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	1393099	1457630	1509635	1554960
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	5562854	5716914	595072	6164312
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	430373	154060	233809	213588
Среднемировая капиталовооруженность с/х (постоянные US$ 2005 г.)	3993	3922	3942	3964
СТРАНЫ С НИЗКИМ И СРЕДНИМ ДОХОДОМ				
Восточная Азия и Океания				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	653159	64662	633695	621021
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	856173	881858	908314	944646
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	16788	25685	26456	36333
Индекс капиталовооруженности с/х относительно среднемировой величины	0,33	0,35	0,36	0,38
Европа и Центральная Азия				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	23332	18899	14552	10477
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	559847	565445	571100	576811
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	0	5598	5654	5711
Индекс капиталовооруженности с/х относительно среднемировой величины	6,0	7,6	10,0	13,9
Латинская Америка и Карибский бассейн				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	39349	36201	32219	28030
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	717755	746466	783789	815141
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	7106	28710	37323	31352
Индекс капиталовооруженности с/х относительно среднемировой величины	4,6	5,3	6,2	7,3
Ближний Восток и Северная Африка				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	26847	28457	29596	30188
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	260976	287074	310040	337944
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	12427	26098	22966	27904
Индекс капиталовооруженности с/х относительно среднемировой величины	2,4	2,6	2,7	2,8
Южная Азия				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	390694	429763	464145	496635
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	619000	680900	742181	816399
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	35038	61900	61281	74218
Индекс капиталовооруженности с/х относительно среднемировой величины	0,40	0,40	0,41	0,41
Африка к югу от Сахары				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	240341	281199	320567	355829
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	461437	50758	558339	608590
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	38100	46144	50758	50251
Индекс капиталовооруженности с/х относительно среднемировой величины	0,48	0,46	0,44	0,43

Таблица 6 (окончание)

СТРАНЫ С ВЫСОКИМ ДОХОДОМ				
Европа				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	15310	13013	11712	9955
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	1020812	1000396	1000396	1020404
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	39262	–20416	0	20008
Индекс капиталовооруженности с/х относительно среднемировой величины	16,7	19,6	21,7	25,9
Северная Америка				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	2567	2225	2033	1771
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	644286	643344	698355	697423
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	–28953	–942	55012	–932
Индекс капиталовооруженности с/х относительно среднемировой величины	62,9	73,7	87,1	99,3
Австралия				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	457	452	443	430
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	111963	109724	107529	104303
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	0	–2239	–2194	–3226
Индекс капиталовооруженности с/х относительно среднемировой величины	61,4	61,8	61,5	61,2
Новая Зеландия				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	193	197	197	195
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	58495	59665	59665	59068
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	2250	1170	0	–597
Индекс капиталовооруженности с/х относительно среднемировой величины	75,7	77,1	76,7	76,3
Япония				
Экономически активное население в с/х, тыс. чел.	851	596	476	429
Капитал в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	252110	234462	211016	183584
Приток инвестиций в с/х (млн. постоянных US$ 2005 г.)	–13269	–17648	–23446	–27432
Индекс капиталовооруженности с/х относительно среднемировой величины	74,2	100,4	112,4	108,0

Литература

The State of Food and Agriculture. FAO, 2012.

*М. Г. Борисов**

Перспективы энергетики Востока

Быстрое перемещение материального производства на Восток, обусловливающее его бурный экономический рост, вызывает закономерный интерес к «энергетической составляющей» этого процесса. Очевидно, что стремительная индустриализация Востока в сочетании с тем обстоятельством, что на него будет приходиться и основная часть прироста населения мира, повлекут за собой серьезные изменения в национальных энергетических хозяйствах и в мировой энергетике. Перспективам развития мировой энергетики посвящен ряд публикаций авторитетных международных организаций и крупнейших энергетических компаний. Автор же настоящей статьи попытался сделать акцент на Востоке как, во-первых, основной движущей силе большинства процессов, идущих в мировой энергетике, во-вторых, — как регионе, энергетика которого развивается отчасти вопреки многим мировым тенденциям.

Исходным для данного прогноза является представление о том, что рост численности населения и доходов — две самые мощные движущие силы спроса на энергию. В ближайшие десятилетия рост численности населения мира замедлится, а рост доходов ускорится, в основном, за счет роста экономик с низким и средним уровнями доходов населения, что приведет к адекватному увеличению производства и потребления энергии.

Основной для любого энергетического прогнозирования параметр — потребность в энергии — определяется динамикой народонаселения и экономики, при том, что главным демографическим показателем является численность населения, а уровень экономического развития определяет (с некоторыми допущениями) валовый внутренний продукт. Отсюда главными удельными показателями для прогноза являются потребление энергии на душу населения и потребление энергии на единицу валового внутреннего продукта (энергоемкость ВВП). Перспективные данные по численности населения стран и мира имеются в многочисленных прогнозах международных организаций, исходные, а также ретроспективные данные по ВВП, энергопотреблению и инвестициям содержатся в национальных счетах. Ретроспективный анализ выявил экстраполированные тенденции удельных показателей, на основе которых определялись границы будущих значений ВВП, потребности в первичной энергии и различных энергоносителях. Прогнозированию потребности в первичной энергии помогает устоявшийся тренд энергоемкости ВВП — вот уже более полувека этот показатель неуклонно снижается на 1–2% в год по миру в целом и по всем группам экономик. Суммарные страновые данные всегда сравнивались с прогнозными мировыми показателями, содержавшимися в исследованиях энергетических корпораций (ExxonMobil, BP, Shell), научно-исследовательских организаций (ИНЭИ РАН, IEEJ), Министерства энергетики США. Серьезных расхождений не встретилось.

Прогноз консервативен с точки зрения учета возможных технологических прорывов в производстве и потреблении энергии. На длительную перспективу сохранится углеродный характер мировой энергетики при медленном увеличении доли неуглеродных ресурсов. «Сланцевая революция», сняв на ближайшие десятилетия тему скорого исчерпания запасов углеводородов, закрепила доминирование углеродного сырья в энергетическом хозяйстве мира[1]. Поскольку «сланцевая революция» была инициирована в США и в соответствующую инфраструктуру уже осуществлены крупные инвестиции, не в интересах американских энергетических ТНК низкие цены на нефть и газ, равно как не соответствуют интересам как импортеров, так и экспортеров первичной энергии завышенные цены на нее. Во всех ситуациях, от триумфа «сланцевой революции» до ее провала, в ближайшие десятилетия балансовая цена на нефть не выйдет за пределы 95–125 долл. за баррель при соответствующей корреляции с ней цен на газ и уголь. При этом не исключаются отдельные кратковременные спекулятивные флуктуации[2]. Аналогичного мнения придерживаются и авторы мировых прогнозов.

При расчетах основных параметров прогноза автор исходил из того, что уже к середине прогнозируемого периода времени повсеместно завершится демографический переход, в результате чего темпы прироста населения снизятся (в разных странах по-разному), что приведет к замедлению роста потребности в энергии. При этом почти во всех странах мира неуклонно уменьшается объем энергии, используемый для производства ВВП (энергоемкость ВВП). Общая исторически сложившаяся картина состоит в том, что энергоемкость ВВП увеличивается по мере индустриализации стран и роста доли сравнительно более энергоемкой продукции в ВВП и достигает пика

* Борисов Михаил Глебович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Отдела экономических исследований ИВ РАН.

одновременно с пиком доли промышленного сектора в ВВП; кроме того, характер промышленности меняется от тяжелых производств с высоким потреблением энергии к производствам с высокой добавленной стоимостью (то есть к более энергоэффективным). Энергоемкость ВВП выравнивается в разных странах благодаря глобальной торговле энергоносителями и использованию общих технологий, а также сходных моделей потребления. Пиковые уровни со временем снижаются, но оказываются выше в странах, богатых источниками энергии. Глобальная конкуренция и открытость рынков стимулируют сближение уровней энергоэффективности.

Такая взаимообусловленность валового внутреннего продукта, численности населения, потребления энергии на душу населения и на единицу ВВП сохранится, очевидно, на длительную перспективу. Эту зависимость иллюстрируют данные таблицы 1.

Таблица 1

Мировые темпы роста численности населения, ВВП и потребления энергии

Показатель	Среднегодовые темпы роста		
	1990–2010	2010–2030	2030–2050
Валовый внутренний продукт	3,2%	3,2%	4,1%
Численность населения	1,8%	1,6%	1,2%
Потребление энергии	2,6%	2,3%	1,9%
Потребление энергии на душу населения	0,7%	0,4%	0,4%
Потребление энергии на единицу ВВП	–0,7%	–1,1%	–2,1%

Рассчитано по данным: Yearbook of national statistics. N. Y., UN, 2012. С. 14–43; Energy balances of non-OECD countries. P., IEA, 2012. С. 45–67; BP energy outlook 2030. L., 2011. С. 14.

По мере развития глобализации в ближайшие десятилетия быстрее других будут развиваться экономики с низким и средним уровнями доходов населения. Потребление энергии на душу населения будет расти примерно такими же темпами, что и в 1970–1990-х годах (то есть на 0,7% в год)[3]. Повышение энергоэффективности станет общим трендом для всех групп стран уже в 2010-х годах. Растущая энергоэффективность будет ограничивать рост потребности в первичной энергии. Долгосрочный структурный сдвиг от промышленности к менее энергозатратным видам экономической активности поддержит данную тенденцию[4]. Как в развитых, так и в развивающихся странах энергоемкость снижается, поскольку ВВП растет быстрее энергопотребления; что же касается удельного энергопотребления (как соотношения потребления энергии и численности населения), то оно растет повсеместно: в развитых странах имеет место небольшой рост потребления энергии (вследствие увеличения энергоэффективности) при еще меньшем росте (или стагнации) численности населения, в развивающихся же странах рост численности населения выше, но при этом рост потребления первичной энергии еще выше. При этом расчеты показали, что потребление энергии на душу населения в разных группах стран заключено в достаточно узком коридоре 3500–5000 т. н.э./чел. (в зависимости от географического положения и развитости страны, причем этот показатель нивелируется действием разнонаправленных факторов — высокой энергоэффективностью при высоком уровне экономического развития в развитых странах (который предполагает высокий уровень энергопотребления) и более низкой энергоэффективностью при невысоком уровне экономического развития (предполагающем пониженный уровень энергопотребления) в развивающихся странах. Поэтому темпы роста душевого энергопотребления приблизительно одинаковы для всех групп стран (что обусловлено опережающими темпами энергоэффективности в развитых странах при более высоких темпах роста населения в развивающихся государствах).

Таблица 2

Соотношение индексов ВВП, потребления первичной энергии и энергоемкости ВВП, рассчитанных для Азии и Северной Африки (2010 г. — 100)

Показатель	Индекс						
	1990	2000	2010	2020	2030	2040	2050
ВВП	10	63	100	124	162	245	364
Потребление энергии	73	91	100	120	148	169	203
Энергоемкость ВВП	207	159	100	64	55	38	30

Рассчитано по данным: Energy outlook for Asia and the Pacific. Mandaluong City, Asian development bank, 2013. С. 28, Energy scenarios for Middle East. L., 2012. С. 15.

Таблица 3

Динамика энергоэффективности в регионах Востока

Регион	Потребление энергии на единицу ВВП (т. н.э. / млн. долл. ВВП 2010 г.)						
	1990	2000	2010	2020	2030	2040	2050
Ближний Восток	1967	1783	1693	1497	1405	1380	1295
Центральная Азия	2061	1879	1695	1404	1251	1032	987
Южная Азия	1261	1107	953	839	768	637	549
Восточная Азия	1002	897	823	694	598	501	449
Юго-Восточная Азия	976	798	701	593	491	398	301
Развитые страны Азии	654	541	497	413	324	267	202

Данные: Energy outlook for Asia and the Pacifics. Mandaluong City, Asian development bank, 2013. С. 17 – 21; Energy scenarios for Middle East, L., 2012. С. 17.

Как в относительно развитых странах, так и в отставших энергоемкость ВВП снижается, так как ВВП растет быстрее энергопотребления, что же касается душевого энергопотребления, то оно почти повсеместно растет: в развитых странах имеет место небольшой (вследствие растущей энергоэффективности) рост энергопотребления при еще меньшем росте населения, в развивающихся странах рост населения выше, но при этом рост потребления энергии еще выше.

Мировое потребление энергии выросло за 1990–2010 гг. на 45% и, вероятно, вырастет на 43% в 2010–2030 гг. и еще на 32% в 2030–2050 гг. Рост мирового энергопотребления будет составлять в среднем 1,5% в год в 2010–2030 гг., причем слегка замедлится после 2020 г., и 0,9% в 2030–2050 гг.[5] Наибольший прирост потребления энергии ожидается в развивающихся странах Азии при крайне незначительных или нулевых приростах в Северной Америке, Западной Европе, СНГ и в развитых странах Азии. После 2020 г. рост энергопотребления в развитых странах прекратится. 60% мирового потребления энергии придется на Китай, Индию и Ближний Восток[6]. Согласование демографического (по численности населения и душевому энергопотреблению) и экономического (по росту ВВП и его энергоемкости) подходов приводит к выводу, что темпы роста потребности в первичной энергии будут в прогнозируемый период втрое меньше среднегодовых темпов роста ВВП, а также заметно меньше, чем рост потребления энергии в 1990–2010 гг.

Таблица 4

Динамика потребления первичной энергии в регионах мира

Регион	Потребление первичной энергии (млн. т. н.э.)						
	1990	2000	2010	2020	2030	2040	2050
Северная Америка	2167	2178	2089	1994	1931	1869	1756
Европа	1131	1096	1089	993	985	924	859
Развитые страны Азии	634	645	627	610	591	524	472
СНГ	834	754	923	976	895	828	768
Развив. страны Азии	753	3976	6573	7462	8321	1047	11024
Ближний Восток	611	985	1067	1143	1210	1618	1984
Африка	546	723	896	1012	1248	1692	2127
Южная Америка	710	979	1055	1123	1187	1578	1865
Австралия и Океания	186	208	223	218	197	189	178

Данные: Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. ИНЭИ РАН, 2012. С. 18; рассчитано по данным: Energy balances of non-OECD countries. P., 2012. С. 14 – 87.

Восток, как экономически крайне неоднородный регион, демонстрирует значительный разброс прогнозных показателей, однако перспективные тенденции, даже в отсталых и застойных странах, соответствуют мировым трендам.

Топливный баланс в мире в целом и во всех регионах будет меняться относительно медленно из-за длительного жизненного цикла производственных фондов. Доли рынка, занимаемые тремя видами ископаемого топлива, будут сравниваться на уровне 25–26%, а основные виды неископаемых энергоресурсов займут долю рынка в 7–8% каждый[7].

Таблица 5
Доля первичных энергоносителей в мировом энергопотреблении

Энергоноситель	Доля в энергопотреблении (%)				
	1970	1990	2010	2030	2050
Нефть	42	36	29	26	25
Газ	17	20	24	25	28
Уголь	30	25	26	25	24
Гидроэнергия	9	10	10	10	7
Атомная энергия	1	8	9	9	8
Возобн. источ. эн.	1	1	3	5	8

Данные: BP energy outlook 2030. L., 2011. С. 18; Shell energy scenarios to 2050 Y., 2009. С. 28.

Удовлетворение спроса на первичную энергию потребует увеличения потребления всех видов топлива. Структура мирового энергопотребления будет становиться более диверсифицированной и сбалансированной. В результате межотраслевой конкуренции мировое энергопотребление будет осуществляться в равных долях нефтью, газом, углем и неископаемыми ресурсами с небольшим перевесом газа. Доля нефти будет сокращаться в долгосрочном плане, а газа — постепенно нарастать. Наблюдавшееся в начале нынешнего века увеличение доли угля в связи с быстрой индустриализацией в Индии и Китае сменится ее уменьшением. На долю возобновляемых источников энергии (включая биотопливо) будет приходиться 18% роста предложения энергоносителей до 2030 г. и 21% — после[8].

Регионы Востока, особенно богатый углеводородами Ближний Восток и «обделенные» крупными запасами ископаемого топлива, адекватными масштабам их экономик, Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия, демонстрируют значительные отклонения от общемировых тенденций изменения структуры энергопотребления.

Таблица 6
Рост потребления различных видов первичной энергии в регионах Востока (1990–2050)

Регион	Источник первичной энергии (млн. т. н.э.)					
	Нефть	Газ	Уголь	Атом	Гидро	В. И. Э.
Южная Азия	195	98	297	8	5	51
Восточная Азия	406	507	738	286	169	207
Юго-Восточная Азия	196	187	254	29	16	12
Развитые страны Азии	–53	112	0	–46	0	62
Ближний Восток	206	216	0	0	0	4
Центр. Азия и Закавказье	27	35	26	0	0	2

Данные: Energy outlook for Asia and the Pacifics. Mandaluong City, Asian development bank, 2013. С. 25.

Уголь сохранит доминирующее положение в энергопотреблении Восточной и Южной Азии, хотя среднегодовые темпы прироста углепотребления составят здесь 1,7% (а темпы общего потребления будут 2,7%) и доля угля в энергобалансе региона упадет с 46,2% в 2010 г. до 40,1% в 2050 г. В КНР темпы прироста потребления угля составят лишь 1,4% и его доля в потреблении угля в Азии упадет с 69,3% в 2010 г. до 61,2% в 2050 г., однако доля Китая в мировом углепотреблении вырастет с 47% в 2010 г. до 53% в 2030 г. за счет снижения доли угля в энергобалансах развитых стран (рост потребления угля в мировом масштабе составит в 2010–2050 гг. лишь 0,2% в год)[9]. Уменьшение же доли Китая в регионе Востока будет происходить за счет Индии, где, вопреки мировой тенденции, темпы роста потребления угля будут выше темпов роста суммарного потребления первичной энергии.

Природный газ будет самым быстрорастущим в глобальном масштабе топливом до 2050 г., но его рост замедлится по сравнению с историческими трендами, по мере того как будет расширяться рыночная база и усиливаться меры по повышению энергоэффективности на стороне спроса. На долю Азии (без Ближнего Востока) придутся наибольшие в мире приросты потребления. Китай обеспечит 54% роста потребления в регионе. Ближний Восток продемонстрирует второй по величине в мире уровень роста потребления. Доля региона в глобальном потреблении возрастет с 5% в 1990 г. и 12% в 2010 г. до 19% в 2030 г. и 21% в 2050 г.[10]

Самые низкие темпы прироста потребления из ископаемых источников энергии будет демонстрировать нефть. Тем не менее, глобальный спрос на жидкие виды топлива (включая биотопливо) вырастет за 2010–2030 гг. на 14,1% и еще на 9,8% к 2050 г. Азиатские страны обеспечат более 3/4 глобального спроса. На Китай придется более половины глобального потребления нефти. К 2030 г. Китай станет крупнейшим (опередив США, которые к 2020 г. станут крупнейшим производителем нефти в мире) потребителем нефти в мире. Третьим в мире потребителем этого энергоресурса станет Индия[11].

В электроэнергетике, которая является главным полем конкуренции между первичными ресурсами, также диверсифицируются источники. Потребление газа увеличится здесь в 2010–2050 гг. в 2,9 раза и он обеспечит наибольший прирост в производстве электроэнергии. Опережающими темпами будет расти и использование неуглеродных ресурсов: они обеспечат 36% мирового прироста. Ретроспективно всегда наблюдалась строгая корреляция между доходами населения и спросом на электроэнергию. В мировом и страновых масштабах рост потребления электроэнергии всегда относился к росту ВВП как 0,7–0,9. Очевидно, сохранится это соотношение и в течение прогнозируемого периода. Отсюда темпы роста электроэнергетики в развивающихся

странах будут в три раза превышать этот показатель в развитых государствах, однако потребление электроэнергии на душу населения в развивающихся странах составит к 2050 г. лишь около 30% показателя развитых стран (2010 г. — 20%). В структуре производства электроэнергии сохранится различие между развитыми и развивающимися государствами: если в первых начнет доминировать неуглеродная генерация, то во вторых — по-прежнему уголь при опережающих темпах прироста долей газа и возобновимых ресурсов.

Доля первичной энергии, используемой для производства электроэнергии, вырастет в мире с 36% в 2010 г. до 55% в 2050 г.[12] Основной прирост производства дадут развивающиеся страны Азии.

Таблица 7

Производство электроэнергии в регионах мира

Регион	Производство электроэнергии (Твт./час.)			
	1990	2010	2030	2050
Северная Америка	4010	4950	4900	4850
Европа	4900	5000	5150	5200
Развитые страны Азии	920	1050	1020	980
Ближний Восток и Северная Африка	810	1120	1150	1220
ЮА, ЮВА, ВА, ЦА и Закавказье	950	8010	19750	23010

Рассчитано по данным: Energy outlook for Asia and the Pacifics. Mandaluong City, Asian development bank, 2013. C. 81–83, Energy balances of non-OECD countries. P., IEA, 2012. C. 18–53.

В странах Азии (без Ближнего Востока) уголь сохранит доминирующее положение в генерации электроэнергии, хотя его доля снизится с 60% в 2010 г. до 55% в 2050 (в мире соответственно — с 42% до 39%). Доля газа возрастет с 13% до 17% (в мире — с 21% до 27%). Доля нефти снизится с 6% до 3% (аналогично в мире), доля гидроэнергии снизится с 12% до 9% (в мире — с 16% до 13%), доля атомной энергии возрастет с 8% до 11% (в мире — с 14% до 12%). Возрастет доля и новых возобновимых ресурсов — с 1% до 5% (в мире — с 2% до 8%)[13]. На Ближнем Востоке продолжится тенденция вытеснения нефти газом, доля которого возрастет с 13% до 77%. В Азии в 2035 г. 36% выработки придется на Китай (2010 г. — 11%), 16% — на Индию (2010 г. — 5%), 14% — на Корею (2010 г. — 21%), 5% — на Тайвань (2010 г. — столько же)[14].

Почти весь мировой прирост потребления электроэнергии, генерируемой на АЭС, обеспечат развивающиеся страны Востока. При стагнации или уменьшении спроса на этот вид энергии в развитых странах, в большинстве из которых вывод из эксплуатации старых мощностей превысит ввод новых, мировые темпы роста в прогнозируемом периоде составят 3,5% в год. К числу стран-продуцентов этого вида энергии — Японии, Респ. Корея, КНР, Пакистану, Тайваню, Армении — добавятся Малайзия, Таиланд, Вьетнам, Турция, Иран. В Респ. Корея использование атомного сырья останется основой электроэнергетики (30,1% — в 2010 г. и 29,8% — в 2050 г.), в Японии не планируется ввод новых мощностей и доля АЭС в электрогенерации будет медленно снижаться (с 18,9% в 2010 г. до 13,2% в 2050 г.) по мере вывода из строя изношенного оборудования[15].

Потребление электроэнергии, выработанной на ГЭС, в странах Востока прогнозируется темпами, гораздо меньшими, чем темпы роста общего потребления электроэнергии — 1,9% в год в 2010–2050 гг. (в среднем по миру — 1,8%). Почти весь прирост придется на Китай, где прогнозируется более чем двукратное увеличение потребления этого вида энергии. В большинстве стран этот энергоресурс не имеет перспектив роста ввиду отсутствия природных предпосылок. Однако в Таджикистане, Кыргызстане, Бутане, Грузии, Армении он останется основой электроэнергетики с перспективным уменьшением доли в потреблении. Введение новых мощностей планируется в Мьянме[16].

Потребление возобновимых энергоресурсов на Востоке будет расти значительно медленнее, чем в мире в целом. Внедрение новейших способов получения энергии будет уравновешиваться выводом из потребления традиционных биоресурсов, таких как дрова или навоз, которые в отсталых странах — Непале, Бутане, Камбодже, Лаосе, Мавритании — обеспечивают около половины энергопотребления[17].

Отраслевая структура потребления различных видов энергоносителей в прогнозный период практически не изменится и усредненные показатели стран Востока будут близки к среднемировым. В период 2010–2050 гг. 66% прироста потребления нефти на Востоке «поглотит» транспорт (во всем мире — 74%), 12% — промышленность (в мире — 9%), 22% — строительство (в мире — 17%), 60% прироста потребления газа придется на электроэнергетику (в мире — 58%), 23% — на строительство (в мире — 26%), 17% — на транспорт (в мире — 16%), почти весь уголь, как на Востоке, так и в остальном мире, будет сжигаться на электростанциях и в котельных (94%), 6% будет потребляться промышленностью.

На долю Азии придется львиная доля прироста потребления первичной энергии во всех отраслях экономики мира. Прирост потребления нефти будет в значительной степени обусловлен стремительной автомобилизацией Китая (китайский автопарк в 2010–2050-е годы вырастет почти в 10 раз) и Индии, азиатская энергетика поглотит почти весь прирост потребления угля, а строительный бум в Китае «возьмет на себя» значительную долю прироста потребления нефти и газа в строительстве. Продолжающаяся индустриализация все в большей степени локализуется в Азии и является масштабным потребителем всех видов энергоресурсов.

Темпы роста потребления первичной энергии в азиатском регионе будут опережать темпы роста ее производства. Растущий дефицит будет компенсироваться импортом. Нетто-импорт ископаемых энергоносителей возрастет здесь в 2010–2050 гг. более чем вдвое. На Ближнем Востоке и в Северной Африке темпы роста производства первичной энергии будут, напротив, в 1,4 раза опережать темпы роста ее потребления. В пределах Азии ситуация будет серьезно варьировать.

Таблица 8
Экспорт/импорт первичной энергии в регионах Востока

Регион	Экспорт/импорт (±) первичной энергии (млн. т. н.э.)		
	2010	**2030**	**2050**
Южная Азия	–205	–525	–810
Восточная Азия	–760	–1195	–1490
Юго-Восточная Азия	+110	–70	–195
Ближний Восток и Сев. Африка	+355	+430	+535
Центр. Азия и Закавказье	+55	+215	+310

Данные: Energy outlook for Asia and the Pacifics. Mandaluong City, Asian development bank, 2013. С. 31.

Восток, став крупнейшим потребителем первичной энергии, останется ее крупнейшим производителем. Наибольший вклад в мировой прирост производства первичных энергоносителей внесет Ирак. Уже существующие контракты дадут возможность довести добычу нефти здесь к 2020 г. до половины уровня Саудовской Аравии и до 80% к 2050 г. Ирак становится ключевым поставщиком нефти на быстрорастущие азиатские рынки, в основном в Китай, а к 2030-м гг. — вторым мировым экспортером нефти, опередив Россию[18]. Многократно увеличат поставки нефти и газа (преимущественно на китайский рынок) Казахстан, Туркменистан, Мьянма, Азербайджан. Сохранит долю мирового рынка в 12% Саудовская Аравия[19]. В рамках согласованной политики нарастят поставки нефти и газа в соответствии с ростом мирового потребления страны Персидского залива. Резко увеличат добычу и экспорт угля Монголия (в Китай) и Индонезия. Регион Востока по-прежнему будет заключать в себе как крупнейших в мире экспортеров, так и импортеров первичных энергоносителей.

Огромный рост производства и потребления энергии в мире потребует столь же масштабных инвестиций в новые мощности по добыче, транспортировке, генерации, дистрибуции энергии, а также в ремонт и техническое перевооружение старых. В долгосрочном плане инвестиции в энергетику в среднем по миру незначительно колебались вокруг 4% ВВП. В развитых странах — импортерах энергии с большим показателем ВВП на душу населения этот показатель находится в пределах 2% ВВП, в быстроиндустриализирующихся странах, небогатых ТЭР и небольшим ВВП на душу населения — 4%, в странах с развитым ТЭК и со средним показателем душевого ВВП — 6%, в развивающихся странах с крупными и еще неосвоенными запасами энергоресурсов и с пока еще низким среднедушевым ВВП — может доходить и до 10% ВВП. Так, доли инвестиций в ТЭК Сингапура, Тайваня, Японии, Респ. Корея, Израиля заключены в пределах 1,5% –1,9%, КНР, Индии, Малайзии, Индонезии, Турции, Пакистана, САР, Марокко — 2,1–4,2%, Ирана, Алжира, Саудовской Аравии, Казахстана, Мьянмы, Ирана, Омана, Кувейта, Ирака — 4,2–6,1%, Азербайджана, Монголии — 8–10%[20].

Основываясь на данной тенденции и произведя необходимые расчеты, можно прогнозировать кумулятивные инвестиции в мировую энергетику в 2010–2050 гг. 56 трлн. долл. (2010 г.)[21]. 60% этой суммы будет направлено в электроэнергетику, по 19% в нефтяную и газовую отрасли и 2% в угольную отрасль. 25% инвестиций будет направлено в Северную Америку, 14% в Европу, 15% в Китай, 7% в Ближневосточный регион, 5% в Индию, 9% в развивающиеся страны Азии[22].

Суммарные инвестиции в энергетику стран Азии (без ближневосточных государств) составят за период 2010–2035 гг. 11,7 трлн. долл. (в ценах 2010 г.) и еще 6,2 трлн. долл. в 2035–2050[23]. Инвестиции в ТЭК ближневосточных государств составят 3,3 трлн. долл. в 2010–2035 гг. и 1,8 трлн. долл. в 2035–2050 гг., стран Северной Африки — 0,5 трлн. долл. в 2010–2035 гг. и 0,3 трлн. долл. в 2035–2050 гг.[24] Масштабы инвестиций в ТЭК в различные регионы Востока, а также их отраслевая структура очень сильно разнятся.

Таблица 9
Инвестиции в ТЭК регионов Востока в 2010–2050 гг.

Регионы	Доля региона в суммарных инвестициях (%)	Отраслевые инвестиции (млрд. долл. 2010 г.)			
		Газ	**Нефть**	**Уголь**	Электро- и теплоэнергия
Ближний Восток и Северная Африка	22,3	1200	2200	-	2500
Центральная Азия и Закавказье	2,6	390	210	-	600
Юго-Восточная Азия	6,9	320	310	300	1120
Восточная Азия	45,7	840	800	910	6530
Южная Азия	14,2	470	380	580	1890
Развитые страны Азии	8,3	630	290	320	1950

Данные: Energy outlook for Asia and the Pacifics. Mandaluong City, Asian development bank, 2013/С. 122, рассчитано по данным: Energy invest outlook. P., IEA, 2003/С. 6–14.

Инвестирование в энергетику стран Востока будет осуществляться в русле общемировых тенденций. Большая часть всех вложений (Восточная Азия — 78%, Южная Азия — 72%, развитые страны — 74%, Юго-Восточная Азия — 66%, Центральная Азия и Закавказье — 59%, Ближний Восток и Северная Африка — 46%) придется на электроэнергетику (58% — на строительство новых генерирующих мощностей и 48% — на строительство ЛЭП и распределительных сетей). Регион Ближнего Востока и Северной Африки отличается повышенной долей инвестиций в нефтяную и газовые отрасли (54% всех инвестиций, соответственно 1,74 и 1,52 трлн. долл. за период 2010–2050 гг.), где в нефтедобывающей промышленности почти 100% вложений будут направлены в добычу конвенциональной нефти (что естественно при ее изобилии), 73% инвестиций пойдут в обустройство новых и переоснащение старых промыслов, 25% в нефтеочистку и нефтепереработку, 12% — в строительство транспортной инфраструктуры[25]. В целом в нефтедобычу в Ближневосточном регионе будет инвестировано значительно меньше, чем в США и Южной Америке, вследствие нынешней недогрузки мощностей и способности нарастить добычу без дополнительных инвестиций. В мировом масштабе относительно существеннее инвестиции в ближневосточную газовую отрасль. 71% инвестиций здесь будет направлено на обустройство новых месторождений газа (тоже исключительно традиционного), 7% — в строительство заводов по сжижению, 22% — в строительство газопроводов и газораспределительных сетей[26]. В странах Восточной и Южной Азии значительные ресурсы будут направлены в угольную отрасль (соответственно 0,92 и 0,45 трлн. долл.), где 94% средств будут инвестированы в строительство новых и модернизацию старых шахт и разрезов, обогатительных фабрик, 6% — в строительство транспортной инфраструктуры[27]. Структура инвестиций в ТЭК развитых стран Востока характеризуется повышенной долей вложений в технологическое переоборудование мощностей по переработке первичных энергоносителей а также генерации и дистрибуции электроэнергии. В Центрально-Азиатском регионе и Закавказье — резкий акцент на инвестиции в нефтегазовую отрасль (0,42 трлн. долл. в 2010–2050 гг.) — в обустройство новых промыслов (55% инвестиций) и строительство магистральных трубопроводов (45% инвестиций в 2010–2050 гг.)[28].

Примечания

[1] Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. ИНЭИ РАН, 2012. С. 6.

[2] Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. ИНЭИ РАН, 2012. С. 7.

[3] BP energy outlook 2030. L., 2011. С. 16.

[4] Там же.

[5] BP energy outlook 2030. L., 2011. С. 17, рассчитано по данным: World energy outlook. P., IEA, 2012. С. 27–39.

[6] Прогноз развития энергетики в мире и России. ИНЭИ РАН, 2012. С. 20.

[7] BP energy outlook 2030. L., 2011. С. 18.

[8] BP energy outlook 2030. L., 2011. С. 18–19, Energy outlook for Asia. T., 2012. С. 9.

[9] BP energy outlook 2030. L., 2011. С. 41, 47; Energy outlook for Asia and the Pacifics. Mandaluong City, Asian development bank, 2013. С. 40–41.

[10] Energy scenarios for Middle East. L., 2012. С. 21.

[11] BP energy outlook. L., 2011. С. 31–33.

[12] World energy outlook. P., IEA, 2012. С. 59.

[13] Energy outlook for Asia and the Pacific. Mandaluong City, Asian development bank, 2023, с. 87

[14] Там же. С. 83–85.

[15] Там же. С. 84–86.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 87.

[18] BP energy outlook 2030. L., 2011. С. 38.

[19] Там же. С. 36.

[20] Energy outlook for Asia and the Pacifics. Mandaluong City, Asian development bank, 2013. С. 123/

[21] Рассчитано по данным: Energy invest outlook. P., IEA, 2003. С. 4–11, Yearbook of national statistics. N. Y., UN, 2012. С. 22–72.

[22] Energy invest outlook. P., IEA, 2003. С. 4–13.

[23] Рассчитано по данным: Yearbook… С. 56–72, Energy invest… С. 13–19, Energy outlook for Asia… С. 121–122.

[24] Energy outlook for Africa. P., 2011/С. 97, Energy invest outlook. P., IEA, 2003. С. 8–9, 13.

[25] Energy outlook for Asia and the Pacifics. Mandaluong City, Asian development bank, 2013. С. 124, Energy invest outlook. P., IEA, 2003. С. 4–8.

[26] Energy outlook for Asia and its pathways. Japan, IEEJ, 2012. С. 58.

[27] Energy outlook for Asia and the Pacifics… С. 122–123.

[28] Там же. С. 124.

*А. З. Арабаджян**

Анализ и прогнозирование спроса на газ в Японии

На сегодняшний день природный газ является третьим по значимости источником энергии в общемировом энергетическом коктейле. По оценкам Мировой Энергетической Ассоциации (МЭА), мировой спрос на газ, в отличие от спроса на другие энергетические источники, будет характеризоваться возрастающей тенденцией в течение ближайших 20-ти лет. Согласно данным МЭА, по состоянию на 2010 г. доля спроса на СПГ составляла 9% от суммарного спроса на природный газ. С 2000 по 2012 г. темп прироста спроса на СПГ составил 7,6% в год, в основном за счет азиатского региона. Усредненные оценки прогнозируемого роста спроса на СПГ с настоящего момента по 2020 г. колеблются в пределах 5–6% в год, а после 2020 г. годовой темп роста составит примерно 2–3%[1].

В абсолютном выражении торгуемые объемы СПГ за последние 20 лет выросли более чем в 2 раза. При этом ключевой точкой роста являлся азиатский регион, который на данный момент предъявляет 70% спроса на СПГ от общемирового[2]. Помимо этого многие страны, входящие в данный регион, обладают высокими регазификационными возможностями. Эти факторы делают азиатский рынок одним из наиболее привлекательных для стран — экспортеров СПГ.

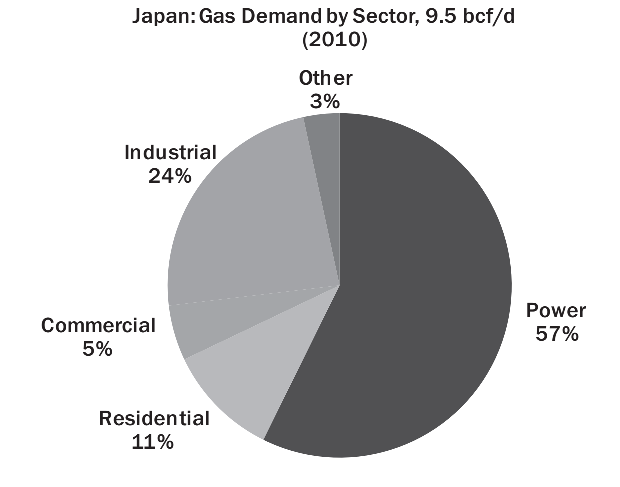
Вопросы прогнозирования потребления СПГ на этом, можно сказать, премиальном по сравнению с Европой рынке имеют большое значение для России, стремящейся стать на нем крупным игроком. На настоящий момент российский экспорт осуществляется только с проекта «Сахалин-2» (10 млн. т. в год), реализуемого на условиях СРП, в котором российскому участнику принадлежит 50% плюс 1 акция.

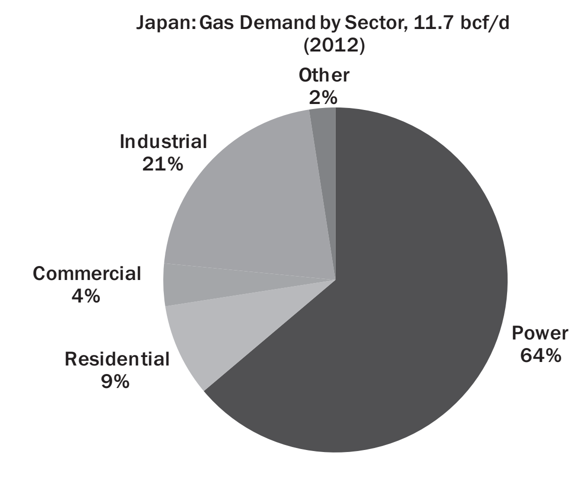
Из всех стран АТР крупнейшим импортером СПГ является Япония по той причине, что не обладает достаточными собственными запасами природного газа, а в силу географического положения не может получать природный газ от стран-поставщиков по трубе. Потребление газа в Японии росло постепенно, без значительных колебаний. Однако в связи с аварией на станции «Фукусима-1» и приостановкой работы всех, кроме двух, АЭС спрос на газ резко вырос в 2011 г. На сегодняшний день велика неопределенность в долгосрочной энергетической политике Японии: действовавшая до катастрофы программа энергетического развития, значительно опиравшаяся на использование атома, *может* быть полностью пересмотрена. В зависимости от того, какое решение примет правительство Японии касательного будущего атомной электроэнергетики, спрос на другие энергоносители может различаться.

В данной работе методом регрессионного анализа ретроспективных данных проведен анализ факторов, находящихся во взаимосвязи со спросом на газ в Японии, а также сделана попытка спрогнозировать потребление газа в стране до 2021 г.

На первом этапе анализа был проведен краткий обзор рынка газа в Японии, в частности проанализирована структура потребления газа по секторам: промышленность, электроэнергетика, частный сектор, транспорт. В 2012 г. бóльшая часть газа потреблялась в секторе электроэнергетики (64%), на втором месте — промышленность (21%). По сравнению с 2010 г. доля газа для выработки электроэнергии выросла на 7 процентных пунктов, а доля потребления в промышленном секторе — на 3 процентных пункта. Ниже представлены графики распределения газа по секторам потребления.

Рис. 1
Распределение потребления газа в Японии по секторам, 2010 и 2012 гг., %

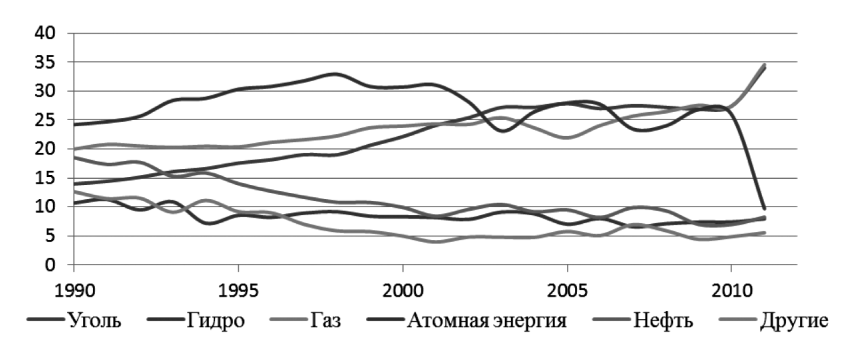




---
* Арабаджян Анастасия Завеновна, магистрант Высшей школы экономики.

Рис. 2

Динамика долей различных видов топлива в электрогенерации, 1900–2011 гг., %



Также была проанализирована динамика структуры выработки электроэнергии по источникам, что имеет большое значение в свете событий 11 марта 2011 г. на атомной станции Фукусима. В течение последних десяти лет основными источником для выработки электроэнергии являются уголь, газ и атомная энергия. На рис. 2 представлен график динамики долей источников, откуда ясно видно, как резко в 2011 г. сократилась доля атомной энергии и выросла доля газа и угля.

На следующем этапе исследования был проведен ретроспективный анализ спроса за период с 1990 по 2011 гг. Поскольку прогнозирование спроса на значительные промежутки времени предполагает выявление долгосрочных тенденций, единицей времени периода наблюдения был выбран один год. В качестве величины, характеризующей спрос на газ, был рассмотрен ежегодный объем потребляемого в стране газа. Основной гипотезой, выдвигаемой при анализе, явилось наличие связи между спросом на газ и макроэкономическими показателями. Был проанализирован следующий набор факторов: номинальный ВВП, реальный ВВП, численность населения, ВВП на душу населения, добавленная стоимость промышленного сектора, в т. ч. с лагом, индекс потребительских цен, индекс промышленного производства, уровень безработицы, инфляция, валютный курс, доля электроэнергии, приходящаяся на отрасль машиностроения[3]. Из данного ряда показателей значимыми факторами по формальному признаку (значение t-статистики) оказываются реальный ВВП на душу населения и индекс промышленного производства. Однако при индексе промышленного производства коэффициент отрицателен, что противоречит здравому смыслу. В таком случае имеет смысл рассмотреть связь спроса на газ с макроэкономическими факторами косвенно, через другие показатели.

Помимо ряда макроэкономических факторов была также проанализирована связь спроса на газ с временем года. Для этого была построена зависимость спроса на газ от показателей mhdd и mcdd. Mhdd представляет собой число дней, в течение которых среднесуточная температура ниже порогового уровня для включения отопления, а mcdd — число дней, в течение которых среднесуточная температура выше порогового уровня для включения кондиционера. При построении регрессии на длинных промежутках с шагом в один месяц наблюдается незначительная связь, при этом mhdd сильнее коррелирует со спросом, чем mcdd, характер сезонности таков, что всплески потребления наблюдаются в холодное время года. На более коротких промежутках данные прокси климатического фактора описывают спрос на газ значительно лучше. При этом наиболее высокий показатель R^2 наблюдается в случае, если строить регрессию не общего объема потребляемого газа, а только т. н. City Gas (без учета потребляемого в электроэнергетическом секторе) на mhdd и mcdd. Также анализ показал, что если строить регрессию по данным с шагом в один год, то статистически значимой связи не наблюдается, климатический фактор неприменим к описанию динамики спроса. Таким образом, результаты исследования влияния климатического фактора на спрос на газ показали, что сезонность действительно присутствует и четко прослеживается внутри года на месячных данных, однако на годовых данных значения не имеет. К тому же, если бы данный фактор входил в итоговую модель, возникли бы трудности с его прогнозированием.

В ходе анализа было выявлено, что спрос на газ демонстрирует наиболее тесную связь с объемом электроэнергии, выработанной с помощью газа (Приложение 1). Данная модель характеризуется высоким уровнем R^2 и R^2-adjusted и статистической значимостью регрессоров. Уравнение регрессии в терминах эластичности имеет вид:

D(t) = 0,57 Electricity from gas(t) + 0,51 Electricity from gas(t-1),

где Electricity from gas(t) — объем электроэнергии, выработанный с помощью газа в году t, а Electricity from gas(t-1) — объем электроэнергии, выработанный с помощью газа в прошлом году (t-1).

Таким образом, спрогнозировав объем вырабатываемой электроэнергии и сделав предположение о ее доле, выработанной с помощью газа, можно оценить величину потребляемого в стране газа.

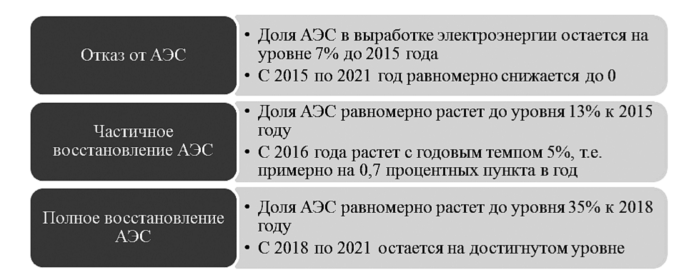
Для выявления связи между объемом вырабатываемой электроэнергии и макроэкономическими показателями также строились регрессии на комбинации из упомянутого выше набора макроэкономических факторов с включением в данный ряд лага объясняемой и объясняемых переменных первого порядка. Наилучшая (по критерию наибольшего значения R^2-adjusted) модель имеет следующие характеристики: все регрессоры в модели значимые, знаки коэффициентов не противоречат смыслу, а R^2 крайне высок и равен 0,978 (Приложение 2). Уравнение регрессии для объема вырабатываемой электроэнергии в терминах эластичности будет иметь вид:

$$Q_t = 0{,}81 GDP_t + 0{,}81 CPI_{t-1} + 0{,}09 Unemp_t + 0{,}21 IPI_t,$$

где GDP_t — ВВП страны в году t, CPI_{t-1} — индекс потребительских цен в прошлом году, $Unemp_t$ — уровень безработицы в году t, IPI_t — индекс промышленного производства в году t.

Таким образом, при прогнозировании объемов вырабатываемой электроэнергии можно опираться на прогнозы различных агентств по ключевым макроэкономическим показателям. При этом, опираясь на различные прогнозы, можно получить несколько сценариев развития событий. В данной работе был использован прогноз макроэкономических показателей Японии до 2021 года Daiwa Institute of Research.

Далее необходимо определить, какова будет доля газа в производстве электроэнергии. Данная оценка базируется, в первую очередь, на представлениях о том, как будет развиваться атомная электроэнергетика в Японии. Если правительство возьмет курс на ее восстановление, то доля газа в производстве электроэнергии снизится и, следовательно, спрос на него также упадет.
Для динамики доли газа в электрогенерации методом экспертной оценки были разработаны три сценария в зависимости от решения правительства Японии касательно будущего атомной энергетики.



Следует отметить, что эти три сценария не являются равновероятными. Несмотря на общественное сопротивление восстановлению атома и на то, что Япония находится в сейсмически опасной зоне, полный отказ от АЭС весьма сомнителен, поскольку атомная энергия является одним из самых дешевых способов электрогенерации. Тем не менее, нельзя не принимать во внимание тот факт, что даже в случае принятия решения о возврате к атому этот переход не произойдет моментально. На каждой АЭС требуется провести комплекс работ по исследованию ее состояния (реактор, системы контроля, охлаждения, защиты и пр.), поскольку реакторы станций были заглушены и не работали около двух лет. Если изучение покажет, что на станции все в порядке, то процесс запуска реактора и выведения его на проектную мощность потребует времени. С учетом изложенного, в течение двух последующих лет при любом развитии ситуации японские АЭС не смогут выйти на уровень производства электроэнергии, равный 2010 году. На рис. 3 представлен график с точечными прогнозами по каждому из сценариев.

Как видно из графика, спрос на газ в Японии, согласно прогнозу модели, по-прежнему останется высоким. Теоретически это может объясняться как тем, что восстановление АЭС требует времени или сможет быть осуществлено только в сейсмически менее опасных районах страны, так и тем, что природный газ является более экологически чистым топливом, чем, например, нефть или уголь.

Теперь рассмотрим подробнее предпосылки, ограничения, достоинства и недостатки построенной модели:

- Основная предпосылка — примерное сохранение соотношений в структуре потребления газа. Резкие изменения в структуре (например, снижение доли газа, потребляемого в электроэнергетическом секторе), скорее всего, будут сопровождаться изменениями в структуре производства электроэнергии (доля газа в генерации резко снизится). В таком случае модель не будет применима, поскольку основывается на том, что основная часть газа потребляется в электроэнергетике, и придется полностью перестраивать модель, основываясь на других факторах.
- Экспертная оценка опирается на предположение о том, что оставшиеся доли распределяются между газом, нефтью и углем в существующей пропорции. Однако не исключено, что соотношения в топливной структуре Японии могут измениться в зависимости от того, какой фактор правительство сочтет более важным: дешевизну и доступность топлива или же его экологичность.
- Поскольку макроэкономические прогнозы и оценка доли газа в электрогенерации задаются экзогенно, модель не учитывает возможность их ошибки и принимает их как истинные. Следует, однако, подчеркнуть, что имеющиеся на данный момент различные прогнозы макроэкономических показателей Японии до 2021 г. при их использовании в модели не сильно влияют на результат. На рис. 4 представлен график, характеризующий результаты сценария частичного восстановления АЭС при использовании разных сценариев динамики макроэкономических показателей, в частности взятый за основу прогноз Daiwa Institute of Research, «пессимистичный» (Japan Cabinet Office Prudent) и «оптимистичный» (Japan Cabinet Office Growth) сценарии правительства Японии касательно динамики макроэкономических показателей.

Таким образом, если модель и даст неверный прогноз, то это, скорее всего, будет связано с неточной оценкой будущей доли газа в электрогенерации.

- Достоинство модели — высокая точность прогноза при постепенных изменениях доли газа в электрогенерации, что характерно для японского рынка, если отсутствуют шоки. На протяжении значительного периода времени изменения параметров, вошедших в модель, были незначительными. Если после разрешения нынешней ситуации эта характеристика сохранится, то в долгосрочной перспективе модель будет давать более точные результаты, чем на ближайшие 2–3 года.
- Недостаток модели — высокая чувствительность к резким изменениям доли газа в производстве электроэнергии. Как показал анализ чувствительности, именно изменения доли вызывают наибольшие флуктуации спроса.

Рис. 3
Три сценария прогноза спроса на газ в Японии, 2013–2021 гг., млн. т

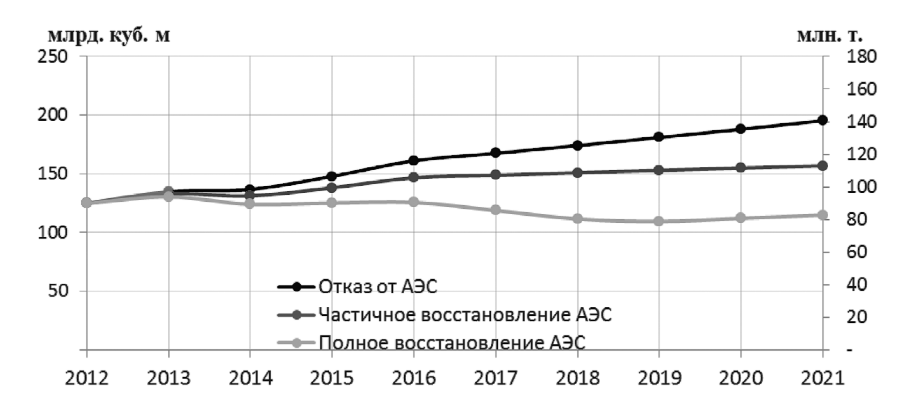


Рис. 4
Различия в результатах при использовании разных сценариев динамики макроэкономических показателей

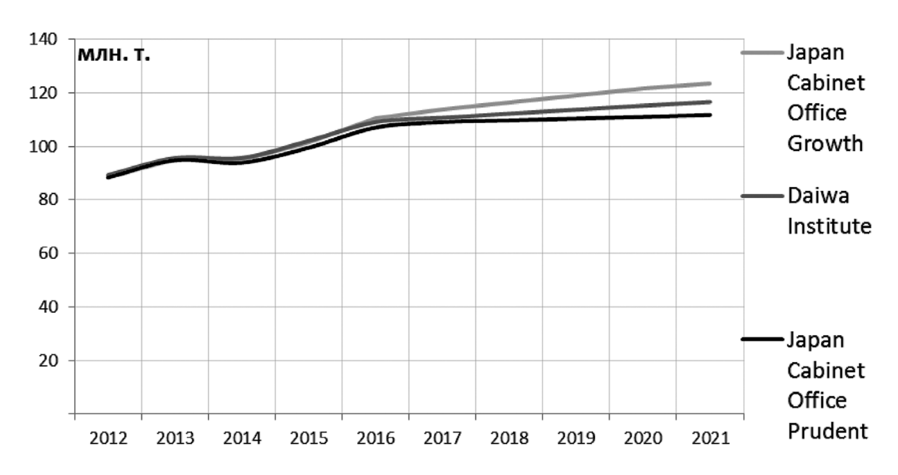
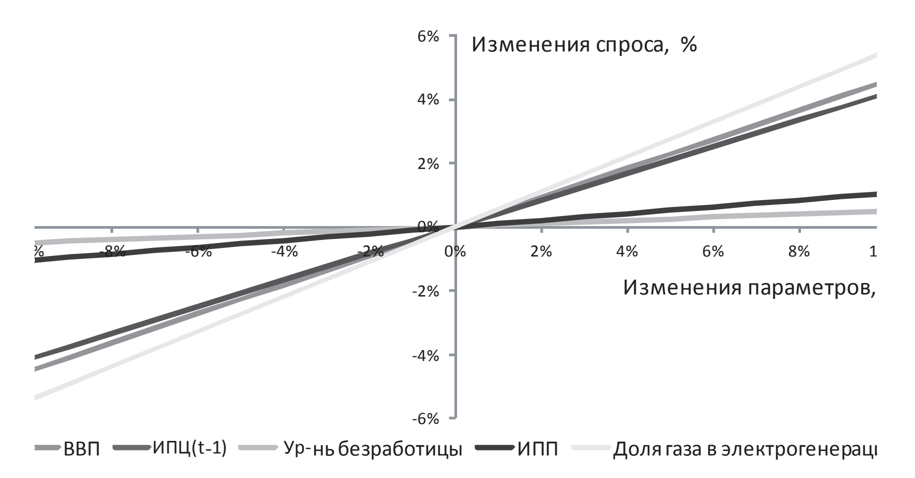


Рис. 5
График чувствительности спроса к параметрам



Помимо доли газа в электрогенерации, спрос также чувствителен к ВВП и индексу потребительских цен. Для сглаживания данного эффекта вводятся корректировочные коэффициенты, определяемые расчетным методом с помощью исторических данных отклонений, вызванных сдвигами в доле.

Таким образом, на базе регрессионного метода была построена модель, позволяющая получить прогноз спроса на газ в Японии. Как уже отмечалось, ввиду высокой неопределенности нынешней ситуации было бы неосмотрительно ориентироваться только лишь на подобный прогноз, основанный на аналитическом методе работы со статистическими данными. Тем не менее в перспективе, когда ситуация стабилизируется, данный подход будет давать достаточно точные результаты.

Сложившаяся в Японии ситуация с потреблением СПГ создает неплохие возможности для России, заявляющей о нацеленности на реализацию стратегии по выходу на новые рынки газа в АТР. Крупные японские компании, такие как «Токио газ», «Токио электрик пауэр корпорейшен» (ТЭПКо) и другие, могут стать крупными покупателями российского СПГ с перспективного проекта Владивосток-СПГ, реализация которого предполагается ОАО «Газпром». К числу конкурентных преимуществ этого проекта относится географическая близость к потребителям, в связи с чем транспортное плечо во много раз меньше по сравнению с австралийскими проектами и таковыми стран Персидского залива, а также значительно более низкие температуры в Приморском крае, что уменьшает энергетические затраты на сжижение газа.

В то же время при определении стратегии развития производства СПГ необходимо избегать конкуренции его перспективных российских производителей друг с другом и тщательно отслеживать ситуацию со спросом и предложением на СПГ в регионе, чтобы наращивание мощностей по сжижению не приводило к превращению рынка продавца в рынок покупателя.

Примечания

[1] http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Global_LNG_New_pricing_ahead/$FILE/Global_LNG_New_pricing_ahead_DW0240.pdf

[2] http://www.igu.org/gas-knowhow/publications/igu-publications/LNG%20Report%202011-web-7.pdf

[3] Источник данных по макроэкономическим показателям — World Bank Database, по потреблению газа — PFC Energy.

*Е. В. Растянникова**

Рынок первичных энергоресурсов в странах БРИКС

Как известно, важнейшим критерием формирования группы БРИКС стала объемная ресурсная база, и она же имеет основное влияние на экономический рост этих стран. Если рассматривать БРИКС как единую группу, то с начала XXI века в ней фиксируется опережающий рост потребностей в первичных энергоресурсах над их производством. Доля мирового потребления сырой нефти, приходящаяся на страны БРИКС, увеличилась за период 1995–2012 гг. с 15,8% до 28,4%, а доля добычи — с 17,4% до 22,7% (см. табл. 1). Еще более заметна данная тенденция относительно каменного угля, доля мировой добычи которого в странах БРИКС возросла за указанный период с 56,1% до 76,2%, а рост потребления — с 54% до 79,5% (см. табл. 2). В то же время внутри группы БРИКС наблюдается все большая дифференциация относительно внешнеторгового баланса первичных энергоресурсов, одни страны становятся чистыми импортерами, другие — чистыми экспортерами.

Наибольший интерес вызывает динамика спроса и предложения нефти и каменного угля, потребность в которых особенно резко возросла в Китае и Индии. Если в конце XX века эти страны практически могли обеспечивать свою экономику первичными энергоресурсами за счет собственного производства, то к настоящему времени они стали чистыми их импортерами, и предполагается, что такая тенденция в будущем усилится[1].

Крупнейшими странами-производителями нефти являются Россия (13%), Саудовская Аравия (11%), США (8%), Китай (6%) и Иран (5%). Однако Китай, используя 12% мировой добычи нефти в год, занимает второе место в рейтинге стран-потребителей нефти, а Индия (6%) — третье[2].

Рис. 1

Потребление и добыча нефти в Китае, млн. т

Источник: Таблица 1.

В отношении Китая и Индии можно говорить о темпах роста потребностей в нефти, значительно опережающих темпы роста ее добычи. В Китае с начала XXI века ежегодный темп прироста потребления нефти составляет 6,1%, а добычи — всего 2,1% (см. рис. 1).

В Индии объем спроса на нефть увеличивался еще более быстрыми темпами — 6,5% в год[3], а темп прироста добычи нефти равнялся 1,7% (см. рис. 2).

Рис. 2

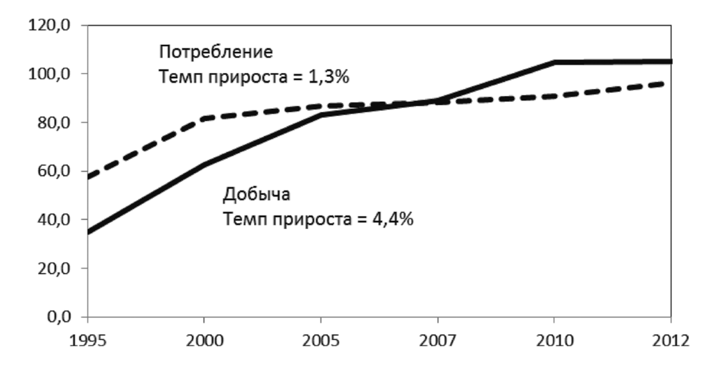
Потребление и добыча нефти в Индии, млн. т

Источник: Таблица 1.

В России и Бразилии динамика спроса и предложения нефти диаметрально противоположная — производство существенно превалирует над спросом. В России темп прироста добычи нефти с начала XXI в. составляет 4,0%, а темп прироста потребления — 3,7%. Интересная динамика наблюдается в Бразилии. Если в конце XX в. страна была чистым импортером нефти, то к концу первого десятилетия XXI в. стала чистым экспортером, графически показав своего рода ножницы, темп прироста добычи равнялся 4,4%, а потребления — 1,3% (см. рис. 3).

Рис. 3

Потребление и добыча нефти в Бразилии, млн. т

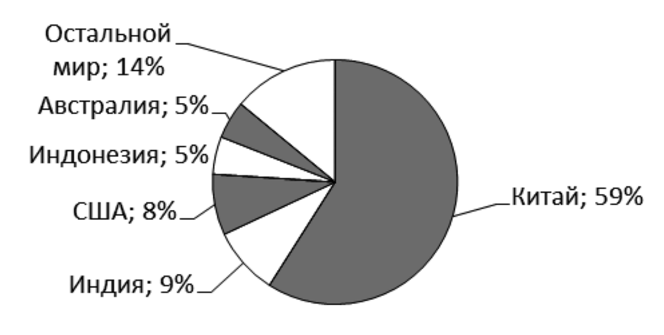


* Растянникова Елизавета Викторовна, младший научный сотрудник Центра исследования общих проблем стран Востока Института востоковедения РАН.

Подобная дифференциация внутри блока способствует возникновению новых альянсов и, следовательно, сближению стран Китая и Индии с богатыми ресурсами Бразилией и Россией, а также вынуждают искать поставщиков сырья по всему миру[4]. Одним из результатов такой активности стало присоединение к неформальному объединению БРИКС Южной Африки в 2011 г., хотя сама она пока почти не дает темпов прироста производства. Хотя в отношении нефтяного баланса в ЮАР при нулевой добыче темп прироста спроса с начала XX в. сохраняется на уровне 0,5%.

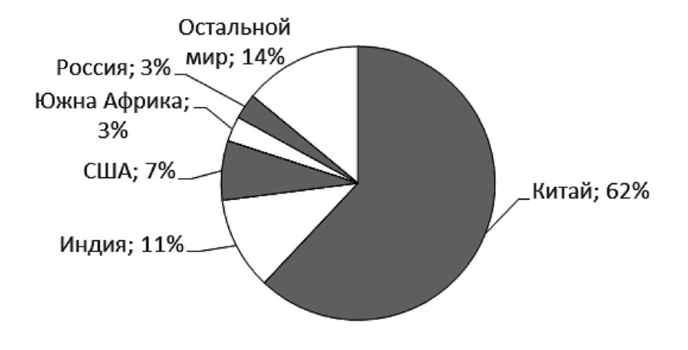
Происходит поиск альтернатив дорогой нефти, что отражается главным образом в китайском инвестировании в программу возобновляемых источников энергии, разработке и субсидировании электромобилей и рассмотрении возможности нетрадиционного использования каменного угля и замены им нефтяного сырья. По добыче и потреблению каменного угля Китай на данный момент является безусловным лидером, доля его добычи и потребления составляет 59% и 62% от общемирового уровня соответственно (см. рис. 4, 5).

Рис. 4
Пять мировых лидеров в добыче каменного угля (2012 г.)



Источник: Таблица 2.

Рис. 5
Пять мировых лидеров в потреблении каменного угля (2012 г.)



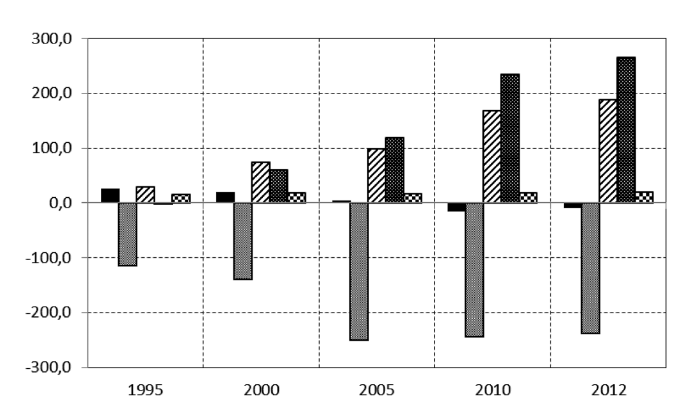
Источник: Таблица 2.

Темпы прироста потребления и добычи каменного угля в Китае с начала XXI в. очень высокие — в среднем 9,0% в год, но пока планы китайского правительства ориентированы на сохранение самообеспеченности углем. Однако с 2010 г. на мировом рынке Китай выступает чистым импортером каменного угля (см. рис. 7). В Индии также с начала XXI в. темп прироста спроса на каменный уголь превышает темп прироста его добычи — 10,1% и 6,2% соответственно. Существенно с XX в. начала наращивать добычу каменного угля Россия — темп прироста составлял 4,6%, при полной стагнации потребления — темп прироста 0,03%[5].

В целом же картина на внешних рынках первичного сырья в странах БРИКС выглядит следующим образом.

Нефть сырая. Бразилия на рынке непереработанной нефти с середины 2000-х годов стала чистым экспортером и в 2012 г. ее чистый экспорт уже достиг 8,8 млн. т (см. рис. 6). В России за последние 12 лет чистый экспорт нефти возрос более чем вдвое — с 138,5 млн. т (2000 г.) до 236,8 млн. т (2012 г.). Китай и Индия стали чистыми нефтеимпортерами. Примерно в два с половиной раза вырос чистый импорт за 2000–2012 гг. в Индии — с 74,1 до 188,9 млн. т. Но наиболее существенно чистый импорт сырой нефти увеличился в Китае — с 60 млн. т (2000 г.) до 266,4 млн. т (2012 г.), т. е. в четыре с половиной раза. ЮАР осталась чистым импортером нефти, хотя величина этого показателя практически была стабильной — 19,5 млн. т в 2000 г. и 19,9 млн. т в 2012 г. (см. рис. 6).

Рис. 6
Чистый импорт сырой нефти в странах БРИКС, млн. т

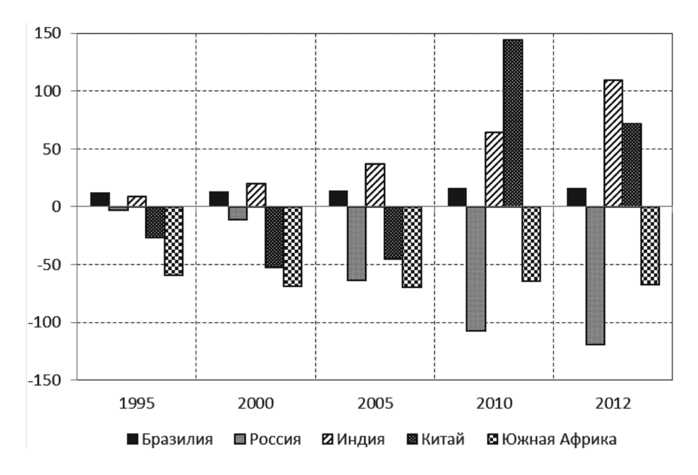


Источник: Таблица 1.

Каменный уголь. Наибольшую повышательную динамику чистого импорта каменного угля с начала 2000-х годов демонстрирует Индия — с 19,6 млн. т (2000 г.) до 109,4 млн. т (2012 г.) (см. рис. 7). Несмотря на попытки удержаться в рамках собственной добычи Китай с 2010 г. стал чистым импортером каменного угля. Если в 2000 г. чистый экспорт каменного угля из Китая был равен 53 млн. т, то после финансового кризиса 2008 г. вектор сменил направление и в 2010 г. чистый импорт каменного угля в Китай составил 143 млн. т, хотя благодаря установкам 12-го пятилетнего плана в 2012 г. он снизился до 71 млн. т. Россия, так же как по дру-

гим энергетическим ресурсам, выступает чистым экспортером каменного угля, который поднялся за период 2000–2012 гг. более чем в 10 раз — с 11,2 млн. т до 119,7 млн. т. Показывают стабильную динамику Бразилия и ЮАР — Бразилия как чистый импортер каменного угля (16,1 млн. т в 2012 г.), ЮАР как чистый экспортер (67,7 млн. т в 2012 г.) (см. рис. 7).

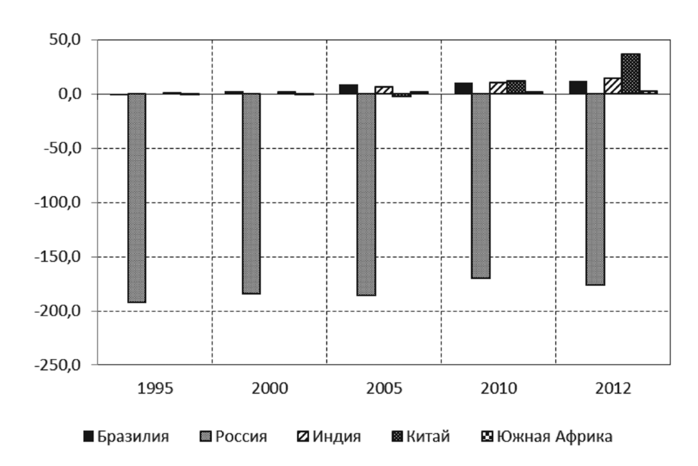
Рис. 7
Чистый импорт каменного угля в странах БРИКС, млн. т



Источник: Таблица 2.

Природный газ. Все страны БРИКС, кроме России, на рынке природного газа с середины 2000-х годов стали выступать чистыми импортерами, хотя до 2000-х годов они имели нулевой внешнеторговый баланс (см. рис. 8). К 2012 г. чистый импорт природного газа существенно повысился — до 11,8 млрд. куб. м в Бразилии, 14,4 млрд. куб. м — Индии, 36,6 млрд. куб. м — Китае, 2,4 млрд. куб. м — ЮАР. Россия — единственная страна в БРИКС, которая является чистым экспортером, причем величина чистого импорта не претерпела изменений за 2000–2012 гг. — 184,3 млрд. куб. м в 2000 г. и 176,1 млрд. куб. м в 2012 г. (см. рис. 8).

Рис. 8
Чистый импорт природного газа в странах БРИКС, млрд. куб. м



Источник: Таблица 3.

Весь мир волнует вопрос, смогут ли два гиганта БРИКС — Китай и Индия снизить темпы прироста потребления первичных энергетических ресурсов за счет применения альтернативной энергетики или нетрадиционного использования угля. Развитие альтернативной энергетики проходит трудный путь. Так, в Китае в 12-м пятилетнем плане предполагается увеличить расходы на исследования в области возобновляемых источников энергии до 18 млрд. долл., причем только 30% этого финансирования должно пойти на проекты непосредственно по энергетике. Однако этих затрат явно недостаточно для широкомасштабного создания и внедрения подобных технологий.

Методика нетрадиционного использования угля для получения синтетического жидкого топлива существует уже более полувека, но она требует в 3–4 раза больше инвестиционных затрат, чем получение аналогичного объема жидкого топлива традиционным способом из нефти. Кроме того, для этой цели эффективнее использовать не каменный, а бурый уголь (лигнит), разведанные резервы которого только в России из всех стран БРИКС существуют в значительном объеме. Поэтому в настоящее время планируются лишь отдельные проекты, в основном на базе межстранового сотрудничества (Китай/Россия, Китай/Узбекистан/ЮАР). В Китае также развернуты программы по наращиванию производства шахтного метана (горючего газа), в то время как в России, где его объемы достаточно велики, из-за слабых технологий он практически весь сгорает и выбрасывается в атмосферу.

Для перехода на экологически чистый транспорт также существуют определенные препятствия, которые выражаются в ограниченной дальности хода электромобилей по сравнению с бензиновыми транспортными средствами, в их высокой стоимости, в медленной зарядке. Пытаясь устранить эти проблемы, китайцы делают упор на бизнес-модели, а не на технологии. Они планируют привлечь к проблеме не занятые в этой сфере электроэнергетические компании, которые будут производить замену или выкупать батареи электромобилей. Однако в потребительском секторе Китая используется не более 10–12% всей энергии, основная ее часть используется в промышленности, поэтому электромобили энергетической проблемы решить не смогут.

Таблица 1

Баланс производства, потребления, экспорта и импорта нефти (сырой) в 1995–2012 гг., млн. т

	1995	**2000**	**2005**	**2007**	**2010**	**2011**	**2012**
	Производство						
Бразилия	34,9	62,7	83,0	88,9	104,5	107,1	105,2
Россия	305,1	311,3	449,2	468,2	484,7	492,0	499,3
Индия	32,2	32,4	32,2	34,1	37,7	39,0	38,8
Китай	150,0	163,0	181,4	186,3	203,0	202,9	207,5
Южная Африка	0	0,7				0,03	0,03
БРИКС, всего	522,3	570,1	745,7	777,5	830,0	841,0	850,8
Мир, всего	2997,5	3313,2	3597,7	3596,3	3609,4	3653,3	3744,2
Доля БРИКС, %	**17,4**	**17,2**	**20,7**	**21,6**	**23,0**	**23,0**	**22,7**
	Потребление (первичная переработка)						
Бразилия	57,3	81,7	86,7	88,3	90,8	93,8	96,4
Россия	194,2	173,0	199,5	211,6	239,0	255,4	262,5
Индия	61,7	106,5	131,6	155,8	206,2	216,3	227,7
Китай	149,9	232,1	299,3	340,4	428,8	450,1	473,9
Южная Африка	14,5	18,7	18,1	19,0	19,3	19,4	19,9
БРИКС, всего	477,5	612,0	735,2	815,1	984,0	1034,9	1080,4
Мир, всего	3015,6	3301,5	3614,9	3690,7	3725,9	3756,3	3801,5
Доля БРИКС, %	**15,8**	**18,5**	**20,3**	**22,1**	**26,4**	**27,6**	**28,4**
	Экспорт						
Бразилия	0,7	1,6	13,9	21,4	32,0		
Россия	122,3	144,4	252,6	258,6	243,3		
Индия	0	0	0	0	0		
Китай	18,2	10,3	8,1	3,9	3,0		
Южная Африка	0,1	0,2	0	3,0	0		
БРИКС, всего	141,3	156,5	274,6	286,9	278,3		
Мир, всего	1650,3	1929,6	2124,3	2108,0	2048,6		
Доля БРИКС, %	**8,6**	**8,1**	**12,9**	**13,6**	**13,6**		
	Импорт						
Бразилия	25,4	20,2	17,4	21,1	17,2		
Россия	8,5	5,9	2,4	2,7	0		
Индия	30,0	74,1	99,4	121,7	168,4		
Китай	17,1	70,3	126,8	163,2	237,7		
Южная Африка	16,0	19,7	18,1	22,1	19,3		
БРИКС, всего	96,9	190,2	264,2	330,7	442,5		
Мир, всего	1672,3	1952,7	2181,5	2198,0	2151,2		
Доля БРИКС, %	**5,8**	**9,7**	**12,1**	**15,0**	**20,6**		

Источник: Energy Statistical Yearbook. UN. 2010 // http://unstats.un.org/unsd/energy/yearbook; BP Statistical Review of World Energy. June 2013; United Nation Statistics Division. Environment and Energy Statistics // http://unstats.un.org/unsd/environment_main.htm.

Таблица 2

Баланс производства, потребления, экспорта и импорта каменного угля в 1995–2012 гг., млн. т

	1995	**2000**	**2005**	**2007**	**2010**	**2011**	**2012**
	Производство						
Бразилия	5,2	6,8	6,3	6,0	5,4	5,7	5,9
Россия	162,4	152,5	209,2	217,9	245,6	256,8	273,2
Индия	265,6	313,7	407,0	457,1	532,7	528,3	560,4
Китай	1360,7	1299,0	2349,5	2691,6	3235,0	3516,0	3650,0
Южная Африка	206,2	224,2	245,0	247,7	254,5	248,9	257,3
БРИКС, всего	2000,1	1996,2	3217,0	3620,2	4273,2	4555,7	4746,8
Мир, всего	3563,2	3671,5	4707,2	5146,4	5878,6	6087,0	6226,6
Доля БРИКС, %	**56,1**	**54,4**	**68,3**	**70,3**	**72,7**	**74,8**	**76,2**
	Потребление						
Бразилия	16,9	19,8	19,9	20,9	21,7	23,0	22,0
Россия	154,5	140,4	145,6	142,0	147,5	153,2	153,5
Индия	273,5	325,4	435,8	502,8	589,9	607,6	669,8
Китай	1334,6	1209,5	2338,5	2655,4	3197,7	3497,9	3721,4
Южная Африка	146,6	153,7	175,4	182,5	190,0	188,1	189,6
БРИКС, всего	1926,0	1848,8	3115,2	3503,7	4146,8	4469,8	4756,3
Мир, всего	3565,1	3772,7	4637,3	5081,2	5622,2	5817,4	5979,8
Доля БРИКС, %	**54,0**	**49,0**	**67,2**	**69,0**	**73,8**	**76,8**	**79,5**
	Экспорт						
Бразилия	0	0	0	0	0		
Россия	26,3	36,7	86,0	98,1	132,3		
Индия	0,1	1,3	2,0	1,6	4,4		
Китай	28,6	55,1	71,7	53,2	19,1		
Южная Африка	59,7	69,9	71,4	67,0	66,4		
БРИКС, всего	114,7	163,0	231,2	219,8	222,2		
Мир, всего	507,7	629,1	813,0	918,2	1084,2		
Доля БРИКС, %	22,6	25,9	28,4	**23,9**	**20,5**		
	Импорт						
Бразилия	11,8	13,2	13,7	14,9	15,9		
Россия	22,7	25,5	22,4	23,4	24,9		
Индия	9,0	20,9	38,6	49,8	68,9		
Китай	1,6	2,2	26,2	51,0	163,1		
Южная Африка	0,4	1,1	1,9	1,8	1,8		
БРИКС, всего	45,5	63,0	102,7	140,9	274,6		
Мир, всего	483,3	605,8	770,1	882,0	980,2		
Доля БРИКС, %	**9,4**	**10,4**	**13,3**	**16,0**	**28,0**		

Источник: Energy Statistical Yearbook. UN. 2010 http://unstats.un.org/unsd/energy/yearbook; BP Statistical Review of World Energy. June 2013; United Nation Statistics Division. Environment and Energy Statistics // http://unstats.un.org/unsd/environment_main.htm.

Таблица 3

Баланс производства, потребления и чистого импорта природного газа в 1995–2012 гг., млрд. куб. м

	1995	2000	2005	2007	2010	2011	2012
	Производство						
Бразилия	5,6	8,2	10,9	11,2	14,4	16,7	17,4
Россия	570,0	555,0	580,1	592,0	589,0	607,0	592,3
Индия	24,2	27,2	29,6	30,1	50,8	46,1	40,2
Китай	21,6	27,9	49,3	58,6	94,8	102,7	107,2
Южная Африка	2	2,0	1,9	1,6	1,6	1,4	1,4
БРИКС, всего	623,0	620,3	671,8	693,5	750,6	773,9	758,5
Мир, всего	2249,7	2509,0	2780,0	2943,2	3192,3	3291,3	3363,9
Доля БРИКС, %	**27,7**	**24,7**	**24,3**	**23,6**	**23,5**	**23,5**	**22,5**
	Потребление						
Бразилия	5,6	10,5	19,6	21,2	26,8	26,7	29,2
Россия	378,0	370,7	394,0	422,0	414,1	424,6	416,2
Индия	24,2	27,2	35,7	40,1	61,9	61,1	54,6
Китай	21,7	29,2	46,8	70,5	106,9	130,5	143,8
Южная Африка	1,0	1,0	3,1	3,5	3,9	3,9	3,8
БРИКС, всего	430,5	438,7	499,2	557,3	613,6	646,8	647,6
Мир, всего	2249,7	2509,0	2768,9	2932,1	3176,3	3232,4	3314,4
Доля БРИКС, %	**19,1**	**17,5**	**18,0**	**19,0**	**19,3**	**20,0**	**19,5**
	Чистый импорт						
Бразилия	0,0	2,3	8,7	10,0	12,4	10,0	11,8
Россия	–192,0	–184,3	–186,1	–170,0	–174,9	–182,4	–176,1
Индия	0,0	0,0	6,1	10,0	11,1	15,0	14,4
Китай	0,1	1,3	–2,5	11,9	12,1	27,8	36,6
Южная Африка	–0,6	–1,0	1,2	1,9	2,3	2,5	2,4

Источник: World Mineral Production. British Geological Survey. 2000–2004; BP Statistical Review of World Energy. June 2013.

Примечания

[1] Доклад о торговле и развитии 2013 год. Обзор ЮНКТАД. Женева, 2013.

[2] Energy Statistical Yearbook. UN. 2010.

[3] Более высокий темп прироста потребления нефти в Индии по сравнению с Китаем может, помимо прочего, объясняться более низкой расчетной базой в Индии.

[4] О'Нил Дж. Карта роста: Будущее стран БРИК и других развивающихся рынков. М., 2013. С. 129, 163.

[5] Рассчитано по таблице 2.

Научное издание

Восточная аналитика
Ежегодник 2013
Сценарии и тренды развития стран Востока

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Корректоры Л. В. Хохлова, М. Я. Колесник
Макет, внешнее оформление А.В. Ельцевой

Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 22. Уч-изд. л. 19,5.
Тираж 200 экз. Подписано в печать 14.04.2014. Заказ №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО типографии
«Издательство МБА»
119361, Озерная, д. 46
(495) 781-86-28, (495) 625-38-13